XX ВЕК
ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Владимир Чиков

НЕЛЕГАЛЫ

ДОСЬЕ КГБ №13676

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История создания советской атомной бомбы полвека оставалась одним из самых загадочных и драматических событий, рождавших различные мифы. Одни превозносили заслуги внешней разведки, добывшей все, что можно выкрасть из Лос-Аламосской лаборатории, святая святых американского проекта, другие отстаивали полную самостоятельность наших ученых. В чем же истина, читатели узнают, прочитав повесть «Нелегалы», написанную профессиональным контрразведчиком Владимиром Чиковым. Автор строго следует фактам и документам впервые рассекреченного досье КГБ СССР № 13676 под названием «Энормоз», в котором собраны материалы под грифами «Совершенно секретно», «Хранить вечно», «При опасности — сжечь».

- Владимир Чиков
  - От автора
  - Бомба в ридикюле
  - Из воспоминаний Леонтины Коэн
  - Из воспоминаний Морриса Коэна
  - Из воспоминаний Леонтины Коэн
  - Из воспоминаний Морриса Коэна
  - Из комментария Луиса, приобщенного к письменному отчету о вербовочной беседе с Филдингом
  - Из воспоминаний Морриса и Леонтины Коэн
  - Из воспоминаний Леонтины Коэн
  - Приложения
    -
    - Приложение № 1
    - Приложение № 2
    - Приложение № 3
    - Приложение № 4
    - Приложение № 5
    - Приложение № 6
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

Сделано для библиотеки
LIBRUSEC
Сделано для библиотеки

Владимир Чиков
Нелегалы. Часть 1
Операция «Enormous»

От автора

Раньше не позволялось даже упоминать фамилий агента-нелегала или разведчика-нелегала, не говоря уже о публикациях о них в открытой печати. Их имена, казалось, были обречены на вечное забвение. Ничего не поделаешь: конспирация — непременное условие деятельности разведок всех стран, а нелегальной — в особенности. Нелегал не должен проявлять чрезмерной активности, ибо любая оплошность может обернуться бедой. Нелегал всегда одинок и рассчитывать должен только на себя во всех ситуациях. Его поведение не должно вызывать подозрений не только у сотрудников спецслужб, но даже и у случайных лиц. Если агент-нелегал или разведчик-нелегал грубо проверяется, то у контрразведки появляется стимул следить за ними изобретательнее и конспиративнее, что может только усложнить их жизнь.

Разведчики-нелегалы — люди необычайной судьбы. Такими их делает специфика работы вдали от Родины, тайная жизнь под чужими именами и с фиктивными документами. Такая жизнь длилась порой десятки лет, а известность приходила лишь к некоторым из них, да и то порой после смерти.

Но еще тяжелее складывалась судьба тех, кто был завербован советской разведкой. Перейдя на нелегальное положение, эти люди вынуждены были бороться на своей земле, жить среди своих сограждан, скрывая от них свои мысли и убеждения. Они все время рисковали вызвать к себе презрение и ненависть даже самых близких людей. К таким агентам-нелегалам относятся герои моей книги, бывшие граждане США Моррис и Леонтина Коэн. Тайна о них и их деятельности оберегалась очень тщательно. Даже после разоблачения очень немногое стало известно о них. По свидетельству бывшего заместителя директора ЦРУ Реймонда Клайна, «американская разведка не располагала какими-либо данными о супругах Коэн. Я слышал о них в 50-х годах, но не знал, что они работали в области атомного шпионажа. Фактически у нас, в Америке, до сих пор остается неясным, что на самом деле им удалось совершить. Только гораздо позднее мы поняли, что роль, которую сыграли Коэны, была очень значительна. Но мы об этом, увы, не подозревали долгие годы…».

Впервые я услышал о Коэнах в 1989 году. Справедливо возникает вопрос: как я получил доступ к совершенно секретным материалам из архивов внешней разведки, которые использованы при подготовке к публикации этой книги? Не погрешу против

истины, если скажу, что шесть-семь лет назад это трудно было себе представить. Но настал момент, и руководство бывшего Комитета государственной безопасности, внимательно взвесив все «за» и «против», разрешило мне ознакомиться с делом № 13 676, в котором были заключены наисекретнейшие сведения о деятельности разведки по добыванию особо ценной информации, связанной с созданием первой в мире атомной бомбы в Соединенных Штатах Америки. По этому делу, в котором под грифом «совершенно секретно» — «хранить вечно» сосредоточено 17 томов и в каждом по триста с лишним страниц, и проходят американцы Коэны. Кроме этого, я использовал закрытые страницы публикации Краснознаменного института имени Ю. В. Андропова и некоторые документы из архивных папок разведчиков-«атомщиков», а также данные, полученные мною из бесед с самими разведчиками, в том числе с Моррисом и Леонтиной Коэн (когда я начинал работу над рукописью, они были еще живы). Должен заметить, что все лица, упоминаемые в книге, — это не выдуманные люди. Некоторые из них живы и по сей день. Я позволил себе дать вымышленные клички лишь двум агентам-«атомщикам» из числа американских ученых, чтобы их по вполне понятным причинам нельзя было расшифровать. Все остальное, описанное в книге, — и события, и чекистские операции, раскрытие которых раньше было не только невозможно, но и грозило привлечением к ответственности, — все это действительно имело место.

И коли речь в моей повести идет о подлинных событиях и умело проведенных разведывательных операциях в США и Великобритании, то они, надеюсь, подтвердят общеизвестную аксиому, что правда всегда необычнее вымысла, что она вполне может быть не менее захватывающей.

А посему я выражаю глубокую признательность за оказанную мне помощь бывшим руководителям нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР генералам В. Г. Павлову и Ю. И. Дроздову, а также высококлассным профессионалам легальной разведки В. Б. Барковскому, Л. Р. Квасникову, А. А. Яцкову, Ю. С. Соколову, А. С. Феклисову и многим сотрудникам управления «С», которых, по понятным причинам, не могу здесь назвать. Среди тех, кто поддерживал меня в работе над этой книгой и проявил ко мне необычайное внимание, есть и настолько близкие мне люди, что их даже как-то неловко благодарить. Это бывший разведчик Игорь Прелин и ученый-физик, бывший заместитель руководителя советского атомного проекта И. В. Курчатова профессор Игорь Головин. Без них «атомная бомба» и в моей рукописи никогда бы, наверное, не «взорвалась».

Бомба в ридикюле

На девяносто шестой день войны шеф НКВД Лаврентий Берия получил под грифом «особой важности» телеграмму из лондонской резидентуры. В шифровке сообщалось, что советская разведка добыла суперсекретные сведения о начале разработки в Англии мощного боеприпаса, обладающего колоссальной разрушительной силой. Сообщалось также, что научные исследования ведутся на базе химического элемента «уран-235», что англичане торопятся — их подгоняет постоянный страх перед гитлеровской Германией, которая может первой в мире изготовить подобного рода оружие и с его помощью одержать победу во второй мировой войне.

На следующий день Берия выехал в Кремль, чтобы доложить об этом Сталину. Выслушав его, Сталин медленно поднял руку, затем порывисто опустил ее и сказал:

— Я не верю, что с помощью какого-то одного химического элемента, который никто и в глаза не видел, можно выиграть войну… А не кажется ли тебе, Лаврентий, все это чистой дезинформацией?.. По-моему, нас хотят умышленно отвлечь от разработок новых видов вооружения, расбалансировать нашу экономику и перевести ее с военных рельсов на другое направление…

Сталин долго молчал, раскуривая трубку: он вспомнил вдруг, как однажды, в начале войны, к нему поступило письмо, в котором высказывалась мысль о возможности создания атомных бомб, обладающих чрезвычайной мощностью. Но Сталин, как и большинство других лиц, стоявших у власти, не мог осознать и предвидеть значения этого открытия для судеб мира, поскольку само выражение «ядерное деление» мало что говорило ему. И все же это письмо, убежденность его автора, что «надо, не теряя времени, делать урановую бомбу», заставили вождя задуматься. Однако, продолжая считать, что в условиях, когда Советская Армия терпит поражение за поражением, главной задачей должно являться обеспечение фронта снарядами, самолетами и танками, Сталин свел разговор о разведданных из Англии к лаконичному замечанию:

— Я хотел бы знать, Лаврентий, допускают ли законы природы взрыв такой силы, который приравнивался бы к нескольким тысячам тонн тротила?.. Кстати, передайте материалы разведки на экспертизу нашим ученым… И поинтересуйтесь у них, что они наработали по этому вопросу?

Берия в то время мало что знал о научных изысканиях по

урану и практическому овладению ядерной энергией, хотя исследования советских физиков в этой области были уже тогда на высоком мировом уровне. Александр Лейпунский, подобно Энрико Ферми, еще в 1939 году предсказал возможность ядерной цепной реакции, а Георгий Флеров и Лев Русинов, подобно Лео Сциларду и Вальтеру Зинну, доказали, что каждое разделившееся ядро урана испускает от двух до четырех новых нейронов.

Задолго до полученной разведкой информации из Лондона, о которой Берия докладывал Сталину, сотрудники Института химической физики Яков Зельдович и Юлий Харитон провели расчеты цепных реакций и определили порядок критической массы урана-235 величиной до десяти килограммов, а в качестве заменителей нейтронов предлагалось использовать «тяжелую воду» и углерод. Ими же в предвоенные годы были выяснены условия возникновения ядерного взрыва летом 1939 года на семинаре в Физико-техническом институте, который возглавлял академик А. Ф. Иоффе. В организованной им же лаборатории ядерной физики Георгием Флеровым и Константином Петржаком было зарегистрировано в 1940 году спонтанное, без облучения нейтронами, деление тяжелых ядер урана.

В том же году молодые харьковские ученые Владимир Шпинель, Виктор Маслов и Фриц Ланге подали в отдел изобретений Наркомата обороны СССР заявку на атомный боеприпас, взрыв которого основывался на использовании урана-235 при сверх-критической массе последнего. Тогда же директор Института химической физики академик Николай Семенов подготовил письмо об ускорении работ по созданию атомной бомбы и с нарочным Федором Дубовицким (ныне член-корреспондент Российской академии наук) отправил его в Наркомат нефтяной промышленности.

Но — увы! Как и в Наркомате обороны, там не сложилось общего мнения, что бомбу можно и нужно делать.

Потом началась война, и ведущие научные центры, в которых проводились исследования по урану, были эвакуированы в Казань, Челябинск, Алма-Ату и другие города, а сами ученые — одни были призваны на фронт, другие мобилизованы в военные КБ и НИИ, третьи занялись вообще далекими от физики научными проблемами. Один только Флеров продолжал с фронта бомбардировать ГКО, правительство, Академию наук, Радиевый и Физико-технический институты письмами и телеграммами, доказывая, что теперь, когда Германия вступила в войну с Советским Союзом, нужно срочно разворачивать работы по ядерному оружию. Не возникало сомнений в жизненной необходимости для СССР располагать таким оружием и у

Зельдовича с Харитоном: днем они занимались плановыми темами, а по вечерам и ночам с увлечением работали над расчетами атомной бомбы, не догадываясь, что ученые других стран тоже занимались этим.

…Вернувшись из Кремля на Лубянку, Берия по телефону запросил у начальника внешней разведки Павла Михайловича Фитина все материалы по урановой проблеме, которыми располагает I Управление НКВД. При этом он поинтересовался, как была получена информация из Лондона, — по заданию Центра или нет?

— По соображениям конспирации разрешите мне, Лаврентий Павлович, доложить вам об этом лично, — отозвался Фитин.

— Хорошо, я жду вас через пятнадцать минут со всеми материалами.

Фитин взял желтую папку, в которой находились особо секретные донесения разведки НКВД и ГРУ[1] Генштаба РККА, проверил ее содержимое и решил еще раз пробежать глазами все документы. Начал он с телеграммы-задания, которое было с его санкции подготовлено, подписано и разослано год назад начальником научно-технической разведки Леонидом Романовичем Квасниковым в резидентуры Англии, Франции, Германии и США. До того как стать разведчиком, Квасников был аспирантом Института химического машиностроения и зарекомендовал себя перспективным научным сотрудником. Он мог бы быть крупным ученым, однако защитить диссертацию не успел — в 1938 году его мобилизовали в разведку. Работая в ней, он продолжал проявлять живейший интерес ко всем техническим открытиям, внимательно следил за научными публикациями в зарубежных журналах. В 1940 году, когда в Европе уже шла война, он заметил, что со страниц западных научно-технических изданий, как по команде, исчезли статьи ученых по урановой проблеме. Квасников решил, что исследования по урану засекретили по военным соображениям. Исходя из этого, он предложил руководству разведки срочно направить в ряд стран указания о выявлении научных центров, в которых ведутся работы по урану. В резидентуры США, Франции, Англии и Германии были незамедлительно посланы шифровки. В них, в частности, говорилось: «…просим выявить научные центры, где велись и могут вестись исследования по урану, и обеспечить получение оттуда информации о практических работах…»

В той же желтой папке находились еще два важных и неопровержимых документа, свидетельствовавших об исследованиях на Западе, связанных с созданием атомной бомбы. Один был представлен в НКВД военной разведкой Генштаба в

виде копии радиограммы, присланной руководителем разведгруппы в Швейцарии Шандором Радо и сообщавшей о том, что в Германии давно и активно ведутся ядерные исследования, что возглавляются они известными немецкими учеными Отто Ганом и Вернером Гейзенбергом. Другим документом являлась справка, составленная на основе шифротелеграммы, поступившей из Лондона.

Когда Берия ознакомился с первым документом папки — шифровкой, подписанной Квасниковым, — то сердито вскинул взгляд на Фитина и с плохо скрываемой злостью изрек:

— Тоже мне… нашелся ясновидящий на мою голову… Бумагомарака несчастный… А почему вы позволяете ему подписывать такие документы?! Был бы он вашим замом — другое дело!..

Фитин промолчал: он понял реакцию наркома на фамилию начальника НТР.[2] Дело в том, что Квасников сам рассказывал ему, почему он находится под подозрением у злопамятного Берии. Произошло это в 1940 году, когда коричневая чума фашизма расползлась по всей Европе. Массы людей, спасаясь от гитлеровцев, устремились в другие страны, в том числе в СССР. Для урегулирования вопроса о беженцах в Москве была создана советско-германская Контрольнопропускная комиссия. В нее входили представители многих наркоматов, от НКВД — только Квасников. В выданном ему НКИДом СССР удостоверении указывалось: «…пользуется правом неприкосновенности при многократном переходе советско-германской границы и всеми прочими дипломатическими преимуществами при обмене беженцев в специально предназначенных для этого пунктах». Чаще всего Квасникова направляли в захваченную немцами Польшу, где жило много советских граждан. Однажды к нему обратился неизвестный, который тоже оформлялся на выезд в СССР, и сообщил, что с ним хотел бы встретиться представитель грузинского каталикоса Георгий Перадзе. Квасников, заинтригованный этим предложением как разведчик, дал согласие. Неизвестный назвал дату, время и место встречи. Однако встретиться в назначенный день оказалось не так-то просто: машину Квасникова постоянно сопровождало гестапо, и ему пришлось попросить не посвященного в его планы водителя оторваться от сопровождавшего их «хорха». Когда гестапо на какое-то время потеряло их из виду, водитель высадил Квасникова на многолюдной остановке.

Добравшись до обусловленного места и увидев одиноко стоявшего высокого, крепкого телосложения, аккуратно выбритого мужчину, Квасников подумал, что никакой это не

священник, а скорее всего его коллега, непонятно только, из какой спецслужбы. «Не подстава ли это?» — мелькнуло в его голове.

— Георгий Перадзе, — представился незнакомец, крепко пожимая руку Квасникова и улыбаясь ему широкой улыбкой. — У меня к вам большая просьба: передайте вашему наркому Лаврентию Павловичу привет…

— Извините, но вы меня с кем-то спутали, — перебил его Квасников. — Мой шеф Вячеслав Михайлович Молотов. — Вытащив из нагрудного кармана маленькую, бордового цвета книжицу, он протянул ее Перадзе. — Вот мое удостоверение, можете посмотреть. Оно подписано наркомом Молотовым.

— Хорошо, я вам верю, — возвращая Квасникову документ, заметил Перадзе. — И все же вы передайте второму своему шефу от меня привет. Мы в детстве с ним были хорошими друзьями… Скажите, что я от каталикоса.

Вернувшись в Москву, Квасников первым долгом сообщил об этой встрече Фитину. Тот, опасаясь за дальнейшую его судьбу, строго предупредил, чтобы он ничего не говорил наркому о высказываниях Перадзе о его дружбе с ним в детстве и его связях с церковью, считая, что за всем этим скрывается какая-то условность, которая неизвестно чем может для Квасникова обернуться. Он так и поступил: передал Берии лишь привет от Перадзе. Однако коварный нарком заподозрил, что Леонид Романович не договаривает ему что-то, и потому начал прощупывать: не сказал ли ему Перадзе что-нибудь лишнее, не догадался ли Квасников, что тот является его агентом.[3]

..Бот и в этот раз, когда Фитин докладывал оперативные документы по урановой проблеме, Берия не преминул пренебрежительно отозваться о Квасникове, чтобы снова «потоптать» его, унизить в глазах начальника разведки. Но видя, что Фитин упорно молчит, Берия взял из папки другой документ и начал его читать:

Сов. секретно

Справка

на № 6881/1065 от 25.IX.41 г. из Лондона

Вадим[4] передает сообщение Гомера[5] о состоявшемся 16.IX.41 г. совещании Комитета по урану.[6] Председателем совещания был «Босс».[7]

На совещании сообщено следующее.

Урановая бомба вполне может быть разработана в

течение двух лет, в особенности если фирму «Империал кемикал индастрис»[8] обяжут сделать ее в наиболее сокращенные сроки.

Представитель Вульвичского арсенала Фергюссон заявил, что запал бомбы может быть сконструирован в течение нескольких месяцев (…).

До последнего времени расчет критической массы производился только теоретически, т. к. не было данных о размере поперечного сечения ядра урана-235. Но в связи с вопросом о быстрых нейтронах имеются доказательства того, что сечение ядра урана-235 и обычного урана отличаются ненамного. Предполагается, что к декабрю будут произведены необходимые измерения.

В ближайшее время намечается проведение опытов по достижению наибольшей эффективности взрыва определением плотности нейтронов в промежутке между соседними массами урана-235.

Три месяца тому назад фирме «Метропилитен виккерс» был выдан заказ на конструирование 20-ступенчатого аппарата, но разрешение на это было дано только недавно. Намечается обеспечение выполнения этого заказа в порядке 1-й очереди.

Фирма «Империал кемикал индастрис» имеет договор на получение гексафторурана, но производство его фирма еще не начала. Не так давно в США был выдан патент на более простой процесс производства с использованием нитрата урана.

На совещании было сообщено, что сведения о лучшем типе диффузионных мембран можно получить в США.

Комитетом Начальников Штабов на своем совещании, состоявшемся 20.IX.41 г., было вынесено решение о немедленном начале строительства в Англии завода — изготовителя урановых бомб.

Вадим просит оценку материалов Гомера по урану.

Верно: Потапова.[9]

Прочитав справку, Берия спросил:

— И вы верите этому?

— Да, верю. Гомер — надежный и преданный нам агент…

— Я не об этом, — прервал Фитина Берия. — Я веду речь о достоверности информации. Эта атомная бомба — журавль в небе… А что, если из этой затеи у англичан ничего не выйдет?..

Кстати, где он — этот доклад? Почему вы его мне не показали?

— За ним, Лаврентий Павлович, надо посылать специального курьера. Направлять его по другим каналам очень рискованно…

— Ну так в чем же проблема? Готовьте человека и посылайте.

— У нас некого туда послать — людей в разведке не хватает.

— Тогда пусть Горский договорится с Майским и отправит материалы дипломатической почтой…

— Хорошо, мы подумаем.

— А как обстоят дела с ядерными исследованиями в той же Германии?

— Информации оттуда нет никакой. **С** началом военных действий мы ликвидировали резидентуру, а нелегалы не имеют доступа к научным исследованиям. Но, как рассказывал Квасников — а он давно уже отслеживает все эти вопросы, — немцев сбрасывать со счетов никак нельзя. Один их дуэт — Отто Ган и Фриц Штрассман — чего стоит! Их открытие в тридцать восьмом году по расщеплению ядра породило исследовательский бум во всем мире.

— Но только не в Америке. Оттуда у нас нет никакой информации. Это лишний раз доказывает, что англичане проталкивают нам свою «дезу», — сердито сверкнув стекляшками пенсне, заключил Берия.

— Нет, почему же, — спокойно возразил Фитин. — Мы уже располагаем кое-какой информацией. Правда, это пока устное сообщение…

— От кого именно?

— От возвратившегося недавно из Нью-Йорка Овакимяна.

— И что он сообщил? — торопил Фитина Берия, который не переваривал его спокойную, рассудительную манеру вести беседу.

— По данным Овакимяна, вернее, его агента из научной среды, еще два года назад Теллер и Сцилард уговорили Эйнштейна подписать подготовленное ими письмо Рузвельту. В письме теоретически доказывалась возможность создания атомной бомбы и разъяснялась ее особая опасность, окажись она в руках Гитлера. Высказывалась также просьба оказать финансовую поддержку экспериментальным работам, без проведения которых немыслимо перевести программу по урану на практические рельсы. Передать это письмо президенту взялся его личный друг и неофициальный советник Сакс. Хозяин Белого дома был потрясен этим письмом. Сакс убедил Рузвельта поддержать теоретические исследования, и в результате в конце того же 1939 года в США был учрежден правительственный Консультативный совет по урану.

— И что у них из этого получилось? Прошло-то уже два года, а они все теоретизируют? И, очевидно, тоже, как англичане, планируют подбросить нам свои фантастические идейки, чтобы втянуть нашу страну в громадные затраты… Нет, Павел Михайлович, мы на это не пойдем! Пусть лучше наши ученые сидят в шарашках[10] и творят там все необходимое для фронта, во имя нашей общей победы. Правильно сказал сегодня товарищ Сталин: данные разведки — это пока сплошная «деза»! Папку с разведданными я оставляю у себя, а вы можете быть свободны.

Получив указания Сталина о проведении научной экспертизы материалов разведки, Берия распорядился направить их во все институты, где велись до начала войны исследования по урану. Положение ученых, которых чекисты разыскали на только в Москве, но и тех из них, кто был эвакуирован в Казань, Алма-Ату, Свердловск, Челябинск и Куйбышев, нетрудно представить: ошибка в экспертизе грозила им смертным приговором. И они выносили обтекаемые письменные заключения:

> «Создание урановой бомбы если и возможно, то в далеком будущем…»
>
> «…Возможность получения желаемого результата является весьма сомнительной…»
>
> «…Предложения об использовании урана в качестве взрывчатого вещества являются преждевременными…»
>
> «…Теоретически созданы условия, при которых произойдет цепная реакция взрывного типа, но разработать атомную бомбу можно лишь через пятнадцать — двадцать лет…»

А вот какое заключение на заявку харьковских ученых В. Шпинеля и В. Маслова на изобретение ядерного боеприпаса «откопали» тогда энкавэдэшники в Наркомате обороны. Это заключение было направлено из Радиевого института Академии наук СССР за подписью его директора академика В. Г. Хлопина:

«В настоящее время реакция распада урана экспериментально нигде еще не осуществлена, а лишь принципиально установлена возможность осуществления подобного рода цепной реакции. Практическое использование этой энергии является более или менее отдаленной целью, к которой должны стремиться ученые…»

Косный, чрезмерно подозрительный Берия, чтобы утвердиться в каком-то определенном мнении, решил встретиться с самым авторитетным ученым страны, академиком А. Ф. Иоффе. Тот сказал, что в ближайшее десятилетие создать атомное оружие не представляется возможным. Лишь после этого нарком решил

поехать на ближнюю дачу Сталина в Кунцеве.

— Вы были правы, товарищ Сталин, когда говорили о сомнительных данных разведки из Англии, — как всегда, с похвалы вождя начал Берия. — Скорее всего, это действительно была дезинформация англичан с целью вовлечения нас в неперспективное дело…

— А что по этому поводу говорят ученые?..

— Наши ученые, товарищ Сталин, как вы знаете, в связи с войной временно прекратили теоретические исследования по урану. А что касается его применения в военных целях, то они считают, что все это пока не больше чем идея. Чтобы доказать ее осуществимость, потребуется не один десяток лет. И вообще их вывод таков: атомное оружие — это гипотетическое оружие, оно может быть, а может и не быть…

Сталин долго молчал, потом медленно заговорил:

— Да, Лаврентий, сейчас нам не до создания какой-то там супербомбы. Рискованно разбазаривать людские резервы, финансовые средства, научную технику… Но ты следи, что делают в этом плане наши союзники. И меня держи в курсе этих атомных дел…

Тем временем в лондонской резидентуре днями и ночами корпел над сложным техническим переводом семидесятистраничной копии доклада «Мауд Коммитти»[11] молодой разведчик Джерри.[12]

— Ты же инженер, должен понимать, что к чему, — подначивал своего помощника резидент.

— Тут не инженер нужен, а физик, — оправдывался Джерри.

Для него, неспециалиста по атомным делам, многие термины доклада, предназначенного для Уинстона Черчилля, были незнакомы и непонятны. Но делать нечего, и вчерашний выпускник Московского станкостроительного института (в Лондон он приехал всего год назад), закрывшись в кабинете и обложившись словарями и английскими учебниками по физике, вынужден был долгими часами заниматься самообразованием, вникать в суть ядерной проблемы и составлять для себя подсобный самодельный словарик специальных научных терминов.

Закончив перевод, Барковский, по поручению Горского, составил обзорную справку-телеграмму для Москвы:

> Москва. Центр. Виктору.
> Совершенно секретно.
>
> Сообщаем, что в двух объемистых разделах «Мауд Коммитти» говорится о реальном производстве плутония с помощью реактора.

Доклад включает в себя оценку величины поперечного сечения уранового ядра, чертежи и стоимость опытного завода по разделению изотопов диффузионным методом, разработанным профессором Симоном.[13]

Во второй части доклада представлена смета потребности в электроэнергии и финансах, ориентировочные размеры бомбы, сила взрыва и число возможных жертв. Указывается также, что помимо огромного разрушительного эффекта воздух на месте взрыва будет насыщен радиоактивными частицами, способными умерщвлять все живое.

Данные доклада свидетельствуют о том, что Остров[14] практически готов уже приступить к разработке конструкции и производству урановой бомбы, если будут оперативно изысканы на это соответствующие средства. Однако Остров в связи с ведением войны испытывает в настоящий момент финансовые затруднения и потому обратился к Везувию[15] с предложением о кооперировании дальнейших работ по Горгоне[16] и об обмене информацией. Президент Везувия одобрил предложения Острова и направил его руководителю личное послание, содержание которого нам пока неизвестно.

Саму копию доклада ввиду ее большой значимости и ценности считаем целесообразным направить через курьера. Дату его выезда и условия связи просим сообщить.

Примечание: островитяне обеспокоены тем, что если станет известно о «Тьюб Эллойз» немецкой разведке, то Гольфстрим[17] может подвергнуться сильной бомбардировке и разрушению.

Вадим.

Подписной № 3436/18.

Ответная телеграмма ушла в Англию через две недели:

Вадиму.
Совершенно секретно.

Направляем в качестве курьера Крешина Бориса Михайловича. Встреча в районе Майда Вейл в ранее обусловленном месте 2 октября в 17 часов.

Пароль для связи: «Вам водитель на машину нужен?»

Отзыв: «Нет, водитель нам не нужен, я умею сам водить машину».

Виктор.

Когда Крешин прибыл в Англию, Вадим распорядился по-своему:

Крешин остается для работы в секции в связи с нехваткой кадров. Доклад «Мауд Коммитти» отправлен диппочтой.

Вадим 9.X.41 г.

Прочитав шифровку, Фитин с улыбкой покачал головой: «Обхитрил нас все же Горский, увел хорошего работника. Что ж, наверное, и я бы на его месте так поступил, коль в резидентуре осталось всего три человека. А с другой стороны, он же тоже должен понимать, что разведка после недавних репрессий значительно ослаблена. Ну да ладно, Бог с ним!» — махнул он рукой.

Вскоре из Лондона поступила еще одна шифротелеграмма:

Москва. Центр. Виктору.
Срочно. Совершенно секретно.

По имеющимся достоверным данным, в Германии, в Институте кайзера Вильгельма под руководством Отто Гана и Гейзенберга разрабатывается сверхсекретное смертоносное оружие. По утверждениям высокопоставленных генералов вермахта, оно должно гарантировать рейху молниеносную победу в войне. В качестве исходного материала для исследований используются уран и тяжелая вода, производство которой налажено в норвежском городе Рьюкане на заводе «Норск гидро». Мощность завода планируется увеличить до десяти тысяч фунтов в год. Кроме того, немцы заполучили в оккупированной Бельгии половину мирового запаса урана. Всем этим очень встревожено правительство Острова, оно опасается, что Германии удастся раньше, чем союзникам, получить горгону и что в этом случае победная война для Гитлера завершится за каких-нибудь несколько недель.

Вадим 14.X.41 г.

На другой день Фитину принесли в кабинет толстый пакет с

пометкой «Вскрыть лично» с грифом «сов. секретно» — «ОВ» (особой важности). Это был доклад «Мауд Коммитти», отправленный из Англии дипломатической почтой. В течение двух часов он знакомился с содержимым пакета, пытаясь понять, что к чему, но, так и не разобравшись до конца, пригласил к себе Квасникова.

— Леонид Романович, наконец-то поступили от Горского материалы по урановой проблеме. Те самые, которые докладывались, как тут сказано, вначале министру авиационной промышленности Муру Брабазону, а затем самому Черчиллю. Для меня вся эта физическая «заумь» — темный лес. Поэтому прошу вас ознакомиться со всем этим и подготовить странички на две-три проект записки в инстанцию. Но так, чтобы можно было понять, что к чему.

Досконально изучив доклад «Мауд Коммитти», Кваснико» написал проект записки:

Сов. секретно.
Экз. № 1

Государственный Комитет Обороны Союза ССР
товарищу Сталину

В ряде капиталистических стран в связи с проводимыми работами по расщеплению атомного ядра с целью получения нового источника энергии было начато изучение вопроса использования атомной энергии урана для военных целей.

В 1939 году во Франции, Англии, США и Германии развернулась интенсивная научно-исследовательская работа по разработке метода применения урана для новых взрывчатых веществ. Эти работы ведутся в условиях большой секретности.

Из прилагаемых совершенно секретных материалов, полученных НКВД СССР в Англии агентурным путем, характеризующих деятельность Уранового Комитета по вопросу атомной энергии урана, видно, что:

а) Английский Военный Кабинет, учитывая возможность успешного разрешения этой задачи Германией, уделяет большое внимание проблеме использования атомной энергии урана для военных целей.

б) Урановый Комитет Военного Кабинета, возглавляемый известным английским физиком Г. П. Томпсоном, координирует работу видных английских ученых, занимающихся вопросом использования атомной энергии урана как в отношении теоретической,

экспериментальной разработки, так и чисто прикладной, т. е. изготовления урановых бомб, обладающих большой разрушительной силой.

в) Эти исследования основаны на использовании одного из изотопов урана-235, обладающего свойством эффективного расщепления. Для этого используется урановая руда, наиболее значительные запасы которой имеются в Канаде, в Бельгийском Конго, в Судетах и Португалии.

г) Французские ученые Хальбан и Ковар-ский, эмигрировавшие в Англию, разработали метод выделения изотопа урана-235 путем применения окиси урана, обрабатываемого тяжелой водой.

Английские ученые, профессор Пайерлс и доктор физических наук Байе, разработали способ выделения реактивного изотопа урана-235 при помощи диффузирующего аппарата, спроектированного доктором Симон (…).

д) В основании производственного метода выделения урана-235 помимо ряда научно-исследовательских учреждений Англии непосредственное участие принимают Вульвичский арсенал, а также фирмы «Метро-Виккерс», химический концерн «Империал кемикал индастрис». Этот концерн дает следующую оценку состояния разработки метода получения урана-235 и производства урановых бомб:

«Научно-исследовательские работы по использованию атомной энергии для урановых бомб достигли стадии, когда необходимо начать работы в широком масштабе. Эта проблема может быть разрешена, и необходимый завод может быть построен».

е) Урановый Комитет добивается кооперирования с соответствующими научно-исследовательскими организациями и фирмами США (фирма «Дюпон»), ограничиваясь лишь теоретическими вопросами.

Прикладная сторона разработки основывается на следующих главных положениях, подтвержденных теоретическими расчетами и экспериментальными работами, а именно: Профессор Бирмингемского университета Р. Пайерлс определил теоретическим путем, что вес 10 кг урана-235 является критической величиной. Количество этого вещества меньше критического устойчиво и совершенно безопасно, в то время как в массе урана-235 большей 10 кг возникает

прогрессирующая реакция расщепления, вызывающая колоссальной силы взрыв.

При проектировании бомб активная часть должна состоять из двух равных половин, в своей сумме превышающих критическую величину. Для производства максимальной силы взрыва этих частей урана-235, по данным профессора Фергюссона из научно-исследовательского отдела Вульвичского арсенала, скорость перемещения масс должна лежать в пределах 6000 футов/секунду. При уменьшении этой скорости происходит затухание цепной реакции расщепления атомов урана, и сила взрыва значительно уменьшается, но все же во много раз превышает силу взрыва обычного ВВ.

Профессор Тейлор подсчитал, что разрушительное действие 10 кг урана-235 будет соответствовать 1600 тонн TNT.[18]

Вся сложность производства урановых бомб заключается в трудности отделения активной части урана-235 от других изотопов, изготовлении оболочки бомбы, предотвращающей распадение, и получении необходимой скорости перемещения масс.

По данным концерна «Империал кемикал индастрис», для отделения изотопа урана-235 потребуется 1900 аппаратов системы доктора Симона стоимостью в 3 300 000 фунтов стерлингов, а стоимость всего предприятия выразится суммой в 4,5–5 миллионов фунтов.

При производстве таким заводом 36 бомб в год стоимость одной бомбы будет равна 236 000 фунтов стерлингов по сравнению со стоимостью 1500 тонн TNT в 326 000 фунтов стерлингов.

Изучение материалов по разработке проблемы урана для военных целей в Англии приводит к следующим выводам:

1. Верховное Военное командование Англии считает принципиально решенным вопрос практического использования атомной энергии урана для военных целей.

2. Урановый Комитет Английского Военного Кабинета разработал предварительную теоретическую часть для проектирования и постройки завода по изготовлению урановых бомб.

3. Усилия и возможности наиболее крупных научно-

исследовательских организаций и крупных фирм Англии объединены и направлены на разработку проблемы урана-235, которая особо засекречена.

4. Английский Военный Кабинет занимается вопросом принципиального решения об организации производства урановых бомб.

Исходя из важности и актуальности проблемы практического применения атомной энергии урана-235 для военных целей Советского Союза было бы целесообразно:

1. Проработать вопрос о создании научно-совещательного органа при Государственном Комитете Обороны СССР из авторитетных лиц для координирования, изучения и направления работ всех ученых, научно-исследовательских организаций СССР, занимающихся вопросом атомной энергии урана.

2. Обеспечить секретное ознакомление с материалами НКВД СССР по урану видных специалистов с целью дачи оценки и соответствующего использования.

Примечание.

Вопросами расщепления атомного ядра в СССР занимались академик Капица[19] — в Академии наук СССР, академик Скобельцин — Ленинградский физический институт и профессор Слуцкин[20] — Харьковский физико-технический институт.

Народный Комиссар внутренних дел Союза ССР

Л. БЕРИЯ.

Однако и этот документ Берия не подписал, положил под сукно вместе с папкой, в которой был доклад «Мауд Коммитти».

— Почему мы должны верить этим англичанам?! — возмущенно начал нарком, глядя на Фитина. — У нас же нет никаких подтверждающих материалов! Почему нет ничего, например, из резидентур Нью-Йорка и Вашингтона? Или из той же Канады? Если там тоже ведутся аналогичные исследования, то почему не идет информация оттуда? Где же ваш этот… «ясновидящий» Квасников? Если он затерял атомный след, так накажите его в конце концов! Я попрошу вас, Павел Михайлович, направить в загран-точки телеграммы с напоминанием о прежнем задании. А может, их там и некому получать? Ответьте, почему у нас до сего времени нет резидентов в Нью-Йорке и Вашингтоне? Это же наши главные разведточки, и почему-то именно они работают без руководителей!

— Извините, Лаврентий Павлович, мы не успели доложить вам. В конце октября в Штаты отбывает Василий Михайлович Зарубин. Он будет совмещать должность резидента в обоих городах.

— Но это, я вам скажу, тоже не лучший вариант. Записку товарищу Сталину я не буду подписывать до тех пор, пока вы не получите подтверждающие данные об атомных исследованиях в Америке… Передайте Зарубину, что перед отъездом в Нью-Йорк его может принять товарищ Сталин. Вождя очень интересует, как поведут себя Штаты в тяжело сложившейся для Москвы и всей страны военной обстановке…

Через несколько дней Председатель Государственного Комитета Обороны действительно принял Зарубина вместе с начальником разведки Фитиным. Сталин был, как всегда, немногословен, сказал, что главные усилия разведки в США необходимо направить на то, чтобы помочь Красной Армии выиграть войну с фашистской Германией, и обозначил перед Зарубиным пять конкретных задач:

• смотреть за тем, чтобы правящие круги США не заключили с Гитлером сепаратный мир и не выступили против Советского Союза;

• добывать сведения о планах Гитлера в войне против СССР, которыми могут располагать американские спецслужбы и Министерство обороны США;

• выяснить секретные цели и планы союзников в этой войне, по возможности попытаться установить, когда они намерены открыть второй фронт в Европе;

• добывать информацию о новейшей военной технике;

• отслеживать и вскрывать тайные планы союзников относительно послевоенного устройства мира.

— Что касается других задач, — заключил Сталин, — то их перед вами поставит руководство НКВД и товарищ Фитин.

В тот же день было срочно подготовлено и разослано в закордонные резидентуры ведущих стран мира указание № 26-с. В его основу были заложены выдвинутые Сталиным при встрече с Зарубиным и Фитиным задачи. После отъезда Зарубина в США из Нью-Йорка пришла шифротелеграмма:

> Москва. Центр. Виктору.
> Совершенно секретно.
>
> Связь с Олтманом установлена. Его псевдоним — Луис.
>
> Работает с ним Твен.[21] Перед Луисом поставлена задача: подобрать группу источников, которые могли бы помочь нам в получении информации по немецкой

колонии и по вопросам, изложенным в последнем указании Центра № 26-с.

В целях выполнения поставленных перед Луисом задач прошу вашей санкции на предоставление ему возможности проведения самостоятельных вербовок.

С характеризующими данными кандидатов на вербовку ознакомлены.

Лука.[22]

Прочитав шифровку, Фитин вызвал Г. Б. Овакимяна и показал ему телеграмму:

— Какое решение будем принимать, Гайк Бадалович?

Ознакомившись с содержанием документа, бывший резидент в Нью-Йорке восторженно заметил:

— С Луисом я знаком. У меня о нем сложилось самое благоприятное впечатление. Это во всех отношениях наш человек. Ему можно верить.

— Одно дело верить и совсем другое вменять ему функции вербовщика. Обычно этим делом занимаются кадровые разведчики…

— Я понимаю. Но в порядке исключения, когда по соображениям конспирации невозможно было подойти к интересующему разведку лицу, мы все же иногда поручали вербовки и нашим надежным агентам из числа иностранцев. Возьмите того же Либерала, Звука или Блерио. Они же завербовали для нас много прекрасных агентов.

Фитин на некоторое время задумался, потом сказал:

— Хорошо, Гайк Бадалович, ваша точка зрения мне ясна. Но чтобы иметь собственное мнение о Луисе и окончательно определиться, может ли он выступать в роли вербовщика, прошу подготовить и доложить мне справку-характеристику на него.

— Ясно, Павел Михайлович. Разрешите идти?

— Да, пожалуйста.

Через четверть часа в кабинет Фитина заглянул Квасников.

— Можно, товарищ генерал?

— Вы по какому вопросу?

— Овакимян сказал, что вы просили доложить данные на Луиса?

— Да, я просил подготовить справку-характеристику!

— Она готова.

— Так быстро? — Фитин жестом пригласил Квасникова к столу.

Тот подал ему тоненькую папку. Фитин раскрыл ее и начал читать:

«Коэн Моррис, тысяча девятьсот десятого года рождения. Американец. Холост. Служащий. Член Компартии США. Привлечен к сотрудничеству в 1938 году на идейной основе…»

Дочитав до конца, Фитин поднял на Квасникова взгляд:

— Должен сказать, документ неплохой получился. Но мне хотелось бы познакомиться и с личным делом Луиса…

Так же оперативно было доложено начальнику разведки и дело № 13 676. Оно начиналось с автобиографии, написанной от руки на английском языке, далее шел отпечатанный на машинке и заверенный неразборчивой подписью перевод текста. Это было короткое эссе, подготовленное самим Луисом:

Мои родители — эмигранты. Мать родом из Вильно, отец из местечка Таращи, что под Киевом. Живут они в Нью-Йорке, в районе Гарлема, на Ист-Сайде. В доме у нас часто собирались выходцы из России и Украины и слушали привезенные с собой пластинки, пели народные песни, по праздникам устраивали балы, на которых танцевали польку и гопак. Но больше всего мне запомнились их рассказы о неведомой мне стране — России. Всякий раз, как только они начинали вспоминать о ней, у меня возникало желание хоть одним глазом увидеть родину моих предков. Это желание с возрастом еще больше укреплялось.

Россия в самом деле была не похожа ни на какую другую страну, она являла собой эталон нового, справедливого общества, и потому многие обращали к ней свои взоры. Да и как было не обращать, если весь Запад впадал в состояние глубочайшей экономической депрессии, а юная Русь набирала обороты, смело приступала к осуществлению геркулесовского плана первой пятилетки. Советский Союз был привлекателен для меня еще и потому, что в нем всем предоставлялась работа, а у нас, в Америке, наоборот, процветала безработица. Поэтому, как и многими другими мыслящими людьми Запада, мною в те годы тоже сильно владели идеи социализма, воплощавшиеся в активном строительстве самого свободного общества.

В 1933 году я вступил в Лигу коммунистической молодежи Иллинойского университета, но вскоре был исключен из него за распространение политических листовок, которые мы печатали по ночам, а расклеивали рано утром. В Нью-Йорк я вернулся членом Компартии США. Экономический кризис в тот период начинал уже спадать, но безработица достигала почти 17 миллионов человек. Трудоустроиться где-либо было практически невозможно, однако товарищи по партии нашли мне временную работу — распространение прогрессивных газет и журналов — за пятнадцать долларов в неделю. Потом устроился наборщиком в типографию, работал слесарем на машиностроительном заводе,

был служащим в одном из отелей Нью-Йорка.

Тридцать шестой год. Это было время митингов и демонстраций в поддержку республиканской Испании. В Америке, как и во всем мире, шла поляризация сил: с одной стороны — силы мира, прогресса и демократии, с другой — приверженцы реакции, угнетения и тирании. Каждому надлежало тогда сделать выбор: на чьей он стороне? У меня иного выбора, чем добровольно встать на защиту Республики, быть не могло: это соответствовало моим политическим убеждениям. На митинге в Мэдисон-сквер-гарден я, не задумываясь, в числе первых подал заявление о вступлении в Интернациональную бригаду имени Авраама Линкольна…

* * *

В конце 1937 года в одном из сражений при Фуэнтес де Эбро политкомиссар из батальона Маккензи-Панино американец Моррис Коэн, числившийся в списках как Израэль Олтман, был ранен в обе ноги и направлен в барселонский госпиталь.

После выздоровления его пригласили в соседнее с госпиталем двухэтажное здание, окруженное со всех сторон высокой каменной стеной. Когда-то это была вилла богатого испанского аристократа из Сарагосы, теперь в ней размещалась разведывательно-диверсионная школа республиканской армии. На контрольнопропускном пункте его встретил высокий, атлетического сложения мужчина с перебитым носом и короткими седыми усами. Он был в оливкового цвета френче без погон и без каких-либо опознавательных нашивок.

По пути в здание разведшколы, располагавшееся в глубине сада, он сообщил Олтману на прекрасном английском языке с легким американским акцентом о том, что у них обучаются представители двенадцати стран, в том числе и США, что он, Олтман, в связи с перенесенным ранением тоже рекомендован командованием Интернациональной бригады имени Авраама Линкольна в эту школу.

— Спасибо, компаньеро… — Олтман запнулся и вопросительно посмотрел на собеседника: — Простите, как мне вас теперь называть?

— Зовите меня просто — Браун…

Примечание. Под этим именем в Испании работал резидент НКВД Александр Михайлович Орлов, официально являвшийся советником по вопросам безопасности при республиканском правительстве. Под этой фамилией он и вошел в историю

советской разведки, хотя ему приходилось быть и Никольским Львом Лазаревичем, и Николаевым Львом Леонидовичем, и Бергом Игорем Константиновичем и, кроме того, использовать многие иностранные имена и фамилии, которые навсегда останутся тайной. А при рождении он был наречен Лейбой Лазаревичем Фельдбингом. Сначала он был на нелегальной работе во Франции, затем в Австрии и Великобритании, в Испании он руководил работой Кима Филби, который был аккредитован при ставке Франко как корреспондент английской газеты «Таймс». Наслышанный о развернувшихся в Союзе массовых репрессиях, в том числе и над сотрудниками разведки, Орлов принял решение не возвращаться в СССР, а если удастся — самостоятельно вести разведработу и продолжать служить своему Отечеству. Вполне обоснованно опасаясь, что в случае нарушения приказа о возвращении в Союз его могут уничтожить, Орлов заранее предусмотрел все необходимое, чтобы вместе с семьей скрыться от террористических групп НКВД, свободно перемещавшихся по Европе.

Предчувствия не обманули Орлова: 9 июля 1938 года в Барселону поступила роковая шифротелеграмма, в которой ему предписывалось прибыть в Антверпен на советский пароход для встречи с представителем Центра. Орлов сразу понял — этот вызов означает только одно: арест. Не успев отослать диппочтой только что подготовленную справку о вербовочной беседе с американцем Олтманом, Орлов передал ее разведчику Стрику,[23] телеграфировал в Москву, что 14 июля он явится на пароход «Свирь», как этого требовал Центр, а сам в тот же день исчез из Барселоны вместе с семьей.

Имея на руках дипломатический паспорт, он получил в Париже канадскую визу и выехал в Америку. Последующие розыски не дали результатов, после чего во всех документах он стал фигурировать как невозвращенец и изменник Родины. А через некоторое время в посольство СССР во Франции было подброшено письмо, на конверте которого не оказалось никаких почтовых реквизитов, была лишь надпись: «Лично Николаю Ивановичу Ежову.[24] Никому другому не вскрывать. От Шведа[25]».

В своем письме Орлов объяснял мотивы, побудившие его обречь себя и свою семью на жизнь изгоев. Он, в частности, писал:[26] «…Факт не открытого вызова меня домой, а организация западни на пароходе уже предопределил все. Я уже был занесен в список «врагов народа» еще до того, как моя нога ступила бы на пароход.

…Для меня стало ясно, что руководитель отдела в Центре

переусердствовал в «чистке» аппарата и пытался укрепить свою карьеру намерением выдать меня за преступника, которого необходимо ухищрениями заманить на пароход.

…Вся моя безупречная жизнь, полная служения интересам пролетариата и Сов. власти, прошла перед глазами коллектива нашего наркомата. Моя работа в разведке отмечена орденами Ленина и Боевого Красного Знамени…

…Я не трус. Я бы принял и ошибочный, несправедливый приговор, сделав последний, даже никому не нужный жертвенный шаг для партии, но умереть с сознанием того, что моя семья и родственники будут обречены на муки и терзания, — выше моих сил. Если Вы меня и мою семью оставите в покое, я даю клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить делу, которому посвятил свою жизнь, и никогда не стану на путь, вредный партии и Сов. Союзу. Прошу Вас также отдать распоряжение не трогать моей старухи матери. Она ни в чем не повинна. Я последний из четверых детей, которых она потеряла. Швед».

Это письмо было доставлено в Париж из Канады, где Орлов через некоторое время оформил разрешение на проживание в США. До 1953 года он жил там тихо и незаметно под фамилией Берг. Ужас охватил ФБР, когда оно из открытой публикации Берга «Тайная история сталинских преступлений» узнало, что уже пятнадцать лет в США проживает бывший резидент Главного управления госбезопасности НКВД СССР в звании генерала. Начались многочисленные допросы — жесткие и грубые, что вызывало только сопротивление и ожесточение опытного разведчика-нелегала. Орлов сдержал свое слово — не предал людей, которые с ним работали во имя Родины, не выдал американцам ни одной служебной тайны. А знал Орлов много и многих: и Кима Филби, и Стефана Ланга, и Гая Берджеса, и Дональда Маклина, и десятки других имен, которым суждено еще оставаться в глубокой тайне.

Чтобы факты были абсолютно достоверными и точными, воспроизведем вербовочную беседу, проведенную с Олтманом перед окончанием Барселонской разведшколы, по последней справке Брауна, которая была доставлена Стриком в Москву и впоследствии приобщена в первый том дела № 13 676:

Б. Компаньеро Олтман, я знаю, вы симпатизируете России, и потому буду откровенен с вами.

О. Да, вы не ошиблись: Россию нельзя не уважать только за то, что она вынесла на своих плечах. Я имею в виду борьбу с империализмом, странами Антанты и внутренней контрреволюцией. Это во-первых. Во-вторых, нельзя не уважать

страну, которая дала человечеству великие образцы борьбы за свободу. Триста лет монгольского ига, я считаю, для нее не прошли даром. Глядя на Россию, весь прогрессивный мир по-прежнему возлагает много надежд на то, что начато свершившейся в ней революцией. Веря в устройство на земле свободного общества, мы, американские коммунисты, всегда видим поучительный пример Советской России и для себя. Мы исходим из того, что в будущем нужна будет мировая революция. Только она может действительно осуществить наши идеалы. Но такая революция может возникнуть лишь на какой-то базе. Я считаю, единственной такой базой является сейчас Россия. Она же, кстати, и единственная в мире реальная сила, которая по-настоящему борется с «коричневой чумой», распространяющейся сейчас по всей Европе…

Б. Да, компаньеро Олтман, Россия доказала, что способна не только на великое терпение, но и обладает умением вести борьбу. У жизни на этот счет есть хорошие законы: кто за праведное дело, тот всегда побеждает. Мы победили в семнадцатом под знаменем интернационализма при поддержке рабочих всех стран… Но история России на этом не кончается. Продвижение ее по неизведанному пути, уверен, не остановится…

О. Скажите, а вы сами не из России?

Б. Да, я из России.

О. Вы советский разведчик?

Б. Да, компаньеро Олтман, я — советский разведчик.

О. Тогда объясните мне: как понимать, почему в России так много врагов народа? И что удивительно, из самых преданных большевиков?! Из тех, кто в годы революции и после нее отличался крепостью духа и твердостью своих убеждений.

Б. Кого вы имеете в виду?

О. Ну, например, Рыкова… Томского… Бухарина… И, как мне рассказывали, в России недавно расстреляли Тухачевского, Якира и Уборевича. Я пытался узнать, как такое могло произойти, но никто не мог мне дать вразумительного объяснения.

Б. С кем вы вели разговоры на эту тему?

О. С компаньеро Стриком… Компаньеро Альфредом…[27] Компаньеро Гутиером…[28]

Б. И что они вам сказали?

О. У меня сложилось впечатление, что все они верят в то, что в России на самом деле много врагов народа и что с ними расправляются правильно.

Б. Хорошо, компаньеро Олтман. Я попытаюсь вам объяснить, что происходит сейчас в нашей стране. Вам известна лишь малая часть загубленных умных и талантливых людей России. Все дело

в том, что Сталин их всегда боялся. Потому он и его подручные из НКВД, вроде Ягоды,[29] Ежова и Агранова,[30] уничтожали и все еще продолжают уничтожать ни в чем не повинных, самых лучших людей страны, причисляя их к разного рода надуманным антипартийным уклонам, оппозициям и блокам. Сталин жил и живет в постоянном страхе за личную власть и потому сеял и сеет его среди народа. Даже нам, разведчикам, как это ни горько сознавать, стало опасно находиться здесь, за рубежом.

Каждый месяц кого-то из нас вызывают в Москву, чтобы арестовать… А некоторые исчезают потом по дороге в Россию.

О. Получается, что Сталин — «русский Франко»?

Б. Да, Сталин — это трагедия для нашей страны.

Сразу после смерти Ленина он начал создавать себе благоприятный плацдарм для диктаторства, освобождаясь от своих соратников по партии. Но я уверен, в России есть здоровые силы. Есть люди сильные, мыслящие, энергичные, они до поры до времени терпят тирана, скрывая свои убеждения, дабы самим не стать очередной жертвой.

О. Ничего не понимаю: государство должно защищать своих граждан, а оно с ними воюет. Воюет с маршалами и учеными, воюет с политическими деятелями и даже со своими разведчиками. Интересно, как же сложится ваша судьба, когда вы вернетесь в Россию? Ведь не секрет уже — Франко близок к победе и скоро всем нам придется покинуть Испанию.

Б. Да, это так. Когда это произойдет, я знаю уже, как мне поступить…

О. Как?

Б. Скорее всего, я не вернусь в Россию, но буду ей верен до конца своей жизни. Мы будем служить ей вместе с тобой отсюда, из-за рубежа.

О. А не рискуете ли вы, компаньеро Браун, вызвать к себе презрение и ненависть друзей, родных, которые, может быть, так никогда и не смогут понять вас и все будут считать вас изменником?

Б. Я много раз думал об этом… Сталин ведь не вечен… Все со временем перемелется и правда восторжествует. И люди будут потом по-другому смотреть на таких, как я.

Примечание. Прочитав эту часть вербовочной беседы Брауна с Олтманом, читатель может усомниться в ее достоверности и в том, что такой опытный и осторожный человек, как Орлов, мог позволить себе вести столь откровенные и потому опасные по тем временам разговоры с малознакомым человеком. Однако надо иметь в виду, что эта беседа происходила незадолго до окончания учебы Олтмана, когда Орлов уже убедился в его лояльном

отношении к Советскому Союзу, в его порядочности и надежности. Кроме того, он говорил с ним так откровенно еще и потому, что ему нужен был не просто агент, а идейный борец, с которым можно было бы строить отношения на полном доверии друг к другу, не допуская фальши и обмана. Орлов прекрасно понимал: если он сейчас не скажет всей правды о массовых репрессиях в России, то Олтман, узнав о ней через какое-то время, может прекратить сотрудничество с советской разведкой. Надо также учитывать, что эта беседа происходила за неделю до события, которое он уже безусловно предчувствовал и которое имело столь трагические для него последствия. Теперь, когда читатель уяснил для себя сопутствующие обстоятельства этой беседы, вернемся к ее записи:

Б. На сей раз пришла моя очередь задавать вопросы. Скажите, компаньеро Олтман, почему вы, американец, решили оказывать помощь республиканцам?

О. Потому что я твердо уяснил для себя: если сегодня вспыхнул мятеж против Испанской Республики, то завтра жертвой фашистов может стать любой другой народ. Задумался я тогда и о собственной жизни, о том, что истинно в ней, куда мы идем и чем живем. И понял одно: защищать общечеловеческие интересы — свободу, демократию, мир и справедливость — самый верный путь к счастью. Служа благородной идее, мы тем самым защищаем и себя. Я убежден, что человека всегда делает честным и человечным чистота его помыслов. Поэтому оставаться в стороне от событий в Испании я просто не мог, не имел права.

Б. Я вижу в вас, компаньеро Олтман, единомышленника в нашей общей борьбе. Поэтому хотел бы предложить вам поддерживать с нами постоянный контакт.

О. В каком смысле?

Б. Сейчас я объясню. Вы, очевидно, знаете, что без разведки не может обойтись ни одно государство мира и что во всех разведках существует такое понятие, как сотрудничество. Оно возможно по разным соображениям: по идейным и материальным. В вашем случае речь может идти об идейных мотивах, но мы готовы обеспечить вас и материально, а что касается целей такого сотрудничества с нами, то оно, поверьте мне, будет направлено исключительно на укрепление отношений между США и СССР.

Примечание Орлова. «После моих объяснений Олтман погрузился в глубокое раздумье. Чтобы вывести его из этого состояния, я заговорил с ним о возможном развязывании Гитлером новой мировой войны, что с приходом фашистов к власти Германия превратилась в агрессивное государство, что для

советской разведки нет сейчас важнее задачи, как своевременное выяснение планов нападения Гитлера на Советский Союз».

О. Да, компаньеро Браун, главная опасность для всех народов будет исходить от германского фашизма, потому что нацисты откровенно стремятся к мировому господству. Впрочем, и другие западные страны, включая и наши Штаты, одержимы ненавистью к Советам.

Б. Когда люди знают, какая смертельная опасность им угрожает, они сердцем чувствуют, где их враг, а где друг. Сегодня я убедился в том, что вы можете стать другом нашей страны, и потому очень рассчитываю на вашу помощь.

О. Но ведь это связано с большим риском.

Б. Мы сделаем все, чтоб свести этот риск до минимума. При условии, конечно, что вы тоже будете соблюдать конспирацию и точно выполнять наши советы и рекомендации.

О. А вдруг вы поставите меня под удар?

Б. Нет, компаньеро Олтман, мы не подводим своих друзей.

О. О'кей. Чем я могу быть полезен вам?

Б. Вы располагаете хорошими возможностями, но не здесь, а в Штатах. Там ваша помощь будет особенно ценна для России.

О. Ну что ж… Если в трудное для вашей страны время я могу чем-то ей помочь, то… я готов.

Б. Спасибо, компаньеро Олтман. Будем вместе бороться за ее благополучие, но только с разных точек земного шара.

О. Это как понимать?

Б. Очень просто: вы с территории Америки, а я — с позиций Европы. Встречаться в Испании мы больше не будем. Мы продолжим работу с вами в Штатах.

О. Но я очень хотел бы сохранить возможность встреч именно с вами.

Б. Это невозможно. Ничего не поделаешь, компаньеро Олтман, у разведки есть свои законы, и в профессии разведчика, как и во всех других, есть тоже свой кодекс поведения. В соответствии с ним с этого дня я обязан обеспечить вашу безопасность и ни в коем случае не ставить вас под удар. Даже не столько здесь, сколько там, куда вы вернетесь. Ну а в Нью-Йорке вас найдет наш человек. Запомните пароль: «Вам привет от Брауна». Ваш ответ: «Он по-прежнему живет в Зальцбурге?» Ответ: «Нет, сейчас он живет в Гамбурге». После этого вы можете доверять этому человеку. Второй вариант связи — возможное получение вами открытки, в тексте которой должна быть условная фраза: «По делам вашим воздастся вам».

О. Сколько человек будут знать о моем сотрудничестве с советской разведкой?

Б. Здесь вы будете иметь дело только со мною. Кроме меня вас будут знать два-три человека в Центре.

О. Что я должен сделать для России, когда вернусь в Америку?

Б. Пока ничего. Продолжайте как ни в чем не бывало поддерживать дружеские контакты с теми американцами, которые находились вместе в вами в Испании в составе Интернациональной бригады. Особенно с теми, кто будет иметь доступ к военной и экономической информации. У нас, разведчиков, есть хороший девиз: «Плох тот разведчик, который не приобретает для своей страны новых друзей». Неплохо было бы, если бы и вы придерживались этого девиза. Должен заметить, что, как это ни покажется странным, работа наша по сути своей глубоко нравственна и гуманна, ибо от нас вместе будет тоже зависеть — станет ли этот неспокойный мир нашей могилой или Садом всеобщей любви.

Из рапорта Брауна о состоявшейся вербовке

..Давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, Луис прекрасно понимал, на что он идет. Уверен, что им двигала не любовь к приключениям, а политические убеждения, верность социалистическим идеалам, делу мировой революции. Уважая такие ценности, как свобода, демократия и мир, он решил посвятить этому всю свою жизнь, внести лепту в построение справедливого общества для всех народов, живущих на Земле…

Этот рапорт был подготовлен Брауном — Орловым за два дня до той роковой шифротелеграммы, после которой он навсегда исчез из Барселоны. Через неделю ее покинул и Олтман — Коэн.

* * *

Продолжая знакомиться с материалами дела № 13 676, генерал Фитин задержал взгляд на последней шифровке, которая по каким-то причинам не докладывалась ему. В ней сообщалось:

В качестве возможного источника нашей секции[31] Луисом рекомендована его жена Леонтина Тереза Пэтке, 1913 года рождения, полячка, родилась в городе Адамс штата Массачусетс. Трудовую деятельность начала с 14 лет. Была детской няней, домработницей, официанткой. В 1927 году вместе с родителями переехала на жительство в Нью-Йорк. В 1935 году вступила в Компартию США. В настоящее время работает на авиационном

заводе, где разрабатывается вооружение боевых самолетов.

Луис познакомился с Пэтке в 1937 году, во время одного из митингов в поддержку Испанской Республики…

«Любовь и политика — вещи малосовместимые», — подумал Фитин и стал читать дальше. Вскоре он убедился, что в этом случае все получилось иначе: именно романтический порыв послужил импульсом их знакомства. Леонтину и Луиса объединяло сострадание к испанскому народу, защита добра и справедливости.

«Как и Луис, она тоже хотела записаться в те годы в Интернациональную бригаду имени Авраама Линкольна, но руководители нью-йоркского филиала Компартии США убедили ее в необходимости остаться для работы в Америке», — сообщалось далее в документе из резидентуры.

Прочитав шифровку дважды, Фитин отложил дело на край стола и позвонил Квасникову. Квасников, войдя в кабинет Фитина, увидел на столе личное дело агента. «Генерал, очевидно, засомневался в Луисе», — подумал он.

Но его предположения не оправдались.

— Леонид Романович, — прищурив глаза, начал Фитин. — Почему последняя шифровка с предложением Луиса о возможной вербовке супруги оказалась подшитой в деле без какого-либо ответа? Сколько можно говорить, чтобы неисполненные документы не приобщались к делам?..

— Виноват, товарищ генерал, но мы докладывали ее вашему заместителю Мельникову. Однако он почему-то не наложил никакой резолюции… А вы в то время находились, если не ошибаюсь, в Австрии.

— Да, в Австрии, но надо было подождать моего возвращения и передоложить мне… А вы этого не сделали. Нет, так дело не пойдет. Если вы, как и мой зам, считаете, что женщина не может стать хорошей разведчицей, то наберитесь мужества так и ответить резидентуре. Я понимаю, Луис задал всем нелегкую задачку, но надо решать ее, а не оставлять без ответа. Да, разведка — чрезвычайно опасное занятие. Я готов согласиться с бытующим в разведке мнением, что по своей природе женщина не может быть хорошим тайным агентом. Она больше, чем мужчина, подвержена различным эмоциям. Больше привлекает к себе внимания окружающих… Может даже влюбиться в интересующего разведку человека, дать волю своим чувствам при сближении с ним и выдать доверенные ей секреты. И, между прочим, я не склонен осуждать женщину за это.

Нервное напряжение, в котором постоянно находится женщина-агент, настолько сильно, что она начинает испытывать

непреодолимое желание довериться кому-нибудь, поискать сочувствия…

— Не только женщина. Агент-мужчина испытывает те же чувства, — вставил Квасников. — Особенно когда он действует в одиночку или находится на нелегальном положении…

— Вот и давайте исходить из этого, — подхватил Фитин. — Луис понимает, что рано или поздно его жена начнет допытываться: что с ним происходит, почему он постоянно напряжен, скрытен, осторожен? И, не дай Бог, в один прекрасный день она догадается о его тайной связи с нами. Так не лучше ли будет, если мы позволим ему подготовить ее к сотрудничеству с нами? Тем более что она сама работает на объекте, представляющем для нас оперативный интерес.

Лицо Квасникова лучилось довольной улыбкой.

— Честно говоря, мы рассчитывали, что вы или ваш зам наложит нам именно такую резолюцию, — радостно заметил он.

Начальник разведки взял с края стола личное дело Луиса, раскрыл его и на последней странице — это была шифровка из Нью-Йорка — написал:

> К вопросу о вербовке вернуться после дополнительного изучения объекта.
>
> *Фитин.*
>
> *28.10.41 г.*

Затем он вскинул взгляд на Квасникова и сказал:

— Пусть Твен, у которого Луис находится на связи, познакомится с его женой на какой-нибудь нейтральной основе и составит собственное мнение о ее пригодности к разведывательной работе. И пусть сообщит нам.

— Хорошо, Павел Михайлович, я сегодня же подготовлю в Нью-Йорк такое указание…

— Надо узнать о ней как можно больше… Ее образ жизни, поведение, характер…

— Я понял вас.

Ответ на шифровку пришел из резидентуры через месяц:

> Совершенно секретно.
>
> Лично т. Виктору.
>
> Сообщаем характеризующие данные на жену Луиса. В процессе ознакомительной беседы у «Твена» сложилось о ней благоприятное впечатление: истинная интернационалистка, активная участница митингов и демонстраций в поддержку Испанской Республики,

охотно выполняла различные поручения Компартии США.

Обладает качествами, необходимыми для закордонного источника, — красива, смела, умна, обладает удивительным свойством располагать к себе собеседника.

Иногда излишне эмоциональна и прямолинейна, но мы считаем, что это поправимое дело, — главное — она способна перевоплощаться и играть отведенную ей роль.

В процессе наблюдения за ее поведением в свободное от работы время компрометирующих материалов не получено.

По нашему мнению, она пригодна к сотрудничеству с Артемидой.[32]

Лука.

19 ноября 1941 г.

Из воспоминаний Леонтины Коэн

Когда мы впервые встретились с Моррисом, он показался мне чуть ли не святым человеком. Я предпочла тогда поостеречься его, потому что люди с ликами святых угодников часто совершали такие поступки, что волосы дыбом вставали. Но Моррис вел себя очень галантно, мысли свои и взгляды высказывал смело, не боясь никого. И если они совпадали с мнением других, то в глазах его сразу же появлялось выражение счастья и вдохновения…

Не изменился он и после возвращения из Испании. Такой же был собранный, корректный и неизменно вежливый, но почему-то стал слишком следить за своими словами и поведением. Однажды я сказала ему: «Моррис, будь, пожалуйста, самим собой, будь сдержанным, но не слишком. На слишком замкнутых и осторожных всегда обращает внимание ФБР. Особенно на тех, кто часто и надолго исчезает из Нью-Йорка. Смотри, говорю, не переиграй себя!» Он смущенно улыбнулся и сказал: «Если дама чего-нибудь хочет, у мужчины всегда два выбора: сделать, как она хочет, или поступить наоборот». И тут же оправдание нашел: что он, мол, является страховым агентом и поэтому ему часто приходится разъезжать по всему штату. Что поделаешь, ложь во спасение иной раз дороже правды. Но я, конечно, стала догадываться, что он занимается чем-то тайным, связанным с Советским Союзом. Мои догадки базировались на том, что Моррис очень уж симпатизировал России и со временем стал в осторожной форме интересоваться моим отношением к его просоветским мыслям и убеждениям.

22 июня 1941 года, в день нападения Германии на Советский Союз, у нас состоялась свадьба в небольшом городке штата Конектикут. Мы тогда даже не знали, что началась война Германии с Россией. А когда узнали, спешно вернулись в Нью-Йорк. Моррис очень переживал тогда. Несколько дней он находился в каком-то угнетенном состоянии. А однажды пришел домой с букетом красных роз и украдкой положил их на столик в прихожей, но я это заметила и стала ждать — что же будет дальше. Чувствую, что он вроде бы чем-то поделиться со мной хочет, а сказать не решается. Я поняла, что ему надо задать какой-нибудь вопрос, но язык мой будто прилипал к гортани. Моррис тоже догадался, что я хочу о чем-то спросить, он даже подвел меня к столику с розами. Но сам опять молчит. Вижу, терзают его какие-то сомнения. И вдруг слова у меня будто сами вырвались: «Ну говори же, Бобзи[33]». Но — увы! Он лишь

нервозно продолжал топтаться около этого столика…

* * *

Из воспоминаний Морриса Коэна

Да, я тогда долго не мог решиться, привлекать или не привлекать Лону к сотрудничеству с советской разведкой. Я, конечно, понимал, что играть и дальше в прятки не имело смысла. А тем более мне к тому времени уже сообщили о принятом в Москве решении, согласно которому я и Лона могли вместе выполнять задания «Твена». Прекрасно понимая, что хорошая супружеская пара — это наилучший вариант для ведения совместной разведывательной работы, я по-прежнему долго колебался: говорить или не говорить ей о своей тайной связи с Россией. Мы ведь с Лоной совершенно разные люди: если она — буря, то я — неприступная скала; она бушует, я — безмятежен. Там, где она нетерпелива, я — снисходителен и спокоен. Она спешит, я — не тороплюсь. И хотя характером я был полной ее противоположностью, для себя я твердо решил: чего бы мне ни стоило, но завербовать ее я обязан. Когда я сообщил ей о своем сотрудничестве с русскими, она обвинила меня чуть ли не в предательстве. Пришлось объяснять, что означает слово «предать». Я считал тогда и сейчас считаю, что если бы я предал ради личных интересов собственную совесть, свои убеждения, изменил бы тем идеям, которые составляют мое кредо, тогда бы другое дело. Или вот говорят: человек предал свою страну, друзей, возлюбленную. Здесь прежде всего надо смотреть на моральные узы. Моя совесть была в те годы замешена так, что я не мог себе позволить умалчивать о том, что правящая верхушка Америки продолжает люто ненавидеть социалистический строй в России, в который я верил тогда. Что США поддерживают фашистские режимы, которые я вообще не приемлю, и потому по своей воле пошел защищать Испанскую Республику. Что американская администрация дает «добро» на разработку и изготовление атомной бомбы, которая могла привести человечество к мировой катастрофе. И если я, видит Бог, отстаивал и боролся за общую заинтересованность, за общую правду и справедливость, в том числе и за веру, то это вовсе не предательство. Наоборот, это был долг истинного мужества. И вот когда я это все сказал Лоне, она, помню, взяла со столика букет роз и молча поцеловала каждый из пяти цветков…

Из воспоминаний Леонтины Коэн

Когда надо, Моррис умел провести свою политическую линию. Способ для этого у него был самый простой — он как будто бы и соглашался с твоими доводами и в то же время делал так, что вопрос в конце концов всегда решался в его пользу. Возможно, он добивался этого потому, что его жизненным кредо была всегда борьба за идеи социализма. Еще в юные годы он без оглядки бросился в эту борьбу. В шестнадцать лет примкнул к коммунистическому движению и ни разу не изменял своим убеждениям. Длительное время самостоятельно изучал Маркса, Ленина. Много идейных союзников он, по его рассказам, находил в Испании среди русских. Именно там он окончательно убедился, что борьбу за мир, за идеалы свободы, равенства и братства против всякого рода каст и привилегий надо вести всем народам. Со временем я поняла, что никакого предательства с его стороны не было: вся его биография, его социальные корни и классовые интересы явно противоречили этому. Он хотел лишь привнести в мир свою каплю разумного и очень хотел, чтобы я помогала ему в этом. Он так и сказал: «Ты должна помочь мне, Лона: когда муж и жена будут заниматься одним делом, так будет надежнее и безопаснее для обоих». Когда я спросила: «Зачем русским нужна разведка в Америке, когда у них идет война с Германией?», он, не задумываясь, ответил: «Может, это прозвучит и странно, но для России разведка сейчас — это передовая линия обороны, и потому мы должны помочь ей». «Но ведь это же шпионаж?!» — упрекнула я его. «Мне плевать, как это называется, — ответил он. — Когда идет война и гибнут тысячи, может быть, и миллионы советских людей, то надо не рассуждать, а действовать!»

Из воспоминаний Морриса Коэна

Я сумел убедить Лону в том, что посредством шпионажа многие страны испокон веков хотели и хотят знать не только то, что их ждет впереди, но и как лучше обезопасить себя. Что сбором и анализом информации человек начал заниматься еще с незапамятных времен. Что еще за четыреста лет до рождества Христова китайский министр Суньцзы обращал внимание на то, что хорошая разведка важнее самой войны. Что победа в ста битвах не является вершиной полководческого мастерства, вершина мастерства заключается в обеспечении безопасности без сражения. Что возвышение и падение народов и государств зависело от того, насколько хорошо они добывали и использовали необходимую для своего выживания информацию о соседних странах.

Сделав этот исторический экскурс, я попросил Лону никому не рассказывать о нашем разговоре. Сказал, что, только храня строжайшую тайну, мы сохраняем жизнь не только себе, но и тем русским, которые работают в Нью-Йорке. Удивленная моим сообщением, она тогда робко спросила: «А не страшно ли тебе?» Я ответил ей: «Да, страшно, иногда кажется, что каждый прохожий смотрит на тебя и знает, кто ты такой. А тут еще эти навязчивые мысли о том, что тебя могут в любую минуту разоблачить, арестовать…»

Начальник внешней разведки НКВД генерал Фитин, ознакомившись с материалами дела № 13 676, сделал вывод, что Луису и его супруге, которую он сам завербовал, можно вполне доверять. Взяв из специальной папки бланк шифротелеграммы, он тут же сам заполнил его:

> Нью-Йорк. Максиму.
> Сов. секретно.
>
> Выразите от имени руководства Центра благодарность Луису за плодотворную работу с нами. Оказывайте ему постоянно моральную и материальную поддержку, на денежные средства не скупитесь.
>
> Леонтине присвоен псевдоним Лесли. Ориентируйте ее на получение секретной информации по месту работы — на авиационном заводе, где нас в первую очередь интересуют тактико-технические данные экспериментальных образцов вооружения боевых самолетов.
>
> По имеющимся у нас данным, на смежном

Хартфордском заводе по производству авиадвигателей и огнестрельного оружия к серийному выпуску готовится новый авиационный пулемет. Просим разработать операцию с возможным участием Лесли по добыванию необходимого для наших конструкторов образца этого оружия.

Виктор.

2.12.41 г.

Первичная информация об авиационном пулемете поступила в нью-йоркскую резидентуру от Лесли. Она получила ее от молодого инженера Хартфордского завода Аллена Каугилла,[34] который довольно часто приезжал в Нью-Йорк на смежное авиапредприятие, где и познакомился с Лесли. Пользуясь своей приятной внешностью, остроумием и находчивостью, она не только изучала Аллена, но и влияла на него в нужном плане, выведывая при этом «втемную»[35] необходимую секретную информацию.

Поэтому при разработке операции по получению экспериментального образца нового пулемета главная роль отводилась Лесли, которая должна была привлечь для выполнения этого задания симпатизирующего ей американца.

— Женщина ты смелая, решительная, умеющая находить подходы к любому человеку, — инструктировал ее Луис, — вот и используй свое личное обаяние… Попробуй убедить его и сделать готовым выполнить любую твою просьбу… Или подкупить его… Деньги на это, как сказал Твен, будут выделены.

— А если Каугилл откажется и пригрозит разоблачением?

— В нашем деле, конечно, всякое может случиться, к этому тоже надо быть готовым… Но будем надеяться на лучшее. В этом случае, как говорил мой отец, надо уметь анализировать саму обстановку и состояние людей, в ней находящихся. Кстати, его жизненные правила в некоторой степени вполне могут соответствовать заповедям разведки. Вот послушай: «Если ты находишь обстановку неблагоприятной, надо сделать все возможное, чтобы изменить ее в свою пользу». Или вот: «Не бойся сказать «нет», если что-то тебя не устраивает». «Если чувствуешь, что люди не делают того, что должны делать, не полагайся на них». И особенно важна для нас вот эта заповедь: «Если приходится рисковать, то полагайся только на собственные силы и не рассчитывай ни на кого»…

— Хорошо, хорошо, я согласна рисковать и рассчитывать на свои силы, но если он все же пригрозит мне?..

— Тогда ты напомни ему, что он тоже разгласил тебе служебную тайну. Иначе откуда ты могла узнать о секретном оружии, которое выпускают на их заводе для оснастки военных истребителей? Что за это разглашение его тоже выгонят из фирмы и еще под суд отдадут.

Лесли воспрянула духом и облегченно вздохнула:

— Неплохо придумано, черт подери! В случае чего, так я ему и вмажу!

На встрече Аллен[36] принял ее предложение и согласился за тысячу долларов вынести с территории завода все детали пулемета. Все, кроме тяжелого и длинного ствола, крайне неудобного для выноса. Над этим ломали голову и Лесли с Фрэнком, и Твен с Луисом. Думали об этом и в московских кабинетах внешней разведки. В конце концов родилась идея: если Фрэнк высокого роста и обладает достаточной физической силой, то можно привязать ствол пулемета к спине под верхнюю одежду. Фрэнк вполне подходил к выполнению этого мероприятия: он был высок ростом и довольно крепкого телосложения. Фрэнк успешно осуществил сложную и опасную операцию, а затем в назначенный день и час к нему прибыл из Нью-Йорка Луис. Уложив в футляр от контрабаса ствол пулемета, он в тот же день выехал поездом обратно.

На этом, однако, трудности с доставкой ствола не кончились: «музыкальный инструмент» надо было как-то передать в советское консульство, охраняемое ФБР. Сделать это было тоже непросто, поскольку посторонних людей на территорию консульства не пускали. Оставался один вариант: передать «контрабас» сотруднику консульства где-нибудь за городом. Но все советские граждане, аккредитованные в Соединенных Штатах, находились под наружным наблюдением. Однако и из этой сложной ситуации выход был найден: в негритянском гетто Луис подобрал, как ему показалось, надежного безработного негра и уговорил за определенную сумму передать «контрабас» некоему господину в фиолетовых брюках и длинном клетчатом пальто светло-серого цвета, в руках у которого будет дирижерская палочка. Осуществить эту акцию предстояло на барахолке в районе Гарлема. По договоренности негр не должен был продавать этот «инструмент» ни за какие деньги никому, кроме господина с названными ему приметами. А чтобы не произошло накладки, тот для страховки должен был, обращаясь к обладателю «инструмента», употребить условное слово «сундук». Так и случилось: покупатель подошел к «продавцу» и спросил: «Сколько стоит ваш музыкальный сундук?» После чего, получив дополнительное вознаграждение от «богатого покупателя», негр

погрузил «контрабас» в его машину и незаметно покинул барахолку.

Вся операция прошла быстро и без каких-либо сбоев. Экспериментальный образец авиационного пулемета вскоре был доставлен в Москву.[37]

Через некоторое время в Центр пришел короткий отчет о проделанной Луисом работе. В шифротелеграмме, адресованной заместителю наркома внутренних дел, сообщалось:

> Москва. Центр.
> Лично т. Павлу.[38]
> Особой важности. Совершенно секретно.
>
> С учетом указания № 26-с Луисом завербован на идейно-политической основе агент Мортон. В настоящее время он используется в изучении немецкой колонии в Нью-Йорке и в вербовочной разработке активного ее члена военспеца Рихарда. Прорабатываются мероприятия по продвижению Мортона в один из промышленных центров штата Мэриленд, в котором началось производство новых видов вооружения американской армии.
>
> Луисом приобретены еще два источника — Фрэнк и Рэй. От последнего получены особо секретные материалы по радарам и сонарам[39] (чертежи и расчетные данные будут направлены через курьера).
>
> Считаем необходимым информировать также о том, что американская пропаганда продолжает утверждать, что Советским Союзом подписан перед войной предательский пакт Молотова — Риббентропа о ненападении, который позволил Гитлеру легко расправиться с соседними странами. В связи с этим ставится вопрос о прекращении экономических и торговых отношений с СССР. Наиболее реакционные круги США открыто оправдывают нападение гитлеровской Германии на нашу страну и надеются, что немцы и русские обескровят в этой войне друг друга, а США и Англия установят в СССР и Германии послушные им режимы. Кроме того, добытые нами материалы свидетельствуют о том, что руководители США и Великобритании ведут тайные переговоры об оказании помощи Советскому Союзу военной техникой, которая пригодна лишь для оборонительных действий.
>
> *Максим.*[40]

Тов. Фитину П. М.

Пр. подготовить записку в МИД с сообщением о намерениях США и Англии оказать нам военно-техническую помощь.

Прочитав резолюцию, Фитин бросил взгляд на настольный календарь: на нем была жирно обведена красным карандашом цифра «двадцать ноль-ноль». Вспомнив, что на это время у замнаркома Абакумова назначено оперативное совещание руководящего состава, до начала которого оставалось всего шесть минут, он убрал в сейф документы и вышел из кабинета.

* * *

С совещания у заместителя наркома генерал Фитин вернулся лишь за полночь и сразу же вызвал Овакимяна и Квасникова — раньше трех часов ночи никто тогда из сотрудников внешней разведки с работы не уходил.

Кратко изложив содержание состоявшегося на совещании разговора, Фитин сухо добавил:

— И еще… Мне были высказаны серьезные претензии по организации работы в загранрезидентурах. В частности, по отслеживанию информации оборонного значения. Идет война, гибнут советские люди из-за нехватки военной техники. И допускать здесь сбои, как вы сами понимаете, равносильно предательству…

Квасников и Овакимян переглянулись. Генерал заметил это, но не подал вида и продолжил прерванный разговор в прежней тональности:

— В том, что Советский Союз оказался не готов к войне, есть и наша вина. Мы должны это честно признать… Но я не к тому, чтобы искать конкретного виновника. Тем более этим делу уже не поможешь. Наше Отечество в большой опасности. Поэтому нет сейчас задачи важнее, чем добывание военной информации. Надо особое внимание обратить на получение разведданных о разработке новых видов и типов вооружения. Помните, начальник Управления стратегических служб США сказал, что современная война ведется не только на полях сражений, но и на других фронтах?! Точно так же считает и господин Черчилль… А вот наш уважаемый Горский, находясь под боком у Черчилля, видимо, не слышал его заявления. В последнее время от него вообще не поступает какой-либо информации…

— Извините, Павел Михайлович, — перебил Фитина

сердитый Овакимян,[41] — но я с вами не согласен. Если бы все загранточки работали так, как малочисленная лондонская резидентура Горского, то вы не стали бы сейчас высказывать скопом свои претензии ко всему аппарату разведки. Я понимаю, что на совещании вам за нас всех накрутили хвоста и дали новые установки… И это, может быть, справедливо: немец-то уже под Москвой!.. А чтобы отбить его, повернуть вспять, изгнать с советской земли, для этого нужны не только людские силы, но и современное, новейшее оружие. Почти семь лет я проработал в Америке… И вы, Павел Михайлович, очевидно, знаете, что наша резидентура, когда началась война в Европе, добыла огромное количество технических чертежей, схем и описаний новейших видов вооружения.

Овакимян сделал паузу, припоминая что-то еще, потом продолжил свой монолог:

— Я уже не говорю о приборах для определения дальности, скорости и курса цели. Но не все это было реализовано тогда, не все использовалось для создания новой техники и вооружения. Лежит эта ценная информация у нас в отделе невостребованной. А теперь вот, когда петух клюнул, начали наши большие руководители повышать требования к разведке… Ну, а вы, в свою очередь, — к нам, ее сотрудникам. Но на самом деле так не должно быть. Разведчики в поле[42] работают так же мужественно и самоотверженно, как солдаты на войне. Они, поверьте мне, не знают покоя ни днем ни ночью, потому что понимают, что их Родина в опасности. И не надо поэтому предъявлять им какие-то там повышенные требования. Тот же Барковский в Лондоне, не досыпая, спешил, переводил доклад Уранового комитета, а днем бегал на явки с агентами или на встречи с кандидатами на вербовку. И между прочим, как сообщается во вчерашней шифровке, он осуществил вербовку доктора физических наук, специалиста по ядерной физике Керна. В той же телеграмме Горского говорится еще о том, что англичане по урановым исследованиям значительно опережают своих коллег в Штатах. Подтверждают это и американские физики Юри и Пеграм. Недавно они специально побывали в Англии, чтобы узнать, как обстоят там дела по урановой проблеме. А вы, Павел Михайлович, говорите, что от Горского давно нет информации! На сегодняшний день, по моей оценке, это самая активная резидентура…

— Но почему я ничего не знаю о вчерашней шифровке из Англии? — Фитин с упреком посмотрел на Квасникова.

— Мы получили ее вчера где-то в десять вечера, когда вы были на совещании, — спокойно ответил Квасников. — А посему

позвольте мне, Павел Михайлович, сказать несколько слов в защиту научно-технической разведки, поскольку речь идет именно о ней и поскольку я возглавляю ее последние два года.[43]

— Да ради Бога!

— Полностью согласен с тем, что сказал Гайк Бадалович, — степенно начал Квасников, — а сейчас я хочу напомнить о том, почему руководство наркомата стало метать громы и молнии в наш адрес. Три года назад в печати, как вы, наверное, помните, появились выступления товарищей Ворошилова, Кагановича и нашего наркома о том, что не этично, мол, воровать секреты у иностранных государств. Высказывалась даже мысль, что советские ученые сами с усами, что они все могут и т. п. В ответ на это некоторые наши резидентуры отреагировали тоже соответствующим образом — стали сворачивать работу по линии НТР. Да и в Центре аппарат НТР полностью разогнали, оставили в нем лишь двух человек — меня и Панина. Тогда все молчали, хотя и понимали, что шло умышленное, ничем не оправданное сворачивание деятельности научно-технической разведки…

— Нет, не все, — не поднимая опущенной головы, буркнул Овакимян.

— Да, вы были единственный человек, кто осмелился отправить Деканозову шифровку в защиту НТР. Если мне не изменяет память, вы объясняли нападки на НТР не чем иным, как некомпетентностью и шапкозакидательскими настроениями наших высокопоставленных особ…

— Совершенно верно, — поднял голову Овакимян, — но ведь после тогдашнего моего заявления мало что изменилось: как держали НТР в черном теле, так и сейчас это продолжается. Вы же по-прежнему остались самым малочисленным подразделением?

— Да, — согласился Квасников, — а требования, как видите, предъявляются по-прежнему повышенные. Это же парадокс! И еще одно противоречие, теперь уже по урановой проблеме. Нами получено шесть достоверных ценнейших информаций, в том числе доклад аж самому Уинстону Черчиллю, в котором обсуждается возможность практического изготовления атомной бомбы. То есть идея создания атомного оружия приобрела уже реальные очертания и приняла характер плановых действий. А у нас эти бесценные материалы не находят реализации, лежат у товарища наркома под сукном. Нам же говорят: давай новую информацию из Берлина, Нью-Йорка и Вашингтона…

— Подождите-подождите, Леонид Романович, — остановил Квасникова Фитин. — Этак можно слишком далеко зайти и… не вернуться. Да, нарком в этом вопросе часто бывает камнем преткновения, но ему с его высоты, наверное, намного виднее. Не

забывайте, в какое время поступили к нам все эти действительно архиценные материалы — в один из самых тяжелых периодов войны, когда главным лозунгом страны являлся призыв: «Все для фронта, все для победы!» Да, Лаврентий Павлович сомневается в этой информации и побаивается, как бы наши союзники из Англии не втянули нас в непредвиденные расходы. Доклад английского Уранового комитета, о котором вы говорили, направлен наркомом какому-то независимому эксперту. До сих пор я не знаю, кто это может быть. А ведь смысл этого, как вы сказали, «давай-давай» сводится к тому, чтобы пока накапливать, анализировать, добывать информацию и делать правильный прогноз исследований по урану.

— Чтобы это делать, — вставил Квасников, — надо иметь под рукой добытые разведкой материалы, а не хранить их под сукном у наркома.

Фитин кивнул головой:

— Согласен. Поручаю лично вам, Леонид Романович, как человеку близкому к нашей отечественной науке и наиболее осведомленному в урановых изысканиях за рубежом разработать комплекс мероприятий. В них вы должны предусмотреть следующие вопросы… Запишите, пожалуйста…

Квасников приготовился делать пометки.

— Первое: где предположительно могут вестись разработки атомного оружия. На какой стадии они находятся? Кто из крупных физиков-атомщиков подключен к ядерным исследованиям? Есть ли среди них выходцы из России? В этом случае предусмотреть возможность их изучения. Второе: надо обязательно заложить в план доразведку урановых рудников, предприятий — поставщиков ядерного топлива, строительства новых экспериментальных заводов, лабораторий и цехов. Третье — это получение информации о координации работ между Англией и США… И последнее: невзирая на то, что в Берлине и Париже в связи с войной закрылись наши резидентуры, подумайте о возможности использования там разведчиков-нелегалов по добыванию атомных секретов. Главное сейчас — не сбиться, не потерять атомный след. Теперь давайте вместе определимся, как назвать нам операцию по проникновению в зарубежные атомные центры и то дело, в котором будут накапливаться сведения по ядерной бомбе.

— В Англии разработка такого оружия ведется под кодовым названием «Производство сплавов для труб», — заметил Квасников. — То есть «Тьюб Эллойз».

— А «Тьюб Эллойз», это что такое? — поинтересовался Фитин.

— Это кодовое название уранового проекта, — заметил Овакимян. — Нам надо тоже придумать что-то фантастическое, связанное с названием такого вида оружия, которое несет всему живому на Земле смерть.

— Ну так предлагайте.

— Я предлагаю, — растягивая слова, начал Овакимян, — назвать эту операцию одним емким словом «Энормоз». В переводе на русский оно имеет несколько значений: это что-то такое громадное, страшное и чудовищное. Этим же словом можно назвать и дело.

— А что, неплохо звучит! — воскликнул Фитин. — Можно согласиться.

— Начальству, конечно, виднее: пусть будет «Энормоз», — равнодушно махнул рукой Квасников. — Неплохо было бы, если бы и вы, Гайк Бадалович, подключились к выполнению нашей операции. Как-никак, вы все же долгое время работали в Нью-Йорке, хорошо знаете оперативную обстановку в Америке, состояние агентурного аппарата и тому подобное… К тому же вы доктор химических наук, что тоже очень важно для разработки, связанной с одним из химических элементов таблицы Менделеева.

— Правильное пожелание, Леонид Романович, — одобрил Фитин, — Мы подумаем, как подключить доктора наук к делу «Энормоз». — Он бросил взгляд на напольные часы с огромным латунным маятником: было уже около трех часов ночи, быстро встал и, обращаясь к Квасникову, сказал: — План мероприятий и постановление о заведении дела «Энормоз» я жду от вас через два дня. Сейчас я должен идти на доклад к Берии, а вы вместе с Гайком Бадаловичем возьмите дежурную машину и поезжайте домой. Спокойной ночи.

* * *

Генералу Фитину было неведомо о том, что в это же время, в конце 1941 года, советское посольство в Лондоне открыто, не маскируясь, посетил долговязый и нелепый в своем длиннополом пальто сравнительно молодой человек и попросил провести его к послу Ивану Михайловичу Майскому. Стеснительный посетитель с печальными глазами сообщил послу, что у него имеется для советского правительства важная информация о разработке ранее неизвестного в мире мощного боеприпаса. Что это суперсекретное оружие разрабатывается втайне от своего союзника — СССР, и потому он решил эту несправедливость исправить: готов

информировать советских товарищей по этому вопросу.

Посол Майский, который был заранее извещен о возможном приходе к нему на прием немецкого ученого-эмигранта доктора Клауса Фукса, попросил его рассказать о себе.

Фукс сообщил послу, что ему тридцать лет, что родился он в семье немецкого священника неподалеку от города Дармштадта, Закончил Лейпцигский университет по курсу «математика и теоретическая физика», был членом Социалистической и, нелегально, Коммунистической партии Германии. Осенью 1933 года, спасаясь от разгула фашизма и гитлеровских репрессий, эмигрировал в Англию и направлен был на работу к профессору Бристольского университета сэру Нэвиллу Фрэнсису Мотту…

— Мотт стал сейчас Нобелевским лауреатом, членом Королевского научного общества и директором Кавендишской лаборатории, — пояснил он.

Далее Фукс рассказал, что в 1936 году он по рекомендации профессора Мотта поступил в аспирантуру Эдинбургского университета на кафедру эмигрировавшего из Германии выдающегося физика XX века Макса Борна. Что развязанная нацистской Германией война в Европе в одно мгновение превратила пользовавшегося сочувствием немца-эмигранта Клауса Фукса во «враждебного иностранца». Что его прошение о принятии британского подданства было аннулировано, а сам он, как и 70 тысяч других беженцев-немцев, подлежал в 1940 году интернированию и ссылке в лагерь на отдаленный остров Мэн в Ирландском море. Фуксу как молодому талантливому ученому пытались тогда помочь и Нэвилл Мотт, и Макс Борн, но безуспешно.

Страх англичан перед «пятой колонной» оказался настолько сильным, что он заставил их еще больше перестраховаться и отправить всех «враждебных иностранцев» и военнопленных итальянцев туда, где они уже никоим образом не могли причинить никакого вреда — одних тогда перебросили в Австралию, других — в Канаду. Фукс попал в пригород Квебека — в Шербрукский лагерь. Здесь у него появилось больше свободного времени, и он начал переписку со своей родной сестрой Кристель Хейнеман, проживавшей в то время в американском университетском городке Кембридж под Бостоном. Узнав из письма, что Клаус Фукс находится в Канаде за колючей проволокой, она, не раздумывая, обратилась за помощью к брату своей подруги, известному канадскому ученому, профессору математики Кингстонского университета Израэлю Гальперину. Тот внес его имя и фамилию в свою записную книжку, но сделать для него так ничего и не смог — не в его силах это было.

Через полгода, когда Уинстон Черчилль понял, что антинацистски настроенные немецкие эмигранты могут оказаться очень полезными в борьбе с Гитлером, все они были выпущены на свободу. Благодаря своему великому учителю Максу Борну Фукс попал в первую партию интернированных, направлявшихся в Англию. И именно в это время другой известный ученый, Рудольф Пайерлс, остался без своего ближайшего помощника Отто Фриша, который был переведен а Ливерпульскую исследовательскую группу Дж. Чедвика. Узнав, что Фукс находится в Англии, Пайерлс направил ему официальное письмо с предложением принять участие в «одном военном проекте». Не подозревая, что речь идет о программе создания урановой бомбы, Фукс согласился. В ходе же работ над проблемой разделения изотопов природного урана, а затем и проведения исследований в области гидродинамики газодиффузионного процесса Фукс понял, что волею судьбы он оказался непосредственным участником пролога страшной драмы, в финале которой может исчезнуть все человечество и вся созданная им мировая цивилизация. Вот тогда-то он и встал перед серьезным нравственным выбором: продолжать работу по созданию атомной бомбы, направленной якобы только против Гитлера, или отказаться и уйти из Бирмингемской лаборатории. На его решение повлияли события конца 1941 года, когда фашисты вышли к Москве и многим в Англии казалось, что коричневую чуму ничем не остановить. Зная, что активная работа немецких ученых над созданием атомной бомбы форсировала подобные изыскания в Англии, Франции и США, и понимая, как важно не дать немцам первыми получить это чудовищное оружие, Клаус Фукс решает остаться участником проекта «Тьюб Эллойз». Одновременно он принимает твердое намерение периодически информировать русских пока только о результатах своих собственных исследований и в конце 1941 года решает отправиться из Бирмингема в Лондон, чтобы посетить советское посольство.

После этой встречи с немецким ученым посол Иван Майский поставил в известность о предложении доктора Клауса Фукса помощника военного атташе Семена Кремера. Военный разведчик заинтересовался «доброжелателем» и через своего знакомого, иногда посещавшего советское посольство в Лондоне, тоже немецкого антифашиста, одного из руководителей Компартии Германии Юргена Кучинского обусловил с ним встречу.

— Я хочу вам помочь, — заявил Кремеру Фукс. — Ваша страна должна иметь для противовеса свою атомную бомбу. Мне, как участнику ее разработки, хорошо известно, что делается уже по этой проблеме в Англии. Можете верить мне, я — коммунист

по убеждению и очень хочу вам помочь…

Военному разведчику показался странным этот бесхитростный поступок близорукого, с печальным выражением лица молодого худощавого человека, больше похожего внешним видом на сервантесовского Дон-Кихота, чем на ученого. Кремер решил проверить — «не подстава ли это изощренной и коварной СИС». Следующую встречу он назначил через три недели в другом месте. Но второй контакт Кремера с Клаусом Фуксом в силу неизвестных обстоятельств не состоялся — кто знает, возможно, советский разведчик и в самом деле уверовал, что это была подстава или спланированная на будущее провокация, и потому не вышел на связь. После этого Фукс снова обратился за советом к Юргену Кучинскому. Тот дал ему связь через свою сестру Урсулу[44] с Семеном Кремером.

На возобновленной встрече через связника Соню Фукс передал копии документа о газодиффузионном методе разделения изотопов и о начавшемся строительстве для этих целей завода в Северном Уэльсе под кодовым названием «Долина». Тогда же Фукс назвал имена крупнейших физиков Европы, которые, как и он, спасаясь от фашизма и гитлеровских репрессий, эмигрировали в Англию и стали работать над атомным проектом. Это были А. Эйнштейн, Л. Сцилард, Э. Ферми, Э. Сегре, Д. Франк, М. Борн, Г. Бете, Э. Вигнер, Э. Теллер, Р. Пайерлс, О. Фриш и многие другие.

Так была установлена постоянная связь с Фуксом.

Когда сведения от Фукса поступили к наркому Берии, тот был страшно удивлен, что их получила не резидентура НКВД, а ГРУ Красной Армии.

Вызвав П. М. Фитина, Берия поставил перед ним вопрос о передаче Фукса на связь сотрудникам лондонской резидентуры.

— Но военная разведка вряд ли согласится передать нам такой ценный источник, — усомнился Фитин.

— Пусть Горский по-хорошему переговорит с генералом Скляровым,[45] — заметил нарком и тут же пригрозил: — В случае чего пусть намекнут, что лучше не доводить дело до моего вмешательства…

Фитин все понял и принял указание наркома к исполнению. Впоследствии доктор Клаус Фукс стал фигурировать в материалах дела «Энормоз» как агент Чарльз.

Тогда же, в феврале 1942 года, разведка получила сведения о том, что французский ученый-атомщик Фредерик Жолио-Кюри во время вторжения немцев в Париж не покинул свою страну и принял активное участие в движении Сопротивления, превратив свою лабораторию в арсенал парижских маки.[46]

Однако по-прежнему не поступало никаких сведений лишь из Германии. Центр был обеспокоен этим, потому что ранее эта страна шла впереди других по исследованию урана в военных целях. Об этом свидетельствовали и необычные записи в виде формул и графиков по урану и тяжелой воде, которые были обнаружены 22 февраля 1942 года в сумке у убитого под Таганрогом немецкого офицера инженерных войск. По предположению уполномоченного Государственного Комитета Обороны по науке С. В. Кафтанова, фашистский офицер прибыл на оккупированную территорию юга России для поиска урановых месторождений.

В мае того же года в ГКО поступает с фронта письмо Флерова на имя Сталина:

> Дорогой Иосиф Виссарионович!
>
> Вот уже 10 месяцев прошло с начала войны, и все это время я чувствую себя в положении человека, пытающегося головой прошибить стену…
>
> …Знаете ли Вы, Иосиф Виссарионович, какой главный довод выставляется против урана? — «Слишком здорово было бы».
>
> …Если в отдельных областях ядерной физики нам удалось подняться до уровня иностранных ученых и кое-где даже их опередить, то сейчас мы совершаем большую ошибку…
>
> На первое письмо и пять телеграмм ответа я не получил.
>
> Это письмо последнее, после которого я складываю оружие и жду, когда удастся решить задачу в Германии, Англии или США. Результаты будут настолько огромны, что будет не до того, кто виноват в том, что у нас в Союзе забросили эту работу…

Послание Флерова было направлено на рассмотрение Л. Берии — как члену ГКО. Тот решил показать начальнику разведки, наложив синим карандашом резолюцию на подколотом к письму листочке:

> т. Фитину П. М.!
>
> Прошу проанализировать предложения ученого-фронтовика в совокупности с теми материалами, которые у нас имеются по делу «Энормоз», и доложить к 25.05.42 г.
>
> По результатам анализа всех сведений по урановой проблеме Фитину была доложена Квасниковым и

Овакимяном обобщенная справка, в выводах которой говорилось:

1. Письмо физика Флерова может стать дополнительным импульсом к решению вопроса о начале работ в Советском Союзе. Но само по себе оно вряд ли возымеет действие на руководство страны, потому что фамилию ученого-фронтовика мало кто знает. Письмо сыграет свою роль, если доложить его т. Сталину вместе с другими разведывательными материалами: в первую очередь это агентурные донесения из Англии Листа и Чарльза, шифровка о поездке в Англию американских ученых по урановой проблеме и радиограмма Ш. Радо по поводу германских ядерных исследований;

2. Учитывая, что в нашей стране крупные ученые не очень-то верят, что в ближайшем будущем можно создать атомное оружие, полагали бы целесообразным вышеперечисленные документы направить для оценки не светилам отечественной науки, а сравнительно молодому, честному и уже довольно известному в ядерной физике ученому.

Фитин, закончив читать справку, бросил взгляд на Квасникова:

— А кто им мог бы стать, по-вашему? Не забывайте при этом, что материалы-то у нас совершенно секретные…

— Потому-то они, очевидно, и лежат мертвым грузом у наркома, — улыбнулся Леонид Романович. — Что касается молодого компетентного ученого, то по этому вопросу пусть лучше ответит Гайк Бадалович…

Начальник разведки перевел взгляд на Овакимяна. Тот с готовностью откликнулся:

— Да, я мог бы переговорить по этому поводу с учеником академика Иоффе доктором наук Курчатовым…

— У вас что… есть прямой выход на него или вы лично знакомы с ним?

— Да, у меня есть прямой выход на него… Но сейчас, на мой взгляд, надо как-то убедить наркома, чтобы он с должным пониманием отнесся к нашим материалам по урановой проблеме. Надо убедить его в том, что это далеко не «деза» из-за кордона, а реальность.

Мы должны сделать все, чтобы нарком поверил в то, что там, на Западе, уже развернуты работы в этом направлении… Что задача создания атомной бомбы решаема и в нашей стране… Что

у нас есть для этого собственный научный потенциал, есть прекрасные ученые… А когда он поверит в это дело, то легче будет проталкивать идею и на самый верх. Проект записки в ГКО нужно подписывать не одному наркому, но и кому-то еще из именитых ученых-физиков. Тому же, скажем, Семенову… Или Капице… Ведь вы знаете, что и на Рузвельта, прежде чем приступить к разработке атомной бомбы, было оказано давление через знаменитого Эйнштейна…

— Ну о чем вы говорите, Гайк Бадалович? — прервал Овакимяна Фитин. — Нарком не потерпит рядом со своей фамилией ничьей другой…

— А что же тогда делать?

Фитин сначала поежился, потом улыбнулся и сказал:

— Будем готовить другой вариант записки, но на имя вождя и за подписью одного, но зато очень сильного, нашего «железного» наркома…

К тому времени подоспело еще одно разведдонесение из Англии.

В нем Клаус Фукс сообщал о том, что разработанным лично им газодиффузионным способом разделения изотопов урана заинтересовались ученые США, что они готовы приехать в Бирмингем специально для того, чтобы обсудить с ним детали его проекта. Что канадское правительство тоже принимает участие в секретнейших работах по урану и что оно дало согласие на строительство завода промышленного производства ядерного горючего.

Только теперь, когда в один пакет сошлись толстая тетрадь, обнаруженная в сумке убитого офицера, второе письмо Флерова с фронта, радиограмма Ш. Радо из Швейцарии и сообщение К. Фукса из Лондона, Берия выехал в Кремль.

Сталин после ознакомления с материалами разведки серьезно задумался: «Как же так? Молотов говорил, что с послом Великобритании Стаффордом Криппсом достигнута была договоренность об оказании взаимной поддержки и помощи друг другу во всех военных разработках, и вдруг… Неужели английская сторона «забыла» проинформировать нас об этом?» Сталин вышел из-за стола, раскурил трубку, прошел вдоль стены и, остановившись около огромной карты Европы, долго смотрел в верхний левый угол, где находилась Англия, потом перевел тяжелый взгляд на стоявшего в центре кабинета Берию:

— Проходи, садись, Лаврентий. В ногах правды нет… Как нет ее и в твоей лысой голове.

Берия внутренне содрогнулся: он понял, что Сталин им недоволен. Медленно подойдя к столу, Берия опустился в кресло.

— Англия — наш союзник, она должна быть заинтересована в разгроме фашистских войск… Не дезинформация ли это опять?.. Ты вот скажи мне, Лаврентий, почему англичане решили поделиться с Америкой результатами своих научных исследований?

Берия просиял: он знал, что сказать.

— Дело в том, товарищ Сталин, что Черчилль, по-моему, пришел к убеждению: в стране, уязвимой с воздуха от немецкой авиации, разворачивать и дальше работы по атомной бомбе чрезвычайно опасно. Но есть и другая версия, которая изложена в шифровке из Лондона. Англичане, по-видимому, действительно поняли, что им одним не осилить создание атомной бомбы, и потому решили вести эти работы совместно с американцами.

— Значит, это оружие, надо полагать, будет направлено и против нас. — На лице Сталина еще ярче проступили следы оспин, взгляд потяжелел, стал пронзительным, испытующим.

Берия прекрасно знал, что означал такой взгляд: недоверие. В такие минуты вождь был непредсказуем, грузинский акцент в его речи становился еще более заметным. Чтобы как-то успокоить самого себя, Сталин добавил:

— Но вы и ваши заместители не раз убеждали меня, что разведке не всегда можно верить. Что многие ее сотрудники — это ставленники «врагов народа».

Сталин, перейдя на «вы», как бы напоминал, что это по его, Берии, инициативе были арестованы и расстреляны десятки преданнейших Родине чекистов, работавших до войны за рубежом.

— Да, товарищ Сталин, в тот период разведка вела порой двойную игру, использовала даже сомнительные источники. Поэтому мы вынуждены были основательно почистить закордонные резидентуры… А с другой стороны, некоторые из них, по-моему, могли бы и заслуживать вашего доверия…

Берия умышленно не договорил. В его словах содержался скрытый намек на то, что и вождь должен нести ответственность за репрессивные меры к разведчикам в предвоенные годы, поскольку многие из них были уничтожены по его личному указанию. Что поводом к расправе над ними служило то, что развед-донесения противоречили воззрениям Сталина на вероятное развитие событий в Европе. Накануне войны разведка была практически обезглавлена, а ее загран-аппараты почти полностью разгромлены. Тех же, кто, опасаясь за свою жизнь, под различными предлогами откладывал свой приезд в отпуск или отказывался возвращаться в Москву, при помощи различных ухищрений насильно заманивали в Россию и уничтожали.

Атмосфера недоверия и подозрительности распространялась и на закордонные источники. Многие из них необоснованно обвинялись в «двойной игре», им вменялось в вину, что они были привлечены к сотрудничеству «врагами народа» и поэтому считались ненадежными и опасными. Лишь после нападения Германии на Советский Союз Сталин пересмотрел свое отношение к разведывательной информации, однако был по-прежнему далек от признания необоснованности своего недоверия, которое он проявлял ранее.

Сталин еще раз молча прошелся по кабинету, потом остановился и стал раскуривать трубку. Курил он мало, обычно затягивался раз-другой и, когда трубка гасла, продолжал держать ее в левой руке.

На сей раз Сталин размышлял о чем-то своем, не обращая внимание на Берию, — как будто его и не было. Потом сказал:

— Материалы разведки, кажется, высвечивают нам то, чем мы должны теперь заниматься. Второе письмо Флерова убеждает меня в этом… Но прежде чем принять решение, надо посоветоваться с учеными. Я попрошу тебя, Лаврентий, пригласить ко мне академиков Капицу, Семенова, Хлопина и Вернадского. Назначим встречу на послезавтра.

— Но они же находятся далеко за пределами Москвы, — возразил было Берия.

— Что ты хочешь этим сказать? — Сталина никогда не интересовало, где или в каком состоянии находится нужный ему человек, при любых обстоятельствах он должен быть у него в назначенный день и час.

— Извините, товарищ Сталин, но успеют ли они к послезавтра?

— Ничего, успеют. Пошлите за ними самолет.

* * *

После встречи Сталина с учеными-физиками, на которой было дано поручение Берии подготовить специальное заседание ГКО по вопросу создания в СССР атомной бомбы, в Москву поступила из Нью-Йорка шифротелеграммы:

> Совершенно секретно.
>
> Лично т. Виктору.
>
> К Луису обратился случайно встретившийся в метро знакомый, молодой ученый Артур Филдинг.[47] Узнав, что Луис работает в Амторге, он попросил познакомить

его с кем-либо из сотрудников Артемиды.[48] Сам он уже не раз искал конспиративные подходы к гражданам Аттики.[49] Но выходить на них опасался, боясь попасть в поле зрения Спрута.[50] При этом Филдинг рассказал Луису о том, что он работает в особо секретной Металлургической лаборатории Чикагского университета. Главная ее цель — подготовка производства плутония в широком масштабе для его использования в горгоне. По заявлению Филдинга он готов сообщить очень ценную информацию.

Филдинг является крупным физиком, занимающим одну из ключевых должностей в Метлабе.[51] В Тире он будет находиться еще две недели. В процессе беседы у Луиса сложилось положительное впечатление о Филдинге и твердое убеждение, что он действительно намерен помочь Аттике.

Учитывая это, полагали бы возможным поручить Луису его вербовку. Аналогичные задания он уже выполнял, и весьма успешно.

Просим срочно, с учетом короткого времени пребывания Филдинга в Тире, рассмотреть и санкционировать данное предложение.

Максим.

Прочитав шифровку, начальник разведки П. М. Фитин бросил прищуренный взгляд на принесшего ему документ Л. Р. Квасникова.

— Ну что будем делать, Леонид Романович?

— Такого шанса упускать нельзя! Иначе нам этого не простят!

— А кто не простит? Кого вы имеете в виду? Лаврентия Павловича?

— Да нет, наших потомков.

— Нам бы до завтра дожить, а уж с потомками мы как-нибудь поладим, — мрачно заметил Фитин. Он помолчал секунды две, потом спросил: — А если это провокация?.. Или подстава?.. Или организация двойной игры?

— Не думаю… Хотя, конечно, все может быть. Но давайте трезво смотреть на вещи. Много ли мы знаем случаев, чтобы ученые такого высокого уровня сами предлагали свои услуги иностранной державе?..

— Ну почему же! А Клаус Фукс? — он ведь тоже предложил нам свои услуги.

— Да, это так. Но я не могу себе представить, чтобы такие крупные ученые, как Филдинг и Фукс, согласились бы

участвовать в провокации. Я это исключаю! Тут может быть две версии: или они осознали свою ответственность за последствия, к которым приведет создание атомной бомбы, или разочаровались в целях, которые они преследовали, соглашаясь участвовать в новом проекте. Скорее всего, они не хотели ждать, когда начнут падать на Землю урановые бомбы, когда в один миг будут гибнуть сотни тысяч, а может быть, и миллионы людей. Да, их замысел мне ясен: если не будет взаимного сдерживания, равновесия страха, то рано или поздно это приведет к атомной катастрофе. На этот счет на Кавказе есть хорошая мудрость: один меч удерживает другой в ножнах. Силу нужно отражать силой. Это будет особенно важно тогда, когда монопольное владение урановой бомбой может действительно стать искушением применить ее.

Фитин, кивнув, долго смотрел на Квасникова, потом, стряхнув оцепенение, медленно заговорил:

— По-моему, и Фукс, и Филдинг руководствуются своим пониманием нравственных критериев. У каждого из них есть какая-то своя философия. Понимаешь, Фукс впоследствии объяснял свой поступок тем, что у него вызывала негодование двуличная политика США и Англии, правительства которых, несмотря на массовые призывы во многих странах мира, все еще открывают второй фронт для оказания помощи Красной Армии. И вообще он, как коммунист, симпатизировал Советскому Союзу. Пока американцы и англичане тянули с решением вопроса о втором фронте Клаус Фукс, как бы открывая его, решил нам помочь. Он так и заявил: «Считайте, что я участвую с вами в борьбе с фашизмом». Вот основная мотивация его поступка…

— Да, это была его мораль, — заторопился Квасников, — простая человеческая мораль ученого-интернационалиста.

— Так оно и есть, — продолжал Фитин, — когда человечеству грозит опасность, люди объединяются, консолидируют свои силы… А вот чем руководствуется Филдинг, мы узнаем только после его вербовки. Но меня сейчас волнует другое: я пытаюсь понять, как он мог пойти на такой огромный риск? Малейшая же ошибка, и он окажется на электрическом стуле…

— Вы правы, Павел Михайлович. Но, как сказал один римлянин: лучше умереть одному, лишь бы процветали миллионы. Кто знает, может, как раз в этом и заключается его философия…

— Может быть, — согласился Фитин. — Неплохо было бы собрать на него побольше сведений и выяснить, насколько он надежен.

— Это сможет сделать только Луис… Но уже после того, как

наладит с ним регулярную работу. Кроме Луиса, у нас там нет никого, кто мог бы знать Филдинга.

— А Фукс? Он же может знать его и сообщить необходимые о нем сведения.

— Но Фукс-то находится в Англии, а Филдинг — в Америке. Да и времени для проведения проверочных мероприятий у нас уже нет. До отъезда Филдинга из Нью-Йорка осталось всего десять дней. А надо еще успеть подготовить Луиса к вербовочной беседе.

Генерал Фитин мягко произнес:

— Да, Романыч, умеешь ты уговаривать начальство. Ладно, я принимаю твои доводы, но учти, если произойдет прокол, отвечать будем вместе.

— О чем вы говорите, Павел Михайлович! — воскликнул Квасников. — Положитесь на мою интуицию: я убежден, что все будет о'кей!

— Ну, хорошо, готовь Зарубину шифровку с нашим согласием.

* * *

После того как была получена санкция Центра на вербовку Филдинга, Луис договорился с ним о встрече на улице Гранд Конкурс у ресторана «Александере». Затем они переехали в овощной магазин отца Луиса, где и состоялась вербовочная беседа. Запись этой беседы на английском языке приобщена к делу «Энормоз», а в русском переводе — к седьмому тому дела № 13 676:

Луис. Дорогой Артур! Мне поручено от имени соответствующего советского ведомства обсудить твое предложение и уточнить несколько вопросов, представляющих для них определенный интерес.

Филдинг. Пожалуйста, я готов. Но перед тем как начать эту беседу, мне хотелось бы знать: почему никто из этого ведомства не пожелал встретиться со мной лично? Если они полагают, что я не тот, за кого себя выдаю, то мне ничего не остается, как прекратить разговор и уйти.

Л. Не следует этого делать. Тем более сейчас, когда предусмотрено все, чтобы наша встреча была безопасной прежде всего для тебя.

Ф. Хорошо, я жду твоих вопросов, Моррис.

Л. Скажи, что побудило тебя, Артур, обратиться к русским и какую именно информацию ты хотел до них довести?

Ф. Чтобы наша беседа была свободна от недоверия, можешь посмотреть содержимое моей папки. Я думаю, они это оценят. И передай им, что я вхожу в группу ученых, которая занимается изучением физики атомной бомбы.

Л. Кому пришла в голову идея создания этого страшного оружия?

Ф. Трудно сказать… Первыми были немцы… Позднее не кто иной, как венгерский ученый Сцилард, бежавший из Европы от преследований фашистского режима, выступил инициатором соглашения между учеными-атомщиками о прекращении публикования материалов по проблемам ядерной физики. Он же уговорил Альберта Эйнштейна подписать предостерегающее письмо президенту Рузвельту. В нем говорилось: если немецким ученым удастся создать свою атомную бомбу, то, когда она окажется в руках гитлеровских нацистов, будет уже поздно. На этом основании многие наши физики, в том числе и ученые, эмигрировавшие из Европы, попросили у президента финансовой поддержки для проведения собственных исследований по урану. В конце прошлого года Белый дом пошел на это и выделил, насколько мне известно, довольно крупную сумму.

Л. И что же затем последовало?

Ф. Основной целью всех лабораторных исследований являлось осуществление управляемой цепной реакции в уране-235 — редком изотопе урана, содержащемся в природном уране в количестве менее одного процента. Этот изотоп обладает способностью легко делиться, чего лишен составляющий основную массу урана изотоп с атомным весом 238. Таким образом, была определена основная проблема — разработка промышленного процесса получения вещества, которое до этого получали лишь в микроскопических количествах. Одна из главных задач — это точное определение количества нейтронов, необходимых для осуществления реакции деления. Но это одна сторона медали — чисто научная, а другая — военная — заключается в том, что мы должны работать ускоренными темпами, чтобы создать оружие раньше наших противников.

Л. Хорошо, Артур, это мне понятно. Но давай вернемся к вопросу, который я задал тебе в начале нашей встречи.

Ф. Извини, Моррис, но я что-то запамятовал. Напомни, пожалуйста.

Л. Я поинтересовался мотивами, побудившими тебя обратиться ко мне по вопросу передачи русским секретной информации.

Ф. Полагаю, что тебе, Моррис, нетрудно будет меня понять в этом вопросе. Дело в том — и ты это знаешь, — я всегда был не

согласен с теми, кто считает ошибкой истории появление на карте социалистического государства. Еще больше не согласен с теми, кто рассчитывает на возможность исправления этой ошибки с помощью германского фашизма или атомной бомбы. Особенно возмущает меня то обстоятельство, что военные круги Америки пошли на явный обман. Собрав лучших физиков не только своей страны, но и всего мира, они начали разрабатывать урановую бомбу якобы для достижения победы над Японией. Но на самом-то деле это не так: японцы напали на Перл-Харбор, как известно, седьмого декабря сорок первого года, а решение Белого дома о выделении средств и ресурсов на создание атомного оружия было принято шестого декабря. То есть на день раньше! О чем это говорит? О том, что все это принималось независимо от развития событий на Тихом океане. И все это только лишний раз разоблачает далеко идущие политические цели военных.

Л. А тебе и другим ученым не приходила в голову мысль вообще отказаться от разработки атомной бомбы?

Ф. Приходила! Но что это даст? На мое место придут другие исполнители. И будут работать не задумываясь над последствиями. Страшно даже представить, что может случиться, если это мощное оружие будет применено по своему прямому назначению. Как специалист, я могу утверждать где угодно, что человечество уже шагнуло за порог безумия, начав разрабатывать такое оружие. Оно нацелено не только на уничтожение врага и его боевой техники, но и неизбежно принесет гибель и страдания миллионам ни в чем не повинных людей. От взрыва нескольких атомных бомб может погибнуть несколько миллионов, а затем наступит черед тех, кто станет жертвой радиоактивных осадков. Мое отношение к разработке атомной бомбы начало меняться после того, как я понял, что она нужна нашей военной администрации для того, чтобы держать в страхе весь мир. И поэтому я должен сказать русским правду, поделиться с ними секретами изготовления атомного оружия. Уверен, наши советские коллеги со временем тоже смогут создать собственную бомбу.

Я очень хочу, чтобы не только Штаты владели смертоносным оружием, но и Советский Союз. В мире должно быть стратегическое равновесие: ты не трогай меня, я не трону тебя. Как говорят: пусть будет лучше худой мир, чем хорошая драка. Надеюсь, теперь-то у тебя, Моррис, не будет подозрений, из-за чего я решился встретиться с русскими?

Л. Да, ты убедил меня. Я уверен, что твоя помощь ускорит работу советских ученых по созданию такой же бомбы и охладит пыл тех, кто привык, как в кукольном театре, дергать веревочки,

считая нас всех своими марионетками. Теперь поговорим о твоей личной безопасности. Как мне сказали советские товарищи, ты можешь быть уверенным: передаваемая тобой информация никогда не будет использована так, чтобы поставить тебя под удар. Русские заинтересованы в абсолютной секретности всего того, что ты будешь им передавать. Твоя фамилия никому, кроме меня и еще одного русского, не будет известна, а твоя помощь России никогда не будет употреблена во вред США.

Ф. О'кей! Это обнадеживает и радует меня.

Л. И еще, меня просили сообщить, что согласны при необходимости оказывать тебе материальную поддержку.

Ф. Ради Бога, не надо об этом. Я готов помогать им не за деньги, а исключительно из гуманных побуждений.

Л. Теперь давай обсудим меры безопасности наших дальнейших контактов.

Ф. Что я должен делать для этого?

Л. Сначала надо определиться, сколько раз в году мы можем встречаться?

Ф. О, это очень сложный вопрос. Вся беда в том, что я не имею права часто выезжать из Чикаго.

Л. Давай договоримся так: через каждые три месяца в последнее воскресенье я или кто-то другой будет приезжать к тебе. Если же по каким-либо причинам мы не сможем явиться на запланированную в этот день встречу, то в таком случае она будет автоматически переноситься на следующее воскресенье. И так до конца последующего месяца. Теперь надо обсудить место и конкретное время встреч. Где это можно сделать?

Ф. Лучше всего это сделать в ресторане на железнодорожном вокзале в час дня. За одним из столиков в конце зала.

Л. О'кей! Но если вместо меня на связь выйдет другой человек, то ему потребуется быстро и безошибочно узнать тебя. Для этих целей не найдется ли у тебя какой-нибудь фотографии? Если не сейчас, то хотя бы к следующей встрече.

Ф. Найдется (он передал свой маленький фотопортрет).

Л. Хотел бы подчеркнуть, что незнакомый тебе связник должен обратиться с таким паролем: «Вы выбрали для встречи самый лучший ресторан Чикаго». Ваш ответ: «В Чикаго для встреч все рестораны хороши». И кто бы ни вступил с тобой в разговор с использованием такого пароля, знай: этому человеку можно полностью доверять. Главное теперь — это соблюдение полной тайны всего, что произошло сегодня, в этой овощной лавке. Никто на Земле не должен знать, что мы встретились и договорились в этот день о сотрудничестве с русскими. Никто не должен знать, что с этого дня у тебя будет в целях конспирации

другое имя — Персей.

Ф. Прекрасно! По древнегреческой мифологии Персей отрубил голову горгоны Медузы. Взгляд ее, если ты помнишь, превращал все живое в камень. То же самое мы должны общими усилиями сделать и с атомной бомбой, то есть чтобы она никогда не взорвалась!

Л. И последнее. Ты, Артур, не должен сворачивать с однажды выбранного пути. С нашей общей помощью Советский Союз будет успешнее продвигаться к цели, подобной той, которую поставили перед собой Соединенные Штаты по созданию атомной бомбы. Вот все, Артур, что я хотел тебе сказать на прощание. Твой первый секретный презент сегодня же будет передан кому следует.

Ф. Спасибо тебе, Моррис. Спасибо за то, что ты откликнулся на мою просьбу. До встречи в Чикаго.

Из комментария Луиса, приобщенного к письменному отчету о вербовочной беседе с Филдингом

…Поначалу, когда Персей обратился ко мне с просьбой познакомить его с кем-либо из русских, я невольно подумал: «А не провокация ли это со стороны ФБР?» Сомнения мои рассеялись после того, как он сказал, что по долгу совести и гражданской морали не может допустить, чтобы Советский Союз остался безоружным перед грозящей опасностью возможной атомной войны. При передаче секретных материалов по урановой проблеме Персей категорически отказался от материального вознаграждения, мотивируя это тем, что он пошел на такой шаг по чисто гуманным соображениям.

Смею утверждать: Персей — человек надежный, твердый и решительный. Как ученый, он правильно оценивает складывающуюся в мире обстановку и ситуацию в высших эшелонах власти…

Луис.

* * *

Специальное заседание Государственного Комитета Обороны состоялось в конце осени 1942 года. На повестке дня стоял один вопрос: о развертывании в СССР исследований по созданию атомной бомбы на основании данных, полученных советской разведкой. На заседание были приглашены ученые А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, В. Г. Хлопин, П. Л. Капица и И. В. Курчатов.

Выступивший тогда академик Иоффе сказал:

— …Для решения стоящей перед нами весьма сложной научно-технической задачи есть только один плюс — мы знаем, что проблема атомной бомбы решаема. Но минусов у нас гораздо больше. Англичане привлекли к урановым исследованиям крупных ученых со всего мира: Кокрофта, Чедвика, Ротблата, Симона, Фриша, Пайерлса, Линдеманна. У нас тоже есть прекрасные ученые-физики, но все они заняты сейчас оборонкой.

Англия имеет солидные научные базы в Оксфорде, Бирмингеме, Кембридже и Ливерпуле. У нас же их в настоящее время нет. А если и сохранились где-то, то находятся в плохом состоянии. Британские ученые опираются на сильную промышленную базу. У нас же ей нанесен войной значительный ущерб, а научная аппаратура эвакуирована в различные районы страны и практически оказалась теперь бесхозной…

— И все же вы, ученые, не должны опускать руки, — прервал его Сталин. — Было бы, конечно, легче, если бы не шла война. На победу направлены сейчас все ресурсы страны. Вы должны это понимать, а не скулить. Вместе с тем не следует забывать, что в Советском Союзе есть два определяющих преимущества: первое заложено в самой системе государственного строя — это организующие и мобилизующие ресурсы. Второе — это достижения нашей науки в области атомного ядра, — тут он сделал паузу.

Обычно Сталин был немногословен, но когда речь шла о вещах серьезных, он менял свои привычки и говорил пространно, как сейчас:

— Безусловно, делать первые шаги по созданию отечественного атомного оружия будет трудно, но мы обязаны их сделать. Для этого потребуются огромные усилия всей страны, большие материальные затраты. Необходимо будет поднять на ноги все НИИ и конструкторские бюро, срочно наладить промышленное производство новой научной и экспериментальной аппаратуры… Пока эта работа будет идти, товарищу Берии надо более эффективно использовать имеющиеся в его «шарашке» научные силы. Если вы, Лаврентий Павлович, сумеете бережно с ними обращаться, подкормить и подбодрить их, — Сталин при этом пристально посмотрел на Берию, — а главное, организовать их, то, я уверен, многое можно будет сделать и быстро, и дешево…

По кабинету поплыл шумок. Сталин прислушался, но слов не расслышал и потому поднял руку, успокаивая присутствующих. Затем продолжил свой монолог в форме директивы:

— Я понимаю, что проект создания атомной бомбы потребует принятия общегосударственной программы. Мы пойдем на это, несмотря на тяжелые условия военного времени. Риск будет вполне оправдан. Трагичность ситуации состоит в том, что когда надо сохранить мир, то нужно делать такие же вещи, как у противника. Да, только ответное, взаимное устрашение поможет нам сохранить мир. Поэтому первое, к чему мы должны стремиться, — это развивать нужные для создания атомного оружия отрасли промышленности. Второе — поиск более

коротких и дешевых путей его производства. Для этого, выражаясь языком сегодняшней войны, надо вам, товарищ Берия, сконцентрировать удар главных сил на ограниченном, но хорошо выбранном направлении. Во-первых, поставить на всех ключевых участках науки авторитетных ученых, чтобы они четко направляли усилия коллективов исследователей. Во-вторых, руководящим товарищам из министерств и ведомств необходимо уяснить, что ученые в данном вопросе ведущая, а не подсобная сила. И в-третьих, более эффективно использовать труд в производственных коллективах… Теперь я хотел бы услышать от вас, ученых, сколько времени потребуется для создания атомной бомбы?

Академик Иоффе высказал мнение, что для реализации программы потребуется не меньше десяти лет. Сталина такой срок явно не устраивал, и он с едва уловимым раздражением произнес:

— Нет, товарищи ученые, мы уже и так оказались в роли догоняющих. Но не по вашей вине. Надо вам как-то более правильно распределить свои силы и возможности. Мы со своей стороны готовы пойти на все, чтобы работа у вас шла более высокими темпами… Я думаю, для решения этой государственной задачи, — многозначительно заметил он и опять посмотрел на Берию, — Лаврентий Павлович обеспечит вас недостающими научными сведениями. Они позволят вам ускорить исследовательские и экспериментальные разработки. Пожалуйста, сообщите товарищу Берии, какого рода научно-техническую информацию вы хотели бы иметь для начала работ. А сейчас мы должны определить среди вас «главнокомандующего». Я полагаю, что им должен быть крупный ученый-физик и хороший организатор…

Окинув взглядом притихших академиков, Сталин после небольшой паузы добавил:

— Я думаю, товарищ Иоффе справился бы с этой задачей. Человек, он энергичный, умеет хорошо отличать второстепенное от главного, точно формулировать свое решение.

Но Иоффе неожиданно осмелился снять свою кандидатуру, сославшись на свой возраст, и взамен предложил Игоря Васильевича Курчатова — руководителя лаборатории, в которой было открыто явление распада атомов урана.

Сталин пронзительно долго смотрел на Иоффе, потом сказал:

— А я такого академика не знаю.

— Он, товарищ Сталин, не академик. Пока лишь профессор, — ответил Иоффе.

— У нас что, товарищ Кафтанов, нет для такого важного дела

достойного академика?

Решив подыграть вождю, Кафтанов назвал Капицу, а потом предложил опять Иоффе.

— Тогда давайте обсудим кандидатуру товарища Капицы. Я знаю, он имеет высокую международную репутацию. Знаю, что работал у корифея ядерной физики Резерфорда… Но давайте спросим его самого. Пожалуйста, товарищ Капица, вам слово…

Петр Леонидович встал и без колебаний заявил:

— Я согласен, но при условии — если мне позволят пригласить из Англии некоторых физиков-ядерщиков, а также инженерно-технических сотрудников и наиболее квалифицированных рабочих…

Сталин посмотрел на Молотова, медленно опустил веки, давая ему понять, что теперь он может высказать Капице отрицательный ответ. И Молотов безропотно повиновался заранее обусловленному сигналу вождя:

— Ваши условия, Петр Леонидович, неприемлемы.

Снова поднялся А. Ф. Иоффе:

— Товарищ Сталин, я настаиваю, чтобы руководителем советского атомного проекта стал все же именно Игорь Васильевич Курчатов.

— Хорошо, товарищ Иоффе, но для веса вы сначала дайте ему звание академика… Товарищ Курчатов присутствует на этом заседании?

— Да, он здесь, товарищ Сталин.

— Покажите нам его.

За дальним концом стола робко встал высокий, плотный мужнина с миндалевидными глазами и округлой, аспидно-черной бородкой.

Внимательно вглядевшись в него, Сталин сказал:

— Мы утверждаем вас, товарищ Курчатов, в качестве руководителя проекта. Можете подбирать себе научный коллектив. Определитесь в ближайшее время со всеми вашими потребностями для решения обозначенной задачи. Не стесняйтесь, просите все, что вам нужно… В отдельной записке укажите, какие научные сведения вам хотелось бы получить из-за рубежа.

— Но разве это возможно? — Курчатов непонимающим взглядом смотрел на Сталина. — Все исследования за рубежом теперь строго засекречены. Исчезли даже публикации со страниц научных журналов…

— Это не ваша забота, товарищ Курчатов. У нас есть кому подумать об этом. — И Сталин в который раз перевел взгляд на Берию, потом снова на Курчатова: — Вы хотите что-нибудь

сказать присутствующим?

Курчатов встал.

— Да, товарищ Сталин. Очень коротко. Единственный путь защитить нашу страну — это наверстать упущенное время и незаметно для внешнего мира создать в Советском Союзе достаточного масштаба атомное производство. А если у нас об этом раззвонят, то США так ускорят работу, что нам их будет не догнать…

Игорь Васильевич хотел еще что-то сказать, но Сталин не дал ему договорить:

— Нет, товарищ Курчатов, вы все же постарайтесь их догнать… А товарищ Молотов, который будет курировать ваш проект от имени правительства, поможет вам в этом. Окончательные сроки по завершению работы мы устанавливать пока не будем. Но нужно, товарищи, помнить: дамоклов меч уже занесен над планетой. Он угрожает всей человеческой цивилизации. Необходимо как можно скорее найти противоядие нависшей угрозе, противопоставить ей все самое лучшее и самое мощное, на что мы способны. И чем быстрее это будет сделано, тем лучше… В том числе и для вас, ученых. Учтите это, товарищи… Вопросы ко мне есть?

— Вопросов нет, — ответил за всех Берия.

* * *

Возвратившись с заседания Государственного Комитета Обороны, Л. Берия сразу же пригласил к себе начальника разведки П. Фитина:

— …Прошу вас, Павел Михайлович, в самое ближайшее время встретиться с товарищем Курчатовым и выяснить, чем конкретно разведка может помочь ученым в ускорении исследовательских работ по урану. К вашему сведению, это указание товарища Сталина. А теперь — мои указания по этой проблеме. Итак, первое…

Фитин изготовился делать пометки.

— Для обеспечения секретности исследовательских работ, — продолжал Берия, — товарищу Курчатову необходимо подобрать опытного помощника по режиму. Статус его — уполномоченный Совета Министров СССР, по званию он должен быть не ниже полковника. Второе: выделите одного из своих замов, который должен будет вести атомное направление в разведке и осуществлять переписку с Курчатовым, Кафтановым и Первухиным. Последние двое будут отвечать за это же

направление по линии ГКО и советского правительства.

— Вопросы по ходу ваших указаний можно? — перебил наркома Фитин.

— Да, пожалуйста.

— Первый вопрос в отношении назначения заместителя, который был бы способен курировать атомную программу.

Берия недовольно дернулся:

— Вы кого-то уже хотите предложить на эту должность?

— Я хотел бы предложить на эту должность начальника 3-го отдела полковника Гайка Бадаловича Овакимяна. Он — доктор химических наук, хорошо знает оперативную обстановку в Германии и Соединенных Штатах Америки. И еще: учитывая, что из этих стран по атомной проблеме меньше всего поступает разведывательной информации, то это назначение будет обязывать его к активизации работы именно в этих регионах…

— А твои замы, — перебил его Берия, — Дубовик, Прудников и Мельников разве не потянут это направление?

Фитин задумался, соображая, как потактичнее ответить, чтобы самому не попасть впросак.

— Наши люди, Лаврентий Павлович, вы знаете, могут все потянуть. Но лучше, если это будет человек, близкий к науке, который попробовал себя «в поле», имел на связи не один десяток хороших агентов, причем многих из них вербовал сам. По-моему, ему и карты в руки?!

Берия понимал, что начальнику разведки нужен именно такой «зам» — профессионал высокого класса, внесший свой личный опыт в разработку и осуществление многих крупных разведывательных операций, — и потому без колебаний согласился с доводами Фитина.

— Хорошо. Готовьте приказ на Овакимяна. А теперь прошу ответить: почему из Нью-Йорка так мало идет информации по делу «Энормоз»?.. Не потому ли, что Зарубин не может уделять должного внимания этой проблеме из-за того, что занимается в основном выполнением личного указания товарища Сталина по политическим вопросам? Может быть, нам стоит подумать о введении в Нью-Йорке дополнительной должности заместителя резидента по научно-технической разведке?.. И не только в Нью-Йорке, айв Лос-Анджелесе, Вашингтоне и Сан-Франциско?

— Да, это бы дало возможность в значительной мере активизировать нашу работу в названных вами промышленных центрах Америки! — на одном дыхании обрадованно произнес Фитин.

— Если вы тоже так считаете, то что ж… Готовьте обоснование об открытии этих должностей в четырех

американских городах. Одну из них, в Нью-Йорке, забронируйте за товарищем Квасниковым. Пусть этот умник-правдолюбец попробует себя «в поле». Нам действительно нужно организовать в США хорошую научно-техническую разведку. Я поручу Меркулову переговорить об этом с Квасниковым и о его назначении на должность заместителя резидента…

— Но мне без него… — начал было Фитин, однако Берия посмотрел на него таким взглядом, что он невольно умолк.

— Второй вопрос, который я хотел перед вами поставить, — спокойно, как ни в чем не бывало, продолжал Берия. — Вы разработали или нет план агентурно-оперативных мероприятий по делу «Энормоз»?.. Если разработали, то почему до сих пор не докладываете его мне?

Фитин мгновенно изменился в лице, он производил впечатление человека, попавшего в ловушку. Берия заметил на его лице растерянность и потому не стал заострять внимание, продолжив свой монолог:

— Если нет, то имейте в виду: в ближайшее время из ГКО мне будет направлено решение по урановой проблеме. Отдельные его положения, касающиеся разведки, можно без изменений заложить в ваш план. Утверждать его буду я. И вообще — курировать это направление тоже буду я! Товарищ Сталин дал мне прямое указание оказывать ученым помощь в получении интересующих их сведений по атомной бомбе. Конкретные задания разведка будет получать от руководителя атомного проекта Игоря Васильевича Курчатова. И вся поступающая из резидентур информация должна вручаться под расписку только лично ему. За вами лично остается обеспечение глубокой секретности всего, что связано с получением развединформации, с ее реализацией и ее конечными результатами. Об источниках атомной информации должны знать за кордоном только резидент и тот оперативник, который работает с агентом. В Центре об этом могут знать кроме вас лишь начальник научно-технической разведки и тот, кто ведет дело «Энормоз».

Фитин возрадовался: «Наконец-то наркома убедили, что урановая бомба — это реальность и что ее надо как можно скорее создавать».

— И еще, — продолжал тем временем Берия. — По данным ГРУ, их агента Клауса Фукса приглашают в числе других ученых Англии на работу в Америку. В связи с этим военная разведка готова хоть сегодня передать его нам на связь. И последнее: вчера на мое имя пришла от Зарубина шифровка с уведомлением о том, что их агент Персей переводится из Чикаго в Лос-Аламос, где будут вестись основные исследования по созданию атомной

бомбы. В связи с этим и еще одним обстоятельством — призывом в армию его связника Луиса — Зарубин просит срочной санкции на использование в качестве связника ранее подготовленного ими агента Стара. Как видите, Павел Михайлович, работы вам прибавляется… Учитывая, что Квасникову предстоит организовывать с ними работу в Америке, прямо сейчас подключайте его к составлению планов передачи Фукса и Персея на связь другим агентам. Кстати, о Персее. Это что за агент? Как вы вышли на него?

— Это молодой, подающий большие надежды ученый-физик из Металлургической лаборатории Чикагского университета, где как раз ведутся экспериментальные работы по получению чистого металлического урана. Сами мы в силу его большой засекреченности вряд ли бы когда-нибудь могли выйти на него. К счастью, он по собственной инициативе установил контакт в Амторге с Луисом, и тот с нашей санкции завербовал его четыре месяца назад.

— А кто он по национальности? — заинтересовался Берия.

— Чистый американец.

— Хорошо. Как только поступит информация от Персея, обязательно ознакомьте меня с нею… Шифровка от Зарубина находится у Меркулова…

* * *

После долгих согласований с лондонской и нью-йоркской резидентурами, а также с ГРУ Генштаба РККА Овакимян и Квасников подготовили и доложили на утверждение начальнику внешней разведки два отдельных плана: один — по установлению связи с агентом Чарльзом в Нью-Йорке, другой — по проведению беседы агента-атомщика Персея с новым связником Старом.[52] По первому плану была разработана специально для Чарльза инструкция, которую перед отъездом из США должна была передать ему агент-связник Соня. В инструкции сообщалось, что его американским контактом в Нью-Йорке станет человек по имени Раймонд.[53]

Далее в плане указывалось:

1. Встреча должна состояться в первую субботу 4 февраля 1944 года в восемь часов вечера на углу Истсайд и Генри-стрит в Манхэттене. К Чарльзу со стороны кинотеатра подойдет низкорослый, плотного телосложения, средних лет мужчина с крупным, не сколько одутловатым лицом и выразительными черными глазами, спрятанными за толстыми диоптриями очков в

роговой оправе. В одной руке у него будут зажаты кожаные перчатки, в другой — книга в зеленом преплете. Это и будет Раймонд. Он должен сам подойти к Чарльзу и произнести слова пароля: «Вы не скажете, как можно поскорее добраться до Центрального вокзала?» Ответная фраза должна быть такой: «На Центральный вокзал лучше всего ехать на такси».

2. Если встреча 4 февраля по каким-либо причинам не состоится, то она переносится на следующую субботу в этом же месте и в это же самое время до тех пор, пока не произойдет контакт.

3. Встреча должна продолжаться не более 15–20 минут. Главная ее цель — договориться о последующей явке в мае на углу 59-й стрит и Лексингтон-авеню.

4. В случае потери связи из-за непредвиденных обстоятельств Чарльз должен сообщить Раймонду адрес сестры, проживающей в пригороде Бостона, и обусловить через нее запасной вариант связи.

Утвердив оба плана, Фитин вернул их своему заместителю Овакимяну, затем взял с края стола тоненькую белую папку, раскрыл ее и, посмотрев на Квасникова, спросил:

— Почему я, товарищи, до сего времени не был осведомлен и только сегодня узнал о тревожных письмах Твена? Оказывается, он уже во второй раз бьет в колокола о нависшей над ним угрозе расшифровки, а вы молчите? Или вы хотите, чтобы ФБР упрятало его за решетку?

Овакимян хотел ответить, но не успел — его опередил Квасников:

— Как во второй раз? Он что… еще одно письмо прислал?

— Письма разведчиков, доставленные в Центр на мое имя, прошу впредь не оставлять без внимания, — предупредил его Фитин.

— Разрешите мне, Павел Михайлович, познакомиться со вторым его письмом? — попросил Квасников.

— Вот… Пожалуйста. — Фитин протянул ему белую папку, в которой находился написанный от руки документ, Квасников начал читать:

> Дорогие товарищи! Пользуясь удобным случаем, направляю вам еще одно письмо и повторно напоминаю насчет своей замены. При этом прошу рассматривать поставленный мною вопрос о необходимости замены не как проявление трусости или желания поскорее уехать отсюда. Дело не в этом. Лично я считаю опасным свое

дальнейшее пребывание здесь. Слишком много «спрутовских» глаз стало следить за мной. Это может обернуться серьезными неприятностями и для тех, с кем мне приходится сталкиваться по работе в Тире.[54]

Конечно, не нужно понимать это так, будто надо мной нависла реальная угроза. Явной, непосредственной опасности вроде бы и нет, но зачем ждать, чтобы она внезапно нагрянула и обернулась бедой?

Прошу также иметь в виду, что по приезде нового товарища мне придется послужить еще два-три месяца, чтобы устроить его здесь и ввести в обстановку, а она, должен вам сказать, весьма сложная из-за разбросанности моих помощников по соседним штатам из-за довольно пестрого их состава.

Я понимаю, что нелегко сейчас, когда идет война, подобрать мне преемника, но именно поэтому настоятельно прошу вас вторично обратить надлежащее внимание на мое письмо и правильно понять все его мотивы.

С большевистским приветом Твен.

Квасников закрыл папку и передал ее генералу.

— Я прекрасно понимаю его обеспокоенность, — сказал Фитин. — Подобная игра разведчика с собственной тенью никогда еще хорошо не кончалась. Твен, чувствуется, устал от слежки за собой, а вы, товарищи, видимо, забыли о том, в каких он условиях работает…

— Да не забыли мы о его замене! — возразил Квасников. — Но как это сделать? Вы же знаете, как нелегко сейчас найти равноценную замену такому асу разведки, как Твен. Я считаю, надо еще некоторое время подождать с его возвращением домой.

— Нет, Леонид Романович, мы не должны допустить, чтобы его окончательно разоблачили и раззвонили всему миру, что Твен — разведчик, использовавший крышу советского представительства в Нью-Йорке. Такими разведчиками, запомните, не разбрасываются!.. В Канаде в аппарате торгового атташе есть одна никем пока не занятая должность. Вот чтобы не брать грех на душу, давайте переведем туда Твена.

Фитин неожиданно умолк, задумался. Решив скрыть прямое указание наркома о направлении Квасникова в загранкомандировку, он с улыбкой добавил:

— А что касается замены Твена, то давайте не будем создавать себе проблем! Ну чем не замена ему сам Леонид Романович? Опыта оперативной работы у него вполне достаточно.

И организатор он — прекрасный.

— Да я не возражаю, Павел Михайлович. Готов хоть завтра поехать, — подхватил Квасников.

— Ловлю на слове. Завтра же отдам распоряжение в кадры на оформление вас в загранкомандировку… На должность заместителя резидента по научно-технической разведке согласны?

— Согласен.

— А кто же тогда возглавит НТР в Центре? — недоумевая, спросил Овакимян.

Возникла небольшая пауза.

— Учитывая, — начал неторопливо Фитин, — что вы пока остались начальником 3-го отдела и недавно стали моим замом по атомной разведке, возьмите и руководство НТР на себя. Назначать нам сейчас некого, резерв выдвижения на сегодня полностью исчерпан. Вы же сами знаете, людей в Центре не хватает. Руководители многих подразделений в связи с боями под Москвой эвакуированы в Сибирь. Это хорошо вот вы приехали за своим назначением и, наверное, теперь останетесь здесь…

С учетом решения Государственного Комитета Обороны о создании в Советском Союзе отечественной атомной бомбы и личных указаний Сталина по добыванию за рубежом разведывательной информации по этой проблеме Квасников составил новый план мероприятий по делу «Энормоз». В нем не только ставились задачи, но и конкретно указывались способы агентурного проникновения в самые секретные центры по исследованию урана в Соединенных Штатах, Англии, Германии, Канаде и Франции, способы связи и передачи информации от агента к разведчику, назывались определенные сроки и лица, ответственные за их выполнение, — словом, предусматривалось все возможное, чтобы с первых шагов не выпускать из поля зрения разработку атомного оружия.

Квасников, зная, что только после утверждения плана лично Берией он может выехать на работу в Нью-Йорк, решил заблаговременно отработать с Курчатовым порядок реализации разведывательной информации, то есть вопросы обеспечения режима полной секретности при ее использовании, хранении и возврате в I Управление НКВД. Собрав все сведения по урану, которые поступили в 1942 году из разных резидентур, в том числе и находившиеся под сукном у наркома, он заранее договорился с Курчатовым о конфиденциальной встрече в одном из кремлевских кабинетов, который был выделен специально для работы над документальными материалами разведки.

Познакомившись с Квасниковым, Курчатов был приятно

удивлен, что его собеседник из НКВД легко владеет редкими в то время научно-техническими терминами и главное — неплохо разбирается во многих научных проблемах, в том числе и по урану. Благодаря этому с первых минут встречи у них сложилось полное взаимопонимание. В процессе беседы они договорились, что с разведывательной информацией будет знакомиться только руководитель советского атомного проекта, а материалы будут ему персонально доставляться из разведки и передаваться под расписку Квасниковым или же переводчицей Еленой Михайловной Потаповой. При подготовке отзывов и оценок, а также последующих заданий разведке Курчатов не имел права использовать ни секретарей, ни машинисток, ни своих непосредственных помощников. Тексты документов он должен был писать собственноручно, а сведения, которые получал от разведки, рекомендовалось доводить до ближайших своих соратников лишь в устной форме.

Все настолько строго было засекречено, что в самой разведке подлинники агентурных сообщений не доверялись даже переводчикам и машинисткам, они оставались навечно в рукописном виде. Делалось это во имя того, чтобы до минимума свести число посторонних глаз. Даже сотрудники резидентур не знали, что оценку их разведдеятельности и новые задания по атомной проблеме дает Курчатов. Его имя как руководителя проекта было в то время скрыто под фамилией «Бородин».

Подлинники, возвращенные Курчатовым, подшивались в дело «Энормоз». Если же это были вторые или третьи экземпляры, то, по указанию Квасникова, а впоследствии и Овакимяна, они сразу же уничтожались по акту специально созданной комиссией. Благодаря такой вот системе учета документов и соблюдению конспирации в работе с ними ни одна спецслужба Запада понятия не имела, что в Советском Союзе тоже начали работать над созданием атомной бомбы.

Передав на первой встрече Курчатову кипу разведматериалов, Квасников, не дождавшись их оценки, вскоре выехал в Нью-Йорк. Заключение же по этим документам пришло в НКВД лишь 10 апреля 1943 года окольным путем — через Совнарком СССР:

Сов. секретно № П-37 сс _ апреля 1943 г.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров М. Г. Первухин Москва-Кремль

Заместителю Народного Комиссара НКВД тов. Меркулову В. Н.

При сем направляю записку профессора Курчатова И. В. о материалах по проблеме урана.

Прошу дать указания о дополнительном выяснении поставленных в записке вопросов.

По использовании материал прошу вернуть мне.

Первухин 8/IV.

К правительственному документу приложено собственноручно подготовленное И. В. Курчатовым оценочное заключение на материалы разведки:

Соверш. секретно

Заместителю Председателя
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
т. Первухину М. Г.

Произведенное мной рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки.

С одной стороны, материал показал серьезность и напряженность научно-исследовательской работы в Англии по проблеме урана, с другой — дал возможность получить весьма важные ориентиры для нашего научного исследования, миновать весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения.

В дальнейшем приводятся соображения по отдельным разделам (…) (см. Приложение № 1).

На документе резолюции:

Лично т. Фитину. Дайте задания по поднятым в записке вопросам.

Меркулов. 9.04.

Тов. Овакимяну. Дайте задание Антону.

П. Ф.[55] *10.04.*

О заинтересованности Курчатова в поступлении информации от разведки свидетельствовало и направленное им через две недели в тот же адрес еще одно рукописное послание на семи страницах:

Совершенно секретно

Заместителю Председателя
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
т. Первухину М. Г.

В материалах, рассмотрением которых занимался в

последнее время, содержатся отрывочные замечания о возможности использовать в «урановом котле» не только уран-235, но и уран-238. Кроме того, указано, что, может быть, продукты сгорания ядерного топлива в «урановом котле» могут быть использованы вместо урана-235 в качестве материала для бомбы (…).

Перспективы этого направления необычайно увлекательны (см. Приложение № 2).

* * *

В середине декабря 1943 года из Нью-Йорка поступило по дипломатическому каналу сразу более десяти разведывательных материалов. Среди них в отдельном, опечатанном сургучом конверте находились переведенный на русский язык отчет связника Стара о встрече с атомным агентом Персеем и подлинник его сообщения на английском языке по делу «Энормоз». В препроводительном письме Антона[56] давалось короткое пояснение о том, что:

«1) …в целях конспирации и безопасности агента подлинное имя и фамилия «Персея» связнику не сообщалось;

2) «Персей» инициативно запросил внеплановую экстренную встречу;

3) подготовку и безопасность ее проведения осуществлял «Твен» и его негласные помощники;

4) операция по связи была выполнена блестяще, ходатайствуем о поощрении «Твена»[57] правительственной наградой».

…Отчет о встрече, как и о ранее проведенной вербовке Персея, был составлен и приобщен в дело «Энормоз» в следующем виде:

Стар. Чем был вызван ваш выход на экстренную связь со мною?

Персей. Обеспокоенностью и нежеланием потерять контакт с русскими. Два месяца назад я был внесен в секретный список ученых, которым в самое ближайшее время предстоит покинуть Чикаго на несколько лет.

С. С чем это связано?

П. Дело в том, что я, как и другие мои коллеги, дал согласие поехать в Лос-Аламос и уже подписал контракт на период войны в Европе. Как нам сказали, в Лос-Аламосе мы будем надолго отрезаны от внешнего мира и поначалу будем жить далеко не в комфортабельных условиях.

С. Только жить?

П. Нет, почему же — там же и работать.

С. Извините, но, насколько мне известно, вы занимались урановыми проблемами. А чем же вы будете заниматься там?

П. Тем же самым. Причины переезда заключаются в следующем. До недавнего времени теоретические исследования по урану велись в десятках различных лабораторий и научных учреждений. Потом, когда руководителем американской атомной программы стал неутомимый Оппи, он пришел к выводу о том, что усилия многочисленных лабораторий, рассредоточенных по всей территории Америки, должны быть сконцентрированы в одном месте, в противном случае неизбежны дублирование и путаница, что отрицательно может сказаться на результатах. Поэтому он считает, что необходимо собрать всех, кто работал над урановой проблемой, в Лос-Аламосе, где бы под единым руководством и по единому плану сотрудничали физики-теоретики и экспериментаторы, математики и химики, специалисты по металлургии, взрывному делу и ученые многих других направлений. Эта идея Оппи встретила поддержку у корифеев американской атомной физики, и было принято решение о создании сверхлаборатории. Разместить ее хотели вначале в Ок-ридже, в штате Теннеси, где уже шло строительство секретных заводов по производству взрывчатки. Но этот город находится в опасной близости от Атлантического побережья, где имели обыкновение курсировать германские подводные лодки и иногда даже высаживать на берег шпионов. Поэтому официальный Вашингтон принял иное решение: построить секретный город в безлюдной местности, подальше от Атлантики. Начались опять поиски такого места. Оппи предложил участок в Калифорнии, однако административный руководитель «Манхэттенского атомного проекта» нашел это место неподходящим из-за близости населенных пунктов, опасаясь, что при предварительных испытаниях может произойти преждевременный взрыв с распространением радиоактивности.

С. Извините, у меня несколько уточняющих вопросов. Кто же все-таки является руководителем «Манхэттенского проекта»?

П. Бригадный генерал, который несколько раз предупреждал нас и требовал ни при каких обстоятельствах не называть его имя.

С. Почему?

П. Чтобы, как он говорил, не возбудить у немецких и японских разведок интереса к тому, чем он занимается.

С. Так он тоже, что ли, ученый?

П. Нет, он ничего общего с наукой не имел и не имеет. Это

типичный «надзиратель в погонах», наделенный правительством США чрезвычайными полномочиями. Семнадцатого сентября сорок второго года военный министр Генри Стимсон возложил на него главную ответственность за направление общих усилий на военные цели. То есть он стал отвечать за всю деятельность армии по «Проекту ДСМ»[58] — так был назван с целью зашифровки «Манхэттенский проект».

С. Назовите, пожалуйста, имя и фамилию бригадного генерала и того ученого, который назначен возглавлять научную часть «Манхэттенского проекта».

П. Генерал Лесли Ричард Гровс. А научным руководителем с его подачи и по настойчивым просьбам назначен был тот самый Оппи, о котором я уже говорил вам.

С. Его полное имя?

П. Роберт Оппенгеймер. Ваш покорный слуга имел честь работать с ним несколько месяцев. С середины прошлого года Оппи возглавлял у нас, в Метлабе,[59] небольшую группу. Она решала теоретические основы наилучшей конструкции атомной бомбы, в которой бы наиболее активно развивалась реакция на «быстрых нейтронах». Директор Метлаба, Нобелевский лауреат Артур Холли Комптон, остался тогда доволен сообщениями Оппи о ходе дел. А когда начали создавать Лос-Аламосскую сверхлабораторию, то Комптон предложил возложить на него как выдающегося организатора и блестящего физика-ядерщика научное руководство ею. В мире ученых действительно редко встречаются столь вдохновляющие личности. Представьте себе, ему пришлось объехать все штаты Америки и убедить многих старых и молодых физиков работать в новой секретной лаборатории на краю пустыни. При этом одних он «пугал» перспективой создания германской атомной бомбы; других увлекал захватывающей работой, которая позволит им полностью раскрыть себя; третьих он взял неотразимым личным обаянием, способностью понимать точку зрения собеседника и находить правильные слова-ответы на выражаемые сомнения в том, что из затеваемого им дела вряд ли что-либо выйдет. Многие из тех, к кому он обращался, — а в большинстве случаев это была молодежь — соглашались на его предложения еще и по той причине, что Оппи был их кумиром. Он ведь в молодые годы прошел знаменитую Кавендишскую лабораторию под руководством Резерфорда и по приглашению самого Нильса Бора стажировался затем в Геттингенском университете.

С. Вас он чем взял?

П. Всем, Оппи и для меня кумир.

С. А где будет расположена новая лаборатория?

П. Место для ее постройки выбрано по рекомендации Оппи. Расположено оно в штате Нью-Мексико, на Лос-Аламосском плато, в тридцати милях от Санта-Фе. Единственным средством связи с внешним миром служит извилистая горная дорога.

С. О'кей. Теперь нам надо определиться, где, в какое время и сколько раз в году мы можем с вами встречаться.

П. Появляться в Лос-Аламосе посторонним лицам запрещено. Поэтому приезжать вам туда нежелательно. Думаю, это будет небезопасно для нас обоих: можно попасть под подозрение ФБР. Лучше всего встречаться в соседнем городке Альбукерке. Это недалеко от Лос-Аламоса. А приезжать туда можно под видом лечения на знаменитый климатологический курорт Рио-Гранда.

С. Хорошо, в какое время и где именно в Альбукерке мы можем встречаться?

П. В час дня около собора. Это место я выбрал потому, что там более спокойно — нет транспорта и почти нет пешеходов. А следовательно, легче будет обнаружить слежку.

С. О'кей! Итак, запомните: встреча должна проводиться по-прежнему в последнее воскресенье месяца.

Если по какой-либо причине она не состоится двадцать пятого июля, то вы переносите ее на неделю позже. Так каждый раз. И еще имейте в виду: на связь вместо меня может выйти другой человек. В этом случае ему потребуется быстро и безошибочно опознать вас, но не только по внешности, а и по каким-то особым приметам… Поэтому пусть у вас будет в руке бумажная желтая сумка, из которой торчал бы рыбий хвост. Если вы почувствуете опасность и сочтете необходимым отменить встречу в обусловленный день, то заблаговременно предупредите Мориса Коэна письмом. В нем должна быть условная фраза: «В ближайшее время пойти в отпуск не смогу». Это будет означать, что встреча переносится ровно на месяц. Если же возникнет необходимость экстренной связи с нами, то так и укажите, что хотели бы поехать на отдых, скажем, после двадцатого числа. Это значит в последнее воскресенье месяца мы должны встретиться. Но может оказаться, что на связь выйдет вместо меня другой человек. Тогда визуальное узнавание «своего среди чужих» должно обязательно страховаться паролем, который состоит из вопроса и ответа. Связник должен обратиться к вам по паролю: «Подскажите, на какой курорт для легочных больных — в Рио-Гранде или в Сандиа — мне лучше поехать?» Ваш ответ: «Лучше всего на климатологический курорт в Рио-Гранде. Он находится в Скалистых горах. Проехать туда можно автобусом с железнодорожного вокзала». И еще хорошенько запомните: в переписке Лос-Аламос должен называться «Карфагеном», место

работы — «Парфеноном», бомба — «горгоной», а вы останетесь по-прежнему Персеем.

П. Хорошо, я все понял.

С. И последнее — это вопрос сбора и накопления информации. Ее направленность и характер будут определяться потребностью советских ученых-атомщиков. Интересующие их вопросы доведут до вас письменно.

П. Спасибо. До свидания в Альбукерке. А еще лучше в том самом «Карфагене», который мы должны общими усилиями разрушить.

К отчету связника Стара прилагалось сообщение Персея о том, что:

1) … под руководством Э. Ферми создан и начал действовать урановый котел, в котором человеку впервые удалось вызвать самоподдерживающуюся ядер-ную цепную реакцию. Что уже получено и химическим путем отделено от урана и продуктов деления 500 грамм плутония. Что проблемой выделения плутония занималось несколько групп ученых: под руководством Сиборга — в Чикаго; Джонсона и Вильгельма — в Эймсе; Валя и Кеннеди — в Калифорнии;

2) Метлабу дано указание усилить экспериментальную и вычислительную работу по котлу с тяжелой водой. Что с этой целью образована специальная комиссия Э. Вигнера, а из Колумбии в Чикаго переехала группа ученых во главе с Г. Верноном;

3) на химических заводах Малинкродта в Сен-Луи и фирмах «Дюпона» в штате Нью-Джерси налажено производство чистого металлического урана;

4) принято решение о постройке небольшой 1000-киловаттной плутониевой установки в Клинтоне (штат Теннеси) и большой промышленной установки в Хэнфорде (штат Вашингтон). Что подготовка инженерно-технических работников для их использования в Хэнфорде проводится на базе Чикагского университета.

Материалы агента Персея были оперативно доложены Берии. Просмотрев их, он тут же позвонил своему заместителю Меркулову и по привычке выразил сомнение в их достоверности. По мнению Берии, не могли так легко дешево достаться разведке самые оберегаемые в США атомные секреты. Определенную роль сыграла и личная неприязнь Берии к заместителю резидента Квасникову.

Антон, не получив в течение месяца соответствующую оценку добытых им сведений по делу «Энормоз», интуитивно догадался, что нарком в очередной раз подверг сомнению то, что

направляется в Центр от его имени. Не долго думая, он отправил на имя Овакимяна шифротелеграмму за номером 12743/47, в которой высказал просьбу показать агентурные материалы лично «Бородину». Антон знал, что Берия неплохо относится к Овакимяну и потому очень рассчитывал, что через него удастся заполучить от наркома материалы Персея и реализовать их через Курчатова.

Овакимян, естественно, позвонил Берии и попросился на прием, но тот, прежде чем кого-то принять, по своему обыкновению, сначала выяснял: по какому вопросу? Назначив Гайку Бадаловичу время встречи, нарком вызвал к себе и Фитина. Выслушав повторно, что полученные из Нью-Йорка материалы желательно направить на заключение Курчатову или Кафтанову, Берия, нахмурившись, спросил сердито:

— А вы-то верите, что один агент, какой бы учености он ни был и как бы он ни был предприимчив и удачлив, мог получить такой объем информации?

Кстати, даже если бы он и имел доступ к ней, ему все равно вряд ли бы удалось скопировать такое количество документов.

— И тем не менее Персею это удалось, — упрямо возразил Овакимян. — Мир разведслужб не только загадочен, но и непредсказуем.

— А вы ни разу не давали указаний Квасникову, чтобы он попробовал разобраться, как это удается Персею добыть такие сведения?

— Нет, — ответил Гайк Бадалович и, взглянув на Фитина, добавил: — Прежде всего ему надо думать о безопасности агента. Если же мы начнем разбираться, как и при каких обстоятельствах он получает ценную информацию, то можем его засветить. Это во-первых. А во-вторых, если Персей почувствует, что мы ему не доверяем, то он может просто-напросто отказаться от нас. Вы же знаете: ученые — легкоранимые люди.

Берия, помолчав немного, тяжелым взглядом посмотрел на Фитина:

— Вы тоже так считаете, Павел Михайлович?

— Да, я тоже так считаю. Наша информация может, конечно, быть неполной, она может отражать неверные пути решения, не содержать элементов новизны для советских ученых. Но главным ее достоинством, Лаврентий Павлович, является то, что она отражает достигнутый уровень проработки в США и Англии исследуемой проблемы, что само по себе уже может служить полезным ориентиром для Курчатова. Кроме того, я убежден, что она отличается высокой степенью достоверности еще и потому, что ее источники — непосредственные участники всех

исследований и экспериментов. Надежность Персея не вызывает у меня сомнений, потому что его связь с советской разведкой и начало сотрудничества с нею исходят из симпатий к нашей стране и благородного побуждения помешать утаить от СССР сведения об американской программе создания атомного оружия. Поэтому я считаю, что эти обстоятельства исключают внедрение в нашу агентурную сеть двурушников и продвижение через них преднамеренной дезинформации. А впрочем, мы же можем, — Фитин перевел взгляд с Берии на Овакимяна, — перепроверить сведения Персея не подвергая его самого опасности.

— Это каким же образом? — заинтересовался Берия, продолжая исподлобья смотреть на Фитина.

— Через другого такого же агента, который без нашей помощи будет скоро переброшен из Англии в США.

— Вы имеете в виду Чарльза?

— Да.

— Ну хорошо, проверьте это через Чарльза, — согласился Берия. — Поставьте перед ним те же задачи, что и перед Персеем. Потом, когда получите от Чарльза информацию, доложите мне материалы того и другого агента. Я сам хочу сличить их данные и убедиться в их объективности. — После этого он взял со стола папку, помеченную ярко-красными чернилами: «Сообщение по делу «Энормоз», и протянул ее Фитину: — Передайте это под расписку Курчатову, пусть он изучает ваши сведения. А теперь у меня к вам, Павел Михайлович, вопрос по материалам Персея. В них указаны строящиеся атомные объекты и уже существующие в Сен-Луи и в штате Нью-Джерси, а обеспечены они агентурой или нет?

Фитин начал кашлять: он не мог вспомнить всех источников информации, их кличек и кто из них на каких объектах был задействован и потому после небольшой паузы дал уклончивый ответ:

— Не на всех, но есть.

— Например?

— Например, на фирме «Дюпон» есть агент Скаут. С прекрасными возможностями работает в компании «Кэллекс» агент Монти. Он дает нам очень ценную информацию по строительству атомных объектов, — Фитин перевел вопросительный взгляд на своего заместителя Овакимяна, в надежде, что он вспомнит и подскажет кого-то еще.

Гайк Бадалович, не поднимая своей крупной головы с густой шевелюрой темных волос, напомнил:

— Вы забыли еще двух вспомогательных агентов, которые тоже завязаны на дело «Энормоз». Один из них — Бир, а

другого… я не помню…

— Вы, товарищи, — вновь назидательно начал Берия, — должны поставить перед собой задачу приобретения источников на всех объектах «Манхэттенского проекта», все у нас должно быть схвачено. Одно дело иметь агента в Лос-Аламосской лаборатории, но есть ведь еще экспериментальные заводы, строительные компании и фирмы, которые тоже как-то связаны с созданием американской атомной бомбы. Вот сообщил вам сейчас Персей, что принято решение о постройке плутониевой установки в Хэнфорде, вы должны сразу же отреагировать: решать задачу агентурного проникновения. Пусть Квасников обеспечит одну или две вербовки на этом объекте. Повторяю еще раз: разведкой должно быть схвачено все по линии «Энормоз».

Принимайте это как обязательное для исполнения указание.

— Хорошо, Лаврентий Павлович, мы будем его выполнять, — заверил наркома Фитин.

Берия возвратил ему полученные от Персея материалы. В тот же день они были доставлены Овакимяном лично Курчатову. Ознакомившись с ними, руководитель советского атомного проекта пришел к выводу о необходимости создания уранового котла, чтобы производить в нем начинку для атомной бомбы — плутоний.

В обширном заключении Курчатова, представлявшем собой анализ развединформации на двадцати четырех страницах, охватывалось множество различных аспектов ядерной проблемы (см. Приложение №**3**).

При анализе каждого цикла исследований, проведенных американскими физиками, Курчатов в своем заключении оценивал и состояние соответствующих работ в Советском Союзе: он, в частности, отмечал ведущиеся изыскания Ф. Ф. Ланге и И. К. Кикоина по разделению изотопов урана методом центрифуги; М. И. Корнфельда и Д. М. Самойловича — по разделению изотопов методом ректификационных колонн; Г. Н. Флерова, К. А. Петржака и М. Л. Орбели — по сечениям деления урана при облучении нейтронами в области средних энергий; работы академика АН УССР А. И. Бродского по получению тяжелой воды, Я. Б. Зельдовича, Ю. Б. Харитона и И. Я. Померанчука — по расчету критической массы и замедления нейтронов; В. И. Спицина, Ан. Н. Несмеянова, В. Г. Хлопина — по химии урана. Высказывалась также возможность развертывания работ по разделению изотопов методом электролиза в Коллоидно-электрохимическом институте АН СССР у академика А. Н. Фрумкина.

* * *

12 апреля 1943 года в Академии наук СССР вышли сразу два приказа: № 1 — о создании нового научного коллектива, зашифрованного под названием Лаборатория № 2. Другим приказом начальником этого засекреченного объекта назначался профессор И. В. Курчатов.

Четко сознавая, что единодушие в новой, сложной и трудной работе — залог успеха, Игорь Васильевич собирает сперва группу единомышленников из пяти человек: приглашает в лабораторию профессоров Я. Б. Зельдовича и Ю. Б. Харитона, вызывает из Свердловска члена-корреспондента И. К. Кикоина, а из Казани — члена-корреспондента А. И. Алиханова и Г. Н. Флерова. Поселившись вместе в одном из номеров гостиницы «Москва», они перво-наперво наметили, какие исследования должны стать первоочередными, кто из них будет заниматься ураном, графитом и тяжелой водой, разделением изотопов и непосредственно конструкцией атомной бомбы. Курчатов, которого из-за его окладистой смоляной бороды и в соответствии с рекомендованной органами госбезопасности зашифровкой стали называть за глаза Бородой (по документам он проходил под фамилией Бородин), взял на себя задачу создания уран-графитового котла для производства атомной взрывчатки, то есть плутония.

Алиханов избрал направление — уран с тяжелой водой. Харитон и Зельдович решили продолжить разработку непосредственно бомбы.

Определив между собой обязанности, эта же группа ученых без промедления приступила к подготовке обзорной статьи по урановой проблеме для доклада правительству. Отпечатанная почти на шестидесяти страницах записка носила научно-популярный характер. 25 апреля 1943 года она была доложена в Совнарком. После ее одобрения Курчатову были даны большие права и чрезвычайные полномочия: по правилам военного времени ему было оформлено специальное разрешение ГКО на отзыв с фронта и с военных заводов, а также из эвакуации нужных для работы над атомной программой ученых различных направлений, инженеров и специалистов.

Вскоре в Москву начали съезжаться физики-теоретики и экспериментаторы, металлурги и радиохимики. Первые заботы Курчатова — бытовые вопросы: накормить и расселить прибывших. Все это Игорь Васильевич взял на себя. Даже на обеды в Доме ученых на Кропоткинской улице он выезжал теперь вместе со всеми в крытом грузовике. Это радовало и ободряло

людей, испытавших в эвакуации и на фронте лишения военного времени. И все же не все прибывшие в Москву — их поначалу насчитывалось 20 человек — верили в успех начинавшихся работ в доме № 3 по Пыжевскому переулку, где Академия наук позволила разместиться Лаборатории № 2. Курчатов, объясняя сложившуюся ситуацию с исследованиями по урану и плутонию в Англии и США, убеждал сомневавшихся ученых и специалистов, что единственный путь защитить страну — это наверстать упущенное время и незаметно для внешнего мира создать достаточного масштаба атомное производство. Если же у нас об этом раззвонят, то США так ускорят работу, что нам будет их не догнать. Для убедительности тех же сомневающихся Игорь Васильевич приводил пример с успешными исследованиями Юлия Харитона и Якова Зельдовича, которые в 1939 году, начав заниматься расчетами цепной ядерной реакции деления урана, поняли, что раз ядро делится, то за счет высвобождающейся энергии может получиться огромной взрывной силы боеприпас, впоследствии получивший название атомной бомбы.

Постепенно после предварительных обстоятельных бесед Курчатова с каждым люди начинали включаться в работу. Трудились они напряженно, ответственно, понимая одно: если в военные годы отзывают человека с фронта, то работать надо не щадя своих сил. Чувство долга перед теми, кто воевал на передовой, рисковал жизнью, было для сотрудников Лаборатории № 2 таким стимулом, который снимал усталость и возникавшие настроения упадничества и неверия в то дело, которым они начали заниматься, не имея в достатке даже простейших электроизмерительных приборов и инструментов. Спокойный, рассудительный Курчатов старался понемногу увеличивать коллектив лаборатории, сам тщательно отбирал наиболее подходящих для дела специалистов, приглашал старых своих товарищей по Ленинграду. Шаг за шагом включались в исследования И. И. Гуревич, Ю. Я. Померанчук, Г. Я. Щепкин, родной брат руководителя атомного проекта — Б. В. Курчатов, затем в лабораторию пришли В. П. Джелепов, В. А. Давиденко, Л. М. Неменов, М. С. Козодаев и другие. И вот уже не стало хватать мест для работы в Пыжевском переулке. Курчатов занимает пустующие помещения на Большой Калужской.

Но и этого вскоре становится мало: планы Лаборатории № 2 быстро расширялись, требовались дополнительные производственные площади для проведения новых исследований и экспериментальных работ. Руководителю атомного проекта предложили место под строительство Лаборатории № 2 на Разгуляе, но Курчатов отказался от него: в городе, он считает,

тесно, а у объекта настолько велико будущее, что он сам не может пока предсказать. Заручившись поддержкой ГКО, он разъезжает по городу в поисках наиболее подходящего места и останавливает свой выбор на краю бывшего Ходынского поля, десятилетиями служившего артиллерийским и пулеметным стрельбищем. Рядом были сосновая роща, недостроенное трехэтажное здание, два каменных домика, два складских помещения без крыш и в полукилометре от них корпус небольшого завода медицинских рентгеновских аппаратов. Пока шла война, решили вывести отсюда завод в Теплый Стан, а тут построить все необходимое для Лаборатории № 2. Лабораторией № 1 стали тогда называть лабораторию К. Д. Синельникова, который после освобождения Харькова летом 1943 года, согласовав план действий с Курчатовым, вернулся в родной город, чтобы восстановить разрушенный немцами научный центр украинских физиков.

Но была и третья лаборатория, которую создали по указанию Л. Берии на всякий случай: вдруг что-то не получится у Курчатова или он умышленно начнет заниматься надувательством. В нее были подобраны из «шарашки» так называемые дублеры.

В том же 1943 году по рекомендации Сталина кандидатура Курчатова была включена на избрание его академиком. Но на тайных выборах он не прошел, избрали Алиханова. Иоффе, понимая, что с мнением великого вождя надо серьезно считаться, убедил президента Академии наук СССР В. Л. Комарова выйти с предложением в ЦК КПСС о добавлении еще одной единицы для голосования специально под Курчатова. Так со второго захода Игорь Васильевич в свои сорок лет «без конкуренции» стал академиком.

* * *

После передачи Курчатову разведывательных материалов Персея Овакимян по указанию Фитина подготовил и направил в Нью-Йорк шифротелеграмму Квасникову. В основу ее легли задачи, поставленные Берией по приобретению источников информации в Хэнфорде и на других производственных объектах «Манхэттенского проекта». Квасников еще раньше, как только приступил к выполнению своих обязанностей, стал разворачивать новую специализированную резидентуру — научно-техническую. Это вызывалось не только получением сведений, связанных с созданием первой в мире американской атомной бомбы, но и, главным образом, событиями того времени: в войну роль любой разведки всегда значительно возрастает и становится

чрезвычайно важной.

К началу лета 1943 года Квасникову удалось создать небольшую группу НТРi. В нее вошли Калистрат,[60] Джонни (он же Яковлев и Алексей)[61] и Твен,[62] отъезд которого в Канаду отменил приехавший в Нью-Йорк Квасников. Он мотивировал это перед Центром тем, что отъезд Твена из США повлечет за собой свертывание работы по линии «XY».[63] Мотивировку резидента Антона закрепил прибывший в Амторг заместитель наркома внешней торговли СССР А. Д. Крутиков. Побеседовав с деятельным, здравомыслящим Семеном Семеновым (Твеном), он предложил ему возглавить группу советских нефтяников, которые занимались бы вопросами закупки нефтеперегонных заводов и новых технологических линий по получению высокоактивного бензина. Семенов согласился и вскоре после отъезда Крутикова в Москву приказом А. И. Микояна был назначен заместителем начальника отдела промышленных установок и одновременно руководителем группы нефтяников. Новая должность Твена способствовала значительному укреплению его легенды прикрытия, позволяла более свободно разъезжать по США и встречаться с американскими учеными, специалистами, особенно в области химии и нефтеперегонки, среди которых были и агенты советской разведки или кандидаты на эту роль.

Когда шифровка из Москвы подтвердила новое назначение Твена, Квасников принимает решение разгрузить его немного от работы с агентами. На связи у него находилось тогда двадцать источников. Одновременно с этим Л. Р. Квасников решил провести чистку агентурной сети от балласта и укрепить ее новыми перспективными помощниками. С согласия того же Центра прекращалась связь с агентами Жемчугом, Мастером, Хватом, Дэвидом и еще семью источниками. Взамен их были взяты в активное изучение технически квалифицированные, высокопрофессиональные обладатели секретной информации, располагающие широкими возможностями ее получения. Среди них были Реле,[64] работавший в фирме «Дженерал электрик», с которой был заключен контракт на производство электрического оборудования и приборов для атомных объектов, Крот (фирма «Белл телефон»), Нэт, Сэм, Мэтр[65] (фирма «Вестерн электрик»), Коно и другие.

Практически только с середины 1943 года начала складываться ценная агентурная сеть по атомной проблематике и по связанным с ней научным и промышленным объектам. Под дело «Энормоз» были завербованы Стэнли, Кордел, Фогель и Перри. Тогда же встала проблема организации связи, потому что самое опасное и уязвимое звено в работе любой разведки — это

передача шпионских материалов. Надо было сделать все возможное, чтобы уберечь ценные, экстракласса источники информации от малейшей тени подозрения. Встречаться с ними напрямую «атомные» разведчики не могли, потому что за ними самими спорадически велась слежка ФБР. И снова мудрый Квасников, чтобы усилить безопасность агентов, работавших по делу «Энормоз», предложил Центру перейти на групповой принцип связи.

Без согласования с Москвой резидент не имел права сделать ни одного самостоятельного шага: все должно было докладываться начальнику разведки, и только после тщательной, детальной проработки вопроса на Лубянке давалось положительное или отрицательное решение. Санкция Центра — святой закон для резидента и разведчика.

Когда было получено «добро» на ведение группового метода работы с источниками информации, перед резидентурой встала новая сложная проблема дополнительного приобретения связников и курьеров. Но и эта нелегкая задача с помощью агентов-наводчиков и агентов-разработчиков была успешно решена советской разведкой: в сравнительно короткое время были приобретены надежные, завербованные на идейной основе связники Касьян, Линза, Осип и Оса. Тогда же Квасников стал создавать небольшие, не связанные друг с другом группы, которые по его же рекомендации возглавили самые проверенные и самые опытные, пользовавшиеся авторитетом и большим доверием агенты Арно, Клен и Кинг.

Однако на этом заботы Квасникова по совершенствованию связи и по повышению безопасности конспиративной передачи секретных материалов от агента к разведчику не закончились. Будучи энтузиастом своего дела и хорошим организатором, Леонид Романович с санкции Центра внедрил секретное фотографирование документов самими связниками с последующей их передачей в непроявленной пленке (в случае опасности ее можно было легко засветить). Такой способ передачи материалов позволял, во-первых, в два раза сократить число встреч, а во-вторых, устранял риск при пересъемке документов по месту работы и проживания разведчика. Благодаря такому новшеству отпала необходимость как для агента, так и для сотрудника резидентуры ходить по улицам с совершенно секретными материалами, а в некоторых случаях и привозить их из других городов и штатов Америки.

Кроме того, сама операция по извлечению информации с места работы тоже стала намного безопасней. Если раньше агент брал материалы со службы точно в день выхода на связь, даже

тогда, когда обстановка складывалась не совсем благоприятно и ему приходилось рисковать, то теперь он выносил их только в том случае, если не было никаких признаков опасности. Это нововведение Квасникова способствовало созданию более спокойных, нормальных отношений в семье и на службе не только агента, но и сотрудника резидентуры, делала их общую разведдеятельность более конспиративной и надежной.

После этого смелее и активнее заработали и молодые разведчики — Калистрат и Алексей. В их служебных характеристиках, направленных в том же году в Центр, отмечалось:

О Калистрате — «…ранее А. С. Феклисову серьезных заданий, кроме налаживания работы радиопередатчика и установления прямой связи с Вавилоном,[66] не давалось. Сейчас, когда он переключен на линию «XY», из него вырабатывается толковый оперработник. Он проявляет настойчивость и грамотность в подборе технически квалифицированных лиц для последующих вербовок — две из них уже осуществил. Серьезное внимание Феклисов уделяет совершенствованию конспиративной связи с помощниками, он первым из сотрудников резидентуры освоил секретное фотографирование передаваемых агентами материалов…»

Об Алексее — «..А. А. Яцков со своим трехмесячным знанием английского языка не чувствует себя белой вороной ни в консульстве, ни в резидентуре. Ведя прием посетителей на английском без помощи переводчика, он тем временем активно заводил полезные знакомства, которые позволяют ему в настоящее время пополнять агентурную сеть ценными источниками информации по линии «XY». Высочайшую оценку научной комиссии президиума советского правительства по военно-промышленным вопросам получила информация от недавно завербованного им агента Нэт. И вообще с переводом Яцкова на линию «XY» он стал гораздо больше и серьезней работать с помощниками, активно включать в разведывательную деятельность подсобный аппарат связников и курьеров.

Алексей в принятии решений всегда самостоятелен, тверд и принципиален…»

Центр почувствовал реальные положительные изменения в обеспечении руководства линией «XY» в нью-йоркской резидентуре и в укреплении ее работы в соответствии с требованиями оборонной промышленности в условиях Великой Отечественной войны. Через некоторое время перед Квасниковым были поставлены еще более сложные задачи:

1) начать осторожно разработку Энрико Ферми через агента

Перри;

2) через агента Эрнста попытаться найти подходы к Роберту Оппенгеймеру,

3) изыскать возможность получения информации по создаваемому в США самолету, управляемому на расстоянии, а также — по применению ультрафиолетовых лучей, имеющих ряд преимуществ перед звуковыми радиоволнами, которые могут улавливаться противником и забиваться.

Уверовав во всесильность сотрудников резидентуры Квасникова, Центр не учел одного обстоятельства: Оппенгеймер и назначенный к тому времени руководителем отдела технической разработки атомной бомбы Ферми находились уже в Лос-Аламосе и оказались с первого дня под неусыпным контролем ФБР и «Джи-2».[67] Под особым надзором спецслужб США в связи со своими либеральными взглядами, дружбой с членами американской компартии и контактами в среде левой интеллигенции находился Роберт Оппенгеймер. Контрразведка следила за каждым его шагом. Особенно усердствовал в этом полковник Борис Паш. Он умышленно сгущал краски, даже «постукивал» на него в Пентагон и пытался доказать, что научный руководитель «Манхэттенского проекта» под воздействием коммунистов может допустить утечку информации, и потому требовал лишить его допуска к атомным секретам. Но ни у кого — ни у ФБР, ни у «Джи-2», ни у Пентагона — фактов усомниться в его нелояльности и непорядочности по отношению к своему народу не было. Да и сам Оппенгеймер, во-первых, как ученый, был глубоко заинтересован в приобретении мировой известности и в том, чтобы занять свое достойное место в истории атомной физики, а во-вторых, он прекрасно понимал, появись малейшее подозрение — и Пентагон может перечеркнуть его имя, репутацию и карьеру. Но если бы советская разведка и смогла бы найти к нему подходы, то работать с ним было бы весьма сложно, а практически и невозможно — суперконспирация вокруг Лос-Аламосской лаборатории была высочайшая: генерал Гровс принял такие меры безопасности, что и речи не могло быть о появлении вблизи суперсекретного объекта посторонних лиц, тем более иностранцев. Здесь боялись шпионов, особенно из нацистской Германии. Потому и были сконцентрированы здесь гигантские службы безопасности. Для въезда в район Лос-Аламоса требовалось особое разрешение ведомства Уильяма Донована.[68] Всем проживающим в «городе атомной бомбы», как работающим, так и членам их семей, выезжать с территории разрешалось раз в месяц, в последнее воскресенье. Цензуре подлежала входящая и исходящая корреспонденция. Опускать письма за пределами

местожительства запрещалось. Жители Лос-Аламоса (в переписке он значился почтовым ящиком № 1663) обязаны были сообщать военной администрации и службе безопасности о всех своих знакомых и всех контактах при нахождении в отпуске, а также о тех, кто вел с ними разговоры о «Манхэттенском проекте» или пытался узнать их адрес.

Для всех Лос-Аламос словно не существовал в природе. Его обитатели могли, например, сколько угодно нарушать правила движения на дорогах Америки, поскольку извещения о штрафах оперативно уничтожались секретной службой. В водительских правах проставлялся только номер и имя владельца машины. Делалось все это во имя того, чтобы никто не мог узнать, что то или иное лицо как-то связано с атомным центром, расположенным на краю пустыни в далеком штате Нью-Мексико. Вновь прибывавшие ученые и инженерно-технические работники за неимением жилья в Лос-Аламосе селились временно в ближайшем городке Санта-Фе, где им строго запрещалось обращаться друг к другу по званиям и научным степеням. Вызвано это было только одним: опасениями, что местные горожане обратят внимание на то, как много появилось в их маленьком городке ученой публики, и, не дай Бог, они заподозрят что-то неладное, начнут любопытствовать у пришлых людей, зачем они здесь и куда их ежедневно отвозят на автобусах на целый день. Что-либо узнать о «пришельцах» по документам тоже было невозможно: их подлинные имена и фамилии заменялись псевдонимами или они просто значились под каким-то номером.

Даже сенатору Гарри Трумэну было дано понять, что есть вещи (имеется в виду «Манхэттенский проект»), о которых дозволено знать предельно узкому кругу допущенных лиц. Впоследствии став вице-президентом Америки, Трумэн даже не знал и не догадывался, что на «Манхэттенский проект» тратились сотни миллионов долларов.

Стратегия в области обеспечения безопасности, по признанию генерала Лесли Гровса, сводилась к трем основным задачам: «… предотвратить попадание в руки к немцам сведений о секретной программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы было полностью неожиданным для противника, и, насколько это возможно, сохранить в тайне от русских открытия и детали наших проектов и заводов…»

Стремление сохранить исследования по урановой проблеме в глубокой тайне не только от Германии, Италии и Японии, но и от своих союзников побудило американцев воздвигнуть вокруг Лос-Аламоса такую стену секретности, что ни одна разведка мира, казалось, не смогла бы проникнуть через нее. Но одна все-таки

прошла!

Об этом свидетельствовала шифротелеграмма, направленная из Нью-Йорка:

Совершенно секретно.

Москва. Центр. Лично т. Виктору На № 834/23 от 14.05.43 г.

Информация по Карфагену[69] оберегается, как самая важная государственная тайна Монблана.[70]

Разработанная система обеспечения секретности вокруг Карфагена сводится к следующим основным задачам:

— предотвращению утечки любых сведений о Горгоне;[71]

— сделать все возможное, чтобы применение Горгоны было для всех государств неожиданным;

— сохранить в тайне от Аттики[72] научные открытия и строительство заводов по получению взрывчатых материалов для Горгоны;

— ограничить информацию каждого сотрудника Парфенона[73] кругом его непосредственных обязанностей: он должен знать только то, что относится к его работе, и ничего сверх этого. Каждый получает строго необходимые для его работы сведения, и ничего больше. Никто из персонала не должен знать, что все вместе они работают над изготовлением Горгоны;

— все отделы работают автономно, не зная, что делают другие.

В составе Парфенона особое место занимает служба безопасности. Она возглавляется полковником Борисом Пашем — сыном митрополита Русской православной церкви. Плотно насыщен агентами Спрута[74] Карфаген и Везувий,[75] где проживают ученые и специалисты. За наиболее известными из них ведется слежка. Они не имеют права покидать своих квартир после 10 вечера. В служебных помещениях установлены замаскированные микрофоны. Телефонные переговоры постоянно прослушиваются. Под особым контролем находятся ученые неамериканского происхождения, которые могут, по мнению Спрута, поддаться соблазну раскрыть тайну Парфенона своим правительствам.

Несмотря на ужесточенный режим секретности, «наши люди» уже есть и в Карфагене, и в Парфеноне, и мы продолжаем предпринимать необходимые меры по возможному физическому проникновению именно в

Карфаген. Что касается охоты[76] на названных вами «Ф»[77] и «О»,[78] то это невозможно: они имеют личных телохранителей и находятся под постоянным и пристальным наблюдением гонщиков.[79] Возможности же нашей небольшой секции[80] ограничены.

Антон 24 июня 1943 г.

Несколько позже в письме на имя П. М. Фитина Квасников пояснил, что каждый шаг Роберта Оппенгеймера известен военному контрразведчику полковнику Б. Пашу. Неприязнь Паша к ученому объяснялась тем, что в молодости тот был близок к левым, водил дружбу с профессорской дочкой, коммунисткой Джейн Тэтлок, с которой он якобы тайно встречался. Это была одна из основных причин, по которой научного руководителя Лос-Аламосской лаборатории стали плотно опекать детективы «Джи-2». И потому, как отмечал Квасников, советская разведка не имела и не может иметь подходов к Роберту Оппенгеймеру.

В том же письме в Центр Антон сообщал о том, что за спиной Советского Союза в канадском городе Квебеке президентом США Рузвельтом и премьер-министром Англии Черчиллем подписано секретное соглашение о совместных усилиях по созданию атомной бомбы на территории Америки. Что британские ученые будут предоставлять американским коллегам результаты своих исследований. Что обе стороны берут на себя обязательство использовать сверхсекретное оружие только с обоюдного согласия. Англия рассчитывала при этом на равноправное сотрудничество, но обмен информацией по-американски оказался вскоре «улицей с односторонним движением» — военные политики США начали отстранять от наиболее перспективных работ английских партнеров, скрывать от них результаты важных научных изысканий. Был в этом Квебекском соглашении и один пункт, касающийся Советского Союза, в котором было прямо сказано: «…не сообщать какую-либо информацию по атомной бомбе третьим странам». И это несмотря на то, что между СССР и Англией в 1942 году было заключено соглашение об обмене секретной технологической информацией. Однако оставить СССР «за бортом» урановых проблем союзникам на удалось — военная и научно-техническая разведки Советского Союза работали в США, Англии и Канаде превосходно, четко отслеживая атомный след с самого первого дня, как только он появился.

Крупной удачей военной разведки в добыче атомных секретов стало привлечение к сотрудничеству канадских ученых, входивших в Национальный исследовательский совет и в исследовательский отдел Министерства обороны. Ими стали

Дэнфорд Смит (Бадо), Нэд Мазерал (Багли) и Израэль Гальперин (Бэкон).

* * *

Возглавивший в 1943 году вновь созданный Наркомат госбезопасности СССР В. Н. Меркулов дал указание П. М. Фитину об усилении конспирации в работе с наиболее ценными атомными агентами. После этого в нью-йоркскую резидентуру была направлена шифротелеграмма за № 11743/96:

> Сов. секретно.
>
> Нью-Йорк. Лично Антону.
>
> В целях более глубокой зашифровки Персея, в дальнейшем и Чарльза, просим периодически менять направляемых для связи с ними челноков.[81]
>
> Проинструктируйте Персея о том, что в случае возникновения опасности провала он может вылететь в одну из столиц европейских стран, в которых не было и не идут военные действия, — Швеции, Испании или Швейцарии. Приметы его будут даны всем охотникам.[82] Они будут ждать пловца[83] на главных почтамтах Стокгольма, Мадрида или Женевы в последний день весны, лета или осени в два часа дня. Персей должен подойти к окошку «Выдача корреспонденции до востребования» на букву «П» и спросить: нет ли письма для Обри Полларда. Охотник будет находиться в это время поблизости от окошка и, услышав слова пароля, направится потом за ним и спросит: «Вам тоже не повезло? Вот и я в третий раз прихожу сюда, и ничего нет». После этого для закрепления пароля охотник должен назвать свое имя и фамилию, которые, как мы условились, должны начинаться со следующих после «П» букв латинского алфавита.
>
> В связи с предстоящей встречей с Персеем просьба своевременно проинформировать нас о подборе челнока для поездки в Заповедник[84] и согласовать с нами линию его поведения.
>
> *Виктор.*
>
> *17 июня 1943 года.*

Подбор кандидатуры связника для направления к Персею в

штат Нью-Мексико обсуждался у резидента Антона. Предварительным требованиям — находчивость, крепкое здоровье (в Лос-Аламосской зоне в тот год стояла сильная жара) и терпенье — отвечали три агента-связника: Эстер, Стар и Лесли.

На первой стадии отбора было установлено, что Стар уже встречался с агентом, и поэтому Центр мог не утвердить его кандидатуру. Эстер не обладала выдержкой и терпением — дважды по ее вине срывались встречи. Оставалась Лесли. Ей и было отдано предпочтение.

Оперативная легенда была разработана для нее следующим образом: «…Берете отпуск с работы и едете в один из пригородов Альбукерке, в Сандиа, для лечения горла на высокогорном климатическом курорте с заранее заготовленным, вполне правдоподобным медицинским заключением. В Сандиа вы должны устроиться на жительство в пансион или частную квартиру, подружиться с ее хозяевами, освоиться с обстановкой, изучить внимательнейшим образом окружающих людей и постараться ничем не выделяться из массы местных жителей. В воскресенье 25 июля, как условлено, выехать автобусом в Альбукерке. Если в этот день встретиться с Персеем не удастся, то через неделю надо снова выйти на связь. В случае обнаружения вами слежки или возникновения опасности во время самой встречи разыграйте роль влюбленной пары, поиграйте с Персеем, проявите при этом свои актерские способности к быстрому перевоплощению. И главное — больше выдержки…»

Центр, дав согласие на использование Лесли в качестве возможного связника для Персея, запросил на нее полную характеристику. В шифровке, отправленной из Нью-Йорка в июне 1943 года, говорилось:

..Лесли привлечена к сотрудничеству полтора года назад. В работе с нами исключительно честна, самостоятельна и надежна. По заданию секции успешно участвовала в выполнении ряда ответственных мероприятий. Обладает прекрасной выдержкой и терпением

..Лесли — особа с решительным характером, деловым подходом к интересующим нас вопросам и решимостью довести дело до конца. Изворотлива, умна, находчива. К любому человеку может найти подход и легко войти в доверие. По характеру эмоциональна и удивительно бесстрашна. Заслуживает полного доверия. Под различными предлогами может успешно осуществлять курьерские обязанности в закрытых для посещения иностранцами районах и городах США, но для этого ее желательно освободить от работы на заводе…

В ответной шифротелеграмме из Центра сообщалось:

Мы разделяем вашу точку зрения относительно поездки Лесли под предлогом лечения горла. При отработке дальнейшей линии поведения и инструктажа в оставшееся перед ее отъездом время необходимо проявить к ней максимальное внимание, заботу и доброжелательность. Создайте в ней уверенность в успешном выполнении поручения. Предупредите ее о необходимости строгого соблюдения конспирации и внимания к окружающим ее людям перед, во время и после поездки в Заповедник. О всех подозрительных, на ее взгляд, моментах она должна потом доложить вам.

Чтобы не привлекать к ней внимание Спрута, пусть сделает промежуточную остановку на два-три дня в Чикаго. После приема материалов от Персея должна сразу возвратиться в Тир и передать их охотнику.

Линию поведения необходимо максимально приблизить к реальной жизни отдыхающей на курорте молодой женщины.

Просим Антона взять под личный контроль работу с Лесли до ее командировки в Заповедник.

Виктор.

Организацию связи с Лесли и полный ее инструктаж было поручено провести Анатолию Яковлеву.[85] Настроение у нее в тот период было хуже некуда. Дело в том, что, когда Луиса перебросили с Аляски на европейский континент, переписка с ним прекратилась. Не имея известий от мужа, Лесли без конца задавала себе вопросы: «Что могло с ним случиться? Почему он не пишет? Как его можно найти?» Потом ей стало сниться, что он то убит в упор из автомата, то лежит на земле, умирающий от смертельной раны… Она старалась отогнать эти страшные сновидения, но они с непостижимым упорством из ночи в ночь преследовали ее.

Так прошел месяц, потом еще… Однажды утром, когда Лесли направлялась к даунтаунскому автобусу, ей показалось, что кто-то ее окликнул. Она обернулась, но близко никого не было. Потом ее бдительный слух уловил позади торопливые шаги, возникло ощущение, что кто-то будто просит ее остановиться. Но она, наоборот, ускорила шаги, стремясь уйти прочь. «Неужели слежка? — мелькнуло в голове. — Что же делать?» Она настолько заволновалась, что нечаянно обронила платок, хотела поднять его, но в этот момент перед ней оказался темноволосый молодой человек среднего роста.[86] Он опередил ее и вместе с поднятым платком сунул в руку свернутый комочек бумаги.

— Благодарю вас за помощь, — проговорила она, спрятав в сумку записку.

Приехав на работу, Лесли осмотрелась вокруг и, убедившись, что никто не обращает на нее внимания, расправила записку. В ней небрежно, ломаным почерком были выведены на английском языке слова пароля и время назначаемой в обусловленном месте встречи. Лесли страшно обрадовалась. Прочитав записку еще раз, она уничтожила ее и мгновенно забыла обо всем, что так мучило и тревожило ее в предыдущие дни.

Перед самой поездкой в Заповедник Лесли получила от Яцкова последний инструктаж:

Чтобы не привлекать внимание ФБР, билет покупайте не на прямой поезд, следующий до Санта-Фе, а до Чикаго. Задержитесь на сутки в Чикаго, затем приобретите отдельный билет до Альбукерке. При выявлении наружного наблюдения ведите себя как ни в чем не бывало. Если это произойдет в самом Альбукерке при подходе к месту встречи с Персеем, то на связь с ним не выходите — возвращайтесь в Сандиа. В экстремальных ситуациях вспомните о своих актерских способностях, используйте свое обаяние: мужчины должны сходить с ума от вас, но не вы по ним. При получении материалов от Персея старайтесь стоять поближе к нему: нельзя производить передачу из рук в руки на расстоянии. После приема информации совершите с ним короткую прогулку, затем разойдитесь в разные стороны. Полученные от агента материалы нельзя хранить на чужой квартире, тем более оставлять их без присмотра в пансионе. Если позволит обстановка, постарайтесь в тот же день выехать обратно. По имеющимся данным, полиция на вокзалах проверяет у пассажиров не только документы, но и досматривает багаж. При проведении досмотра сохраняйте хладнокровие. Не забывайте, что в критический момент человек должен вести борьбу не с противником, а прежде всего с самим собой.

Вы должны встретить опасность лицом к лицу и, если будет нужно, то и пожертвовать собой. Но настоящий разведчик должен драться, бороться за жизнь до последнего, собраться с духом и не отступать. У нас всегда должна быть надежда. Без нее нет смысла заниматься разведкой. Если же возникнет острая необходимость связаться со мной, то напишите письмо или отправьте телеграмму на свой домашний адрес. Ключ от почтового ящика и доверенность на имя Макса Кригера оставьте мне.

И последнее: по возвращении из Альбукерке дайте сигнал в ранее обусловленном вам месте…

То, что Джонни так долго инструктировал ее, говорило о том, сколь важно для советской разведки это задание. Лесли

прекрасно это понимала и потому твердо решила: она должна выполнить его даже ценой собственной жизни.

* * *

23 июля 1943 года в Альбукерке прибыла молодая элегантная женщина. В этот день она сняла комнату в пригороде Сандиа, а в воскресенье, 25 июля, как было условлено, выехала к месту встречи. Прибыв на автовокзал за час до обусловленной явки, она не спеша направилась к хорошо видимому со всех сторон собору. При подходе к нему несколько раз проверилась — нет ли слежки, и, не заметив ничего подозрительного, в назначенное время вышла на площадь перед храмом. Осмотрелась вокруг: молодого человека, фотографию которого ей показывал Джонни, нигде не было. Она подошла поближе и стала любоваться архитектурой собора, изредка бросая осторожные взгляды то направо, то налево в надежде увидеть Персея и пойти ему навстречу, поскольку он не знал ее в лицо. Но прошло десять минут, пятнадцать, двадцать, а его все не было. Приезжий человек в Альбукерке — словно на ладони, и потому ей казалось, на нее направлены тысячи подозрительных и придирчивых глаз ФБР. В этом городке действительно царила душащая все живое недоверчивость. Непереносимо было от самой этой наэлектризованной и взвинченной обстановки. Чтобы не привлекать к себе внимания, Лесли решила прогуляться. «Почему же он не пришел?» — думала она, переходя на другую сторону улицы, где располагалось высокое красивое здание, в архитектуру которого были изящно вплетены мексиканские народные мотивы.

Через час она вернулась к собору, и опять безрезультатно. Так она уходила и приходила через каждый час, предполагая, что Персей, возможно, перепутал время конспиративной встречи.

Через неделю повторилось то же самое: Лесли снова терпеливо ждала час, другой, третий… Персей не пришел и на этот раз. Глухое недовольство собой и опасение, что, возможно, просмотрела его еще в прошлое воскресенье, а также беспокойство, что с ним что-то случилось, а она не знает, где он живет и как ему позвонить, сменяли друг друга и вызывали в ней растущее раздражение.

В понедельник она отправила на свой домашний адрес телеграмму:

Гарри не приехал на лечение. Что с ним делать — не знаю. Отпущенное мне время на отпуск завершается. Как

быть?

Лесли.

Ответ из Нью-Йорка был тоже кратким:

Продолжай ожидать, как договаривались. Париж стоит мессы!

Преодолев внутреннюю неприязнь к Персею, она, как и прежде, целыми днями бродила по Сандиа, а по вечерам коротала часы за чтением книг либо за беседой с милыми хозяевами пансиона. Полная неизвестность и мучительное ожидание предстоящей поездки в Альбукерке нервировали каждый день. Заметившие ее нервное состояние хозяин и хозяйка стали намекать, что, возможно, ей следует найти достойного партнера, но она отделывалась шутками. Мужество, поддерживавшее ее в те дни, было мужеством отчаяния. И вот она опять выезжает в воскресенье из Сандиа в Альбукерке, и снова, тщательно проверяясь, неторопливо направляется к собору.

В это время верующие выходили из храма после праздничной мессы. Редкие прихожане направлялись домой, остальные собирались группками и о чем-то беседовали между собой. Заметив выходящего из храма низкого роста молодого мужчину с бумажной желтой сумкой, Лесли устремилась к нему. Подойдя к незнакомцу, назвала слова пароля, ожидая услышать от него ответ, но тот недоуменно посмотрел на нее. Тогда Лесли разозлилась и спросила:

— Ну что? Так и будем стоять у всех на виду?

Незнакомец покраснел от смущения. И тут она сообразила, что совсем забыла еще об одном атрибуте вещественного пароля — о торчащем из сумки рыбьем хвосте. Не увидев его, она поняла, что надо как-то выпутываться. Помог сам незнакомец:

— Я вижу, вы чем-то огорчены? Не могу ли я помочь вам?

Лесли сердито покосилась на него:

— Нет, любезный, никто мне не может сейчас помочь. Я должна нести свой крест одна. Господь отвернулся от меня, и теперь я не могу уже надеяться на его милосердие. Хеллоу.

Однако молодой человек расценил ее сумбурные слова по-своему:

— Позвольте, мисс, пригласить вас отобедать со мной. Мне очень нравятся ваши волосы и глаза. И вообще…

Он хотел было обнять ее за плечи, но она оттолкнула его.

— Что ты плетешь, любезный?! — резко парировала Лесли и быстро зашагала прочь с площади.

Вернувшись в Сандиа, она закрылась в своей маленькой комнатке и, не раздеваясь, свернулась в постели калачиком. «Что же могло случиться с ним? — раздумывала она. — Может, его уже нет в Лос-Аламосе? Допустим, он там, тогда вероятны только три причины, по которым он мог не явиться на оговоренную встречу в обусловленное время:

1) Персей решил порвать с советской разведкой, боясь засветиться;

2) произошла ошибка в условиях встречи с ним;

3) возможно, он ошибочно заподозрил, что попал под колпак службы безопасности, и затаился, решил переждать, пока все успокоится. Нет, этого не может быть! — отбросила она первую мысль. — Нет, не мог он изменить делу, на которое пошел сознательно. Маловероятно и второе допущение. А вот третье — допустимо, и потому он, очевидно, не стал подвергать меня опасности. Придется еще раз выехать на встречу с ним. Но через день заканчивается мой отпуск, — вспомнила она, — и надо выходить на работу. Что же делать? Может, еще раз послать условную телеграмму для Джонни, и пусть он там решает, как ей теперь поступить. Но что это даст? На работу она все равно уже опоздала… А, была не была, подожду еще недельку…»

Твердо решив, что если и в следующее воскресенье Персей не явится на встречу, то она прямо оттуда, из Альбукерке уедет домой, в Нью-Йорк, через неделю Лесли выехала из Сандиа со всеми своими вещами. В Альбукерке она сдала их на вокзале в камеру хранения и в четвертый раз направилась к соборной площади. При подходе к храму увидела шедшего со стороны кафетерия невысокого мужчину в соломенной шляпе, белой тенниске и такого же цвета сандалиях. В левой руке он держал желтую сумку с торчащим рыбьим хвостом. Лесли сразу узнала Персея по фотографии. «Наконец-то!» — радости ее не было предела, на глазах от счастья появились слезы.

Когда он поравнялся с ней, она забыла вдруг слова пароля и извиняющимся тоном взволнованно произнесла:

— Простите… Можно вас спросить?

Персей, остановившись, замер с окаменевшей физиономией: не дай Бог, она еще помешает ему встретиться со связником!

— Спрашивайте, — не слишком дружелюбно ответил он.

Не в силах вспомнить слова пароля — бывает же такое! — она продолжала ему улыбаться, будто они были знакомы много лет.

Да, это был Персей. Он показался ей вполне симпатичным человеком, хотя внешне выглядел довольно бесцветной личностью, с бледным худым лицом и большими рыбьими

глазами. Персей начал нервничать: не провокация ли это со стороны ФБР? Он еще больше забеспокоился, когда услышал ее настойчиво-требовательный голос:

— Ну, вы принесли?

Вконец ошеломленный ее вопросом, он посмотрел по сторонам и, предосторожности ради, незаметно повернул сумку так, чтобы была видна на ней марка фирмы — сигнал опасности.

— Да, принес, — выдохнул он и, кивнув взглядом на сумку, добавил: — Вот… полтора килограмма сома.

Лесли заволновалась: она получила совсем не тот ответ. Напрягая память, стала вспоминать слова пароля. Персей обратил внимание на ее сузившиеся зрачки и легкую дрожь тонких пальцев, теребивших косынку на шее. Осмотревшись вокруг, он пуще прежнего занервничал, подумав о том, что если связник заметит сейчас сигнал опасности, то встреча может не состояться.

И тут Лесли вспомнила пароль:

— Подскажите, на какой курорт для легочных больных — Сандиа или Рио-Гранде — мне лучше поехать?

Персей, явно не ожидавший, что на связь в «мертвую зону генерала Гровса» пошлют молодую женщину, произнес шепотом:

— Лучше всего на климатологический курорт, который расположен в Скалистых горах. Там есть очень хороший врач, — И, облегченно вздохнув, галантно взял Лесли под руку. — Здесь много подозрительных типов, пройдемте немного в сторону кафетерия.

Ее внезапно охватил приступ гнева:

— А где же вас черт носил все эти четыре недели? Я каждое воскресенье наезжаю сюда, а он, видите ли, предостерегает теперь…

— О да, это моя вина, — извиняющимся тоном произнес он. — Произошла ошибка: я перепутал месяцы.

— Ну, так вы принесли что-нибудь? Как хоть вас зовут?

— Зовите меня просто «человеком из другого пункта»! — дерзко начал было он, но тут же исправился и помягче добавил: — Луис говорил, что у вас существует железное правило: каждый должен знать лишь то, что необходимо. Иначе это может нанести вред нашему общему делу. Я должен лишь передавать секретную информацию и знать, как надлежит это делать.

А дальше, к большому удовлетворению Лесли, все произошло необыкновенно просто и быстро: Персей сбросил на дно сумки хвост рыбы, достал толстую пачку исписанных убористым почерком листков и сунул ей в руку:

— Здесь все, что я должен вам передать.

Лицо ее сразу просветлело.

— Спасибо! Наконец-то я вернусь домой не с пустыми руками. Спасибо, — повторила она и, переложив сверток в свою кожаную сумку, лукаво посмотрела на Персея.

От ее взгляда ему стало неловко. Он опустил глаза и робко проговорил:

— Не за что. А может быть, мы немного пройдемся, изображая влюбленную парочку? — Персей обнял одной рукой Лесли, но, вспомнив, что он не должен позволять себе наслаждаться прогулкой с незнакомой девушкой, по инструкции генерала Гровса научный сотрудник Лос-Аламоса не имел права вести беседы с не посвященными в атомный проект лицами, полушепотом произнес: — А теперь давайте тихо, мирно разбежимся в разные стороны, как нас учили.

— Можно и не разбегаться. Вы слишком долго заставили себя ждать, а теперь хотите быстро избавиться от меня?

— Наконец-то вы заговорили со мной, как светская дама, — улыбнулся он. — Несколько минут назад вы изъяснялись со мной, как самый строгий шеф из ФБР!

— Простите, я очень разнервничалась тогда. Думаете, легко было ездить сюда каждое воскресенье и ждать вас по нескольку часов?

— Но ради того, что я принес и передал вам сейчас, стоит не только раз в неделю, а даже каждый день ходить сюда. — Потом он неожиданно заявил: — Извините, мне пора отбывать в свой пункт. Луис учил меня покидать опасную зону как можно быстрее…

— Мне тоже пора, — с сожалением произнесла она. Ей очень не хотелось так быстро расставаться с этим молодым человеком, так и не назвавшим ей свое имя.

— Передайте от меня привет Луису, — заметил он, собираясь уходить. — А вы когда намереваетесь уезжать?

Лесли взглянула на часы:

— Через час с небольшим.

— Как через час? — удивился он. — Значит, если бы я не пришел, то…

— То моя поездка была бы напрасной.

Он еще раз извинился, и они разошлись…

Внутренне Лесли была счастлива: сомнения и страхи, которые недавно тревожили ее, остались позади. Главное, она не зря рисковала. Но стоило ей появиться на Перроне железнодорожного вокзала, как настроение вновь упало: перед входом в каждый вагон стояли полицейские. Вот она где, западня! Они строго проверяли документы пассажиров и содержимое их сумок и багажа. Лесли интуитивно почувствовала, что где-то

здесь притаилась для нее опасность. Что же делать? Вернуться в пансионат? Смотать удочки, улизнуть? Поздно! Да и не выход это! Это может вызвать подозрение — курс лечения-то у нее закончился. Да и задерживаться на день-другой нет никакого смысла: завтра и послезавтра на перроне будут стоять те же полицейские. Она лихорадочно прикидывала: в ридикюле — ценные разведывательные материалы, чертежи и расчеты. Их с нетерпением ждут в Москве. А тут, как назло, опять все складывалось далеко не лучшим образом: жесткий, неотступный контроль со стороны ФБР или «Джи-2». У нее стало тревожно на душе, вокзал невольно превратился в незримую арену борьбы, ставка которой — жизнь. Времени до отправления поезда — в обрез. Она поежилась от внезапно пронзившей мысли: в случае обнаружения секретных материалов электрического стула не избежать. В голове появилась ужасная тяжесть. Что делать с материалами Персея? Пойти в уборную и уничтожить их, пока не поздно? Но могут остаться следы: даже если разорвать, на поверхности будут плавать кусочки документов. Тем более если кто-то вдруг войдет в это время. И тут она вспомнила наставления Джонни: «У разведчика всегда должна быть надежда. Без нее нет смысла заниматься разведкой. В случае чего встречать опасность надо лицом к лицу и, если будет нужно, то и пожертвовать собой, но не провалить наше дело. В критический момент человек должен вести борьбу не с противником, а с самим собой. Главное, собраться с духом и не отступать…»

Усилием воли она взяла себя в руки, еще раз оценила ситуацию, прикинула, как лучше действовать. Первое, что надо сделать, решила она, — разыграть опоздавшую пассажирку и выбежать на перрон перед самым отходом поезда, когда у полицейских не останется времени для более тщательного досмотра вещей. Второе: у тамбура вагона инсценировать потерю железнодорожного билета, мол, спрятала куда-то и забыла, после этого спровоцировать конфликтную ситуацию, что она не успеет сесть в вагон. А может быть, поступить наоборот: как-то расположить их к себе, пожеманничать, пококетничать с ними… «А что, собственно, мне еще остается? — решила она. — Итак, сейчас мой ход, а какой игрок будет уступать свой ход другому?! Что ж, делаем приветливую улыбку — и вперед! Главное, надо изобразить этакую порхающую, опереточную субретку, которая буквально выпархивает на сцену с обилием своих сумок и чемоданов». Стряхнув наконец с себя страх, она направилась в камеру хранения, получила вещи, затем зашла в дамскую комнату и, убедившись, что вокруг никого нет, достала из чемодана какую-то книгу, положила в нее, как закладку, посадочный билет,

потом выбросила из коробки с клинексом половину гигиенических салфеток в унитаз, а на освободившееся место, на самое дно, спрятала полученную от Персея пачку «взрывоопасного» материала. Когда до отхода поезда оставалось три минуты, она схватила вещи и опрометью бросилась из здания вокзала. На перроне в это время стояли только провожающие и полицейские. «Спокойно, милая, — приказала она себе, — беги быстрехонько и не оглядывайся».

Маленькая, хрупкая, подгоняемая тревожными мыслями и сочувствующими взглядами провожающих, она бежала к вагону, волоча по перрону кожаный чемодан, в другой руке была сумка, ридикюль и коробка с клинексом.

Запыхавшаяся, уставшая, с крайне озабоченным выражением на лице, она подбежала к вагону, хотела забросить в тамбур чемодан, но ей решительно преградили дорогу двое полицейских «церберов»: пожилой толстяк и молодой верзила.

— Ваши документы, мисс, — вежливо потребовал верзила и предложил ей открыть чемодан.

— И сумку тоже, — добавил толстяк.

— А зачем и то и другое? — с искренним недоумением спросила она, подавая ему вместо документа заключение врачей. — Но я же не успею сесть в вагон, — взмолилась она, продолжая бросать взгляд то на часы, то на полицейских.

— Не беспокойтесь, мисс, поезд без нашего сигнала не уйдет.

— Ну коли так, тогда вот, пожалуйста. — Она раскрыла чемодан, и толстяк начал рыться в ее вещах. Движения его, давно отработанные в ходе многократно повторяемых досмотров, были весьма ловкими и быстрыми.

— Боже мой, что же вы делаете? — завопила она.

В ее голосе было столько неподдельного огорчения, что молодой верзила посочувствовал ей:

— Ничего-ничего, это мы еще по-божески, — ответил он ей дружелюбно и широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами, хорошо контрастировавшими с бронзовым загаром лица. — Мы обязаны все проверять…

— А что именно? — В ее голосе не было ни одной предательски тревожной, дрожащей нотки, ни одной фальшивой интонации — она ничем себя не выдала, не потеряв присутствия духа.

— Мы проверяем, нет ли у вас запрещенных для вывоза из этой зоны информационных материалов и предметов, — откровенно ответил ей толстяк.

Лесли поняла, что в Альбукерке, как и в самом Лос-Аламосе, безраздельно царствует душащая все живое недоверчивость. «Тут

разве что мышь не вызовет подозрения», — подумала она. Чтобы отвлечь верзилу на себя, она быстро опустилась подле него на колени, подобрала при этом повыше юбку, обворожительно улыбнулась и чисто по-женски успокоительным жестом положила руку ему на плечо — мягко, неназойливо: пусть мыслишки крутятся у него в другом направлении. Ей повезло: молодой полицейский клюнул на «наживку» и то и дело стал бросать на нее похотливые взгляды. Затем она стала помогать ему выкладывать для просмотра вещи, потом снова нежно притронулась к его плечу и медоточивым голосом произнесла:

— Ну вы же видите, что ничего такого у меня нет.

Он в знак согласия молча кивнул и стал со сладострастием разглядывать ее: «Ай да краля!»

От маленькой победы над полицейским к Лесли вернулась уверенность в себе. Время между тем тянулось тягуче медленно. До отхода поезда оставалось еще около двух минут. Толстяк вернул ей заключение врачей, а затем вежливо спросил:

— А где ваш железнодорожный билет?

— Одну минуточку, — спокойно ответила Лесли, а про себя подумала: «Ну сейчас я устрою вам представление!»

Решительность, быстрота реакции выступали в ней в тот момент, когда они необходимы. Лесли полезла в чемодан, в котором рылся толстяк, и стала быстро вытряхивать вещи прямо на перрон, умышленно разбрасывая их перед входом в вагон.

— Как назло, куда-то запропастился этот злополучный билет, — проговорила она так, будто ничего особенного не происходило. Спокойное мужество и рассудительная невозмутимость позволяли ей оставлять внешне не замеченным все то, что творилось у нее на душе. Смятение, ярость, чувство вины и ужас владели ею — она поочередно включала каждое состояние, как в глубоко прочувствованной роли. Не найдя билета в чемодане, Лесли начала суетливо открывать застежку-молнию в маленькой кожаной сумке-визитке, которую держала до этого под мышкой. Делая вид, что заело и не может ее открыть, она в то же время прикидывала, как бы половчее оставить альбукерских полицейских с носом. И вдруг она умышленно рванула застежку и «молния» застопорилась. И тут к ней пришла уму непостижимая мысль: «Попробую-ка я отдать подержать коробку с секретными материалами молодому хахалю». Едва она подумала об этом, как перед ее мысленным взором замельтешили осуждающие безрассудство риска суровые лица разведчиков Твена и Джонни. И все же Лесли отважилась на этот рискованный шаг: с наигранным безразличием она, не мешкая, сунула верзиле коробку с дамскими гигиеническими салфетками, очаровательно

улыбнулась ему и жеманно произнесла:

— Подержите, пожалуйста, а то она мешает мне открыть визитку.

Смущенный ее просьбой, молодой полицейский стыдливо отвел взгляд в сторону, но, не в силах отказать красивой девушке в ее просьбе, все же взял у нее коробку с женскими салфетками.

А ей только теперь стало по-настоящему страшно. «Господи, спаси и сохрани!» — мысленно взмолилась она, всем своим видом показывая, что по-прежнему не может открыть застежку-молнию. Внутри у Лесли все похолодело, когда она заметила, что полицейский открыл коробку с клинексом. Понимание того, что дальнейшее промедление может погубить ее и Персея, мгновенно заставило пойти на новые ухищрения — на этот раз она превзошла самою себя: открыла сумочку с предметами дамского туалета, которую до этого повесила на руку, и отдала ее на просмотр именно этому же полицейскому. Отвлекшись от коробки с салфетками, тот начал копаться в ее парфюмерии и говорить Лесли лестные комплименты. Она внешне все принимала как должное, с милой женской непосредственностью. Ох, уж этот пленительный женский шарм!

— Но где же все-таки ваш билет, мисс Элен? — извиняющимся тоном спросил молодой полицейский.

Лесли передернула плечиками, изобразив на лице крайне озабоченное выражение:

— Я совсем забыла, куда его положила.

Быть всегда, в любой ситуации, при любых обстоятельствах на высоте было ее отличительным свойством. Да и кто и в чем мог при таком «арсенале» множества уловок, ухищрений и тонких приемов заподозрить этакое легкомысленное существо.

Вскоре раздался первый предупредительный сигнал об отправлении поезда. Толстяк быстро собрал в чемодан просмотренные им вещи, взялся за лежавшую сверху книгу, вытащил из нее закладку и, с упреком посмотрев на Лесли, повелительно произнес, обращаясь к своему младшему коллеге:

— Пусть мисс Коэн садится в вагон. Она такая же рассеянная, как моя Маргарит. Вот ее билет!

Опять пленительная улыбка, театральный всплеск руками и громкое восклицание:

— О! Я совсем забыла! Я очень благодарна вам! — Лесли вложила в последнюю фразу все тепло, на которое была способна в этой непростой ситуации, когда коробка с клинексом и секретными материалами все еще находилась в руках полицейского. «Похоже, он забыл о ней, а может, и вообще не собирается отдавать ее», — подумала она, направляясь в вагон с

билетом и дамской сумочкой.

От мысли, что полицейский-верзила, возможно, даже заподозрил что-то и потому не хочет возвращать коробку, Лесли начала колотить мелкая противная дрожь. Сердце ее застучало еще громче, когда она, не чувствуя под собой ног, медленно шагнула в тамбур, потом невольно обернулась и скосила взгляд на свой злополучный клинекс. В голове ее лихорадочно бились разные мысли: «Как же все-таки напомнить полицейскому о своей коробке? Попросить ее? Но любая просьба, даже самая безобидная, может ухудшить ее положение: кто знает, может, он специально выжидает и делает вид, будто забыл о коробке, а на самом деле ждет, как я на это буду реагировать…»

Когда поезд уже тронулся, Лесли хотела соскочить на перрон, выхватить у верзилы свою коробку и на ходу прыгнуть обратно. Но ценою колоссальных усилий она взяла себя в руки, решив до конца доиграть роль забывчивой леди. Потом хотела что-то сказать на прощание, но не смогла и только лишь чихнула. Это ее и спасло! Толстяк мгновенно выхватил у верзилы коробку с клинексом и, подбежав к тамбуру, протянул ее Лесли:

— Мисс Коэн, вы забыли бумажные салфетки. Чем же иначе вы будете вытирать свой мокрый носик, если они останутся у нас?

Лесли схватила коробку, хотела поблагодарить толстяка, но от волнения не сумела произнести и слова.

Она еще долго не могла прийти в себя, а когда пришла, то стала секунду за секундой восстанавливать в памяти все, что произошло на вокзале. Мысленно она ругала себя лишь за то, что совершила непозволительный в разведке поступок: сама отдала в руки полицейских полученные ею разведывательные материалы. Но не поступи она так, вряд ли бы удалось усыпить бдительность полицейских и выпутаться из невероятно трудной ситуации. «Судьба, видимо, решила подарить мне единственный шанс, и я его, кажется, использовала до конца», — подумала она и, поблагодарив судьбу за благосклонность к ней, только теперь прошла из тамбура вагона в купе.

Ее выдержка в Альбукерке была поразительной. И если в деятельности каждого разведчика бывает свой «звездный час», то у Лесли это был именно тот самый «звездный час»!

* * *

Долгожданный сигнал — метка, представляющая собой жирную горизонтальную черту, поставленную мелом на торцевой кирпичной стене дома между водосточными трубами, означал

благополучное возвращение Лесли из Альбукерке и ее готовность выйти на встречу в обусловленном месте. По условиям связи, она должна была состояться на следующий день. Но желание поскорее встретиться с Лесли было у Джонни настолько велико, что ждать целые сутки ему было просто невыносимо. Изложив резиденту эти доводы, он получил разрешение на другой вариант встречи с Лесли — посетить ее вечером дома.

Квартира, которую занимали Коэны на 71-й улице Нью-Йорк-сити, выглядела так, как он ее себе и представлял: две небольшие комнаты, минимум мебели, гостиная со встроенными стенными шкафами и совсем маленькая кухня. По американским стандартам, это была очень скромная квартира. Лесли встретила Джонни с заплаканными глазами, сообщив ему о том, что получила известие о гибели мужа. Джонни постарался успокоить ее, но чем он мог облегчить ее горе?

Немного успокоившись и приведя себя в порядок, она стала рассказывать о своей поездке в штат Нью-Мексико:

— Никогда я не была так близка к электрическому стулу, как в Альбукерке пять дней назад…

— Почему? С чего ты взяла? — насторожился Джонни, не сводя с нее глаз.

Достав из встроенного в стену шкафа небольшой сверток в целлофановой обертке, она повернулась к нему и с вымученной улыбкой, протягивая ему ценный «взрывоопасный» груз, произнесла то ли в шутку, то ли всерьез:

— Все бы хорошо, но вот беда: эти материалы побывали в руках полицейских…

Сообщение Лесли ошеломило Джонни: он уставился на нее не в силах произнести и слова и пришел в себя лишь после того, когда она закончила свой рассказ. Поняв, какой нужно обладать смышленостью, артистичностью, чтобы так наиграть безразличие к «взрывоопасному» предмету своего багажа, Джонни, тяжело вздохнув, проговорил:

— Что ж, все хорошо, что хорошо кончается. Но вначале я очень испугался за тебя, Лона. Ты удивительно бесстрашный и отчаянный человек, порой даже не отдающий себе отчета, чем это могло закончиться.

— Нет, Джонни, — перебила она его, — я всегда отдаю себе полный отчет во всем, что я делаю. Но я действительно ничего не боюсь. Если хочешь знать, мне доставляет удовольствие рисковать.

— Именно это и вызывает у меня беспокойство. Твое бесстрашие порой граничит с безрассудством и может привести к провалу…

— Но ведь он и в самом деле не исключается… Как говорится, сколько веревочке не виться…

Джонни, продолжая мысленно «прокручивать» в голове поведение Лесли в последние минуты перед отъездом из Альбукерке, окончательно убедился, что она превзошла самое себя, ничем себя не выдала, не потеряла присутствие духа, и потому, поднявшись со стула, подошел к ней, взял за хрупкие плечи и твердо произнес:

— Ты молодец, Лона! Это счастье иметь такого надежного, смелого и хладнокровного помощника, который готов идти ради нашего дела на смертельный риск. Ты с блеском вышла из этой «аварийной» ситуации. Спасибо тебе за это! И помни, мы очень высоко ценим твою помощь! А что касается провалов, то будь уверена, советская разведка сделает все, чтобы вызволить своего помощника из неволи. Но лучше и почетнее работать безаварийно.

— Но если бы ты знал, Джонни, как тяжело все время скрывать свои истинные взгляды. Как тяжело быть веселой, когда тебе очень нелегко и страшно! Как тяжело спорить, когда хочется молчать! Соглашаться, когда надо возражать, доказывать, убеждать. А я ведь всего лишь женщина! И столько уже вынесла и пережила. Особенно в этом вашем Карфагене. А теперь вот еще известие о том, что Моррис погиб где-то под Арденнами…

Решив утешить Лону, Джонни сказал:

— Я уверен, что с Моррисом ничего плохого не случилось. Не всем известиям надо верить. — Увидев в ее глазах смятение, спокойно добавил: — Не надо волноваться, Лона. Возьми себя в руки. До выяснения всех обстоятельств будем надеяться на лучшее.

— Может быть, ты и прав, Джонни, — вздохнула она и направилась к буфету. — Садись, я приготовл:» кофе…

* * *

Материалы, полученные Лесли от Персея, были оперативно отправлены в Центр. Тогда же за подписью резидента в Москву пошла шифротелеграмма следующего содержания:

Сов. секретно.

Срочно. Лично т. Виктору.

Поездка Лесли в Заповедник завершилась успешно. Информация по «Энормозу» получена обширная и настолько ценная, что хранить ее в секции было нежелательно, и потому она препровождена через

челнока[87] фабрики.[88]

В связи с длительной поездкой в Заповедник Лесли не сумела вовремя возвратиться в Тир и потому была уволена с работы. Нами принимаются меры к ее трудоустройству. По полученным от Лесли сведениям, ее муж якобы погиб под Арденнами. Просим срочно проверить эти данные через возможности соседей[89] и сообщить.

Антон.

Через некоторое время в Нью-Йорк пришла ответная шифротелеграмма:

Сообщите Лесли, что Луис жив и здоров.

В связи с увольнением с работы окажите ей материальную помощь. Попытайтесь трудоустроить ее, но с более свободным режимом.

Ранее полученная от вас информация по «Энормозу» получила высокую оценку.

Виктор.

Как только материалы Персея были доставлены в Москву, их сразу же передали И. В. Курчатову.

В годы войны роль любой разведки чрезвычайно возрастает. Для Советского Союза она была особенно велика в 1943 году. Помимо сбора информации политического характера она решала и другую ответственнейшую задачу — получение сведений по широкому спектру научно-исследовательских и практических работ, связанных с созданием оборонной техники и, в частности, первой в мире атомной бомбы. События 1943 года развивались намного быстрее, чем мог кто-либо предполагать. Победа в Сталинградской битве и под Курском обеспечила коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, имела огромное стратегическое и международное значение, оказав большое влияние на развитие движения Сопротивления в оккупированных фашистами европейских странах, в результате побед Советской Армии вырос авторитет СССР на международной арене. В связи с развалом военной машины Гитлера американцы перестали считать Германию врагом номер один. До 1944 года ФБР практически не работало против граждан Советского Союза на своей территории. Теперь оно полностью переключилось на «охоту» за сотрудниками Амторга и генконсульства. Свертки с агентурными материалами носить для фотографирования в

резидентуру стало опасно. Но поскольку разведка — это мобильный орган и она обязана действовать и добывать нужную информацию в любых условиях, с этого времени стали меняться и методы разведработы. Пересъемку материалов начали делать сами агенты и их связники, а непроявленные пленки передавались в пригороде Нью-Йорка рано утром. В это время суток было легче вести проверку — есть или нет слежка ФБР. Она проводилась, как правило, небольшими бригадами из двух — четырех человек. Составы бригад менялись через каждые три-четыре часа. Сыщики следили обычно дней десять — двенадцать подряд, затем делался перерыв.

Первым из советских разведчиков это почувствовал при поездке в Сан-Франциско и Лос-Анджелес Твен. Чтобы не провалить агентов, он вынужден был не выходить на связь. Непрерывное наблюдение за ним продолжалось и после возвращения в Нью-Йорк. Поняв, что это надолго и всерьез, Твен по согласованию с резидентом Квасниковым направил письмо в Центр на имя начальника разведки:

…Исходя из интересов нашей работы за кордоном и оперативных соображений, считаю своим долгом выразить мнение, что мое дальнейшее пребывание здесь нецелесообразно. Поэтому я прошу вас дать соответствующие указания о моем откомандировании, поскольку среди сотрудников советской колонии в Нью-Йорке я являюсь одним из немногих проживающих здесь столь длительное время — шесть лет. Мои частые разъезды по США для встреч с агентами, прекрасное знание языка, поздние приходы домой с явок — заметно выделяют меня из общей среды совслужащих торгпредства и Генконсульства…

К просьбе Твена начальник разведки отнесся с полным пониманием: перед тем как откомандировать его из Америки, Фитин вышел с ходатайством о награждении Семена Семенова орденом Красной Звезды и присвоением ему спецзвания — капитан госбезопасности. Только после этого Твену пришло из Центра указание приступить к передаче своих агентов на связь молодым сотрудникам резидентуры Анатолию Яцкову (он же Яковлев, он же Алексей и Джонни) и Александру Феклисову (Калистрат). Тогда же для связи с приехавшим в Нью-Йорк в составе британской группы ученых агентом Чарльзом (Клаусом Фуксом) Твен передал Яцкову своего агента-связника Раймонда (он же Арно).

* * *

Весна 1943 года принесла изумившее весь мир известие о разгроме под Сталинградом крупного соединения немецко-фашистских войск, вместе с советским народом этому радовались прогрессивные люди всего мира. Различные общественные организации, возникшие после нападения Германии на Советский Союз с целью оказывать СССР политическую, материальную и моральную поддержку, начали пополняться новыми сторонниками. В этом движении друзей СССР отразился процесс духовного сплочения наиболее сознательной части различных социальных слоев стран — участниц антигитлеровской коалиции. Они видели свой гражданский долг во всемерном содействии скорейшему уничтожению фашизма не только как реакционной диктатуры, но и как идеологии. В Нью-Йорке в это время поток американцев, желавших поздравить советских людей с победой под Сталинградом, не иссякал несколько месяцев подряд: в вестибюле генконсульства постоянно находились посетители — одни приходили, другие уходили. У некоторых из них возникала мысль о помощи Советскому Союзу путем передачи научно-технической и политической информации. В укромных местах незаметно оставлялись анонимные конверты, содержащие самые различные сведения. А однажды к столу дежурного консульства подошла молодая смуглая брюнетка и спросила:

— На месте ли ваш консул?

Дежурный ответил, что он будет к концу дня, и поскольку посетительница других вопросов не задала и каких-либо просьб не высказала, то он не обратил на нее особого внимания. Лишь после ее ухода дежурный обнаружил на краю стола запечатанный конверт с надписью: «Его превосходительству Генеральному консулу СССР. Лично».

Ознакомившись с содержанием письма, консул Евгений Киселев в тот же день передал его резиденту Зарубину. В нем сообщалось о том, что в США осуществляется интенсивная программа по созданию сверхсекретного атомного оружия. Для обсуждения этого вопроса резидент вызвал своего заместителя по научно-технической разведке Л. Р. Квасникова и дал ему почитать письмо. После прочтения Леонид Романович обрадованно заметил:

— Информация «хорошо отутюжена» и представляет для нас оперативный интерес. Ее автор имеет доступ к американским атомным разработкам и хорошо осведомлен в них. Часть сообщаемых им сведений нами уже получена от Персея.

— Я тоже это почувствовал, — перебил его Зарубин. — Что будем предпринимать по этому поводу?

Квасников улыбнулся:

— Искать того, кто решился на такой рискованный шаг.

— А кого искать? Молодую женщину, принесшую в консульство это письмо, или того, кто его написал?

— Разумеется, сначала нужно найти ее и выяснить, согласится ли она и дальше информировать нас об авторе этого письма… Важно ведь знать: он сам решил передать нам эти сведения или кто-то надоумил его на это?

— По-моему, тут ясно одно, — оживился резидент, — это осознанный поступок и хорошо организованное действие, а молодая женщина, оставившая у дежурного конверт, всего-навсего посредница…

Квасников кивнул, а затем быстро проговорил:

— Я даже не исключаю ее приход к нам во второй раз.

— Но если она опять придет в консульство, то нам, наверное, следует принять меры, чтобы не пропустить эту женщину и попытаться как-то установить ее…

— Да, но как это сделать? — задумчиво обронил Квасников.

— А что, если установить в консульстве ежедневное дежурство сотрудников резидентуры? — как бы советуясь со своим заместителем, спросил Зарубин.

— Но у нас для этого не хватит силенок. Если каждому придется дежурить через пять-шесть дней, то застопорится наша основная работа: начнут срываться запланированные явки, а они у каждого из нас идут почти ежедневно.

— Тогда давайте пойдем другим путем, — подхватил резидент, — Предупредим дежурных, чтобы они не пропускали никого в консульство без заполнения карточки посетителя, в которой указаны имя, фамилия, адрес и цель посещения.

— И обязать дежурных, — добавил Квасников, — чтобы они без сотрудника резидентуры ни с кем ни в какие переговоры не вступали, если к ним кто-то обратится с каким-либо вопросом или просьбой…

— На том и порешим, — заключил резидент.

Конверт с сообщением доброжелателя и план первичных мероприятий по его установлению были направлены диппочтой в Москву. В Центре, как и в самой резидентуре, не возникло сомнений в достоверности информации неизвестного друга, которого окрестили там «Иксом». Перед Зарубиным поставили задачу: «…не упустить появившуюся возможность приобретения источника информации для более полного освещения проблем создания атомного оружия и разработать детальный план операции по установлению оперативного контакта с ним…»

Ровно через месяц молодая брюнетка вновь появилась в генконсульстве. Но заполнить карточку посетителя не пожелала,

заявив, что имеет официальное поручение к господину Киселеву и ни с кем, кроме него, разговаривать не желает. Все попытки подключившейся к беседе сотрудницы резидентуры Ольги Шимель выяснить цель ее посещения не дали результатов. Когда же незнакомке сказали, что, не зная о причине ее прихода, консул не сможет дать ей аудиенцию, она в конце концов заполнила карточку и с вызовом бросила:

— Не хотите пускать меня к нему, ну и не надо! Вот! — Она положила на стол письмо. — Передайте это ему! — и ушла.

Хотя сведений о молодой посетительнице получить не удалось, тем не менее разведчица Шимель запомнила ее внешний облик. В справке, составленной ею, отмечалось:

…Возраст смуглой брюнетки 25–30 лет. У нее нетипичная американская внешность. Интеллигентна. Умеет владеть собой. Четко придерживается кем-то данных ей указаний о поведении. Говорила на английском языке, но не с американским, а скорее, с южно-европейским акцентом. Одета скромно и аккуратно.

В карточке она указала свой адрес, фамилию и имя…

При проверке резидентура установила, что эта молодая женщина (в оперативных документах она стала значиться как «игрек») по указанному адресу никогда не проживала, а ее имя и фамилия оказались фиктивными. Из разработанных разведчиками версий наиболее приемлемой оказалась одна: неизвестные «икс» и «игрек» — люди не только прогрессивные, но и близкие Советскому Союзу. Дважды они решались на рискованный шаг в силу своих убеждений или из чувства огромной ответственности перед каким-то третьим авторитетным лицом «зэт», и передача ими ценной информации (в материалах сообщалось об углубленных теоретических и прикладных исследованиях, которые велись Чикагским университетом совместно с фирмой «Дюпон», а также о строительстве в Хэнфорде крупных промышленных установок для производства плутония) являлась сознательным актом. Не исключалось также, что посетительница принадлежала к антифашистской иммиграции 30-х годов и поэтому ее следовало искать среди тех, кто мог участвовать в деятельности нью-йоркского филиала общества «Друзья СССР». С этим филиалом генконсульство поддерживало официальный контакт через Ольгу Шимель. Ей и было поручено изучить весь его состав.

Начались интенсивные поиски молодой смуглой брюнетки с нетипичной для американки внешностью. Но все было безрезультатным, до тех пор пока не состоялся массовый митинг в Нью-Йорке по поводу разгрома фашистских войск под Орлом и

Белгородом. Увидев на митинге посетительницу консульства, разговаривавшую с руководителем общества «Друзья СССР», Шимель быстро направилась к ним. Но брюнетка, видимо, тоже узнала ее и отошла в сторону. Разведчица, подойдя к знакомому ей руководителю общества, как бы между прочим произнесла:

— А я эту женщину что-то не встречала раньше на подобных митингах. Похоже, она здесь свой человек и хорошо знает вас? Кто она?

— Дочь одного итальянского антифашиста. Зовут ее Джемми. Работает в частном госпитале. Очень серьезная и твердая характером девушка. Ее старшая сестра живет с мужем в Пенсильвании. Их семья тоже пользуется у нас большим доверием и уважением…

После того как Шимель доложила данные о Джемми резиденту, тот предположил, что она может в очередной раз доставить в консульство сообщение от «икса» и что это ее посещение с точки зрения конспирации совсем невыгодно для разведки: с каждым приходом будет возрастать для нее опасность попасть в поле зрения ФБР. Разведчице рекомендовали снова пойти в общество «Друзья СССР», поговорить с несколькими его членами, в том числе с Джемми, познакомиться с ней и договориться об отдельной встрече. Шимель вскоре выполнила установку резидента: предупредила Джемми о нежелательности ее приходов в посольство и предложила обсудить интересовавшие советскую разведку вопросы в другом, более подходящем месте, которое бы исключало лишних свидетелей. Джемми согласилась. После этого ей была назначена встреча в таком месте Нью-Йорка, которое подходило с точки зрения конспирации и возможности ведения контрнаблюдения.

Согласно выработанной тактике беседы Ольга Шимель поблагодарила ее за доставку в консульство пакетов с важными сведениями, а затем спросила:

— А вам известно содержание этих материалов?

— Да, но только в общих чертах, — спокойно и твердо ответила Джемми.

— Тогда это позволяет мне спросить вас еще вот о чем: можем ли мы рассчитывать на дальнейшее поступление от неизвестного нам друга таких же сведений?

Джемми мягко улыбнулась и после короткой паузы решительно произнесла:

— Разумеется. Только ради этого я и начала передавать их вам.

Ольга Шимель высоко оценила проявление итальянкой мужества при доставке пакетов в советское представительство и

посоветовала ей действовать впредь более расчетливо и осмотрительно.

— В интересах же лично вашей безопасности, — добавила она, — я прошу вас не посещать больше наше консульство. Давайте будем конспиративно встречаться в заранее обусловленных местах…

— Я не возражаю, — быстро ответила Джемми.

— И еще: прошу рассматривать меня как участника начатого вашими друзьями очень важного дела по передаче России секретной информации, — продолжала советская разведчица. — Было бы, на мой взгляд, целесообразно встречаться хотя бы один раз в квартал и с самим автором передаваемых нам сведений.

— К сожалению, я не имею полномочий обсуждать этот вопрос. Я должна посоветоваться с нашими общими друзьями. К тому же должна заметить, что автор этих сообщений живет и работает не в Нью-Йорке. Он готовит материалы и направляет их мне по собственному разумению и когда захочет. Поэтому я и впредь буду играть роль посредницы.

— Нас это тоже устраивает. Тогда я хотела бы подчеркнуть: коль мы стали участниками нашего общего дела но разгрому сильного и жестокого врага, нельзя ли получить хоть какое-то представление об остальных ваших товарищах?

Возникла пауза. Джемми смотрела на разведчицу, словно не понимая смысла вопроса. Шимель почувствовала, что ее собеседница, очевидно, не хочет отвечать на поставленный вопрос, и потому решила сама помочь ей:

— Но вы можете обсудить это со своими друзьями и дать мне ответ на следующей встрече.

— Да, мне надо посоветоваться. Но я прошу вас не сомневаться ни во мне, ни в моих друзьях.

— Хорошо-хорошо. Тогда я позволю себе задать последний вопрос: вы лично понимаете, что вступаете отныне в неофициальные отношения с представителем Советского Союза? — Задав этот вопрос, Шимель спокойно, выжидающе смотрела Джемми в глаза, как бы приглашая не спешить, собраться с мыслями.

Снова возникла длительная пауза. Шимель уже не надеялась, что получит ответ на свой вопрос, но тут вдруг Джемми, казалось, обрела мужество и смело спросила:

— Вы хотите дипломатический или честный ответ?

— Лучше сразу честный.

— Да, понимаю. Я и мои друзья осознанно идем на такое сотрудничество. Мы очень благодарим советских товарищей за их вдумчивое, внимательное отношение ко мне и моим друзьям.

Благодарим за то, что вы поддерживаете наш боевой дух…

Практически это была несколько необычная по форме и содержанию вербовка Джемми. Ей присвоили тогда псевдоним Эстер, а ее другу дали заочно кличку Мэр.

Однако желательного развития событий не произошло. На последующих двух встречах информация от Мэра по «Манхэттенскому проекту» не поступила. Вызвано это было, как объяснила потом Эстер, тем, что Мэр на некоторое время потерялся и не давал о себе знать два с лишним месяца. В разговоре на эту тему лишь после некоторого размышления, когда, видимо, Эстер приняла самостоятельное решение, она рассказала о том, что источником информации является муж ее родной сестры, что называть его подлинное имя и фамилию она пока не будет, и затем сообщила некоторые установочные данные на Мэра:

— Он окончил Нью-Йоркский политехнический институт, получил диплом инженера по проектированию и эксплуатации энергетического оборудования. Работал в исследовательском центре фирмы «Дюпон» в городе Ньюпорт. Через некоторое время в числе других специалистов этой фирмы был привлечен к участию в подготовке производства атомного оружия. Первое время часто совершал поездки в те города, в которых велись исследования и эксперименты по урану. По возвращении из командировок записывал все увиденное и услышанное, а подготовленную таким образом информацию привозила в Нью-Йорк его жена Розария. Ну а я доставляла ее в ваше консульство. Сейчас его перевели в Хэнфорд на постоянную работу в атомный центр, где он и его жена находятся теперь в полной изоляции от внешнего мира. Поэтому мне трудно судить, насколько регулярными будут мои встречи с ними.

— А вы могли бы сказать, что могло побудить его пойти на такой шаг, как передача секретных сведений Советскому Союзу? — поинтересовалась Шимель.

— Оказавшись в сфере подготовки производства в Америке атомного оружия, он понял: жесткие меры секретности принимаются не столько для того, чтобы информация не попала к немцам, сколько для того, чтобы утаить ведущиеся работы от русских — союзников США по совместной борьбе против фашизма, — его возмущению не было предела. В этом он встретил сочувствие и поддержку и у своей жены, и у меня. С течением времени появилось желание как-то исправить преступные действия американской военщины. И вот однажды в беседе с сестрой я задала ей вопрос: «А не стоит ли твоему мужу сообщать советским товарищам все, что ему становится

известно?» Моя идея понравилась Розарии, и она взялась уговорить мужа. Преодолев некоторую его настороженность, она все же получила согласие, но с одним условием, что кроме нас о принятом решении никго не будет знать…

— Большое вам спасибо за такое решение. Наша страна очень высоко оценивает вашу помощь и надеется на ее продолжение до победного конца над фашизмом. В этой связи не могли бы вы при встрече с Розарией и ее мужем получить от них подтверждение согласия на неофициальное сотрудничество с представителем советской разведки?

— Хорошо, я попытаюсь помочь вам в этом…

На очередной встрече Эстер сообщила, что к ней приезжала сестра, что она побеседовала с ней и та согласилась сотрудничать, но просила иметь в виду невозможность своих частых приездов в Нью-Йорк из-за установленного в Хэнфорде строгого режима секретности.

В переданной тогда советской разведке информации от Мэра содержались сведения о ходе разработки конструкции ядерных реакторов и системы их охлаждения, о технологических установках по извлечению плутония из облученного урана-238, о биологической защите и допустимых для человека дозах облучения. Информация Мэра давала достаточное представление о программе строительства комплекса по производству плутония (реакторы и предприятия по химической экстракции делящегося материала в жидкой среде), примерных сроках готовности этого комплекса к эксплуатации и его производительности. Все это позволяло с известной степенью вероятности определить сроки изготовления первых образцов атомного оружия и их полигонного испытания.

После этой встречи с Эстер Розарии был присвоен псевдоним Мэри.

* * *

Осенью 1943 года в США было создано особое разведывательное подразделение под кодовым названием «Алсос». Возглавил его главный контрразведчик Лос-Аламосской лаборатории полковник Борис Паш.

Ему предстояло выехать в Европу с первой группой ученых для сбора информации о состоянии работ по урановой проблеме в Германии. Предполагалось, что немцы в середине 1943 года имели столько радиоактивных веществ, что могли отравить все крупные города тех стран, с которыми они воевали. Однако это оказалось далеко не так. Гитлер, не осознававший революционный характер атомной физики, большой пользы от урановых исследований не видел, поэтому он сделал ставку не на атомную бомбу, а на снаряды ФАУ-1 и ФАУ-2 и при этом издал приказ о том, что никакие «урановые проекты» не должны осуществляться, если они не гарантируют в течение шести недель выпуск готового боевого оружия, применяемого на полях сражений. Однако германские физики продолжали работать над ураном и тяжелой водой. Но эти работы в зависимости от обстановки на фронтах то включались в спираль приоритетных проблем, то исключались из них. После сокрушительных поражений под Курском и Сталинградом немцы вообще отказались от идеи поставить на промышленную основу производство атомного оружия. Об этом свидетельствовали и захваченные в Страсбурге документы Вейцзекера, относящиеся к германскому урановому проекту. Изучение их американцами показало, что германские ученые в области атомных исследований в действительности отставали от США и Англии по меньшей мере на два года. У них не было ни завода для выделения урана-235, ни реактора для производства плутония. Руководители «Алсоса» не удовлетворились находкой в Страсбурге. Американцы допускали, что документы Вейцзекера могли быть оставлены там умышленно, что это был типичный немецкий прием дезинформации и военной хитрости. А работы по изготовлению урановой бомбы могли производиться в другом месте Германии. Было известно, что душой и мозгом немецкого атомного проекта являлся Вернер Гейзенберг. Там, где он работал, должна была находиться и основная лаборатория для осуществления уранового проекта. И действительно, чтобы спасти свой маленький коллектив от частых воздушных налетов и обеспечить его стабильную работу, Гейзенберг переселил свой

институт в маленький городок Эхинген, в относительно безопасный район Швабских Альп. Как только организация «Алсос» узнала об этом, полковник Паш разработал операцию по захвату ученых, оборудования лаборатории и всей ее документации. Эта операция завершилась успешно: были захвачены восемь ученых, среди них были Отто Ган, Нобелевский лауреат Макс фон Лауэ, Вейцзекер, а через некоторое время и сам Гейзенберг.

Донесения руководителей «Алсоса» об отсутствии у немцев атомной бомбы и не существующих даже предварительных условий для ее создания были совершенно секретными. Но никакие строгие меры не могли помешать тому, чтобы эта новость быстро распространилась по всем отделам Лос-Аламосской лаборатории. Опасение, что немецкие физики могут стать первыми, — основной мотив, по которому англичане и американцы начали работать над созданием урановой бомбы, — потеряло свою силу. А после вторжения союзных войск на территорию Германии уже никто из эмигрантов и ученых, работавших в Лос-Аламосе, не сомневался, что война близится к концу. Японцы, оставшиеся единственным серьезным противником, были вообще не в состоянии разработать подобное оружие. Среди физиков-атомщиков зародилось убеждение в том, что сверхбомба не нужна, появилось желание уберечь человечество от умопомрачительного ужаса, который они уготовили ему своими разработками. Однако отказаться от продолжения практических работ им было нелегко — слишком много времени и средств отдано на осуществление «Манхэттенского проекта». Причем цель была уже близка. Не могли они не учитывать и главного довода американского военного ведомства: Япония, мол, еще не разбита, а обладание атомной бомбой позволит Соединенным Штатам ускорить исход борьбы на тихоокеанском фронте и спасти жизнь огромному числу американцев. Все это, несомненно, так. Однако была и другая сторона вопроса. Ученые не знали тогда, что урановая бомба готовилась как орудие устрашения в послевоенной политике США после победы над Германией и Японией.

Нобелевский лауреат Нильс Бор разгадал это раньше других. Перед первой своей поездкой в Лос-Аламос он встретился с английским премьером Черчиллем и предложил ему поделиться с русскими секретами изготовления урановой бомбы, достичь с ними соглашения о будущем контроле над столь грозным оружием. Но Черчилль не принял его предложения. Приехав же в Америку, Бор направил Рузвельту личное послание. В нем утверждалось, что страна, которая станет единственной

обладательницей сверхбомбы, должна немедленно выступить за заключение международного соглашения о контроле над использованием активных веществ, имея в виду уран и плутоний. Любое временное преимущество, считал пацифист Бор, как бы велико оно ни было, не может идти в сравнение с постоянной угрозой безопасности всего человечества.

* * *

Агент Чарльз (доктор Клаус Фукс) прибыл в США в начале декабря 1943 года в составе британской научной миссии. В нее входили довольно известные по тому времени ученые Рудольф Пайерлс и Отто Фриш. Поселился Чарльз на 77-й улице Нью-Йорка, неподалеку от «Хемпширхауз» — штаб-квартиры английского разведывательного центра в США, которым руководил Уильям Стеффенсон. Когда Великобритания поняла, что американцы не помышляют о равноправном информационном обмене, как того требовали условия Квебекского соглашения, то ее правительством было поручено службе Стеффенсона собирать информацию по всем объектам «Манхэттенского проекта», где только могли работать английские ученые. Негласно и втайне от американцев они обязывались, каждый в своей области исследований, готовить «отчеты» для «Хемпширхауз».

Чарльз, как было оговорено заранее, занялся в Нью-Йорке дальнейшей разработкой газодиффузионного процесса и решением технологических проблем комплекса в Ок-Ридже, местонахождение которого тщательно скрывалось от английских ученых. Без специального разрешения им было запрещено посещение и других исследовательских центров и комплексов «Манхэттенского проекта». Впоследствии только по этой причине большинство английских физиков вернулись в Великобританию, в США, по настоянию американцев, остались лишь трое, кто представлял, по их мнению, наибольшую ценность, — это Рудольф Пайерлс, Клаус Фукс и Тони Скирм.

В субботу, 4 февраля 1944 года, Клаус Фукс, как и было условлено, встретился на углу Истсайд и Генри-стрит со своим связником Раймондом, которого в устной форме проинформировал о том, что он оставлен для продолжения работы по «Манхэттенскому проекту». После этого они договорились провести очередную встречу в следующем месяце на углу 59-й стрит и Лексингтон-авеню.

Когда в московском разведцентре получили сообщение о том,

что Чарльз оставлен в Нью-Йорке, то сразу же было решено подключить его к выполнению собственноручно подготовленных Курчатовым многочисленных просьб к разведке, начинавшихся со слов: «…Очень важно было бы выяснить…», «уточнить…», «получить…».

К тому времени I Управление НКГБ СССР уже имело одно заключение на сообщение Персея из Лос-Аламоса, в котором также высказывались просьбы:

> Сов. секретно.
>
> Товарищу Е. М. Потаповой
>
> …Материал очень ценен, т. к. он дает схему производства методов электролиза, в которой сложное и взрывоопасное сжигание газов может быть заменено изотопным обменом в реакционных колоннах. Чрезвычайно важно было бы получить следующие дополнительные данные:
>
> а) отношение объема реакционной колонны к количеству пропускаемого через нее в единицу времени (час или минуту) водорода;
>
> б) более точную схему соединения электролизеров и реакционных колонн.
>
> *И. Курчатов.*
>
> *22.02.44 г.*
>
> Экз. единств.

На документе наложена резолюция заместителя начальника разведки НКГБ Г. Овакимяна:

> т. Трауру А. Г.[90]
>
> Оценки разведматериалов необходимо получать в официальном порядке, а не в форме научных записок и не на имя переводчицы.
>
> *26.02.44 г.*

Задание И. Курчатова в целях проверки объективности и достоверности источников было доведено до обоих атомных агентов Чарльза и Персея. Полученные от них в середине лета 1944 года материалы полностью совпадали (что подтверждало их надежность) и были вновь направлены на оценку в Лабораторию № 2. Получив из рук переводчицы Е. М. Потаповой толстую стопку разведданных, Курчатов поначалу растерялся, а потом

спросил:

— Елена Михайловна, я хотел бы посоветоваться вот по какому вопросу… Материалов из вашего ведомства с каждым разом поступает все больше и больше. Переваривать их мне одному не хватает времени. С пользой же для общего дела мы могли бы оперативнее использовать ваши данные для исследований и экспериментов, но вся беда в том, что никто, кроме меня, не допущен к вашей развединформации. Нельзя ли как-то проработать вопрос о допуске к ней хотя бы еще двух человек, за которых я могу всецело поручиться?

— Хорошо. Давайте попробуем, — согласилась Елена Михайловна. — Но для начала я должна в устной форме доложить об этом своему руководству. Для убедительности неплохо было бы, если бы вы назвали мне сразу фамилии тех сотрудников, которых вы считаете необходимым подключить к ознакомлению с разведданными по урановой проблеме. И если можно, то кратко сообщите их биографические данные и научные характеристики.

— Ради Бога, запишите две фамилии, — обрадованно подхватил Курчатов, — Один из них — член-корреспондент Академии наук Исаак Константинович Кикоин. Я хорошо знаю его по Ленинградскому физтеху. Потом он был завкафедрой Уральского политехнического института в Свердловске. В прошлом году, когда мы начали всерьез разворачивать работы по созданию атомной бомбы, я пригласил его в Москву. Еще я хотел бы привлечь к ознакомлению с вашими материалами своего родного брата Бориса Васильевича. Он тоже физик и к тому же неплохой радиохимик. Автор многих научных работ. Недавно им впервые было получено лабораторным путем небольшое количество плутония и изучены его химические свойства. Брату вы можете доверять не меньше, чем мне…

— Хорошо, Игорь Васильевич, я обязательно сообщу о ваших предложениях своему руководству, — заверила его переводчица Потапова.

К тому времени Наркомат госбезопасности СССР возглавил снова В. Н. Меркулов. Он по сравнению с Берией был менее жестким руководителем, и потому Фитин согласился убедить его без оформления соответствующих оперативных документов на допуск еще двух ученых к ознакомлению с агентурными материалами. И действительно, со стороны наркома Меркулова возражений не последовало. Вскоре от И. К. Кикоина в НКГБ поступили два первых коротких отзыва:

1…1. Работа имеет ценность в конструкции

диффузионной установки, где используются газовые сальники (в нашей конструкции мы пытаемся избежать таких сальников).

2. Влияние степени разветвления.

…Речь идет о том, что в варианте конструкции установки с тройным разветвлением (т. н. «беличья схема») степень разветвления в различных ступенях можно варьировать и тем самым менять производительность.

Расчет, сделанный в этой работе, весьма остроумен и может быть использован при детальном конструировании машины (…).

3…В третьей работе (…) рассматривается проект сборки сеток, позволяющий удобное крепление их и установление правильной величины зазора (…).

Эта последняя работа имеет наибольший интерес, ибо дает представление о производственной схеме разделительного завода…

Кикоин.

Тремя месяцами позже им же был направлен в разведку второй документ:

Совершенно секретно Народному Комиссару химической промышленности

тов. Первухину М. Г.

Отзыв о материалах, полученных 27 и 30 июля с. г.

Материалы от 27.07 в большей своей части посвящены вопросам устойчивости разделительной установки и являются дополнением к обширному вычислительному материалу, полученному ранее. Эти материалы будут иметь большое значение при разработке способов регулирования процесса разделения. Несколько страниц посвящено анализу весьма важного вопроса о влиянии толщины сеток на процесс разделения. Анализ проведен совершенно правильно (мы сами занимались этим вопросом и пришли к аналогичным выводам).

На одной странице приведены численные показатели, касающиеся установки с производительностью 1,86 кг вещества в день. С такой установкой мы встречаемся впервые (…).

Материалы от 30.07 весьма интересны и важны, поскольку они показывают, что по крайней мере часть

завода уже работает и эксплуатируется. В тексте этих материалов (на 3-х страницах) дается описание небольшого эскиза расположений зданий завода. Этот эскиз наклеен на большой чертеж, который тоже представляет собой схему (…). В описании указано, что небольшой эскиз является схемой зданий, не нанесенных на большой чертеж. Указано, что здания эти полностью отгорожены, и дается лишь внешнее описание того, что видно со стороны. По этому краткому описанию можно приблизительно догадаться, о чем идет речь.

Материал текстовой и графический (последний в особенности) крайне важен, ибо дает некоторое представление о масштабе сооружений. Всякое умножение этого материала было бы необычайно важно и оказало бы большую помощь.

Кикоин.

Экземпляр единственный.

С февраля по июль 1944 года Клаус Фукс пять раз встречался в Нью-Йорке со своим связником и передал ему информацию об опытной промышленной установке в Ок-Ридже по производству атомной взрывчатки, о возможности осуществления котла в смеси обычной воды и металлического урана.

Ознакомившись с его данными, И. В. Курчатов понял, что производство атомного оружия в США уже поставлено на промышленную основу. В Советском же Союзе дела шли ни шатко ни валко: даже геологические изыскания урановых месторождений не были еще развернуты, а без наличия урана ничего нельзя было сделать. Игорь Васильевич решил обсудить этот вопрос с В. М. Молотовым, который осуществлял общее руководство атомным проектом по линии правительства. Но прежде чем это сделать, он направил ему свое заключение по материалам разведки за № 1/3/16015 от 16.09.44 года:

«…Обзорная работа по проблеме урана представляет собой прекрасную сводку последних данных по основным теоретическим и принципиальным направлениям проблемы. Большая часть данных была уже известна нам по отдельным статьям и отчетам, полученным летом 1944 года…»

* * *

Летом 1944 года ранее оставленная в Нью-Йорке группа британских ученых в составе Рудольфа Пайерлса, Клауса Фукса и Тони Скирма должна была возвратиться в Англию, но отпускать домой прекрасно зарекомендовавших себя физиков, к тому же хорошо осведомленных о секретах производства американской атомной бомбы, США явно не хотелось, и поэтому им было предложено принять участие в работе на суперсекретном объекте на юге Соединенных Штатов (имелась в виду Лос-Аламосская лаборатория). Это решение оказалось для Чарльза настолько неожиданным и незапланированным, что он перед отъездом в Лос-Аламос не успел даже известить об этом своего связника Раймонда. Связь, таким образом, нарушилась, и, чтобы восстановить ее, Центр принял решение выйти на него через сестру — Кристель Хейнеман, адрес которой был известен.

В сентябре 1944 года Раймонд выехал в пригород Бостона — Кембридж. Встретившись с Кристель, он попросил ее передать Фуксу письмо (тот обещал навестить сестру на рождественские праздники). В письме предлагалось Чарльзу, как только он приедет к сестре, позвонить рано утром по указанному номеру телефона и сообщить о себе условной фразой: «Нахожусь в Кембридже и буду здесь столько-то дней». Эго был большой риск, но другого выхода у разведки не было…

В Лос-Аламосе Клауса Фукса определили в отдел теоретической физики, которым руководил знакомый ему немецкий ученый Ганс Бете, друг Рудольфа Пайерлса. Бете хорошо помнил Фукса по Бристольскому университету как очень талантливого, спокойного и скромного ученого и потому без колебаний предложил ему работу в группе «Т-1» (термодинамика имплозивных процессов). Возглавлял эту группу известный в те годы американский физик Эдвард Теллер. С лета 1944 года с согласия Оппенгеймера он отошел от разработки плутониевой бомбы и стал работать над термоядерной. Руководителем группы «Т-1» был назначен Пайерлс, по указанию которого Чарльз начал заниматься проблемой исключительно сложной как в техническом, так и в теоретическом плане, — расчетами величины критической массы и разработкой метода имплозии!. О том, как и с чего он начал решать эту задачу, Чарльз проинформировал советскую разведку в феврале 1945 года. На встрече с Раймондом в пригороде Бостона он передал объемистый пакет — подробный письменный отчет, в котором суммировал все известное ему о завершающейся стадии разработки американской атомной бомбы.

Ни жесткий руководитель «Манхэттенского проекта» генерал Лесли Гровс, ни главный контрразведчик проекта полковник

Борис Паш не сумели тогда разглядеть истинное лицо богобоязненного, хилого доктора Клауса Фукса. «Безобидная лабораторная крыса, и только», — считали они и потому смотрели на него свысока и с полупрезрением. Не разгадали они твердый, собранный характер этого аскета, пуританина, не любящего быть на виду, не поняли, что безобидный стеснительный Клаус Фукс — это явление в науке, физик от Бога, обладающий, как отмечал Теллер, исключительными способностями. Это было наивысшей похвалой выдающегося американского ученого, который редко когда кому-нибудь симпатизировал. И вообще равными себе он признавал лишь трех, от силы четырех крупных ученых-физиков.

Агент Клаус Фукс — это была большая удача советской разведки. Скольких нужных агентов он заменял один в «Манхэттенском проекте», оказавшись в самом необходимом месте — Лос-Аламосе. Что и говорить, — это был предел мечтаний разведцентра в Москве и его резидентуры в Нью-Йорке. Вместе с Персеем он не просто давал бесценную научную информацию из Лос-Аламоса, но и подсказывал, уточнял и рекомендовал советским ученым избрать то или иное направление при разработке отечественной атомной бомбы. Фукс не сомневался, что русские способны сами создать ее и рано или поздно на основе собственных исследований добьются успеха в этом даже без его информации, но, руководствуясь здравым смыслом, он хотел помочь СССР ускорить решение этой проблемы. Фукс был убежден, что единственная возможность предотвратить американскую монополию — это ускорить изготовление адекватного оружия в Советском Союзе. Только из этих соображений он стремился передавать советской разведке такую информацию, которая помогла бы избегать неверных и бесперспективных направлений атомных исследований.

Как участник научных семинаров, Клаус Фукс имел полное представление о работе почти всех лабораторий и отделов Лос-Аламоса. Ему выпало счастье, как отмечал он впоследствии в одном из своих неопубликованных интервью, работать рука об руку с выдающимися учеными века — Нильсом Бором, Джеймсом Чедвиком, Гансом Бете, Энрико Ферми, Эмилио Сегре, Ричардсом Фейнманом, Рудольфом Пайерлсом и Отто Фришем, ставшими нобелевскими лауреатами и основателями целых научных направлений.

Встретившись в очередной раз с Раймондом в Бостоне Чарльз предупредил его, что в связи со вступлением всех работ в кульминационную фазу выезды из Лос-Аламосской зоны будут ему запрещены, и поэтому следующую явку он предложил

провести в Санта-Фе, указав на карте города конкретное место ее проведения…

* * *

В феврале 1945 года резидентурой были получены разведывательные материалы и от Персея, приезжавшего в Нью-Йорк во время своего отпуска. Направляя их в Москву, Леонид Квасников попросил Центр обратить на них особое внимание и попытаться сохранить их до своего возвращения (осенью 1945 года завершался срок его загранкомандировки). Такая необычная просьба резидента была вызвана опасениями, что особо ценная развединформация из Лос-Аламоса может залежаться в отделе и остаться невостребованной.

Обеспокоенность Квасникова о ее реализации настолько заострила проблему оперативного использования разведданных, что к их переводу и анализу приказом начальника I Управления Павла Фитина был подключен возвратившийся из Нью-Йорка Семен Семенов (Твен). Ему был срочно оформлен специальный пропуск для доставки Курчатову особо секретных сведений по атомной бомбе в Кремль и Лабораторию № 2.

Через некоторое время эти же сведения запросил из НКГБ и Берия, продолжавший и на посту наркома внутренних дел вместе с Молотовым курировать вопросы создания новых видов оружия. 28 февраля 1945 года была подготовлена записка следующего содержания:

Сов. секретно, экз. № 1

Народному Комиссару Внутренних дел Союза ССР товарищу Берия Л. П.

НКГБ СССР представляет информацию, полученную агентурным путем, о ходе работ по созданию атомной бомбы большой разрушительной силы (…). Проблема ее разработки сводится в настоящее время к двум основным задачам:

1. Производство необходимого количества расщепляемых элементов — урана-235 и плутония.

2. Конструктивная разработка приведения в действие бомбы.

В соответствии с этими задачами в США созданы следующие центры:

1. а) Лагерь-1, он же лагерь «Х», — в Вудс Холле, в 35 километрах от г. Ноксвилл, шт. Теннеси. Здесь ведется строительство завода производства урана-235. На

строительство этого завода ассигновано 2 миллиарда долларов и занято около 130 000 человек. Общее руководство по строительству завода поручено фирме «Келлекс» (…). Кроме того, привлечены другие известные фирмы: «Дюпон», «Карбайд энд Карбон кемикал Ко». Все работы по созданию завода носят условное название «Клинтон инжиниринг воркс» (…).

б) Лагерь «W», около г. Хэнфорд, шт. Вашингтон, на реке Колумбия. На установке, принадлежащей фирме «Дюпон», здесь производится элемент 94, или плутоний.

2. Лагерь-2, он же лагерь «Y», — в местечке Лос-Аламос, в 70 километрах к северо-западу от небольшого города Санта-Фе, шт. Нью-Мексико (…).

Последние исследовательские данные об эффективности атомной бомбы вносят новое представление о масштабах разрушения. По расчетам, энергия атомной бомбы общим весом около 3 тонн будет эквивалентна энергии обычного взрывчатого вещества весом от 2000 до 10 000 тонн. Считают, что взрыв атомной бомбы будет сопровождаться не только образованием взрывной волны, но и развитием высокой температуры, а также мощным радиоактивным эффектом, и что в результате этого все живое в радиусе до 1 километра будет уничтожено (…).

Что же касается бомб несколько меньшей мощности, то сообщается, что уже через несколько недель можно ожидать изготовления одной или двух бомб, для чего американцы уже имеют в наличии необходимое количество активного вещества. Эта бомба не будет столь эффективной, но все же она будет иметь практическое значение как новый вид оружия, намного превышающий существующие на сегодня по своей эффективности. Первый опытный «боевой» взрыв ожидается через 2–3 месяца.

В связи со всей проблемой использования внутриатомной энергии урана в целом вопрос о наличии и мощности месторождений урановой руды в каждой из стран приобретает особо важное значение.

В нашем распоряжении имеются следующие данные по этому вопросу:

Главные месторождения урановых руд находятся в Бельгийском Конго, Канаде, Чехословакии, Австралии и на о-ве Мадагаскар.

Канадская руда разрабатывается (…) в Порт-Хоуп,

Онтарио и использовалась как англичанами, так и американцами (…).

Кроме того, американцы добились неограниченного контроля над добычей урановых руд в Бельгийском Конго. Позиция англичан в Бельгийском Конго значительно слабее, так как промышленная верхушка этой колонии склоняется в сторону американцев и настроена сепаратистски, высказываясь за выделение в независимое государство.

Месторождения урановой руды в Чехословакии расположены в Судетской области, в окрестностях Иохимшталь на южных склонах Эрцгебирга в 20 километрах к северу от Карлсбада.

По нашим агентурным данным, англичане были якобы намерены заключить соглашение с чехословацким правительством в Лондоне по вопросу об эксплуатации этих месторождений.

Народный Комиссар Государственной Безопасности Союза ССР В. Меркулов.

В рукописных заключениях академика Курчатова (секретность не позволяла ему доверять подобные тексты печатать машинисткам) на агентурные материалы Персея и Чарльза, подписанных в марте 1945 года, содержался обзор частных аспектов атомной физики, отмечались главные достоинства американского уран-графитового котла, в котором в качестве среды для охлаждения использовался шестифтористый уран, и указывался основной недостаток новой системы — большое количество потребляемого урана — в пять раз больше, чем в других системах котлов.

Во втором заключении, состоящем из двух частей, подчеркивалось:

Материал представляет большой интерес: в нем наряду с разрабатываемыми нами методами и схемами указаны возможности, которые до сих пор у нас не рассматривались.

К ним относится:

1) применение уран-гидрида-235 вместо металлического урана-235 в качестве взрывчатого вещества в атомной бомбе;

2) применение «взрыва вовнутрь» для приведения бомбы в действие… (см. Приложение № 4).

Ученые-физики, не знакомые с происхождением поступавшего к ним от Курчатова готового исследовательского материала, были твердо убеждены, что такая ценная информация шла к ним из других параллельных научных центров; они предполагали, что опыты, требовавшие уникального и дорогостоящего оборудования, ставились где-то на Урале или в Сибири запасной «командой» ученых. Что эта «команда», подобранная Берией, может в любой момент заменить их, если только произойдет какой-нибудь непредвиденный сбой при предварительном испытании отдельных узлов и компонентов бомбы. А если же она вообще не взорвется, то в ход, считали они, может вступить двойная бухгалтерия Берии. Под этим подразумевалось: в случае неудачи одним грозит расстрел, другим — длительное тюремное заключение; в случае удачи — одним звание Героя Социалистического Труда, другим — ордена и медали.

Было действительно такое, когда Берия собственной рукой вписал себя под первым номером в список лиц, заслуживающих звания Героя. Он же, кстати, составлял и проект приказа на тех ученых, которым головы бы не сносить в случае провала атомной программы. Поэтому все — и Курчатов, и Харитон, и Кикоин, и Алиханов, и Зельдович, и многие другие ученые и специалисты — прекрасно понимали гигантскую угрозу, нависшую над ними, и потому стремились оперативно, со знанием и с пользой для дела использовать данные развединформации.

Отдавая дань высокой секретности агентурных материалов НКГБ, Курчатов около двух лет не решался показать их непосредственным исполнителям, и лишь 7 апреля 1945 года он впервые поставил вопрос об этом в своем шестистраничном заключении к препроводительной № 1/3/6134:

> Сов. секретно.
>
> Материал большой ценности. Он содержит данные:
>
> 1) по атомным характеристикам ядерного взрывчатого вещества;
>
> 2) по деталям взрывного метода приведения атомной бомбы в действие;
>
> 3) по электромагнитному методу разделения изотопов урана (см. Приложение № 5).

Вопрос о том, что некоторые разведывательные материалы, хотя бы частично, желательно показывать Ю. Б. Харитону, был в устной форме решен положительно, но для оформления ему допуска потребовалось направить в I Управление НКГБ официальное письмо:

Сов. секретно.
Экз. единственный.

Товарищу Овакимяну Г. Б.

При препроводительной от 6 апреля 1945 года вам направлен исключительно важный материал по «импложн»-методу.

В виду того что материал специфичен, я прошу Вашего разрешения допустить к работе по его переводу проф. Ю. Б. Харитона (хотя бы от 2-й половины стр. 2 до конца, за исключением стр. 22).

Проф. Ю. Б. Харитон занимается в лаборатории конструкцией урановой бомбы и является одним из крупнейших ученых нашей страны по взрывным явлениям.

До настоящего времени он не был ознакомлен с материалами даже в русском тексте, и только я устно сообщил ему о вероятностях самопроизвольного деления урана-235 и урана-238 и об общих основаниях «импложн»-метода.

И. Курчатов 30 апреля 1945 года.

* * *

В начале 1945 года военной разведкой Генерального штаба Советской Армии в Канаде были завербованы ученые Израэль Гальперин[91] (агент Бэкон), Нэд Мазерал (Багли) и Дэнфорд Смит (Бадо). В это же время с группой английских ученых, сформированной в Лондоне для сотрудничества с Монреальской лабораторией по урановому проекту, в Канаду прибыл ранее завербованный ею агент Алек — физик-экспериментатор Аллан Нан Мэй.[92] Когда сотрудник ГРУ Павел Ангелов по указанию Центра вышел на него для установления связи, то доктор Мэй, явно не ожидавший, что разведка и в чужой стране «достанет» его, мгновенно сник и стал уклоняться от контакта. Только благодаря настойчивости и твердости Ангелова он в конце концов согласился давать военной разведке информацию. Впоследствии Алек так вспоминал об этом:

«..Я тщательно анализировал вопрос о правомерности того, что развитие атомной энергетики стало лишь прерогативой США и только после этого принял очень болезненное для себя решение о том, что следует предать общей гласности информацию об

атомной бомбе (…).

Все мои действия были очень тягостны, но я встал на этот путь, руководствуясь лишь одним соображением — внести добрый вклад в спасение и безопасность рода человеческого (…)».

Впоследствии Алек передал военной разведке микроскопические образцы урана-235, нанесенного тончайшим слоем на платиновую фольгу, а также образцы немного обогащенного урана-235 в небольшой стеклянной трубочке. С большими предосторожностями в нательном поясе вывез этот опасный драгоценный груз военный разведчик П. С. Мотинов.

С марта 1945 года из Канады начала периодически поступать заслуживающая оперативного внимания информация по урановой проблеме, о чем могут свидетельствовать нижеприведенные фрагменты из шифрованных телеграмм по линии ГРУ:

…В стадии строительства находится завод по производству урана, который может стать начинкой для бомб (…).

…Бадо передает доклад о работе Национального научно-исследовательского совета по урану (…).

В ответ шли тоже короткие телеграммы с просьбами:

…Уточните у Бадо, сможет ли он получить образцы урана-235, и предупредите его об опасности. Попросите его представить детальное (…) сообщение о заводе по производству радия…

Но были шифровки из Канады и другого характера:

С Бэконом стало трудно работать, особенно после того, как его попросили достать уран-235. Он заявил, что это невозможно (…), и отказался представить информацию в письменном виде…

В это же время в канадский атомный центр, который находился в Чок-Ривере и специализировался на разработке ядерных реакторов, переехал из Хэнфорда агент Мэр. Связь с ним сразу нарушилась. О положении агента лишь изредка в иносказательной форме разведку информировала его жена в своих письмах к Эстер. В поиске подходов к Мэру и восстановления постоянной связи с ним, поскольку Чок-Ривер был давно объектом особых устремлений I Управления НКГБ и ГРУ, можно было бы использовать для этого резидентуру в Оттаве. Но Центр посчитал это нецелесообразным из-за резкого осложнения оперативной обстановки в Канаде. Оптимальным вариантом решения задачи было сочтено налаживание курьерской связи через Эстер, но она в это время заявила о своем возвращении на родину, в Рим, где Пальмиро Тольятти уже открыто выступал с программой объединения всех сил нации для

завершения борьбы против гитлеровской Германии и ликвидации остатков фашизма в самой Италии. Удержать же Эстер от возвращения из эмиграции вместе с близкими друзьями было невозможно из-за отсутствия убедительной для этого и для приглашавших ее в Рим родных и знакомых причины. Так Мэр и остался в Канаде без связи.

* * *

9 мая 1945 года было днем всеобщего ликования во всем мире. А ровно через десять дней, как обухом по голове, из уст заместителя государственного секретаря США Джозефа Грю прозвучали леденящие душу слова: «Если что-либо может быть вполне определенным в этом мире, так это будущая война между СССР и США…» Ученые-атомщики Лос-Аламоса не на шутку встревожились, что правительство Соединенных Штатов может действительно применить где-нибудь ядерное оружие. И как это ни парадоксально звучит, но именно Альберт Эйнштейн и Лео Сцилард, написавшие в свое время записку президенту Рузвельту о том, что надо немедленно приступать к созданию в США атомной бомбы, глубоко переживали теперь содеянное, и по странной иронии судьбы они же и первыми из ученых, за месяц до окончания войны в Европе, обратились к тому же Рузвельту с просьбой приостановить все работы, связанные с чудовищным оружием.

Два великих ученых на сей раз утверждали в послании президенту, что применение сверхбомбы при создавшейся в мире ситуации принесет Америке больше вреда, чем выгоды. Однако Франклин Рузвельт не успел ознакомиться с документами Эйнштейна и Сцилларда — он умер 12 апреля, не оставив никакого распоряжения относительно использования первой атомной бомбы. Зная об этом, ученые-физики, работавшие в Металлургической лаборатории Чикагского университета, создали специальную комиссию под председательством лауреата Нобелевской премии Джеймса Франка и вручили подготовленный ими доклад военному министру США Генри Стимсону. В своей петиции они обращали внимание на то, что даже при полном сохранении в тайне производства американской сверхбомбы Советскому Союзу понадобится не так уж и много лет, чтобы ликвидировать свое отставание. Что в интересах США добиться международного соглашения, запрещающего применение ядерного оружия, использовать его как средство защиты, а не шантажа, и не предпринимать ничего, что может впоследствии

побудить другие государства производить подобное оружие.

В тревогу ученых подлило, как масла в огонь, заявление главного руководителя «Манхэттенского проекта» генерала Лесли Гровса, который за одним из обедов то ли случайно, то ли умышленно после победы над Германией обронил: «…теперь главное назначение нашего проекта — покорить русских».

Сидевший рядом профессор Дж. Ротблат[93] был ошеломлен.

— Но как же так? — с трудом вымолвил он тогда. — Русские же — союзники Америки, они несли главное бремя войны…

— Мало ли что было вчера, — равнодушно перебил его Гровс, — Да, вчера мы были союзники, а сегодня — уже враги…

Находившиеся за одним столом ученые прекратили трапезу: после такого заявления ни у кого кусок в горло не шел, многие окончательно осознали, что атомное оружие против кого бы то ни было применять нельзя.

Противодействие лос-аламосских ученых-атомщиков применению уранового чудовища позволило по всей Америке развернуть борьбу с новой военной угрозой, о чем резидентура Квасникова[94] сразу же проинформировала Москву.

Ознакомившись с содержанием шифротелеграммы, подписанной тогда Антоном, Берия написал на ней с угла на угол синим карандашом:

> Тов. Фитину П. М.
>
> 1) Не верю я вашему «Антону». По-моему, он опять блефует.
>
> 2) Политические аспекты а. б., изложенные в ш/т, на всякий случай прошу перепроверить.
>
> 3) По данному вопросу проинформируйте МИД.
>
> *Берия 17.05.1945 г.*

Лаврентий Павлович продолжал с неприязнью относиться к Антону и каждый раз, когда от него поступали сведения об атомной бомбе, подвергал их сомнению, подозревая его в дезинформации.

Берия мог запросто убрать любого человека, не стал бы он церемониться и с Квасниковым, но нарком прекрасно понимал, что резидент Антон в Америке делает погоду — добывает ценнейшую информацию, интерес к которой в последнее время стал часто проявлять сам Сталин. Поэтому репрессировать Квасникова Берия не решался, однако продолжал постоянно держать его «на крючке». А когда тот без санкции Центра выдал агенту Линзе 500 долларов для переезда в другую квартиру, которую резидентура предполагала использовать как

«конспиративку» для фотографирования добытых разведматериалов, то Берия дал указание Фитину объявить Антону выговор за самовольную выдачу денег. Получив сообщение об этом из Центра, Квасников, будучи человеком гордым, жестким и в то же время справедливым, невообразимо возмутился. Его обвинили в необдуманности и поспешности принятого решения, которое на самом деле повышало возможность конспирации в работе с наиболее ценными источниками. Начальственный окрик из Центра мог бы угнетающе подействовать на любого другого разведчика, но только не на резидента Антона!

Находясь за границей, Квасников всегда стремился оперативно принимать собственные решения, руководствуясь при этом лишь здравым смыслом и считая, что ему на месте намного виднее, чем кому-либо другому за десятки тысяч километров от Нью-Йорка. Он прекрасно понимал, что можно и нужно делать самому, а что необходимо согласовывать с Центром, что может получиться удачно, а что — неудачно.

Поэтому, когда потребовалось срочно решить вопрос об оказании материальной помощи Линзе, то он, не имея времени на согласование с Москвой, отдал распоряжение выплатить ей 500 долларов, что и вызвало недовольство Берии. Но не таков был Квасников, чтобы молча проглотить пилюлю и сделать вид, что все так и должно быть. Он сразу же написал на имя начальника разведки обстоятельное, глубоко мотивированное объяснение:

> Тов. Виктор![95] Я отлично знаю, что Дом[96] несет ответственность за работу нашей Конторы,[97] но не меньшую ответственность несут и ее оперработники, и в первую очередь ее руководитель. Поэтому я не могу безропотно согласиться с постановкой вопроса о необходимости беспрекословного выполнения всех указаний, исходящих из Дома. В ваших указаниях иногда тоже могут быть не до конца продуманные выводы в силу разных причин. В таких случаях в целях лучшего разрешения вопроса Дом и Контора не только должны, но и обязаны спокойным тоном высказывать свои мнения и вносить конкретные предложения. К сожалению, наши встречные предложения зачастую рассматриваются как дискуссионные или даже наказуемые, хотя все прекрасно понимают, что нам тут, на месте, всегда бывает виднее. И если это так, то, наверно, надо считаться с этим и не забывать о тоне своих указаний, а порой и ничем не

мотивированных наказаний.

Тов. Виктор! Я достаточно хорошо знаю Вас, и Вы тоже неплохо знаете меня, и это дает мне возможность высказать одно полезное соображение: наши взаимоотношения должны быть более товарищескими, они должны способствовать лучшему взаимопониманию, а потому прошу Вас отменить не заслуженный мною выговор. Созданием конспиративной квартиры резидентура проделала весьма полезную работу, она повысила конспирацию встреч с весьма ценным агентом, и промедление с переездом Линзы было бы чревато опасными последствиями.

С уважением, Антон.

Чтобы как-то подкрепить свое право на такое смелое обращение к руководству разведки, Квасников направил в Центр годовой отчет о работе резидентуры по линии НТР. Вот лишь некоторые красноречивые выдержки из него:

1. «..Артиллерия нашей страны во всех ее формах — от легкой до тяжелой — не только не уступает, но в большинстве случаев превосходит этот вид вооружения в США. Поэтому нас интересовали не столько сами орудия, сколько взрывчатые вещества, применяемые и разрабатываемые в США. Особое внимание мы уделяли добыванию информации, связанной с «Энормозом».

Задания Бородина[98] по этой проблеме нам удавалось выполнять с помощью источников Чарльза, Персея, Калибра и Бира. Для вспомогательных целей использовались Арно, Лесли, Стар, Линза и Осип (…)».

2. «…По скоростным летательным аппаратам США достигли колоссальных результатов. Разведывательная информация по всем тактическим и эксплутационным характеристикам новых американских самолетов нами постоянно направлялась в Центр и получала всегда высокую оценку (…)».

3. «…Радары — новое достижение научной мысли, революция в вопросах определения и обнаружения противника, в точности управления огнем, в автоматизации различных видов вооружения. Добытые образцы и разведданные по наземным, самолетным и морским радарам окажут СССР неоценимую помощь в сегодняшних перспективных разработках средств связи (…)».

4.»(…) Материалы, направленные в Центр и не востребованные до сего времени, прошу сберечь. По возвращении из Тира готов лично заняться их реализацией…»

Поставив вопрос перед Центром об отмене незаслуженного выговора и не получив на него никакого ответа, Квасников через полгода направил рапорт с личной просьбой:

«…в течение почти трех лет я не имел ни одного письма от своих родителей из Тульской области и родственников жены из Подольска.

Прошу сообщить Ваши соображения о возможности моей поездки в Советский Союз…»

На сей раз ответ пришел незамедлительно. В шифровке говорилось не о существе затронутых в рапорте вопросов, а о необходимости направления Лесли по старой легенде на очередную встречу с Персеем, высказывалась просьба сообщить о планах дальнейшего использования Луиса, который должен был к тому времени возвратиться с европейского театра военных действий.

После этого указания Центра Квасников и Яцков начали готовить Лесли к вторичной поездке в Альбукерке: отрабатывалась линия ее поведения, основная и отступная[99] легенды, меры безопасности, а также маршрут ее передвижения до пункта назначения. Как и в первый раз, ей были изготовлены фиктивные документы — медицинское заключение и направление на лечение горла в курортном местечке Рио-Гранде, а саму встречу по заранее обусловленной связи намечалось осуществить в кафе неподалеку от собора. Когда Яцков сообщил об этом Лесли, у нее невольно шевельнулась тревожная мысль: а не повторится ли неприятная и опасная история двухгодичной давности на железнодорожном вокзале с полицейскими? Своими опасениями она поделилась с инструктировавшим ее Яцковым.

— А нельзя ли вообще перенести явку в Сандиа или, скажем, в Санта-Фе? — загадочно спросила она, глядя на Джонни.

Внешний вид Джонни не соответствовал виду опытного разведчика — мальчишеское лицо, волнистый чубчик и мягкий, добрый голос. Яцков всегда был предельно осторожен и немного медлителен. Может, за эту кажущуюся нерасторопность и медлительность и невзлюбил поначалу Яцкова резидент Зарубин, потребовав от Центра еще в 1942 году его отзыва в Москву. Это потом уже, спустя два года, тихий, осторожный Яковлев, он же Алексей и Джонни, стал незаменимым сотрудником резидентуры,

на связи у которого будут находиться очень ценные по научно-технической линии агенты. Это о нем потом скажет шеф американской разведки Аллен Даллес: «Мне бы пару таких Яковлевых в Москве…»

Не дождавшись ответа Джонни, Лесли переспросила:

— А в самом деле, почему бы нам не встретиться с Персеем в Санта-Фе? Там и полицейские будут другие, и вокзал другой…

— Нет, Лона, место встречи изменить уже нельзя. Ну где же ты раньше была, когда Персей приезжал в Нью-Йорк? Ты же сама назначила ему явку там, правда, на сей раз не у костела, а в кафе. Это во-первых. А во-вторых, — Яцков говорил не спеша, спокойно, слегка призадумываясь, — через несколько дней в Санта-Фе выезжает другой наш связник.[100] Он тоже будет там встречаться с нашим другом[101] из Лос-Аламоса. А по законам советской разведки с двумя источниками с одного объекта, за которым, как мы предполагаем, возможно, ведется слежка, проводить подряд две явки в одном небольшом городке запрещается. Это может привести к провалу. Поэтому давай не будем?! — И, улыбнувшись, добавил: — Не будем повторять историю с передачей клинекса в руки полицейских…

— Хорошо, я постараюсь.

И. В. Сталин: «Да, надо, не теряя времени, создавать атомную бомбу»

Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия. На него была возложена задана по концентрации материальных и интеллектуальных ресурсов особо секретных зон, в которых создавалась советская атомная бомба

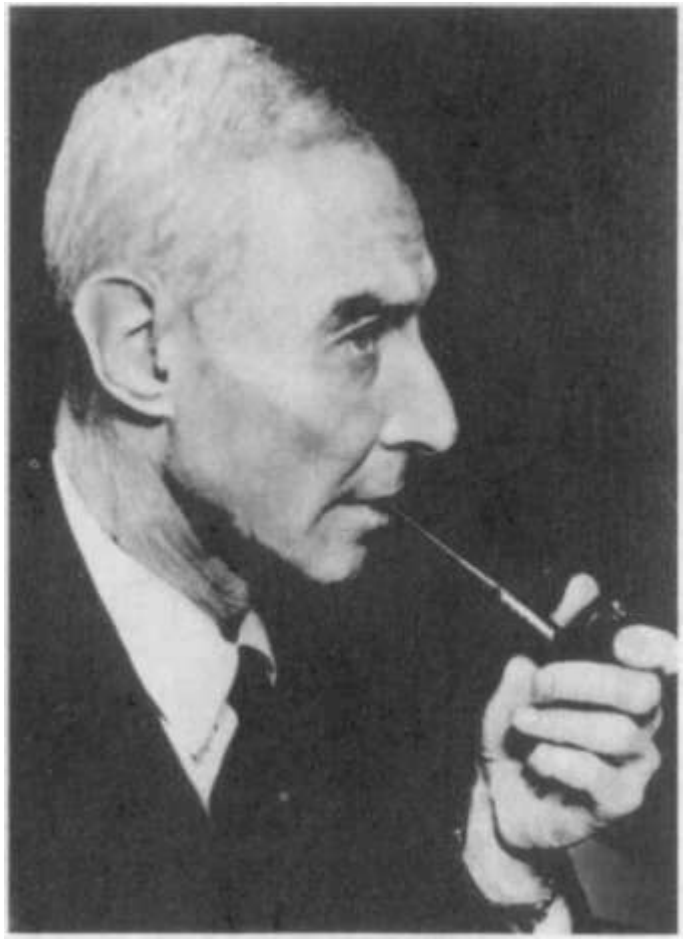
П. М. Фитин — начальник внешней разведки НКВД СССР. На его имя поступала из-за рубежа вся разведывательная информация по урановой проблеме и о начале практических работ по созданию атомной бомбы

Л. Р. Квасников — один из организаторов подразделения научно-технической разведки ПГУ. Он руководил оперативной работой по проникновению в тайны «Манхэттенского проекта». В 1943–1945 гг. был резидентом советской разведки в Нью-Йорке

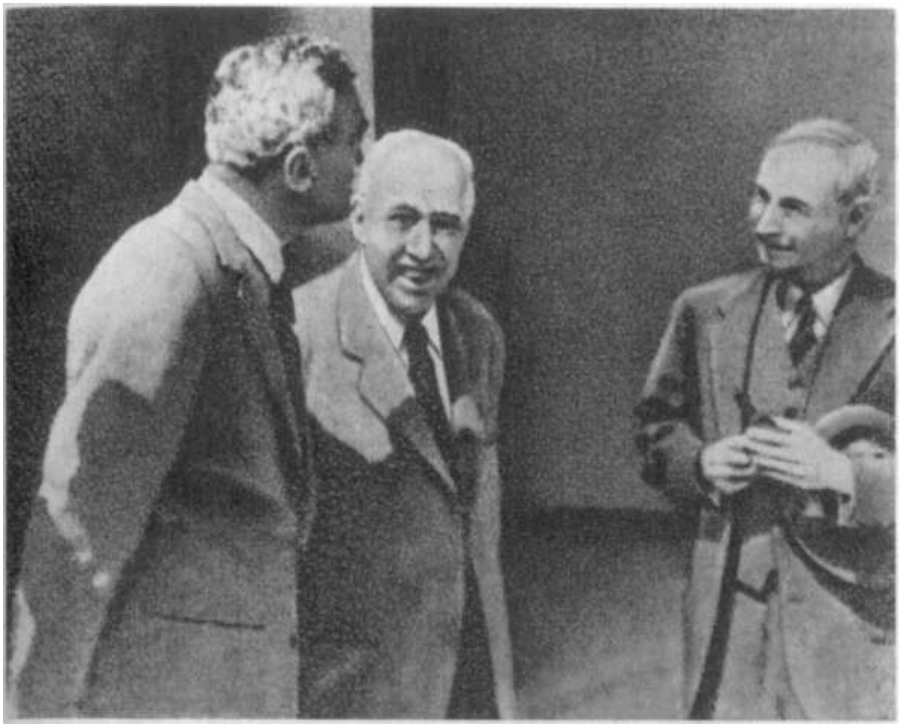
Леонтина Тереза Пэтке. Она была завербована в 28 лет. Псевдоним — Лесли. Фото 1941 г.

Американец Морис Коэн. 1938 г. Он был завербован советской разведкой в Испании, где сражался в составе Интернациональной бригады имени А. Линкольна. Псевдоним — Луис

Перед тем как дать согласие генералу Л. Гровсу на его предложение возглавить научный коллектив «Манхэттенского проекта», Роберт Оппенгеймер (справа) долго советовался со знаменитым ученым Альбертом Эйнштейном Фото публикуется впервые



Роберт Оппенгеймер предпринял все, чтобы обогнать немецких ученых, а в это время благодаря некоторым его коллегам-агентам советские физики старались догнать американцев



Ученые-атомщики (слева направо): Феликс Блох, Нильс Бор и Роберт Оппенгеймер — вполне довольны испытанием атомного оружия. Фото публикуется впервые

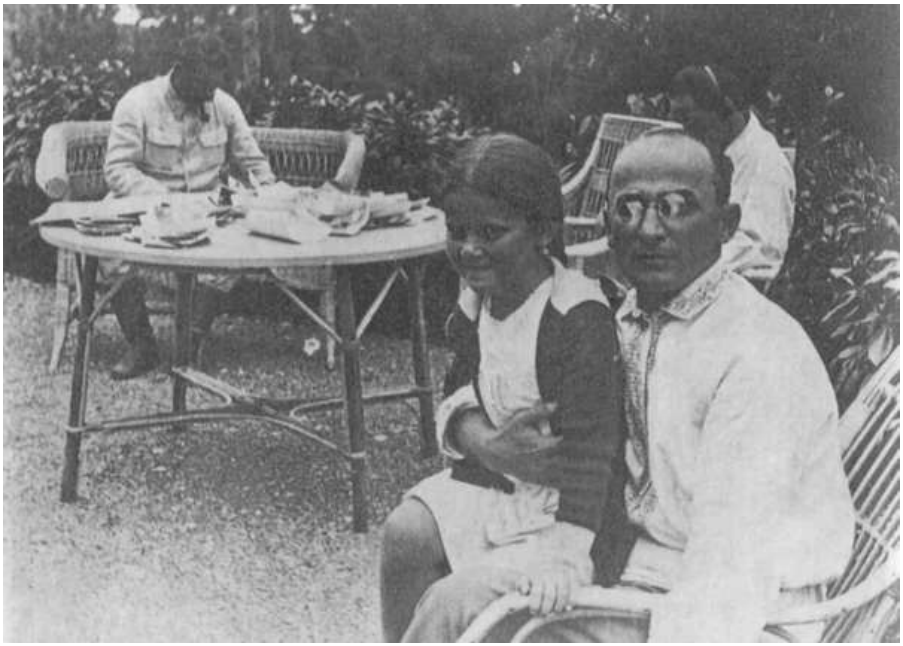
Американский ученый-ядерщик Э. Теллер (справа), работавший над созданием водородной бомбы, покинул Лос-Аламос в 1946 г. и стал работать с Э. Ферми (слева) в Чикагском университете

Англичанин Дональд Маклин — агент Лист. Это от него поступила в Советский Союз первая информация о том, что в Великобритании ученые приступили к разработке проекта первой в мире атомной бомбы. После войны Лист работал в Вашингтоне первым секретарем английского посольства. В 1951 г. Д. Маклин вместе с другим советским агентом — Г. Берджессом в связи с возникшей опасностью разоблачения совершил побег в Москву. Фото публикуется впервые

Советский разведчик Семен Семенов (Твен). Он первым после вербовки Луиса в Испании начал работать с ним, а затем и с Лесли. Фото публикуется впервые

Семен Семенов и его жена Глафира (на переднем плане) во время поездки по Франции в 1947 г.

Б. М. Крекшин был направлен Центром в Лондон, чтобы доставить в Москву секретный доклад британского Уранового комитета. Впоследствии работал советским резидентом в США. Фото публикуется впервые



Нарком внутренних дел СССР Л. Берия с дочерью И. Сталина — Светланой

Нарком государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов, которому в годы войны докладывалась вся разведывательная информация по атомной бомбе

А.А. Яцков (справа) с американскими бизнесменами в 1943 г. в Нью-Йорке. Он же — Яковлев, Джонни, Алексей. Пять лет осуществлял связь с Луисом и Лесли, а через них и с другими агентами, работавшими в Лос-Аламосе («Манхэттенский проект»). Фото публикуется впервые

Гарри Голд — советский агент Раймонд. Он являлся связником Клауса Фукса. Фото публикуется впервые

Руководитель советской резидентуры в Нью-Йорке Гаик Бадалович Овакимян. Впоследствии он стал заместителем начальника внешней разведки и вел разработку дела «Энормоз»

Молодой разведчик Анатолий Яцков (первый справа) с американскими гражданами

Доктор Эмиль Юлиус Клаус фукс — агент Чарльз. Он сам предложил свои услуги советской военной разведке в Лондоне

Этель Розенберг. Она была казнена на электрическом стуле вместе с мужем Джулиусом

Радиоинженер Джулиус Розенберг — агент Либерал, он же Антенна

Дэвид Гринглас — атомный агент Калибр, работавший в святая святых «Манхэттенского проекта» — в Лос-Аламосской лаборатории

Арестованные ФБР (слева направо): Мортон Собелл, Джулиус и Этель Розенберг в полицейской машине. Фото публикуется впервые

Профессор И. В. Курчатов и академик А. Ф. Иоффе. Ученик и учитель. Сталин прочил в руководители советского атомного проекта Иоффе, но тот рекомендовал вместо себя подающего большие надежды И. В. Курчатова

Когда И. В. Курчатов стал руководителем Лаборатории № 2, то по его настоятельной просьбе с фронта сразу же был отозван для работы над атомным проектом ученый-физик Г. Н. Флеров (справа)

Руководитель советского атомного проекта академик Игорь Васильевич Курчатов

Отец советской атомной бомбы И. В. Курчатов и Главный конструктор первых ракетно-космических систем С. П. Королев

Заместитель председателя Спецкомитета по атомной бомбе, он же

председатель Технического совета и нарком боеприпасов Б. Л. Ванников и руководитель Лаборатории № 2 И. В. Курчатов

Один из административных руководителей советского атомного проекта, заместитель наркома внутренних дел А. П. Завенягин

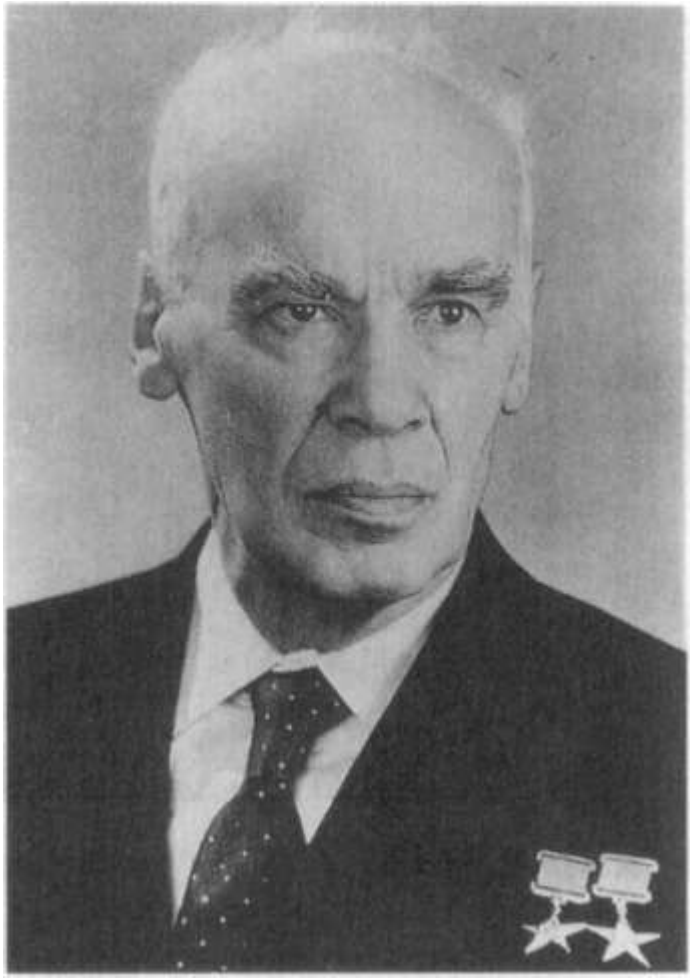
Я. Б. Зельдович и Ю. Б. Харитон, которые в 1939–1940 гг. дали расчет ядерного цепного процесса в уране

Корифеи отечественной физики А. Д. Сахаров и И. В. Курчатов, которые руководили созданием первых советских атомной и водородной бомб

Руководитель Лаборатории № 2 И. В. Курчатов, заместитель председателя Спецкомитета по атомной бомбе Б. Л. Ванников и осуществлявший подготовку взрывного устройства первой ядерной бомбы трижды Герой Социалистического Труда К. И. Щелкин

Академики Н. Н. Семенов и Я. Б. Зельдович в Институте химической физики Академии наук СССР

Научный руководитель советского атомного проекта И. В. Курчатов и Генеральный конструктор первой ядерной бомбы Ю. Б. Харитон, благодаря которым наша страна ликвидировала американскую атомную монополию и сумела защитить себя от реально грозившей ей смертельной опасности



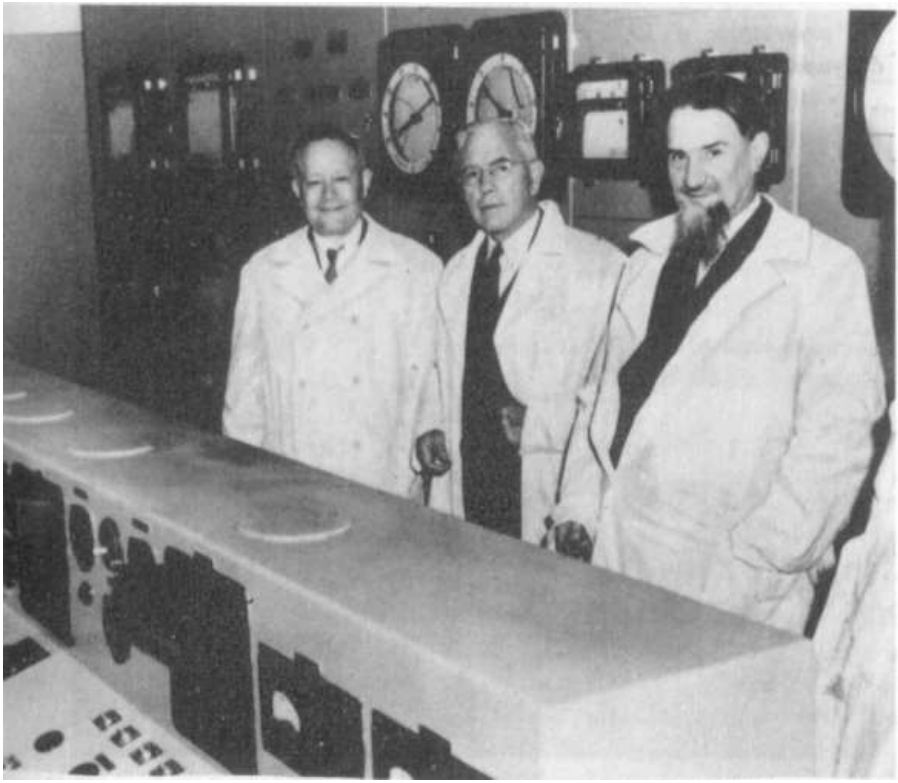
Физик — экспериментатор И. К. Кикоин, принимавший непосредственное участие в разработке всего комплекса урановой проблемы

Заместитель Председателя Совнаркома СССР М. Г. Первухин, Е. П. Славский и академик А. П. Виноградов на митинге, посвященном 25-летию пуска реактора Ф-1

Академики (слева направо) А. Ф. Иоффе, А. И. Алиханов и молодой И. В. Курчатов (без бороды), которые непосредственно участвовали в решении проблемы использования ядерной энергии

И. В. Курчатов и Ю. Б. Харитон в Средней Азии

Академик И. В. Курчатов на лыжной прогулке



Слева направо: начальник Главного управления по использованию атомной энергии при СМ СССР В. С. Емельянов, председатель американской комиссии по атомной энергии Джон Маккоун и академик И. В. Курчатов у пульта управления первого в Европе советского атомного реактора

Разведчик Владимир Барковский в Лондоне. 1942 г.

По окончании в 1935 г. станкоинструментального института будущий разведчик В. Барковский продолжал занятия в мотоциклетном кружке в качестве инструктора

Владимир Барковский после занятий планерным спортом в Московском студенческом аэроклубе. 1937 г.

Помощник резидента в Лондоне Владимир Барковский, он же Дэн и Джерри. Сфера его интересов в Англии — британский Урановый

Александр Семенович Феклисов (он же Фомин, Юджин и Калистрат). Единственный из советских разведчиков, кто напрямую работал в Англии с суперагентом-атомщиком Клаусом Фуксом

Клод — Юрий Соколов — готовит машину к разведывательной поездке по США

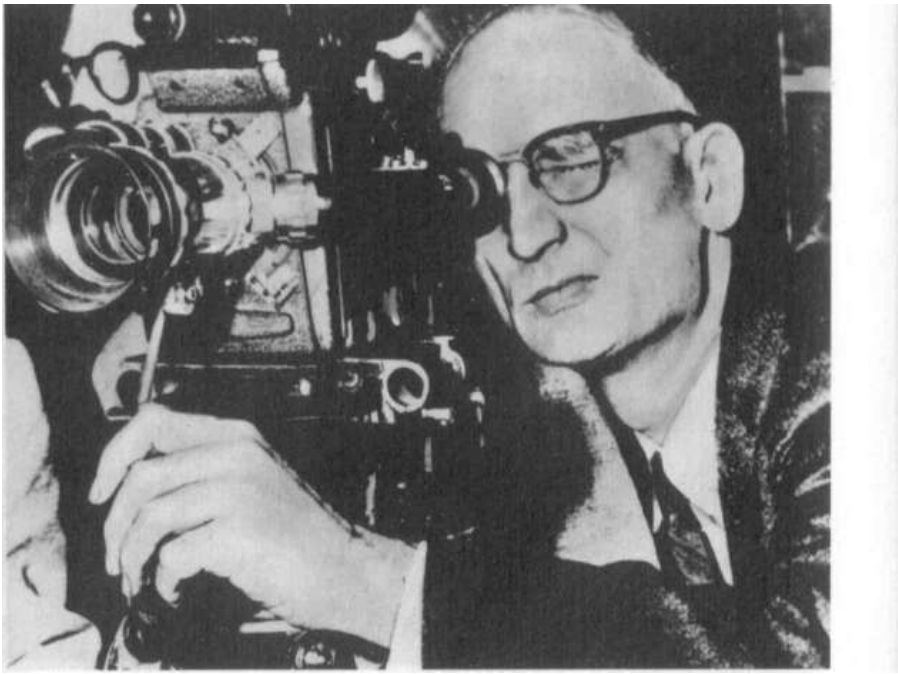
Заместитель представителя СССР при ООН С. Царапкин (второй слева)

вручает спортивный кубок волейболистам советского представительства в Нью-Йорке (третий слева — разведчик Клод — Юрий Соколов), победившим команду посольства СССР в США

Разведчик Юрий Соколов с дочерьми в минуты отдыха в Нью-Йорке

Разведчик Юрий Соколов (второй слева) с американскими бизнесменами

Р. И. Абель



Полковник Р. И. Абель за пересъемкой разведматериалов

Возглавлявший МГБ СССР с 1946 по 1951 г. В. С. Абакумов. После войны курировал научно-техническую разведку, затем был предан суду по обвинению в грубейших нарушениях законности и приговорен к расстрелу

Заместитель начальника научно-технической разведки и отдела «С» Лев Петрович Василевский

После работы в Нью-Йорке А. А. Яцков был направлен в начале 1947 г. в парижскую резидентуру

Разведчик А. А. Яцков был заядлым шахматистом и не любил

проигрывать

Уинстон Черчилль, Гарри Трумэн и Иосиф Сталин в Потсдаме, где американский президент сообщил советскому лидеру о «новом оружии необыкновенной разрушительной силы». Но «вождь народов» отреагировал на это совершенно спокойно: Сталин давно уже все знал

Моррис и Леонтина Коэн в момент отплытия от берегов Америки. Фото публикуется впервые

На встрече с Лесли Персей передал схемы имплозивных линз, описание и чертежи готовой к испытаниям бомбы, назвал дату и место их проведения — 10 июля в пустыне Аламогордо и сообщил о том, что США в недалеком будущем намереваются сбросить две атомные бомбы на Японию для скорейшей ее капитуляции. Что сам он примкнул к движению ученых, выступающих против использования ядерного оружия.

После возвращения Лесли из штата Нью-Мексико в Санта-Фе выехал связник — Раймонд. Он встретился с Клаусом Фуксом, который тоже сообщил о предстоящих испытаниях первого

атомного изделия и о предстоящем применении против Японии двух бомб — урановой «худышки» (названной так поначалу в честь президента Рузвельта, но потом ее переименовали в «малыша») и плутониевого «толстяка» (названного так в честь английского премьера Черчилля). Кроме того, Фукс передал Раймонду пакет с материалами, в которых, как и у Персея, были чертежи и графики готовой к испытаниям атомной бомбы. После этого связник по заданию Яцкова попросил Чарльза ответить на несколько вопросов (их подготовил для разведки И. В. Курчатов, который просил уточнить последнюю информацию Персея по имплозивным линзам). По содержанию задаваемых вопросов Чарльз понял, что кто-то другой, возможно, его же уровня ученый-физик, уже проинформировал русских об имплозивных линзах. Ничего не сказав по этому поводу Раймонду, Чарльз лишь коротко и спокойно заметил:

— Ответы на ваши вопросы содержатся в материалах, которые я только что передал вам…

Договорившись с Чарльзом встретиться в следующий раз осенью — 19 сентября, Раймонд выехал из Санта-Фе в Альбукерке. На другой день он получил от другого агента, Калибра, аналогичную информацию.

* * *

После капитуляции Германии заместитель начальника разведки НКГБ генерал-майор Г. Б. Овакимян предложил руководителю Лаборатории № 2 И. В. Курчатову сформировать совместную группу из чекистов и ученых-атомщиков для розыска и вывоза в СССР научно-технической документации, оборудования лабораторий и промышленных объектов, возможных запасов урана, а также специалистов, входивших в немецкий атомный проект.

— Я — за! — воскликнул бородатый академик. — Мы же, Гайк Бадалович, совсем нищие. По сей день собираем «по сусекам» инструменты, приборы, счетчики и станки… У нас даже столов и стульев не хватает! Все это из-за войны. Поэтому мы готовы подключиться к поиску всего того, чего нам недостает… Какой уровень наших сотрудников необходим для включения в эту группу?

— Самый высокий. Это же в ваших интересах. Вы сами должны отбирать все необходимое для ускорения работы. Ведь бомба-то у американцев уже готова…

— Да, я понимаю. Понимаю, что и разведчиков и ученых одинаково теперь торопит время. Отныне оно будет выступать в роли нашего общего жестокого, неумолимого властелина. И мы очень благодарны, что вы оперативно подпитываете нас объективными материалами…

— Каждый должен делать свое дело. Сама по себе наша информация ничего не стоит. Она может быть полезной только тогда, когда попадает на благодатную почву, то есть когда понимается необходимость и имеется возможность для ее реализации. Роль нашей разведки в общей проблеме, как я ее понимаю, — не сводя глаз с Курчатова, продолжал Овакимян, — сводится к тому, чтобы исследования ученых продвигались быстрее, чем это было бы без наших материалов… Бомбу-то делаете вы, ученые и специалисты, опирающиеся на развединформацию, научно-технический и экономический потенциал страны.

Пока он говорил, Курчатов медленно кивал головой, а затем великодушно заметил:

— Спасибо, Гайк Бадалович, за правильное понимание роли разведки и ученых в создан ид советского атомного оружия, а что касается поездки в Германию и Австрию, то мы готовы направить туда специальную группу физиков, химиков и металлургов. Ради

такого дела я готов послать туда даже своих непосредственных помощников…

— Кого вы имеете в виду? — перебил Овакимян.

— Харитона, Арцимовича, Флерова, Кикоина, Головина… — начал перечислять Курчатов, — Но меня интересует, как будет решаться проблема их личной безопасности? Война-то хоть и закончилась, но обозленные фашисты остались в Германии, окопались в своих норах…

Овакимян улыбнулся внезапно возникшей у него мысли и тут же высказал ее вслух:

— А мы оденем их в форму полковников госбезопасности и дадим им личную охрану.

— Хорошо. А кто возглавит эту миссию?

— Известный вам Авраамий Павлович Завенягин.

Вскоре скомбинированная из чекистов и ученых-физиков группа, возглавляемая Завенягиным и проинструктированная лично Л. П. Берией, выехала в Германию. Но она опоздала ровно на год: после того как по немецкой территории прошли члены американской миссии «Алсос», русским там делать было уже нечего — представлявшие особый интерес физики Вернер Гейзенберг, Отто Ган, Макс фон Лау и другие известные ученые Германии были уже вывезены в США. Советской стороне достались лишь Нобелевский лауреат Густав Герц, специалист по металлургии урана Николай Риль, фон Арденне и другие, менее значительные фигуры, а обнаруженная большая партия награбленной в Конго окиси урана в количестве более ста тонн была срочно вывезена в СССР, где она впоследствии использовалась как сырье для производства плутония.

* * *

На основе агентурных данных Чарльза, Персея и Калибра резидент Квасников подготовил шифротелеграмму, в которую заложил краткое описание конструкции плутониевой бомбы, сообщил дату ее испытания и с пометкой «срочно», «лично т. Виктору» направил документ в Центр. Также оперативно были проинформированы об этом Сталин, Молотов и Берия, а для устной ориентировки Курчатова была составлена отдельная справка:

Совершенно секретно,

Бомба типа «Не» (High explosive)

В июле месяце сего года ожидается производство первого взрыва атомной бомбы.

Конструкция бомбы. Активным веществом этой бомбы является элемент-94 без применения урана-235. В центре шара из плутония весом 5 килограмм помещается так наз. инициатор — берилиево-полониевый источник альфа-частиц (…). Корпус бомбы, в который помещается это ВВ, имеет внутренний диаметр 140 см. Общий вес бомбы, включая пенталит, корпус и проч., — около 3 тонн.

Ожидается, что сила взрыва бомбы будет равна силе взрыва 5000 тонн ТНТ. (Коэффициент полезного действия — 5–6 %) (…)

Запасы активного материала.

а) Уран-235. На апрель с/г было 25 килограмм урана-235. Его добыча в настоящее время составляет 7,5 кг в месяц.

б) Плутоний (элемент 94). В лагере-2 имеется 6,5 кг плутония. Получение его налажено, план добычи перевыполняется.

Ориентировочно взрыв ожидается 10 июля с/г.

На документе сделана пометка:

т. Курчатов ознакомлен. 2.07.45 г.

Однако настоящая дата испытания американской бомбы под предлогом неблагоприятных погодных условий была передвинута к началу работы Потсдамской конференции глав союзнических государств — Англии, США и СССР. Сделано это было во имя того, чтобы шокировать Сталина и навязать ему свои условия. Кстати, это был единственный случай, когда советская разведка в работе по «Манхэттенскому проекту» не сумела своевременно получить информацию об изменении срока взрыва атомной бомбы. Взрыв был произведен 16 июля, а 18 июля открылась Потсдамская конференция. В тот же день президент Трумэн, получив телеграмму из Вашингтона об успешном испытании атомной бомбы в штате Нью-Мексико, ознакомил с ее содержанием премьер-министра Англии Черчилля. Встал вопрос: как сообщить об этом Сталину? Договорились сказать ему о бомбе как бы невзначай, в самой общей форме. Вот как об этом свидетельствовала дочь президента США Маргарет Трумэн: «Мой отец… подошел к советскому лидеру и сообщил ему, что Соединенные Штаты создали новое оружие «необыкновенной и разрушительной силы». Премьер Черчилль и государственный секретарь Бирнс находились в нескольких шагах и пристально наблюдали за реакцией Сталина. Он сохранил поразительное

спокойствие… Мой отец, г-н Черчилль и г-н Бирнс пришли к заключению, что Сталин не понял значения только что услышанного…»

А вот как отозвался об этом эпизоде У. Черчилль: «Сталин не имел ни малейшего представления, насколько важно то, что ему сообщили…»

На самом деле Сталин все прекрасно понял, он был уже готов к подобной информации, потому и сохранял спокойствие. Вернувшись с заседания Потсдамской конференции в свою резиденцию на Кайзерштрассе, Сталин в присутствии Г. К. Жукова рассказал Молотову о состоявшемся разговоре с Трумэном по поводу бомбы. В конце беседы он, чуть улыбнувшись, заключил:

— …Они посчитали, что я не оценил значения того, чего достигли американцы, и потому печально разочаровались моей реакцией… Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении наших работ по атомной программе…

Однако в тот вечер звонок из Потсдама не застал на месте руководителя Лаборатории № 2, и тогда Сталин попросил соединить его с Берией. Воспроизводим этот короткий телефонный разговор по воспоминаниям одного из сотрудников разведки, находившегося в тот момент в кабинете Берии:

— Здравствуй Лаврентий. Тебе что-нибудь известно об испытаниях американской атомной бомбы?

— Да, товарищ Сталин. По нашим данным, ее должны были испытать неделю назад, но результатов взрыва мы пока не имеем.

— Тебя дезинформировали, Лаврентий. Американцы провели испытание два дня назад. А теперь вот господин Трумэн пытается оказать на нас давление. Мы, Лаврентий, — Сталин говорил медленно, подчеркивая каждое слово, — не должны допускать, чтобы Америка могла иметь военное превосходство и шантажировать нас. Скажи товарищу Курчатову, чтобы он поторопился со своей «штучкой», и спроси, что необходимо ему для этого? Его предложения мы рассмотрим в самое ближайшее время…

— Разрешите доложить, товарищ Сталин? — протянул в ответ Берия.

— Нет, Лаврентий, мы послушаем тебя дома, в Москве. До свидания!

В порыве раздражения Берия сбросил со стола телефонный аппарат ВЧ-связи, затем схватил трубку внутренней связи и набрал номер начальника разведки Фитина.

— Павел Михайлович! Срочно зайди ко мне!

Прихватив с собой на всякий случай папку с последними

отзывами Курчатова и Кикоина на полученные из разведки материалы, Фитин поспешил на доклад к наркому. Когда Фитин вошел в кабинет, Берия — этот сатрап с птичьей, хищной и близорукой рожицей, — сидел в массивном кресле. Начальника разведки он встретил колючим взглядом сквозь блестевшие стекла пенсне. «Ну что-то сейчас будет», — подумал Фитин. И не ошибся: Берия с нескрываемым гневом набросился на него:

— Ну что стоишь? Садись. Я чувствую, что вашему Квасникову подвала[102] не избежать. Вы хоть отозвали его из Нью-Йорка?

— Нет, Лаврентий Павлович.

— Почему?

— Нет оснований.

— Как нет? Он же липует у вас! Только что звонил из Берлина товарищ Сталин и сообщил, что испытания атомной бомбы прошли не десятого июля, как сообщал вам Антон, а два дня назад. Это как ты расцениваешь?

Фитин смутился, но решил побороться за Квасникова:

— Могу вас твердо заверить, Лаврентий Павлович: он никогда не липует. Это не в его характере. Вы можете не соглашаться со мною, но я вам абсолютно честно заявляю: Леонид Романович, с которым я проработал много лет, направлял в Центр всегда выверенную, достоверную информацию. Я лично считаю, что все материалы, поступающие от Антона с середины сорок третьего года, стали значительно интереснее и весомее. Как руководитель разведки, я еще раз ответственно заявляю: Квасников не будет сообщать в Центр то, в чем не уверен. А чтобы вы, Лаврентий Павлович, могли сами убедиться в этом, разрешите доложить вам оценочные заключения ученых Лаборатории № 2 на полученные в последнее время разведданные из Нью-Йорка. — Фитин протянул Берии папку, которую предусмотрительно взял с собой.

Нарком раскрыл ее и взял лежавший сверху документ, написанный ровным, аккуратным почерком Курчатова, и молча начал читать. Также молча он взял из папки другой документ, написанный другим почерком, и недоуменно посмотрел на Фитина:

— А это кто написал?

— Академик Кикоин.

Глаза Берии за стеклами пенсне снова блеснули свирепой злобой:

— Но кто позволил ему знакомиться с совершенно секретными материалами разведки?! Я вижу, вы, Фитин, потеряли большевистскую бдительность!

Обращение Берии на «вы» было грозным признаком.

Фитин, почувствовав, что разговор пошел в нежелательном направлении, сидел молча, опустив голову. А Берия тем временем продолжал раскаляться:

— Я же говорил вам, что с разведывательными данными по атомной бомбе мы можем знакомить только Курчатова! И только в присутствии Овакимяна или другого вашего сотрудника, Потаповой. Вы же проявляете самоуправство! Имейте в виду, у нас в турме места много!

Берия с твердым нажимом произносил слово «турма» вместо тюрьма, и это всегда звучало жутковато.

Фитин поднял голову.

— Прошу выслушать меня, Лаврентий Павлович, — возразил он с подчеркнутой агрессивностью. — Товарищ Курчатов в последнее время был очень занят организацией хозяйственных работ на Южном Урале. Там сейчас начинают закладывать производственные цеха по обогащению урана. Поэтому в Москве мы не всегда могли его застать. А информация у нас, как вы знаете, «горящая». Ученые в ней очень заинтересованы. Полгода назад Игорь Васильевич обратился к Овакимяну с официальной просьбой разрешить Кикоину, Харитону и Алиханову знакомиться выборочно по соответствующей тематике с некоторыми разведданными по атомной бомбе. Ну и… мы пошли ему навстречу…

Фитин знал, что Берия с почтением относился к Овакимяну и потому специально, чтобы смягчить гнев «железного наркома», назвал фамилию своего заместителя. Расчет Фитина оправдался. Берия немного умерил свой гнев и, бросив отзыв Кикоина обратно в папку, недовольно проговорил:

— Не буду я его читать. А впредь такие вопросы, как допуск к материалам разведки, прошу согласовывать только со мной. Что касается сообщения Квасникова о сроках испытания атомной бомбы, то надо его предупредить чтобы он не допускал впредь таких промахов в работе…

Фитин понял, что Квасников спасен от жестокой кары, и, осмелев, стал напористо объяснять:

— Сроки взрыва бомбы были перенесены в глубокой тайне от наших источников. Возможно, это произошло даже по чисто политическим мотивам… И приурочено все было к открытию Потсдамской конференции…

— Может быть, и так, — констатировал Берия, прервав начальника разведки. — Ну ладно. Если Квасников хочет реабилитировать себя за допущенную оплошность, пусть немедленно добудет информацию о результатах этих

испытаний…

— Хорошо. Мы постараемся это сделать…

* * *

Для американского генерала Лесли Гровса и «отца» первой атомной бомбы Роберта Оппенгеймера дни последних приготовлений к предстоящему испытанию плутониевого устройства под кодовым названием «Тринити» на полигоне в Аламогордо были самыми волнующими днями жизни. Больше всего их тревожил вопрос: взорвется ли созданное ими изделие? По расчетам, оно должно было взорваться, но на последней стадии приготовлений выявились вдруг технические неполадки — их, правда, быстро устранили, но они все же были, и это настораживало всех участников эксперимента.

Взрыв бомбы намечался на четыре часа утра 16 июля, но из-за плохой погоды его перенесли на полтора часа позднее. Ровно в пять тридцать над пустыней Аламогордо появилась невероятно ослепительная вспышка, затем, вспухая и клубясь, в небо поднялось гигантское зловещее облако. Мощь взрыва, которого перед этим опасались даже сами ученые, превзошла все ожидания: измерительные приборы, удаленные на несколько миль от «пункта ноль»,[103] были не только зашкалены, а попросту уничтожены.

Кто-то из американских ученых, находившихся на пункте управления, заметил после взрыва:

— Теперь, когда война с Японией идет к концу, наша сверхбомба, пожалуй, никому уже будет не нужна.

На лице руководителя «Манхэттенского проекта» генерала Лесли Гровса появилась надменная улыбка.

— Вы ошибаетесь, господа, — возразил он. — Прежде чем война закончится, мы должны сбросить две бомбы на Японию. И вообще… Этот взрыв всего лишь прелюдия!

Через несколько дней аналогичные бомбы были доставлены по воздуху на военно-воздушную базу Хантерс-Пойнт. Там их погрузили на борт крейсера «Индианаполис» и переправили на остров Тиниан, который был заранее определен в качестве базы для проверки всех компонентов бомб перед их последующим использованием.

Пока «Индианаполис» находился в плавании, генерал Гровс во второй раз усиленно обхаживал военное руководство США, обосновывая необходимость атомной бомбардировки Японии тем, что война с ней пока еще продолжается. Впервые вопрос о выборе

цели он поднял еще в 1943 году во время заседания специального комитета по военной политике, образованного по распоряжению президента США. На этом заседании генерал Гровс убеждал всех, что наиболее подходящей мишенью для испытания ядерного оружия может стать японский флот…

Выбор пал на Японию, а не на главного врага антигитлеровской коалиции, не случайно. США тогда опасались, что, если в случае бомбардировки Германии взрывное устройство по каким-нибудь причинам не сработает, немецкие ученые получат в свои руки секреты атомной бомбы и таким образом ускорят собственную программу ядерного оружия. Ученые же «Манхэттенского проекта», убежденные в том, что бомба предназначалась только для Германии, ничего не знали о вновь принятом решении. Лишь один физик-ядерщик Джозеф Ротблат, осознав, что поражение Германии уже предрешено и что создать ей собственную бомбу, по данным миссии «Алсос», уже не удастся, по принципиальным соображениям еще в 1944 году покинул Лос-Аламосскую лабораторию. Опасаясь, что примеру Ротблата могут последовать и другие ученые, официальные лица США, и особенно генерал Гровс, строго запретили профессору Ротблату распространяться о своих соображениях.

И вот теперь, уже после взрыва, Гровс снова стал убеждать американскую военщину, что только атомные бомбы могут остановить гибель американских парней в боях с японцами, что только такое грозное оружие может ускорить разгром Японии и в конце концов как-то оправдать огромные расходы, затраченные на «Манхэттенский проект». Убеждал он правительство в том, что целевое применение сверхоружия продемонстрирует всему миру величие Америки и подтвердит историческую роль, которую она должна сыграть после второй мировой войны. Мало того, что Г ровс пытался навязать мысль, что у покойного президента Рузвельта никогда не возникало сомнений, что атомное оружие должно быть использовано против врагов США, каковыми, мол, являются теперь японцы, и что никто уже не имеет права отменять его решение.

Однако генерал Гровс, мягко выражаясь, передергивал факты: президент Рузвельт не оставил никаких распоряжений о последующем использовании атомного оружия. Это во-первых. Во-вторых, Япония после капитуляции Германии по различным каналам зондировала почву о возможности заключения перемирия, поскольку у ее северных границ были уже сосредоточены крупные силы Красной Армии, готовые в любой момент приступить к разгрому Квантунской армии. Одновременно с оказанием давления на военного министра США

Генри Стимсона Гровс обсуждал с генералитетом тактику использования атомной бомбы: предъявить Японии ультиматум или применить ее без предварительного предупреждения, используя фактор внезапности. При этом в качестве первых целей Гровс предложил четыре города: Кокуру — крупнейший центр военного производства, порт Ниигата, Хиросиму и Киото — древнюю столицу Японии, бывшую резиденцию императоров. Однако включение Киото в список намеченных целей для атомной бомбардировки вызвало резкое возражение военного министра Стимсона. Президент Трумэн впоследствии поддержал Стимсона, и только после этого вместо Киото в список включили город Нагасаки, где были сосредоточены крупнейшие в Японии судостроительные и ремонтные заводы, а также производство боеприпасов для военно-морского флота.

Шестого августа 1945 года в 8 часов 15 минут первая атомная бомба под названием «малыш» была сброшена на Хиросиму. Атомным взрывом было убито около 100 тысяч человек, более 37 тысяч — тяжело ранено, 235 тысяч получили травмы от светового излучения и проникающей радиации, а около 15 тысяч вообще пропали без вести.

Чтобы у японцев не было возможности оправиться от первого атомного удара, были намечены для последующей бомбардировки еще два объекта: Кокура — цель первой очереди, Ниигата — цель второй очереди. Но в самый последний момент Ниигата из-за ее большой удаленности от первой цели была исключена, и вместо нее был намечен город Нагасаки. Кокуру спасла плохая погода: вопреки предварительному сообщению метеослужбы визуальное бомбометание оказалось невозможным. Сделав в районе Кокуры три захода и не увидев цели, самолет-доставщик и сопровождавшие его истребители взяли курс к Нагасаки. Но и в районе города тоже была плохая видимость, и летчики собрались было возвращаться на авиабазу Тиниан, но в облаках вдруг образовалось окно — через него-то на жителей Нагасаки и опустилось «солнце смерти» от плутониевого «толстяка».

После атомной бомбардировки японских городов в сознание народов мира начало входить что-то более страшное, чем то, что было пережито в годы недавно закончившейся войны с Германией.

Неуверенность, страх, а за ним и явная паника охватили ученых, не представлявших себе масштабов такой огромной разрушительной силы и доселе неведомой им опасности радиоактивного заражения — этой безмолвной смерти, несвойственной прежним, традиционным видам оружия. Это

вызвало не только острую тревогу ученых, но и праведный гнев мировой общественности.

* * *

Мир узнал о рождении американской атомной бомбы не в день ее испытаний в пустыне Аламогордо, а лишь тогда, когда в газетах появились названия уничтоженных японских городов — Хиросимы и Нагасаки. В Москве в правительственных кругах царила паника: ощущение незащищенности, срочности и неотложности форсирования атомной программы возникло только теперь, после атомных бомбардировок японских городов. Только теперь, когда были получены ошеломляющие свидетельства трагедии Хиросимы и Нагасаки, Сталин осознал всю трагичность этого события. Ранее советское руководство хотя и знало из донесений разведки о ходе этих работ в США, однако должного внимания исследованиям в Лаборатории № 2 не уделяло, так как до конца не представляло себе громадной разрушительной силы нового оружия. Атомная бомба для Сталина, Берии и Молотова была до этого еще абстракцией. И только этим можно было объяснить достаточно спокойную реакцию Сталина и Молотова на сообщение Трумэна на Потсдамской конференции, а не их умением скрывать свои подлинные чувства в переговорах со своими союзниками и противниками. И только теперь Сталин понял, что США, располагая атомным оружием, будут готовы использовать его для достижения своих политических целей. Поэтому на второй день после бомбардировки Нагасаки, вечером 10 августа, вызвав к себе в Кремль Курчатова, Сталин горько-медлительным голосом произнес:

— Нас опередили, Игорь Васильевич. Сегодня Америка стала уже другой, более сильной. А чем мы с вами готовы ответить на все это? Расскажите, на какой стадии находятся ваши научные разработки.

— Дело двигается, товарищ Сталин, очень медленно. В лаборатории работает всего сто человек. Это вместе с техниками, рабочими и водителями. При таком небольшом коллективе решать важные и многообразные задачи конечно же трудно и сложно. Пока мы ведем только лабораторные эксперименты. Для более широких исследований нам нужна промышленная база, а ее в нашей стране нет. Мы сейчас имеем подробные чертежи конструкции атомной бомбы. Мы знаем, как и чем ее начинить, чтобы она с соответствующей силой взорвалась. В конце концов

мы можем ее и скопировать, чтобы сократить материальные затраты и сроки ее изготовления. Я говорю об этом так потому, товарищ Сталин, что сейчас речь должна идти не о научном приоритете, а о скорейшей ликвидации американской монополии, которая с каждым днем будет становиться все более опасной и создавать угрозу новой войны…

Курчатов сделал паузу, рассчитывая услышать реакцию Сталина на свой монолог, но тот стоял около стола и, не глядя на него, молча раскуривал трубку, потом поднял голову и, растягивая слова, произнес:

— Продолжайте, товарищ Курчатов, я вас слушаю…

— Нам, товарищ Сталин, надо в кратчайшие сроки создавать новую отрасль промышленности, которая бы производила все необходимое для технологии изготовления атомной бомбы. И еще, о чем я уже не раз докладывал товарищу Молотову, — это геологические изыскания урановых месторождений. Ими надо тоже срочно заниматься. Кроме того, необходимо уже сейчас разворачивать строительство различных экспериментальных заводов…

Делая короткие паузы, Курчатов продолжал следить за реакцией Сталина на свои предложения. Вождь внимательно слушал его, иногда задавая уточняющие вопросы, стараясь понять ранее безразличную ему терминологию ученых-физиков, интересовался конструкцией бомбы и принципами ее действия.

Получив полную и объективную информацию об атомной бомбе, Сталин, окончательно убедившись, что это действительно самое опасное и разрушительное оружие из всего того, что придумало человечество, сказал:

— Дайте нам поскорее атомную бомбу. Надо поставить американцев на место, осадить их как следует. — А затем неожиданно спросил: — А насколько эффективно вам помогает наша разведка?

— Роль разведки, товарищ Сталин, в нашем деле чрезвычайно велика. Я постоянно получаю от Фитина большой объем информации и еще ни разу не отверг ее, как сомнительную или негодную. По ее содержанию я могу сказать, что советские шпионы — Персей и Чарльз, чьи донесения чаще всего ложатся мне на стол, проникли в святая святых, в самый секретный центр «Манхэттенского проекта» — в Лос-Аламосскую лабораторию…

— Хорошо, товарищ Курчатов, — остановил его Сталин. — Через неделю я приглашу вас вместе с другими товарищами обсудить один вопрос. Речь пойдет о том, как можно лучше и быстрее поставить отечественную промышленность на службу программе создания атомной бомбы. Что необходимо нам

сделать, чтобы поскорее получить такое оружие?:. -

* * *

Все последующие дни обстановка в Кремле была непомерно нервозной. Факт ядерных бомбардировок и их ужасные последствия, которые не удалось скрыть от населения, сказались и на тревожном состоянии окружения вождя. Сталин, впав в состояние паники, затребовал отовсюду информацию о положении дел в промышленности, особенно в химической и металлургической, о количестве строительных организаций и их структуре, о научно-исследовательских учреждениях, об их количественном и качественном составе. От ведомства Берии были запрошены предложения об улучшении организации работы по созданию атомной бомбы.

До руководства наконец-то дошло, что без ядерной дубинки страна уже не сможет продвигаться вперед, что для этого необходимо заниматься разработкой нового оружия основательно, а не просто интересоваться у Курчатова, как идут дела.

В субботу, 18 августа 1945 года, Сталин вызвал в Кремль Берию, Завенягина, наркома боеприпасов Ванникова и руководителя Лаборатории № 2 Курчатова. Когда они, за исключением Берии и его заместителя, явились в кабинет вождя, Сталин, поднявшись из-за стола, произнес:

— Вы хорошо понимаете, товарищи, что с применением американцами атомной бомбы в Японии равновесие сил в мире нарушилось. Нам необходимо его восстановить. Трагичность ситуации заключается в том, что там, где необходимо сохранить мир, нужно теперь делать вот такие чудовищные вещи. Это, если хотите, тоже своего рода война за мир. Ученые и разведчики хорошо понимают это и делают все возможное и даже невозможное для того, чтобы наш атомный проект продвигался вперед…

Сталин сделал паузу, потом стал снова рассуждать, для чего понадобилась американским военным политикам бомбардировка Японии и насколько велика теперь опасность положения Советского Союза без наличия собственного ядерного оружия:

— Наши ученые располагают сейчас собственными научными разработками и зарубежными разведывательными материалами на эту тему, однако продвижение вперед не столь значительно, как нам хотелось бы это видеть. Дальше лабораторных исследований ученые пойти не могут из-за того, что у них нет

своей производственной базы. Нет своих экспериментальных заводов, конструкторских бюро. Не хватает научных кадров, инженеров, квалифицированных рабочих. — Сталин снова сделал паузу и посмотрел на наркома боеприпасов. — Я хотел бы с вами, товарищ Ванников, посоветоваться, — начал он в своей иезуитской манере: на самом деле он никогда не советовался и не хотел этого, а высказывал всегда уже готовые решения, — как нам лучше организовать работу, чтобы совершить прорыв, ускорить создание атомной бомбы? Ведь по шпионской шпаргалке бомбу построить нельзя. Товарищ Берия предлагает организовать специальное управление и все руководство им возложить на НКВД. Такое предложение заслуживает внимания. В НКВД есть крупные специализированные организации — транспортные, строительные, в том числе на водном и железнодорожном транспорте. Есть большие людские ресурсы и квалифицированные кадры. Как вы лично, товарищ Ванников, оцениваете такое предложение?

Ванников замялся: он не понял, почему именно к нему обращен этот вопрос.

— Решение столь важной задачи должно, по-моему, выходить за рамки одного ведомства, — осторожно начал нарком боеприпасов. — Эту работу надо организовывать в национальном общегосударственном масштабе. И вообще, хорошо ли это будет, если руководить огромным коллективом ученых и специалистов станут органы НКВД? — смело вдруг заявил он, пользуясь отсутствием Берии. — Может быть, стоит для этого объединить несколько наркоматов и создать Специальный комитет? Прорыв под силу совершить лишь крупным коллективам…

Именно в этот момент появился Берия со своим замом Завенягиным. Переключив внимание на вошедших, Сталин мгновенно отбросил спокойный тон, в его голосе зазвучали железные нотки:

— Вы принесли свое обоснование о создании специального органа управления при НКВД?

— Нет, но над ним продолжают работать товарищи Завенягин и Чернышев, — поспешил успокоить его Берия и тут же добавил: — А впрочем, Авраамий Павлович может вам доложить, в каком виде он готовится для принятия решения на Политбюро…

Сталин бросил в его сторону сердитый взгляд:

— Вы, товарищ Берия, думаете тюрьмами решать такие проблемы? Нет, так не пойдет… Мы тут уже посоветовались, — Сталин давал понять, будто это не его, а коллегиальное мнение, — и решили, что нужно создавать Специальный комитет. Такой комитет должен находиться под контролем ЦК, и работу

его надо строго засекретить. Он должен быть наделен особыми полномочиями. Председателем комитета можно назначить… — Сталин сделал паузу и снова посмотрел на Берию, — вас, Лаврентий Павлович. Возьмите под личный контроль и под личную ответственность всю эту проблему. Теперь давайте подумаем, кого мы назначим его заместителем…

Берия не ожидал такого поворота. Пока Молотов был куратором атомного проекта, а он — его заместителем по разведке, Берия особо не суетился, отсиживался в тени. Но когда Сталин начал часто интересоваться ходом работ по созданию сверхбомбы, Берия понял, что атомный проект может стать его «коньком», оседлав которого он укрепит свои позиции и влияние на вождя. Берия еще в 1943 году понял, что Молотов не способен вдохнуть жизнь в такое дело, как разработка урановой бомбы, и был уверен, что тот попытается спихнуть все это кому-нибудь из членов правительства. Так оно и получилось: Молотов перепоручил курирование нового дела наркому химической промышленности М. Г. Первухину, оставаясь формально ответственным за атомную проблему по линии правительства. И пока он вел это дело, особых сдвигов не было и быть не могло.

Берия полагал, что он и на сей раз останется заместителем у Молотова, но внезапное назначение особенно не обрадовало его: он понимал, что быть под контролем ЦК значит не быть хозяином положения. Поэтому, когда Сталин спросил, кого можно назначить заместителем председателя Спецкомитета, Берия, поправив пенсне, ринулся в бой:

— Я предлагаю первым заместителем Завенягина, а вторым — Чернышева.

Сталин нахмурился.

— Никаких первых и вторых, — предупредил он довольно сурово. — Нужен один. Заместителем мы назначим товарища Ванникова. Вам, как наркому боеприпасов, должно быть известно об атомной бомбе больше, чем кому-либо из других наркомов…

Лицо Берии сделалось пунцовым: он был недоволен решением вождя. Недоволен был и Ванников: он ни за что не хотел быть заместителем у Берии, познав цену его злодейства еще до войны, когда тот арестовал его по хитро сфабрикованному доносу.

— Вообще-то для меня это неожиданно, — начал он как можно деликатнее. — В ядерной физике, и тем более в конструкции атомной бомбы, я человек малосведущий. Поэтому, товарищ Сталин, — заговорил он уже смелее, видя, что его слова понравились вождю, — по состоянию здоровья я прошу принять самоотвод.

— Вашего самоотвода мы не принимаем, товарищ Ванников, — заметил Сталин, прекрасно понимая причину его страха. — Дело это, конечно, новое, вас ожидают большие трудности, но вы с этим справитесь. Бомба — это ведь тоже боеприпас. Вам придется решать только практические задачи. Полагаю, что этот вопрос мы решили. Теперь обсудим персональный состав членов комитета. Я предлагаю товарища Маленкова…

Услышав фамилию секретаря ЦК, Берия еще больше побагровел: он понял, кого имел в виду Сталин, когда говорил о контроле со стороны ЦК. И уклончиво возразил:

— А не слишком ли мы перегружаем молодого члена Политбюро?

Сталин сделал паузу. Его лицо свидетельствовало о внутреннем напряжении, между бровями пролегла строгая морщинка.

— Новое дело должна поднимать вся партия. Маленков — секретарь ЦК, он вам поможет, включив в работу местные партийные организации… Вторым я назвал бы товарища Вознесенского, — продолжал Сталин. — Он — председатель Госплана, его участие необходимо…

Понимая, что Сталина раздражать — дело смертельно опасное, Берия на этот раз промолчал, хотя его неприязнь к Вознесенскому была всем известна.

После короткого обсуждения в состав комитета вошли и другие кандидатуры, предложенные Сталиным: Завенягин, Первухин, Иоффе, Капица, Курчатов и Махнев (секретарь Спецкомитета).

Видя, что только два человека от НКВД получили одобрение вождя, Берия решил сделать хитрый ход и предложил образовать Ученый Совет по атомной энергии. При этом он предполагал, что персональный состав Совета будет решаться не сейчас и не в кабинете вождя, а уж потом он сможет включить в него своих людей. Сталин идею Берии поддержал, но с оговоркой:

— Это должен быть настоящий Ученый Совет, работоспособный и полезный, а не говорильня. И войти туда должны авторитетные ученые и специалисты…

По рекомендации Сталина в Совет избрали Алиханова, Ванникова, Завенягина, Иоффе, Капицу, Кикоина, Курчатова, Харитона и Махнева, затем он обвел беглым взглядом присутствующих и остановился на наркоме боеприпасов.

— Председателем Совета давайте назначим товарища Ванникова, — предложил он. — У него это получится хорошо. Его будут слушаться все, а если не будут, он сможет их убедить.

Человек он твердый, его знают и уважают и промышленники, и военные, и ученые. Правильно я говорю?

Нарком боеприпасов посмотрел на Берию и испугался: ненависть в его глазах была подобна проклятию. Ванников понял, кого он ненавидел, и потому решительно возразил:

— Но я абсолютно не готов к этому посту. Ученый Совет должен возглавить человек, связанный с наукой, а я ведь не ученый.

Сталин улыбнулся:

— Вот новость, а мы и не знали. Что же вы так долго не раскрывались?.. Хорошо, мы вам поможем, товарищ Ванников. — И, обращаясь уже к Берии, добавил: — Все мы обговорили или нет?

— Есть еще один вопрос, товарищ Сталин, — ответил Берия, обескураженный результатами избрания состава Ученого Совета и его председателя.

Берия долго копался в своей кожаной папке, затем достал из нее несколько отпечатанных листков бумаги, положил их перед собой и тихо, медленно заговорил:

— Для оперативного руководства НИИ, КБ, заводами и рудниками, которые должны работать на советский атомный проект, предлагается образовать отдельный государственный орган. Это должно быть нечто типа наркомата вновь создаваемой отрасли промышленности, но с гораздо большими правами…

Сталин не любил долгие заседания и, решив закончить затянувшееся обсуждение атомных дел, заключил:

— Ну что ж, ваше предложение, товарищ Берия, принимается. Наркомом, или он как-то иначе будет называться, предлагаю назначить товарища Ванникова, а его заместителем — Завенягина. Предложения о составе коллегии наркомата прошу доложить на утверждение через две недели. Все, вы свободны, товарищи.

В тот же день Ванников, а затем отдельно и Берия встретились с ведущими учеными-физиками, они сообщили им о распределении ролей в Ученом Совете и в Спецкомитете, а еще через два дня вышло Постановление Государственного Комитета Обороны СССР за № 9887-сс/оп «О Специальном комитете при ГОКО», в котором в числе других пунктов сообщалось следующее:

> …Возложить на Специальный комитет при ГОКО:
>
> — руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана;
>
> — развитие научно-исследовательских работ в этой области;

— широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и др. странах);

— организацию промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии;

— строительство атомно-энергетических установок и разработку и производство атомной бомбы.

…Поручить тов. Берии принять меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой области, производимой органами разведки (НКГБ, РУКА[104] и др.)

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин.

С выходом этого постановления начинался новый индустриальный этап создания отечественной атомной бомбы. С этого же времени — с августа 1945 года — И. В. Курчатов и весь коллектив его сотрудников стали получать неограниченную поддержку ЦК и СНК СССР. В ПГУ[105] и в Лабораторию № 2 зачастили представители ЦК и различного рода уполномоченные правительства.

Под руководством Б. Л. Ванникова начала создаваться новая отрасль промышленности — атомная, в которую из других наркоматов в соответствии с постановлением ГКО были переданы и перепрофилированы некоторые НИИ, КБ, строительные организации и промышленные предприятия.

Берия, твердо усвоивший слова Сталина о том, что внешняя безопасность СССР не будет гарантирована до тех пор, пока Советский Союз не создаст собственную атомную бомбу, перестал подвергать сомнению реальность ее разработки. Теперь он понимал, что если бомба не будет создана или не взорвется при первом испытании, то Сталин не пощадит и его как главного администратора суперсекретной правительственной программы. Поэтому, используя имевшуюся у него огромную власть, он стал собирать из различных лагерей уцелевших после войны репрессированных ученых, конструкторов и инженеров под крышу так называемого «белого» архипелага, где им было решено создать более благоприятные условия для решения поставленной

задачи.

И. В. Сталин доволен: первые испытания советской атомной бомбы прошли успешно

Не стало возникать проблем и с трудовыми ресурсами — ведомство Берии начало поставлять бесплатную и неприхотливую рабочую силу десятками тысяч: чем более секретным оказывался «закрытый» объект, тем с более долгими сроками заключения направлялись туда узники ГУЛАГа, многие из которых, особенно на разработке урановых рудников, погибали. Но Берия не обращал на это никакого внимания, он шел на все, потому что ему необходим был крупный, ошеломляющий успех чужими руками. Не случайно он вспомнил тогда и об опальном резиденте в Нью-Йорке Леониде Квасникове: Берии нужны теперь были именно такие, как он, люди независимые, деятельные, компетентные и потому попросил наркома Меркулова откомандировать Квасникова в Москву специально для работы по атомной программе с позиций внешней разведки. Ради достижения все того же ошеломляющего успеха Берия направил в Данию к Нильсу Бору начальника 11-го отдела Льва Васильевского для разведывательного зондажа — не согласится

ли великий, либерально настроенный к СССР ученый сотрудничать с советскими физиками в создании атомной бомбы? Однако визит опытного, самоуверенного разведчика носил слишком «откровенный» характер, он только насторожил Бора. Поняв это, Василевский сделал ход конем и предложил ученому посетить Советский Союз, надеясь «обработать» его там. Бор, разгадав его замысел, отказался от этого предложения, сославшись на свою большую занятость.

Но самолюбивый разведчик на этом не успокоился. Решив реабилитировать себя в глазах Берии за неудачный визит в Копенгаген, он начал искать новые подходы к Нильсу Бору. И они были найдены.

В сентябре 1945 года в связи с расформированием IV Управления не у дел оказался его начальник Павел Судоплатов. По указанию Берии в пожарном порядке был создан новый отдел «С», и возглавил его генерал Судоплатов. Главная задача отдела — перевод, обработка скопившихся агентурных материалов по атомной проблеме и реализация их через Лабораторию № 2; вторая — выявление и розыск в европейских странах ученых, занимавшихся проблемами урана, радиолокацией, высокими частотами и т. п. Тогда же в отдел «С» были зачислены доктор наук, профессор МГУ Яков Терлецкий и кандидат физико-математических наук Аркадий Рылов. В их задачу входило консультирование при переводе поступавших из разведки сложных технических текстов по «проблеме № I»,[106] общее их редактирование и периодическая подготовка кратких аннотаций для доклада на Научно-техническом совете, заседания которого проводились в кабинете наркома Б. Л. Ванникова.

Когда Василевский узнал, что Терлецкий перед войной слушал в МГУ лекции Нильса Бора, у него мгновенно родилась идея по разработке операции, с помощью которой он мог бы снова осуществить вербовочный подход к великому ученому. Через некоторое время он подготовил и доложил Судоплатову план операции под кодовым названием «Миссия Т». Планом предусматривалось:

> «…1. Командировать профессора Терлецкого и полковника Василевского в Копенгаген для встречи с Нильсом Бором.
>
> 2. Заблаговременно через друзей из датского Сопротивления и по возможности из нашего посольства в Дании получить согласие Бора на встречу с советским ученым.
>
> 3. Подготовить для Терлецкого текст вопросника, с

помощью которого можно было бы получить от Бора дополнительные данные об американском атомном проекте (в 1943–1945 гг. Нильс Бор работал в США).

4. Для установления и закрепления Терлецким личного контакта с датским ученым заполучить рекомендательное письмо и подарки от П. Л. Капицы, который был хорошо знаком с Нильсом Бором и его семьей.

5. В связи с тем что знаний английского языка для беседы с Бором у Терлецкого недостаточно, предусмотреть возможность использования переводчика из советского посольства в Дании.

6. При ответах Бора на поставленные вопросы не вести никаких записей, а по возвращении в посольство восстановить все по памяти и в отпечатанном виде доставить материалы в Центр.

7. Ответственность за проведение операции, хранение и доставку материалов от Нильса Бора возложить на полковника Л. Василевского (в Копенгагене он будет играть роль водителя посольской машины)…»

Для приобретения источников информации разведка, как правило, чрезвычайно расчетливо и основательно подходила к выбору объекта вербовки и определению целей своих усилий. Но в этот раз был продемонстрирован недостаточный разведывательный профессионализм: не были изучены основные черты характера личности великого ученого, его ценностная ориентация, ведущие мотивы поведения. Не учел Василевский и специфику работы на научно-техническом канале, где практика свидетельствовала о том, что ученые с мировым именем, участвующие в супер-секретных исследованиях и связанные обязательствами о неразглашении тайны, не в состоянии подняться над ограничениями служебного или нравственного характера, а тем более пойти на сотрудничество с иностранной разведкой. Нильс Бор — бог в атомной физике, настоящий рыцарь науки, принадлежащий всем землянам, — являлся именно таким ученым. Его гражданская позиция пугала даже Уинстона Черчилля: перед своей поездкой в Лос-Аламос Бор открыто заявил ему о том, что секрет атомной бомбы не должен скрываться от русских, что с ними необходимо достичь впоследствии соглашения о контроле над этим грозным оружием, что оно должно гарантировать народам мир, а не нести им угрозу новой войны.

Но Василевский, как и при первой своей поездке в Данию, не

учел всех этих нюансов при разработке операции «Миссия Т». «Подсунув» план ее проведения на утверждение своему начальнику Павлу Судоплатову, он убедил его в том, что пацифист Нильс Бор при его добром и объективном отношении к Советскому Союзу уже созрел для вербовки. Обычно осторожный и очень щепетильный Судоплатов попался на удочку Василевского, подписал план, руководствуясь лишь одним соображением, что возглавляемому им отделу надо во что бы то ни стало «прогреметь», завоевать достойное место в структуре I Управления НКГБ. Еще бы! Завербуй отдел «С» светило мировой науки, лауреата Нобелевской премии и… место под солнцем обеспечено. Загорелся новой идеей отдела «С» и Берия: будет что доложить Сталину. 24 октября Берия вызвал к себе Судоплатова и Терлецкого, поинтересовался у последнего его биографическими данными, насколько хорошо он знает английский язык и, выяснив, что знания его не ахти какие, тут же решил, что с ним поедет классный переводчик наркома внешней торговли Арутюнов. Так же быстро было решено, что задание будет уточнено у ученых. Не откладывая дело в долгий ящик, Берия сам назвал, кого пригласить к нему вместе с Ванниковым и Завенягиным.

Все вызванные — Курчатов, Арцимович, Харитон, Кикоин и приглашенные генералы съехались через сорок минут. Берия проинформировал их о предстоящей поездке молодого Якова Терлецкого на встречу с Нильсом Бором, что ему необходимо будет выяснить все то, что может интересовать советских физиков по американской атомной бомбе.

— Бор, как вам известно, вернулся в Данию, резко настроен против американцев, — подчеркнул Берия. — И потому есть уверенность, что он поможет нам. По данным разведки, Бор заинтересован в том, чтобы Советский Союз не отставал от атомной программы США…

— Но почему должен ехать в Копенгаген именно Терлецкий? — осторожно заметил профессор Юлий Харитон. — Он же не работает по этой проблеме! Не лучше ли было бы послать туда Зельдовича? Он даже моложе Терлецкого и к тому же с самых первых дней работает в нашей лаборатории. Я полагаю, что он мог бы выведать у Бора все тонкости атомных дел…

Берия, посмотрев на Судоплатова, сердито обронил:

— Неизвестно еще, кто у кого больше выведает. Вы, товарищи ученые, не забывайте, Терлецкий хоть и не работает в лаборатории, но зато владеет всеми материалами атомной разведки и посвящен во все вопросы вашей проблемы. Вы же сами

не раз слушали его доклады на Научно-техническом совете. Это во-первых. А во-вторых, мы Терлецкого специально готовили, учили, как выуживать у интересующих нас лиц нужные секреты. Его надо только хорошо проконсультировать и помочь сформулировать вопросник. Вот вы и займитесь этим делом прямо сейчас, потому что завтра на рассвете Терлецкий должен уже вылететь в Ленинград, а оттуда выехать в Хельсинки…

Ученые недоумевали: какие можно ставить перед Нильсом Бором вопросы, когда секрета атомной бомбы после ее применения в Японии уже не существовало, когда уже рассекречен официальный отчет о разработке атомной бомбы в США и издан в виде отдельной книги под названием «Атомная энергия для военных целей». Однако отказаться выполнить личное задание Берии никто из ученых не осмелился, и они сформулировали 22 вопроса, которые отнюдь не были рассчитаны на получение сколь-либо действительно новых сведений. Сам текст вопросника, подготовленного на скорую руку, свидетельствовал об известной нарочитости большинства поставленных вопросов, потому что ответы на них были уже известны ученым как в результате собственных исследований, так и благодаря данным, полученным внешней разведкой.

* * *

В течение двух недель Нильс Бор не принимал «миссию» Терлецкого и, возможно, вообще не принял бы ее, если бы не рекомендательное письмо от его давнего друга академика П. Л. Капицы. В письме Петр Леонидович представлял ему Терлецкого как молодого, способного профессора Московского университета, но при этом не называл его своим другом, как это было принято в давно отработанном стиле научной дружеской переписки. Отсутствие этого важного элемента, своего рода условного пароля, не могло не насторожить Нобелевского лауреата.

Прочитав письмо, Нильс Бор поинтересовался о семье Капицы и о положении ранее репрессированного академика Ландау. Узнав от Терлецкого, что тот успешно работает в лаборатории Капицы, Бор оживился, стал расхваливать его как самого талантливого молодого теоретика, а затем в присутствии своего сына Оге Бора, который немного понимал по-русски, начал отвечать на переводимые Арутюновым вопросы:

1. *Каким методом практически был получен уран-235 в больших количествах и какой метод считается сейчас наиболее обещающим (диффузионный, магнитный или какой-либо другой)?*

Ответ. Теоретические основы получения урана-235 хорошо известны ученым всех стран, они были разработаны еще до войны и никакого секрета не представляют. Война не внесла ничего принципиально нового в теорию этой проблемы (…). Для отделения урана-235 используется хорошо известный диффузионный метод, а также метод масс-спектрографический. Никакой новый метод не применяется. Успех американцев заключается в практическом осуществлении принципиально хорошо известных физикам установок в невообразимо больших масштабах. Я должен предупредить вас, что, находясь в США, я не участвовал в инженерной разработке проблемы, и поэтому мне неизвестны ни конструктивные особенности, ни размеры этих аппаратов или даже какой-либо части их (…). Могу заявить, что американцы применяют как диффузионные, так и масс-спектрографические установки.

2. *Каким образом может быть скомпенсирован объемный заряд ионного пучка в масс-спектрографе?*

Ответ. Если газ из вакуумной камеры выкачать полностью, нам придется думать о способе компенсации объемного заряда ионного пучка. Но если газ из камеры выкачать не полностью, о компенсации объемного заряда беспокоиться не следует (…).

3. *Возможно ли осуществить урановый котел, работающий на естественной смеси изотопов и простой воды в качестве модератора?*

Ответ. Вопрос возможности применения простой воды в качестве модератора возникал, однако практического осуществления не получил. Урановый котел с простой водой не применяется. Я думаю, что применение простой воды в качестве модератора является нецелесообразным, так как легкий водород хорошо поглощает нейтроны, превращаясь в тяжелый водород. Эта идея непопулярна в Америке. Американцы вначале рассчитывали строить котлы с тяжелой водой в качестве модератора, однако производство тяжелой воды требует колоссальных затрат. Во время войны было найдено американцами, что графит может служить хорошим модератором. Эта идея была ими практически разработана и осуществлена в гигантских масштабах. Конструктивная сторона, устройство и размеры этого котла мне не известны.

4. *Какое вещество применяется для охлаждения собственно урановых блоков?*

Ответ. Для охлаждения урановых блоков применяется простая вода. Проблема охлаждения урановых котлов чрезвычайно сложна, так как для охлаждения котлов требуются буквально целые реки. Заметим, что охлаждающая вода

доводится почти до кипения.

5. *Каков температурный ход фактора мультипликации, чему численно равен температурный коэффициент фактора мультипликации? Или какой вид имеет кривая зависимости фактора мультипликации от температуры?*

Ответ. Сам факт, что урановый котел работает, говорит за то, что зависимость фактора мультипликации от температуры несущественна. В противном случае в результате бурного разгорания котла должен был бы произойти взрыв котла. Цифровое значение этой зависимости я назвать не могу, но очевидно, что оно незначительной величины. Однако этим фактором пренебрегать нельзя (…).

6. *Имеются ли другие дополнительные методы регулирования уранового котла?*

Ответ. Для этой цели применяется опускание в котел регулирующих веществ, которые являются поглотителями нейтронов.

7. *Какое вещество применяется в качестве поглотителя?*

Ответ. Кажется, стержни поглотителя изготовляются из кадмия.

8. *Какое число нейтронов вылетает из каждого разделившегося атома урана-235, урана-238, плутония-239 и плутония-240?*

Ответ. Больше двух нейтронов.

9. *Не можете ли вы указать точное число?*

Ответ. Нет, я не могу, однако очень важно, что нейтронов вылетает больше двух. Это бесспорное основание для того, чтобы думать, что цепная реакция наверняка будет иметь место. Точные же значения этих цифр существенного значения не имеют. Важно, что они больше двух.

10. *Чему равно число самопроизвольных распадов в единицу времени для всех перечисленных веществ (уран-235, уран-238, плутоний-239, плутоний-240)?*

Ответ. Самопроизвольных распадов происходит мало, и при расчетах принимать их во внимание не следует. Период самопроизвольных распадов около 7000 лет. Точные цифры я назвать не могу (…).

11. *Используется ли только диффузионный и масс-спектрографический методы для получения урана-235 в больших количествах, или также применяется комбинация этих двух методов?*

Ответ. Американцы употребляют оба метода и, кроме того, комбинацию этих двух методов. Я думаю, что комбинация этих двух методов является наиболее эффективной (…).

12. *Какова устойчивость многоступенчатой машины?*

Ответ. То положение, что диффузионные каскады очень многих ступеней уже работают в США, показывает, что процесс может происходить и происходит. Да это и не ново. Как вы знаете, еще немецкий ученый Герц задолго до войны доказал возможность этого процесса, разделив гелий, неон.

13. *Каким образом достигается большая производительность при масс-спектрографическом методе, путем ли строительства большого числа обычных спектрографов или путем строительства нескольких мощных спектрографов?*

Ответ. И то и другое. Вы себе не представляете, какое огромное количество колоссальных спектрографов построили американцы. Я не знаю их размера и количества, но знаю, что это нечто невероятное. Из тех фотографий, которые я видел, можно заключить, что это колоссальные здания с тысячами установленных в них аппаратов, и таких заводов построено много **(...)**.

14. *Каким образом можно получить большие ионные токи урана или его соединений?*

Ответ. Путем постройки большого и мощного масс-спектрографа.

15. *Происходил ли процесс затухания котла за счет образования шлаков при делении легкого изотопа урана?*

Ответ. Засорение котла шлаками как результат деления легкого изотопа урана происходит. Но, насколько мне известно, американцы специальных остановок для очистки котлов не производят. Чистка котлов присовокупляется к моменту замены стержней для удаления полученного плутония.

16. Как часто вынимается плутоний из машины и чем определяются сроки выемки?

Ответ. Мне неизвестно точно. По непроверенным слухам, выемка стержней производится один раз в неделю.

17. *Делится ли плутоний-240 под действием медленных нейтронов? Доказана ли экспериментальным путем возможность деления плутония-240?*

Ответ. Известно, что все четные изотопы, уран-234, уран-238 и плутоний-240, требуют для расщепления значительно большей энергии, чем нечетные изотопы (вспомним принцип Паули), а энергия, выделяемая плутонием-240, должна быть такая же, как и энергия, выделяемая при делении урана-239. (Здесь Бор подробно обосновал, иллюстрируя свои высказывания кривыми из своих работ, почему вопрос использования плутония-240 не имеет большого смысла. — ***Примеч. Терлецкого.)*** Экспериментально делимость плутония-240 еще никем не доказана.

18. *Существует ли урановый котел, работающий с тяжелой водой в качестве модератора, или все работающие котлы уран-графитовые?*

Ответ. В США все котлы работают с графитовым модератором. Вам, очевидно, известно, что производство тяжелой воды требует колоссального количества электроэнергии. До войны производство тяжелой воды было организовано только в Норвегии. И мы все покупали тяжелую воду там. Заметим, что немцы во время войны приложили много усилий для производства работ с тяжелой водой, но им так и не удалось собрать достаточное для пуска котла количество тяжелой воды. Американцы нашли возможным применить графит в качестве модератора и осуществили эту идею весьма успешно. Поэтому, насколько мне известно, они отказались от применения котлов с тяжелой водой для промышленного производства (…).

19. *Из какого вещества были изготовлены атомные бомбы?*

Ответ. Я не знаю, из какого именно вещества были изготовлены бомбы, сброшенные над Японией (…). Как ученый, могу сказать, что эти бомбы, очевидно, были изготовлены из плутония или урана-235.

20. *Известны ли вам какие-либо методы защиты от атомных бомб? Существует ли реальная возможность защиты от атомных бомб?*

Ответ. Я уверен, что никакого реального метода защиты от атомной бомбы нет. Скажите, как вы можете приостановить процесс расщепления, уже начавшийся в сброшенной с самолета бомбе? Можно, конечно, перехватить самолет, не допустив его приближения к цели, но это задача сомнительного порядка (…). Единственным методом борьбы с атомной бомбой надо считать установление международного контроля над всеми странами. Надо, чтобы все человечество поняло, что с открытием атомной энергии судьбы всех наций сплетаются чрезвычайно тесно. Только международное сотрудничество, обмен открытиями науки, интернационализация достижений науки могут привести к уничтожению войн, а значит, и к уничтожению самой необходимости применения атомной бомбы. Это единственно правильный метод защиты. Я должен заметить, что все ученые, без исключения, работавшие над атомной проблемой, в том числе и американцы и англичане, возмущены тем, что великие открытия становятся достоянием группы политиков. Все ученые считают, что это величайшее открытие должно стать достоянием всех наций и служить беспрецедентному прогрессу человечества. Вам, очевидно, известно, что знаменитый Оппенгеймер в знак протеста подал в отставку и прекратил свои работы над этой

проблемой. А Паули в беседе с корреспондентами демонстративно заявил, что он ядерный физик, но ничего общего не имеет и не хочет иметь с атомной бомбой (…). Надо ведь учесть, что атомная энергия, будучи открытой, не может остаться достоянием одной нации, так как страна, не обладающая этим секретом, может очень скоро самостоятельно открыть его. И что тогда? Или победит разум, или опустошительная война, подобная концу человечества.

21. *Справедливо ли появившееся сообщение о работах по созданию сверхбомбы?*

Ответ. Я думаю, что разрушающая сила уже изобретенной бомбы достаточно велика, чтобы смести с лица Земли целые нации. Но я был бы рад открытию сверхбомбы, так как тогда человечество, быть может, скорее бы поняло необходимость сотрудничества. По существу же, я думаю, что эти сообщения не имеют под собой достаточной почвы. Что значит сверхбомба? Это или бомба большего веса, чем уже изобретенная, или бомба, изготовленная из какого-то нового вещества. Что же, первое возможно, но бессмысленно, так как, повторяю, разрушающая сила бомбы и так очень велика, а второе, я думаю, нереально.

22. *Используется ли при взрыве бомбы явление переуплотнения вещества под действием взрыва?*

Ответ. В этом нет необходимости. Дело в том, что при взрыве частицы урана движутся со скоростью, равной скорости движения нейтронов. Если бы это было не так, то бомба при разрыве корпуса дала бы хлопок и рассыпалась. Теперь же именно благодаря этой равной скорости процесс разложения урана продолжается и после взрыва.

Ответив на все вопросы, Нильс Бор попросил сына Оге принести книгу Смита «Атомная энергия для военных целей» и, подарив ее Терлецкому, сказал:

— В ней вы найдете более подробные ответы на интересующие советских ученых вопросы.

Заявив так, Бор практически дал понять Терлецкому, что каких-либо секретов он не сообщил ему, что обо всем этом давно можно было прочитать в открыто изданном докладе Г. Д. Смита. С первых минут беседы Бор почувствовал, что предложенный ему простейший вопросник — это обычный незамысловатый разведывательный прием прощупывания степени его готовности поделиться известными ему деталями и тонкостями атомной проблемы. Поэтому и ответы на вопросы он давал в обтекаемой форме: «очевидно», «я не знаю», «по непроверенным слухам», «мне точно не известно». По завершении беседы, когда Нильс Бор

убедился, что имел дело с советской разведкой, с которой не желал и не хотел иметь ничего общего, он сразу же после отъезда из Копенгагена московских миссионеров поставил в известность контрразведку Дании о своей встрече с ними.

То, что наспех подготовленная полковником Василевским и утвержденная генералом Судоплатовым операция «Миссия Т» носила показной, демонстративный характер и не принесла ученым какого-либо практического результата, свидетельствовали оценки самого Терлецкого по его возвращении в Москву и отзыв академика И. В. Курчатова. В своих воспоминаниях профессор Я. П. Терлецкий писал: «…Бор фактически не сообщил нам ничего существенно нового… Все, что мы привезли от Бора (…), давно было известно Курчатову и его ближайшим коллегам из исчерпывающе полных американских отчетов, сфотографированных и переданных нам нашими искренними друзьями-антифашистами…»

В своем более чем лаконичном и сдержанном — всего на полстранички — заключении на ответы Нильса Бора Курчатов тоже дал понять, что «навар» от разведывательной поездки в Копенгаген был практически нулевой, хотя к Сталину пошло из отдела «С» бравурное сообщение об умело выполненной операции. Итак, отзыв руководителя Лаборатории № 2:

Оценка ответов.

Данных профессором Нильсом Бором, на вопросы по атомной проблеме.

Нильсу БОРУ были заданы 2 группы вопросов:

1. Касающиеся основных направлений работ.
2. Содержащие конкретные физические данные и константы.

Определенные ответы БОР дал по первой группе вопросов. БОР дал категорический ответ на вопрос о применяемых в США методах получения урана-235, что вполне удовлетворило члена-корреспондента Академии наук проф. КИКОИНА, поставившего этот вопрос.

Нильс БОР сделал важное замечание, касающееся эффективности использования урана в атомной бомбе. Это замечание должно быть подвергнуто теоретическому анализу, который следует поручить профессорам

ЛАНДАУ, МИГДАЛ И ПОМЕРАНЧУК.

Академик Курчатов.

Задумывая и организовывая операцию «Миссия Т», отдел «С» преследовал цель закрепиться в структуре I Управления НКГБ, но при осуществлении этого больше показушного, чем глубоко продуманного мероприятия, потерпел неудачу. Не удалось отделу «С» сохранить лицо и в последнее время: возможностей вербовать ученых на ранее оккупированных немцами территориях у него не оказалось — к осени 1945 года одни из них, боясь русских, сами ушли на Запад, другие были интернированы и переправлены в США. В итоге что-либо серьезного в разведывательном плане по линии НТР[107] отдел Судоплатова сделать не смог, к тому же по своим функциональным обязанностям он во многом дублировал 11-й отдел. Учитывая эти обстоятельства, через некоторое время была подготовлена записка на имя наркома В. Н. Меркулова о нецелесообразности ведения разведки по вопросам науки и техники двумя параллельными аппаратами — с этим предложением все согласились, и отдел «С» был упразднен.

* * *

5 сентября 1945 года в Оттаве неожиданно исчез шифровальщик советского посольства в Канаде Игорь Гузенко. Через два дня выяснилось, что он прихватил с собой около сотни заранее подготовленных им секретных и совершенно секретных документов — шифры, личные записи резидента и многое другое. Годом раньше резидент ГРУ Николай Заботин получал уже телеграмму об отправке Гузенко в Москву, но он настоял тогда на отмене этого решения и, мало того, стал доверять ему ключи от собственного сейфа, а также свой личный шифр. Но больше всего удивляло то обстоятельство, что Заботин позволил ему и его семье проживать на частной квартире за пределами территории советского посольства, хотя всем разведчикам давно было известно, что шифровальщики за границей должны, как правило, охраняться, что даже за покупкой сигарет их отпускали в город только в сопровождении охранников. И вот теперь, когда на имя Заботина поступило из Центра повторное указание: «Кларка[108] немедленно отправить в Аттику[109]», Гузенко, прочитав первым шифровку с такой директивой, решил не возвращаться на родину, и 7 сентября он попросил у канадских властей политического убежища.

Дело, связанное с Гузенко, было передано полицией премьер-

министру Макензи-Кингу. Тот, изучив дело, доложил об этом срочно созванному им правительственному Совету, а затем отправился в Вашингтон, где более двух часов беседовал по этому поводу с президентом США Трумэном. Выслушав рассказ Кинга о шпионской деятельности военной разведгруппы советского посольства в Канаде, Трумэн с возмущением заметил:

— Как же это понимать? Мы им, как союзникам, помогали, а они у нас, пока шла война, потихоньку вербовали и похищали секреты! Какая наглость!

Трумэн и Кинг, чтобы не осложнять отношений с Россией, стали обсуждать, каким должен быть процесс — открытым или закрытым. Но так и не договорившись ни до чего, они решили согласовать этот вопрос с английским премьером Клементом Эттли, поскольку Гузенко на первых допросах дал показания о том, что в МИ-5 работают два советских агента под одной кличкой Элли. То, что канадский провал перебросился не только в США, но и в Европу, встревожило и лондонскую резидентуру НКГБ, и Лубянку, и так называемую «кембриджскую пятерку».[110]

Обеспокоило это и резидента Квасникова, который уже сдавал свои дела Яцкову, назначенному вместо него руководителем загранточки. Особенно их беспокоила предстоявшая через несколько дней встреча в штате Нью-Мексико с агентом Чарльзом. Опасаясь за непредсказуемые последствия, Квасников предложил Яцкову отменить ее, не направлять связника Раймонда в закрытую зону этого штата, но тот заупрямился:

— Нет, Леонид Романович, Арно[111] должен ехать в Санта-Фе. Отменить его поездку уже невозможно: у нас просто нет времени, чтобы найти Чарльза и предупредить…

— Но если оперативная обстановка так сильно изменилась в худшую для нас сторону, то мы, наверно, тоже должны как-то отреагировать?!

Яцков молчал.

— Не должны же мы в этой ситуации бросать на произвол судьбы сразу двух наших особо ценных агентов, — продолжал тем временем Квасников.

— Я это понимаю, Леонид Романович… Но у нас безвыходное положение. До проведения встречи осталось три дня, и я не исключаю, что Арно уже выехал в Нью-Мексико. Давайте будем надеяться на лучшее. Чарльз — человек осторожный, да и Арно при развязанной сегодня в прессе шумихе о канадском провале и вообще о шпиономании будет вести себя побдительнее. Если же мы не пойдем на эту встречу, то можем надолго потерять Чарльза. Он же останется без связи и, не дай Бог, покинет

Америку, как это уже сделали многие европейские ученые, а потом вы же сами мне говорили, что Павел[112] ждет от вас результатов испытания «горгоны».[113] А кто, как не Чарльз, должен сообщить нам об этом?

— А Персей разве не допущен к испытаниям?

— Но он мог и не быть на полигоне…

— Да, без этих данных мне лучше не возвращаться домой: Павел может растереть меня в порошок. Он уже давно грозится посадить меня в подвал… А в этом случае у него будут все основания превратить меня в лагерную пыль…

— Не беспокойтесь, Леонид Романович, привезете вы ему необходимые данные. Полмесяца назад я случайно встретился на одной из улиц с Арно и предупредил его, чтобы он все материалы, полученные от Чарльза, переписал самым простым средством — молоком — на газету, затем завернул в нее грязное белье и привез это мне, в Нью-Йорк…

— Мудер ты, Анатолий! Нет, не зря мы оставляем тебя здесь за главного! — похвалил его резидент. — Ну, ладно, поживем — увидим, чем обернется эта встреча для нас обоих…

Фукс — один из тех немногих ученых Лос-Аламоса, кто имел собственный автомобиль. На нем он иногда выезжал развлечься в близлежащие городки Альбукерке и Санта-Фе, под этим предлогом там и встречались с ним без помех представители советской разведки. Контакт с ним осуществлялся только через связника Раймонда. Свои функции он выполнял профессионально, не вдаваясь ни в какие подробности, не вступая ни в какие разговоры. Это была чисто механическая работа — получить, привезти, передать.

19 сентября, как было обусловлено, на окраине Санта-Фе Раймонд сел в машину ученого, и они выехали в горы. Фукс, как никогда ранее, выглядел встревоженным и озабоченным: он был потрясен тем, что произошло при атомной бомбардировке японских городов. Тогда же он высказал предположение, что США, монопольно владея теперь ядерным оружием, не остановятся ни перед чем в достижении мирового господства.

— Уже сейчас суммарная производительность американских обогатительных установок и промышленных реакторов составляет в месяц почти сто килограммов урана и двадцать — плутония, — пояснил он Раймонду. — Зная же критические массы, легко рассчитать, сколько атомных бомб можно начинить месячным запасом взрывчатки.

Затем он подробно рассказал связнику о результатах увиденного им экспериментального взрыва в Аламогордо и о тех ощущениях, которые испытал сам. Он передал также в своем

письменном отчете сведения о возможности использования галлия в качестве компонента сплава для оболочки бомбы, о тех поправках, которые необходимо внести в ее конструкцию для большей эффективности, и о готовящемся в США новом заряде смешанного типа, в котором в качестве ядерной взрывчатки будут применяться и плутоний, и уран-235.

Перед тем как расстаться, Клаус Фукс поставил в известность связника о том, что это была последняя в их жизни встреча, что где-то через месяц он должен уже покинуть США и выехать с оставшейся в Лос-Аламосе группой британской миссии обратно в Лондон. Проинструктированный Яцковым на все случаи жизни Раймонд подробно сообщил Чарльзу условия возможной связи на территории Англии…

По заданию заместителя начальника разведки генерала Овакимяна бывший сотрудник нью-йоркской резидентуры подполковник Семен Семенов (Твен) быстро сделал перевод и обработку подлинников агентурных сообщений Чарльза, Персея и Калибра о конструкции американской атомной бомбы, и подготовленные 18 октября материалы были доложены Меркулову, а затем по его указанию их послали куратору атомного проекта:

> Совершенно секретно.
>
> Товарищу Берия Л. П.
>
> При этом направляю сообщение о конструкции атомной бомбы, составленное на основании агентурных материалов, полученных НКГБ СССР (см. Приложение № 6).

На документе красными чернилами наложена резолюция:

> «Прошу направить по одному экземпляру этих материалов т.т. Курчатову И. В. и Ванникову Б. Л.
>
> *Л. Берия.*
>
> *20. X.45 г.*

Ознакомившись с обобщенной справкой о конструкции атомной бомбы, Курчатов сделал необходимые ему выписки и поспешил проинформировать об этом главного конструктора изделия[114] Юлия Харитона. Тот, в который уже раз, был поражен невероятной интуицией Бороды. Впрочем, не только Харитон: когда Курчатов высказывал какие-то фантастические идеи или готовые решения, а в некоторых случаях даже точно

«предсказывал» и окончательные результаты того или иного эксперимента без предварительной его постановки, ученые делали большие глаза, удивляясь, что из него так и прут гениальные догадки.

Курчатов был, действительно, тонким физиком, обладающим необычайно развитым аппаратом логического мышления, что помогало ему при решении исключительно сложных, многокомпонентных научных задач, особенно при выборе оптимального пути в начале исследований. И как руководитель атомного проекта — этого гигантского мероприятия — он обязан был входить во все отрасли знания — и в радиохимию, и в металлургию, и в механику, и в технологию взрывных процессов, и во многое другое, что должно было быть увязано в одной его голове. Ученые-атомщики, специалисты, которых Курчатов заражал своими идеями, энтузиазмом и верой в успех дела, и ведать не ведали о природе его некоторых гениальных догадок и готовых решений по различным направлениям проблемы. Находясь в обстановке сверхсекретности, они, конечно, не могли знать, что часть поступающего к ним готового исследовательского материала и высказываемые руководителем проекта невероятно захватывающие мысли и предлагаемые в некоторых случаях решения без проведения опытов являлись переложением всего того огромного запаса знаний, которые содержались в материалах, переданных ему разведкой. Она сделала его самым информированным физиком-ядерщиком, посвященным с самого начала в результаты урановых исследований в Англии и США.

Но сколько бы ни была потенциально полезной разведывательная информация с ее блистательными идеями, необычайными расчетами и ориентирами, в каком научном направлении следует идти, сама по себе она была мертва. Мертва до тех пор, пока не находились требуемые самим Курчатовым доказательства, подтверждающие, что разведывательный «улов» не есть ошибка или дезинформация. Находя же ошибки в предлагавшихся для проверки расчетах, ученые грешили на своих неведомых советских коллег, дублировавших их по заданию Берии в какой-нибудь другой лаборатории — № 1 или № 3, не подозревая о том, что поправляли-то они, а иногда и отвергали решения заокеанских светил. А ошибаться было нельзя. И больше, чем кто-либо другой, понимал это Курчатов. Спокойный, сосредоточенный на людях, он становился в лаборатории при проведении опытов прежним пытливым исследователем, подвергающим сомнению каждый шаг.

Не было дня, чтобы он сам не проводил или не участвовал в постановке важнейших экспериментов. Будучи человеком чистым,

добрым, обаятельным и в то же время необыкновенно ответственным, твердым и требовательным, он весь риск в исследованиях и практических разработках брал на себя, при неудачах никогда никого не ставил под удар. Сам строил уран-графитовый котел, разрабатывал методы диффузионного и электромагнитного разделения изотопов урана, экспериментировал в полутораметровом циклотроне. И в то же время вместе со своим заместителем В. В. Гончаровым налаживал связи с промышленностью, сам привлекал специалистов и научные силы из других институтов, проектных организаций и конструкторских бюро, способных помогать решению атомной проблемы, создавал новые институты по металлургии урана и плутония, высшие и средние технические заведения, мобилизовывал и создавал трудовые коллективы для выполнения срочных и сверхсрочных заказов. И люди охотно помогали бородатому академику Бородину. Он привлекал к тому или иному проекту всех тех, кто умел достичь результата малыми силами. Сам впрягался именно туда, где отставали, где он был абсолютно необходим. Одних он воодушевлял неистощимой энергией, честным, бескорыстным отношением к делу, вдохновлял грандиозностью поставленной задачи, других убеждал, что «атомная бомба должна быть сделана как можно скорее, чтобы продемонстрировать американцам, что она у нас тоже имеется, а если же на немного опоздаем с ее созданием, то можем «попробовать» ее на себе».

Привнося всюду дух научного сотрудничества, уверенности в успехе дела, открытости и близких человеческих отношений со всеми — от солдата и кочегара до генерала и академика, — Курчатов необычайно быстро завоевал всеобщие симпатии — его обаянию и доброжелательности просто невозможно было противостоять. Обладая этими качествами, он также быстро приобрел друзей и единомышленников среди руководителей промышленности и Наркомата обороны. Работая в тесном контакте с ними, он проходил тем самым прекрасную школу организации новых больших коллективов и вовлечения их в небывалое и, в общем-то, рискованное по тогдашнему времени предприятие.

В походе за ликвидацию американской атомной монополии Курчатову особенно продуктивно помогал Б. Л. Ванников, который отвечал за срочное исполнение заказов промышленностью, строительство новых объектов и координацию всех работ по атомному проекту. Они оба как нельзя лучше дополняли друг друга. Пройдет какое-то время, и Ванников добьется, что Научно-технический совет по атомной бомбе

возглавит Курчатов, получит права министра, и его личной подписи будет достаточно, чтобы еще более оперативно решались научно-технические, строительные, социальные и бытовые вопросы.

* * *

В конце октября резидент Леонид Квасников отбыл из США на американском пароходе «Натан Тоусон». Исполнять обязанности резидента в Нью-Йорке стал Анатолий Антонович Яцков, известный под фамилией Яковлев. Первую телеграмму за своей подписью он отправил 4 ноября 1945 года:

> Сов. секретно, лично т. Виктору.
>
> После трехлетнего перерыва восстановлена связь с Луисом. Он по-прежнему предан нам и готов выполнять любые задания. Намеревается воспользоваться предоставленными ему, как участнику войны, льготами для поступления в Колумбийский университет.
>
> Лесли по-прежнему нигде не работает. Полученные ею от недавно прибывшего в Тир Персея материалы будут направлены через челнока.[115]
>
> По данным Персея, в заповеднике набирает силу движение сторонников, выступающих против «горгоны». Некоторые из них увольняются из Парфенона и возвращаются на прежние места работы. Объявил о своей отставке Р. Оппенгеймер. Такие же мысли высказывал и Персей. В очередной заплыв[116] попытаемся переубедить его в том, чтобы он остался в Карфагене.
>
> В дополнение сообщаем: в Тире в связи с событиями в Лесовии[117] усилилась активность Спрута.[118] Данное обстоятельство нами учитывается в работе со стажерами.[119]
>
> *Алексей.*

Реакция Центра на это сообщение оказалась для Яцкова совершенно неожиданной:

> В связи с резким обострением оперативной обстановки в Монблане[120] и Лесовии рекомендуется до особого распоряжения прекратить связь с наиболее ценными стажерами. Возможность восстановления связи допустима только с санкции Центра и при условии, если

возникнет острая необходимость сообщить особо важные сведения.

Петров.[121]

Возможно, это была перестраховка. Но она была в какой-то мере оправдана заботой в связи с предательством И. Гузенко о безопасности сотрудников резидентуры и тех агентов, которые уже оказали немало услуг советской разведке и могли еще сделать много полезного. С другой стороны, это нарушало отлаженный годами ритм и режим работы с источниками. К тому же некоторые из них могли расценить прекращение связи как проявление недоверия и полученную уже интересующую разведку информацию уничтожить из опасения хранить ее дома или на работе.

В личном письме, направленном вдогонку отбывшему из Нью-Йорка резиденту Квасникову, выдержанный и немного осторожный Яцков на сей раз, руководствуясь интересами дела, был категоричен и решительно не согласен с поступившим из Центра указанием, подписанным неизвестной ему фамилией Петров:

> «…Это непродуманное и потому оперативно неграмотное указание может иметь самые негативные последствия для функционирования такого сложного и весьма чувствительного ко всяким волевым решениям организма, каким является институт стажеров. Я еще могу как-то понять, чтобы прервать связь с Фрэнком, Мортоном и другими, с которыми, как вам известно, мы и раньше встречались не так уж часто. Но как быть с такими источниками, как Арно, Лесли, Кинг? Они же, вы знаете, настолько втянулись в работу с нами, что уже не мыслят себя без нее! Почти каждую неделю они встречались с членами своей группы и доставляли нам ценнейшую информацию. И вдруг — так вот сразу — все оборвать?! Нет, я не согласен с таким решением! Расслабляться и терять бдительность, созданный годами настрой на конспиративные формы работы нашим стажерам никак нельзя!..»

Эти тревожные размышления заставили возвратившегося в Москву Квасникова пойти к начальнику разведки и высказать ему свои соображения по поводу прекращения связи с источниками.

Генерал Фитин уважал и ценил Квасникова, как человека широкого оперативного мышления, и потому принял его сразу.

— Ну что там у тебя, Романыч, накипело? — как-то по-домашнему обратился к нему Фитин. — По глазам вижу, ты чем-то озабочен…

— Да, Павел Михайлович, вы угадали. Я усомнился в целесообразности указания Центра, направленного в Нью-Йорк несколько недель назад.

— Что ты имеешь в виду?

— Прекращение связи с агентурой. Скажите, кто мог бы быть инициатором такого необдуманного указания?! И кто такой этот Петров?

Фитин, прижав указательный палец к губам, остановил его, затем взял карандаш и размашисто написал на листке бумаги: «Прошу быть поосторожнее в своих высказываниях. Тут, как и в Нью-Йорке, окружающие нас стены могут тоже иметь «уши»…

Прочитав, Квасников взял у Фитина карандаш и на том же листке скорописью нацарапал: «Спасибо, я понял. Но все же кто?»

Фитин снова черкнул: «Это человек Л. П. Б.[122] — Меркулов. Он и подготовил это указание по приказу Л. П.».

«Но почему не сведущие в разведке люди бесцеремонно вмешиваются в ее тонкие дела?»

Фитин: «По-моему, так было всегда».

Прочитав, Квасников вернул записи генералу, тот зажег спичку, сжег скомканный листок над пепельницей, затем осторожно собрал пепел и сбросил его в коробку, лежавшую на две сейфа. И, подмигнув собеседнику, Фитин уже официальным тоном заметил вслух:

— Лишь крайние обстоятельства, Леонид Романович, заставили нас направить в загранточку такое указание. И продиктовано оно было стремлением сохранить закордонные источники для дальнейшей работы с нами.

— Но вы же прекрасно знаете, в разведывательном процессе не бывает и не должно быть никаких перерывов. Не могу себе представить, как можно прекращать работу таких связников, как Лесли и Раймонд. Я настоятельно прошу вас, Павел Михайлович, понять меня правильно: Лесли нельзя отстранять от работы с нами. Да и Луиса тоже, если он приступил к работе. Они же этим живут! Сказать, чтобы они прекратили работу с нашими помощниками, — это просто глупо! Мы так можем навсегда потерять их для разведки!

— Не надо нервничать, Леонид Романович. Мы постараемся сделать все необходимое для этой пары. Яцкову подготовьте телеграмму, чтоб он оказал им материальную и моральную поддержку. Я со своей стороны обещаю вам сделать все, чтобы «Волонтеры» не выключались из разведывательного процесса. Что

касается указания, — Фитин развел руками и улыбнулся: мол, не взыщи, мы все ходим под Берией и Меркуловым! — то его надо выполнять… Вопросы есть?

Какие после этого могли быть вопросы!

На другой день Яцкову была направлена шифротелеграмма:

> Сов. секретно лично т. Алексею.
>
> Полученные от Персея и Чарльза материалы заслуживают высокой оценки.
>
> Лесли в порядке исключения разрешено до конца года проводить самостоятельные заплывы!.
>
> Луиса постепенно готовьте к работе в нелегальных условиях. По-прежнему не снимается с вас вопрос об организации приемо-передаточного пункта разведматериалов. Подумайте с Луисом о возможности использования в этих целях торговой лавки его отца, партнером которого он мог бы стать сам.
>
> Характеристики на Луиса и Лесли прошу выслать в наш адрес.
>
> *Виктор.*

Яцков дважды перечитал шифровку. Последняя ее строчка вызвала у него недоумение — с чего бы это Центр запросил характеристики, когда уже дано указание временно законсервировать с ними связь. Но так ничего и не поняв, он подготовил для отправки курьерской связью два документа без каких-либо условностей и зашифровок, но под грифом «совершенно секретно».

Характеристика на Луиса (личное дело № 13 676)

Луис сотрудничает с советской разведкой со времен гражданской войны в Испании. Образован, культурен и деликатен. Исключительно честен. Обладает выдержкой, терпением и высокой дисциплиной.

По нашему заданию и с санкции Центра завербовал двух агентов, один из них — Персей открыл нам доступ к особо важным секретам американского атомного центра в Лос-Аламосе. До отправки на западный фронт являлся руководителем агентурной группы «Волонтеры». После возвращения с войны его отношение к сотрудничеству с нами не изменилось. Он по-прежнему считает, что

разведка является самой нужной в мире профессией и что в последующем только она сбережет мир от войны.

Работе с нами предан. Надежен и конспиративен.

Вывод: заслуживает полного доверия. Впредь его можно смело использовать по нелегальной линии в качестве наводчика и агента-вербовщика.

Алексей.

Характеристика на Лесли (личное дело № 13 676)

…Обладает хорошей памятью, изобретательностью и даром перевоплощения. Находчива и настойчива в достижении поставленной цели. Смелая, храбрая и весьма сообразительная. Легко сближается с людьми, умеет правильно строить с ними взаимоотношения. К разведработе относится в высшей степени заинтересованно и ответственно, готова посвятить ей всю свою жизнь. Возложенные на нее задачи по обеспечению связи с агентурой и доставке от нее разведматериалов выполняет добросовестно.

К числу недостатков следует отнести некоторую ее излишнюю эмоциональность и рискованность.

Вывод: вполне может самостоятельно работать в нелегальных условиях.

Алексей.

Направляя эти два документа в Москву, Яцков не знал тогда, что затребовал их Вильям Генрихович Фишер — он же Рудольф Иванович Абель, который готовился в то время к нелегальной работе в США.

Из воспоминаний полковника А. А. Яцкова

После указания Центра о временном прекращении связи с нашими помощниками я длительное время не выходил на встречу с Лесли. Однажды она позвонила мне из телефона-автомата на работу в консульство, что являлось нарушением требований конспирации, и немного измененным, но весьма требовательным тоном назначила явку на углу Бродвея и 12-й улицы. Я сначала колебался — идти или не идти? Советоваться в таких делах с сотрудниками резидентуры — опасно, да и не к лицу это резиденту. В условиях заграницы он — хозяин положения и в исключительных случаях должен сам принимать решения. Но неуловимая логика разведывательной работы иногда вынуждает идти на нарушение требований конспирации и даже на невыполнение подобных указаний Центра. Это был именно тот случай, когда я, не поставив в известность Москву, вышел на связь.

Лесли высказала мне недовольство тем, что ей приходится длительное время хранить дома «горячую» информацию кадрового сотрудника американской разведки агента Герберта и образцы форм для отливки имплозивных линз, доставленных от агента Калибра из Лос-Аламосского атомного центра. Несмотря на мои объяснения, что перерыв во встречах продиктован был беспокойством Центра о ее личной безопасности, Лесли не соглашалась с этим предложением и заявила о том, что у нее с мужем — Луисом — создалось впечатление, что после войны они стали не так нужны разведке, как это было раньше. Пришлось убеждать ее в обратном. При этом невозможно было не восхищаться преданностью и надежностью этих необычных людей. А они в самом деле — необычные. Если она, скажем, — буря, то он — скала. Когда она бушует, он — безмятежен. Где она нетерпелива, там он — само терпение. Она спешит, он никогда не торопится. Она — храбрая, решительная, он — несколько осторожен, любит принимать взвешенные решения. И хотя, должен признать, храбрые только осложняют жизнь разведчика, но на Лесли можно было положиться. С нею можно смело идти в разведку и делать великие дела. То же самое и с Луисом — мужественным, интеллигентным человеком, похожим внешне и по поведению на ученого или служащего госдепа. Зная хорошо этих надежных людей, я поэтому на свой страх и риск, несмотря на тогдашние запреты Центра, продолжал периодически поддерживать с ними связь в так называемом «дежурном

режиме».

* * *

В конце ноября 1945 Терлецкий поехал к Петру Леонидовичу Капице и, передав ему письмо от Бора, сообщил, что он дважды — 14 и 16 ноября встречался с датским ученым и его сыном Оге Бором. Что Нильс Бор расспрашивал его о семье Капицы и о положении Ландау. На вопрос Петра Леонидовича, помог ли чем Бор его миссии, Терлецкий, не скрывая, заметил:

— Истинный смысл поездки к великому ученому остался не вполне понятным для меня. Ответы Бора на вопросы были очень общие. То он ссылался на то, что в Лос-Аламосе его не знакомили с деталями проекта, что он не участвовал в инженерной разработке и конструировании различных аппаратов, то он вообще не видел ни одной американской установки. И в конце концов заявил, что такие квалифицированные физики, как Капица и Ландау, которыми располагает Россия, в состоянии сами решить проблему. Особенно теперь, когда рассекречен и издан в виде книги доклад Смита, которую он подарил нам тогда. Это, пожалуй, единственно ценное, что мы привезли от Бора. Остальное, я имею в виду его ответы на вопросы, давно были известны Курчатову и его ближайшим коллегам…

Капица, поняв, что его «использовали», заставив написать Бору рекомендательное послание, в тот же день подготовил и отправил Сталину беспрецедентное для того времени письмо с резкой критикой Берии:

> «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. У тов. Берии основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо.
>
> Я лично думаю, что тов. Берия справился бы со своей задачей, если отдал бы ей больше сил и времени. Он очень энергичен и быстро ориентируется, хорошо отличает второстепенное от главного, поэтому зря времени не тратит, у него безусловно есть вкус к научным вопросам, он их хорошо схватывает, точно формулирует свои решения. Но у него один недостаток

— чрезмерная самоуверенность, и причина ее, по-видимому, в незнании партитуры. Я ему прямо говорю: «Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах», на что он мне возражает, что я ничего в людях не понимаю. Вообще наши диалоги не особенно любезны. Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт. Ведь, например, не надо самому быть художником, чтобы понимать толк в картинах (…).

…У меня с Берией совсем ничего не получается. Его отношение к ученым, как я уже писал, мне совсем не по нутру.

…Следует, чтобы все руководящие товарищи, подобные Берии, дали почувствовать своим подчиненным, что ученые в этом деле ВЕДУЩАЯ, а не подсобная сила… Они (руководящие товарищи) воображают, что, познав, что дважды два четыре, они постигли все глубины математики и могут делать авторитетные суждения. Это и есть первопричина того неуважения к науке, которое надо искоренить и которое мешает работать (…).

Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему все это сказал, да увидеться с ним очень хлопотно…»

Сталин выполнил просьбу ученого: показал письмо Берии. Тот, не откладывая дело в долгий ящик, обратился к Капице по телефону:

— Нам надо поговорить, Петр Леонидович…

Капица органически не терпел Берию, не хотел находиться под его началом и продолжать участвовать в работе Спецкомитета и потому решительно возразил ему:

— Если хотите поговорить со мной, то приезжайте в институт.

— Хорошо, я приеду.

И Берия поехал, захватив с собой в подарок Капице богато инкрустированное тульское охотничье ружье.

В беседе один на один Капица посмел высказать всесильному Берии все, что он думал о нем и о том, что во главе ученого стола должны стоять те, кто действительно решает научные проблемы, а не люди, стоящие у руля власти, что давно надо научиться верить ученым, а «это возможно только тогда, когда наука и ученый будут всеми приниматься как основная сила, а не подсобная, как это имеет место теперь…».

И, как учил А. П. Чехов, если в первом акте пьесы ружье появляется на сцене, а жизнь — это и есть спектакль, в котором все мы — актеры, то в финале оно обязательно выстрелит. Капица играл со всесильным Берией в опасные игры. В конце концов нарком попросил у Сталина санкции на арест Капицы, но Сталин чисто по-иезуитски изрек:

— Я его тебе сниму, но ты его не трогай.

Открытым письмом к Сталину Петр Леонидович в какой-то мере обезопасил себя: если бы его арестовали, то это расценивалось бы как месть. И все же «выстрел ружья» состоялся: 21 декабря 1945 года Капица был выведен из состава Спецкомитета и отстранен от дальнейшего участия в разработке атомного проекта. А могло быть и хуже: вдруг Сталин передумал бы и арестовал его, как академиков Л. Ландау и С. Королева. Так часто бывало: в коварстве и вероломстве вождю всех народов не было равного. Чтобы показать Капице, что он не имел отношения к его освобождению от работы в Спецкомитете, Сталин направил ему письмо:

> Тов. Капица!
>
> Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного — думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них (…).

* * *

Применив дважды атомную бомбу в Японии, американские стратеги через два месяца наметили своим главным противником Советский Союз, авторитет которого заметно возрастал на международной арене как страны-победительницы. Росли к ней симпатии и как к пострадавшей державе. Все это не устраивало не только военных, но и правящие круги Америки. И хотя они знали, что СССР потерял за годы войны более 27 миллионов своих сограждан, лишился более 1700 городов, 30 000 промышленных предприятий и 70 000 сел и деревень, Объединенный комитет начальников штабов США рассмотрел в ноябре 1945 года план стратегической атомной бомбардировки жизненно важных центров Союза. В двадцать наиболее выгодных целей для атомных атак включались Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск и Ярославль. Киев и Минск не вошли в этот список потому, что они были и без того

уже сильно разрушены войной.

Президент Гарри Трумэн, почувствовав себя властелином мира с «атомной дубинкой» в руках, впоследствии с поразительным цинизмом признался: «Если бы я знал тогда то, что знаю теперь, я приказал бы войскам идти к западным границам России». Аппетиты США при поддержке президента росли в то время с каждым годом: в дальнейших планах увеличивалось число атакуемых городов не только в СССР, но и в других социалистических странах. Это было время упоения Пентагона ядерной монополией. Она, как считали американцы, продлится долго, и потому сами они останутся неуязвимыми самое малое до 1954 года — это наиболее ранний срок, к которому, как пророчествовали военные США, Россия сможет осуществить свой атомный проект. Мир был близок к новой войне.

Курчатов, узнавший об этих планах от возвратившегося из США резидента Квасникова, слегка подковырнул его:

— Но почему же тогда стал заметно иссякать от вас поток разведывательной информации? Нам надо скорее делать атомную бомбу, а от вас почти полгода не поступало никакого материала.

— Это потому, что меня не было в Москве, — отшутился Квасников и тут же серьезно добавил: — Будут вам, Игорь Васильевич, материалы. Я привезу их вам.

Заявляя так, Квасников был уверен, что направленные из Нью-Йорка перед его отъездом пленки с отснятыми материалами по «проблеме № 1» отлеживаются где-нибудь в Центре в непроявленном виде. «Скорее всего, в отделе Судоплатова», — подумал он. И не ошибся в своих догадках: пленки и другие сведения по научно-технической линии находились действительно в отделе «С».

— Но как же так, товарищ генерал, — осмелился он упрекнуть заместителя Судоплатова Наума Эйтингона, — мы там, в Нью-Йорке, рискуя жизнью наших помощников, в неимоверно сложных условиях оперативно добывали особо важную информацию, а она у вас мертвым грузом лежит по три-четыре месяца?

— Мы тоже не сидели здесь сложа руки, — отпарировал генерал. — Мы выполняли не менее важные, чем у вас, задачи по розыску в Германии ученых-атомщиков и вывозу их в СССР…

Скопившиеся в отделе «С» материалы по атомной бомбе Квасников с санкции начальника разведки забрал в свой отдел и привлек к их обработке — снятию фотокопий, переводу текстов на русский язык, анализу и систематизации сведений по различным направлениям — сотрудников многих служб и

вспомогательных подразделений Центра — аналитиков, фотографов, машинисток и переводчиков. За две недели материалы были приведены в надлежащий порядок и подготовлены для доклада Курчатову. Но застать бородатого академика, наделенного с того времени полномочиями министра, оказалось не так-то просто: то он на совещании с производственниками и проектантами, то на монтаже специального оборудования на каком-то далеком объекте, то на заседаниях научного семинара по ядерной физике, то вместе с Б. Л. Ванниковым находится в командировке в Арзамасе или на Урале. Отвлекали его и частые вызовы в правительство или к Сталину для принятия особо важных решений по тому или иному атомному объекту.

Понимая, что по открытой телефонной связи объяснить все помощнику Курчатова по режиму генерал-майору НКВД Николаю Ивановичу Павлову нельзя, Квасников решил поехать к нему, чтобы ускорить реализацию последних разведданных по атомной бомбе. Обаятельный, интеллигентный генерал выслушал его внимательно и сказал:

— Но у Бородина сегодня и завтра ни минуты свободного времени… Я прекрасно понимаю, что у вас разведывательная информация…

— И потому я требую, — перебил его Квасников, — незамедлительно доложить ее Бородину. Тем более что у меня с ним уже была договоренность о ее быстрой доставке. Вы поймите одно, Николай Иванович: запоздавшая информация может оказаться потом бесполезной…

— Ну хорошо. Давайте вместе решать эту проблему. Сегодня его уже не будет здесь, а завтра он выезжает со своей охраной в Кыштым. Единственная возможность показать ваши материалы по дороге на Казанский вокзал. Второй вариант: он может посмотреть их на перроне за несколько минут до отхода поезда.

Квасников сделал большие глаза.

— Не удивляйтесь, Леонид Романович. Игорь Васильевич за неимением свободного времени часто проводит беседы и принимает решения прямо в машине или, как я уже говорил, на перроне вокзала.

— Но на проработку моих материалов потребуются не минуты до отхода поезда, а целые часы, а то и дни…

— Тогда остается только один выход: поехать с ним в Кыштым. Это он тоже позволяет некоторым лицам, когда возникают какие-то неотложные для решения проблемы. Вы можете завтра поехать вместе с ним?

Квасников оторопел от неожиданной постановки вопроса:

— Но у меня же суперсекретные документы! Где же я буду их там хранить?

Павлов улыбнулся и спокойно ответил:

— А он только с такими документами и работает. А что касается их хранения, то можете не беспокоиться: за Бородиным закреплен прицепной спецвагон с рабочим столом и неподъемным засыпным сейфом. Причем этот спецвагон ходит под усиленной охраной чекистов…

— Но я уже не смогу забронировать билет…

— Не надо ничего бронировать. В вагоне Бородина имеются гостевые спальные места. Кстати, ваша разведывательная информация однажды уже рассматривалась в пути следования на Урал. Тогда Бородина в числе других лиц сопровождала, кажется, ваша коллега майор Потапова…

— Да, она сотрудница нашего отдела, — подтвердил Квасников. — Хорошо, я согласен поехать с ним на Урал…

Дважды Леонид Романович сопровождал Курчатова при поездках на строительство атомных объектов и докладывал ему в пути следования разведывательные материалы, которые затем находили свое применение в разработке отечественной атомной бомбы.

За успешную работу по добыванию секретной информации и ее реализацию начальник разведки представил Квасникова к правительственной награде. В подготовленном по этому поводу документе отмечалось:

> «…Тов. Квасников в годы войны принес огромную пользу укреплению обороноспособности нашего государства. Возглавляемое им подразделение разведки в Нью-Йорке сэкономило стране не одну сотню миллионов госсредств. Им было начато и продолжено получение документальных материалов о производстве ядерных взрывчатых веществ и конструкции американской атомной бомбы, добыто много ценнейшей информации по вопросам радиоэлектроники, аэродинамики и химии…»

Когда Берия получил от Меркулова наградное представление, то он немедленно вызвал к себе Фитина.

— Не о том ты человеке заботишься, Павел Михайлович, — сердито обронил он. — Я думаю, не спустить ли Квасникова в подвал, а ты поднимаешь его…

Фитин, почувствовав, как по спине пробежала дрожь, промолчал.

— Да-да, Павел Михайлович, в подвал, — изменив тон, почти

ласково добавил Берия. — Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю… — И на глазах Фитина он порвал наградное представление на Квасникова. — Впредь советую тебе ориентироваться на других людей.

Такой была благодарность человека, который стоял за дирижерским пультом всех атомных дел, благодарность за самоотверженный, полный риска труд разведчика, добывающего в сложных условиях заграницы бесценную информацию для советских ученых. И в дальнейшем едва ли не при каждой встрече Берия обещал Квасникову «спустить его в подвал». Конечно, это образное выражение можно было бы расценить как плоскую шутку, но Квасников, Фитин[123] и многие другие сотрудники НКГБ хорошо знали истинную цену подобным шуткам Берии.

* * *

После предательства шифровальщика в Оттаве Игоря Гузенко и многочисленных его допросов в Феврале 1946 года были арестованы агенты советской разведки ученые-атомщики Аллан Нан Мэй, Израэль Гальперин и еще двадцать ранее подозревавшихся канадских граждан. При аресте Гальперина в руки полиции попала его записная книжка, в ней среди других значилось несколько фамилий агентов, в том числе находившихся и в США. Фамилия Чарльза — доктора Клауса Фукса была записана рядом с фамилией его сестры Кристель. Эти данные были доведены до ФБР, что и послужило поводом для начала расследования шпионской деятельности Советского Союза в США.

Клаус Фукс, планировавший возвратиться в Англию как раз в феврале 1946 года, вынужден был остаться в Лос-Аламосе: по просьбе американских физиков его отъезд был перенесен на середину лета. Но агенты ФБР не стали тревожить английского ученого, потому что его сестра Кристель на допросе пояснила, что это она сообщила Израэлю Гальперину о своем брате и попросила помочь освободить его, когда тот был в Канаде как интернированный.

Вот так волею судьбы Клаус Фукс избежал тогда ареста, но предательство Гузенко поставило его в опасное положение. Эта опасность усугублялась еще и тем, что его связник Раймонд, оставшись без работы, самовольно, без согласования с Яцковым, устроился на инженерную должность в химическую лабораторию знакомого ему Крона,[124] который давно уже находился под контролем ФБР. Чтобы предостеречь и Чарльза, и Раймонда от

возможного провала, Яцков связался с Центром и убедил его в необходимости проведения срочной встречи с Гарри Голдом, после чего направил Раймонду Открытку с условностями, обозначавшими место и время проведения очередной явки, но тот в назначенный день на связь не вышел. После еще одного согласования с Центром было принято решение: выехать А. А. Яцкову к месту жительства Раймонда в Филадельфию и связаться с ним по домашнему телефону. Анатолий Антонович так и сделал, назначив ему основную встречу в Бруклине в 18 часов, а запасную — часом позже в Бронксе. Зная о том, что Раймонд стал в последнее время рассеянным и иногда путает места явок, Яцков поехал сам в Бруклин, а в Бронкс послал своего помощника Андреева.[125] Именно к нему по закону подлости Раймонд и пришел на встречу, а тот, как было заранее обусловлено, отправил его на 42-ю улицу Бруклина, где его ожидал Яцков.

Раймонд заметил, что Яцков недоволен им. Он действительно был рассержен и готов был отчитать его как мальчишку за несанкционированные поступки, которые могли повлечь за собой нежелательные последствия. Но, будучи по жизни человеком выдержанным и интеллигентным, Яцков постарался сохранить самообладание и с едва заметным волнением начал с Раймондом разговор:

— Зря ты, Гарри, без моего совета устроился в эту химлабораторию. Лучше бы ты остался временно безработным, в таком случае мы помогали бы тебе материально до тех пор, пока не подобрали бы более хлебное и надежное место.

Раймонд насторожился:

— А разве химлаборатория — это не надежное место?

— Нет! Она находится под контролем ФБР. Дело в том, что некоторые ее сотрудники подозреваются в разработке и выпуске запрещенных химических препаратов, — слукавил Яцков, намекая ему самому сделать соответствующие выводы. — Если же останешься там, то, исходя из моей информации, ты должен быть, как никогда ранее, предельно осторожным. Ну а если Чарльз или Калибр дадут как-то знать о себе или где-то случайно встретятся с тобой — все ведь может быть, — то ты должен всеми способами уклоняться от контакта с ними, сделать вид, что не знаешь или, скажем, не заметил их. То есть надо дать им понять, что встреча с тобой нежелательна. Это, пойми меня правильно, в интересах безопасности каждого из вас троих…

— А чем вызваны такие предосторожности? Уж не газетной ли шумихой, поднятой сначала в Канаде, а теперь вот и у нас, в Америке? Я имею в виду — вокруг так называемых «атомных шпионов».

— Да, и ею тоже. Гувер недавно дал указание своим ребятам разъехаться по всем объектам «Манхэттенского проекта» и перешерстить личные дела всех ученых и специалистов. Если будут основания за кого-то зацепиться, то и допросить их. А о Лос-Аламосской лаборатории он прямо заявил: на суперсекретном объекте есть русский шпион. Переверните, говорит, все вверх дном, но найдите его.

— Вы думаете, найдут? — перебил Яцкова Раймонд.

— Не найдут, так сделают кого-нибудь козлом отпущения. Если даже этот кто-то и не потянет на атомный шпионаж, все равно зацепятся и назовут его потенциальным врагом Америки.

— На мой вопрос, чем вызваны ваши опасения, вы дали понять, что не одной газетной шумихой об «атомных шпионах», а и еще чем-то. Что вы имели в виду? — полюбопытствовал Раймонд.

Яцков задумался.

— А-а, это я имел в виду выступление Черчилля в Фултоне! — вспомнил он после небольшой паузы. — Должен сказать, что его идеологическая речь воспринята в Москве как политический вызов Советскому Союзу. А коли так, то вполне естественно, будет теперь возрастать и роль разведок. Соответственно начнет усиливаться и противодействие контрразведок. Между прочим, я ощущаю это уже на себе. Слежка ведется по шесть-семь дней подряд. Поэтому я хотел бы предупредить тебя, Гарри, о необходимости временного прекращения связи со всеми помощниками, которые входят в твою группу. Это указание Москвы, и мы обязаны его выполнять…

После встречи с Раймондом через два дня на связь с Яцковым вышла Лесли и сообщила о том, что из Лос-Аламоса приехал в Нью-Йорк Персей и просит срочной связи с представителем советской разведки. Времени на согласование этого вопроса с Центром у Яцкова уже не было, и потому он сам решил выйти на встречу с ним в таком месте, откуда можно было бы вести контрнаблюдение. В назначенный день Анатолий Антонович явился на обусловленное место загодя, чтобы подстраховать Персея, установить, не привел ли он за собой «хвоста». За Персеем в этот раз действительно велась слежка. Яцков заметил ее и потому отбросил возможность проведения встречи с агентом. А несколько позже встретившаяся с ним Лесли сообщила резиденту следующее:

— Персей понял, почему сотрудник советской разведки не вышел на связь. Агент сам обнаружил за собой «топтунов», и, чтобы вы не ждали его, он прошел чуть в стороне от обусловленного места встречи в надежде, что вы заметите их и

уйдете. А добивался он с вами встречи из-за того, что хотел предложить свои услуги в вербовке двух молодых и очень способных, по его мнению, физиков из Хэнфорда, которые стали недавно мужем и женой.[126] Кстати, вот, — Лесли вытащила из сумочки небольшой сверток и протянула его Яцкову, — это он просил передать вам. Здесь характеризующие данные на его друзей — ученых из Хэнфорда и подготовленные ими по его просьбе документальные материалы о производстве оружейного плутония и о ведущихся в их атомной лаборатории научных изысканиях…

— Подожди, Лона, — остановил ее Яцков. — Давай сразу уточним: где он с ними встретился?

— Встреча между ними произошла в Хэнфорде.

Месяц назад Персей был там в командировке. Ну и… После неоднократных бесед с ними он намекнул им о необходимости помочь русским создать собственную атомную бомбу. Объяснил и вроде бы убедил их, почему это надо сделать как можно скорее…

— Довольно рискованное мероприятие взял он на себя, — вставил Яцков. — А если они под воздействием газетной шумихи о шпиономании сдадут его в ФБР?

Лесли пожала плечами, а потом твердо заявила:

— Этого не может произойти хотя бы уже потому, что в ваших руках находится их судьба. Я имею в виду написанные ими лично материалы, которые, по оценке Персея, раскрывают государственную тайну Америки и будут представлять для вашей страны большой интерес. Если даже они и выдадут Персея, то у ФБР нет никаких доказательств его шпионской деятельности. А вот они могут попасть на электрический стул, если, скажем, подбросить в ФБР то, что они написали. Они прекрасно понимают, что за такую медвежью услугу им придется рано или поздно расплачиваться, и потому, как сказал Персей, сознательно пойдут на сотрудничество с вами. Так что считайте, они у вас уже в кармане. Осталось лишь закрепить с ними личное знакомство. Персей, кстати, советовал это сделать через Морриса…

— Нет, Лона. Мы не можем сейчас вести вербовочную работу. Отложим это дело на потом. При сложившейся неблагоприятной обстановке нам теперь, как ты знаешь, запрещено встречаться даже с вами, опытными помощниками. Но я не исключаю, что Центр, возможно, согласится с предложением о переносе явок с вами в другую страну. Я попробую согласовать этот вопрос со своим руководством.

В тот же день он отправил шифровку следующего содержания:

Совершенно секретно.

Москва. Центр, т. Кольцову!.

«В связи с предстоящим переводом Луиса на нелегальную работу просим санкционировать заплыв[127] с ним и Лесли в Полинезии,[128] куда они могут прибыть под видом туристов. Считаем необходимым поставить вас в известность, что отсутствие перспективы продолжения активного сотрудничества вызвало у них недовольство и полное разочарование. Лесли из-за этого вынуждена была пойти работать в мастерскую по изготовлению затворов для фотоаппаратов. Луис продолжает учиться в Колумбийском университете.

Алексей.

Но ответ на шифровку нью-йоркского резидента долго задерживался — в это время в Центре происходила замена руководства I (разведывательного) Управления МГБ: его начальник П. Н. Кубаткин[129] сдавал дела новому шефу разведки генерал-лейтенанту Петру Васильевичу Федотову. Только после заступления его на эту должность было впервые рассмотрено предложение Яцкова о переносе во Францию встречи с Луисом и Лесли:

Сов. секретно.

Нью-Йорк, лично т. Алексею.

Заплыв в Париже санкционируем. Дата, условия связи и конкретное место его проведения будут сообщены вам дополнительно. А пока поручите им выяснить: известно ли что-либо в Карфагене и вообще на Монблане[130] о ведущихся в Аттике[131] работах по созданию подобного «горгоне» изделия.

Настоятельно рекомендуем воздерживаться от действий, могущих привести к столкновениям со Спрутом.[132]

Арнольдов.[133]

* * *

В середине июня 1946 года Клаус Фукс навсегда покинул Лос-Аламос. Выехав оттуда, он посетил в Вашингтоне Джеймса Чедвика, составил для него подробный отчет о своей работе, а затем посетил Ганса Бете в Корнельском университете и побывал в Кембридже — у сестры Кристель Хейнеман.

Возвратившись в Англию, он был назначен заведующим отделом теоретической физики Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле. Его назначение по иронии судьбы совпало с принятием в США так называемого «Акта «Макмагона», по которому исключалось какое-либо сотрудничество в ядерной области с другими странами, включая обмен информацией и передачу технологий даже Англии, что шло вразрез с положениями ранее принятого Квебекского соглашения. Это явилось не только моральным ударом по британскому самолюбию, но и главным поводом для принятия решения о разработке в Англии собственной программы создания атомной бомбы, которая должна была стать символом военной мощи и независимости, а также способом поднятия престижа Великобритании. Руководителем этой секретной программы стал знакомый Клаусу Фуксу по Лос-Аламосу известный английский физик Уильям Пенни. В разработке плутониевой бомбы основная роль отводилась Фуксу, потому что не было в Великобритании другого ученого-атомщика, который мог бы знать о ее конструкции больше, чем он.

Главный научный советник британского правительства, впоследствии Нобелевский лауреат, сэр Джон Дуглас Кокрофт так характеризовал его тогда: «…в мире ядерной физики Клаус Фукс занимает ключевое место. Он один из немногих высококвалифицированных физиков страны, не имеющих университетской кафедры, и может стать наиболее вероятным кандидатом на получение профессорского звания в любом из ведущих университетов Великобритании…»

По независящим от советской разведки причинам связь с Клаусом Фуксом была в тот год потеряна. Точно так же она была нарушена и с другим ее агентом — Мэром, который тоже переехал тогда из Канады в Великобританию для разработки проблем создания атомных реакторов. После тщательной, глубокой проверки английскими спецслужбами Мэра и его жены Мэри он был назначен руководителем проекта системы газового охлаждения мощных уран-графитовых реакторов для производства плутония. То есть занял в Англии ведущее положение в реакторостроении для военных и энергетических целей в промышленности и тем самым оказался на очень важном для советской разведки месте, на котором он мог получать и передавать информацию, не вызывая подозрений. Но Мэр почувствовал, что он будет теперь работать в условиях жесткого режима обеспечения секретности, предусматривавшего полную изолированность от внешнего мира. И это побудило его отказаться от личных способов передачи информации. Центр в

срочном порядке начал прорабатывать новые варианты связи с Мэром в Англии. Для продолжения сотрудничества с агентом руководством разведки было принято решение — через его жену Мэри, находившуюся в Риме, донести до Мэра сведения о том, что связь с ним планируется осуществлять один раз в полгода на территории Италии, что для поездок туда у него есть хорошее прикрытие — посещение близких родственников жены: в случае проверки этот факт легко подтверждался. Также через Мэри ему предлагалось самому определиться со сроками приезда в Рим, но не позже пасхальных праздников, то есть весны 1947 года, и подготовить к этому времени интересующие разведку материалы, которые он по своему опыту и знанию сочтет наиболее существенными. Это задание Центра для Мэра передал через Мэри резидент МГБ в Италии Мартын.[134] Он дважды встречался с ней в Риме и попросил обратить особое внимание мужа на соблюдение им осторожности при сборе и хранении секретной информации, что лучше всего запоминать ее, а потом при встрече воспроизводить по памяти, что ему необходимо проявлять повышенную бдительность и предусмотрительность при общении со своими коллегами и особенно дома, где его разговоры с Мэри могут прослушиваться британской контрразведкой.

Поскольку постоянная территория встреч с Мэром (страна, город) не была определена разведкой, Центр продолжал прорабатывать каналы связи с ним: решение этой проблемы шло в основном по двум направлениям — поддерживать контакт через Мэри под прикрытием ее периодических посещений родственников в Италии, как это предусматривалось первоначально, или же создавать пункт посреднической связи в самой Англии, руководимый лондонской резидентурой. Однако по первому варианту возникли опасения: при появлении в Риме он мог попасть в поле зрения английских спецслужб, которые не только сами активно действовали в столице Италии, но и смело подключали к своим делам местную контрразведку. В конце концов кто-то из разведчиков, ранее работавших в римской резидентуре, подсказал, что встречи с агентом лучше всего перенести на север Италии, где оперативная обстановка была более благоприятна, чем в центральной и южной частях страны. Аргументировалось это и другими весьма весомыми доводами:

1. Для проведения встреч с Мэром удобнее использовать расположенный над живописным озером и поблизости от швейцарской границы курортный городок Брунатэ. Упрощенный пограничный режим и близость к границе давно сделали его зоной отдыха иностранных туристов из Австрии, Франции и Швейцарии, к приездам которых население уже привыкло, и,

более того, оно было заинтересовано в них, поскольку туризм приносил всем жителям доход.

2. Удобен был этот городок и для посещения советскими дипломатами, под крышей которых работали разведчики. К тому же Брунатэ находился недалеко от Милана, где тоже были советские представительства.

3. В разбросанных по склонам лесистой горы Сан-Маурицио гостиницах и пансионах можно было выбрать наиболее удачное помещение и сосредоточиться на подготовке к полному изложению на бумаге накопленной в памяти информации, а также подыскать здесь укромные места для проведения деловых бесед с агентом. Тем более что в окрестностях Брунатэ и в самом городе были хорошие возможности — серпантинная горная дорога и фуникулер — для выявления наружного наблюдения, которое могло осуществляться и местными, и иностранными спецслужбами.

Доводы куратора дела Каспара (под этой кличкой Мэр проходил в Центре) оказались убедительными. С этого времени в окрестностях Брунатэ разведкой стали подбираться места для проведения встречи с ним и пансионат, где он и Мэри могли бы остановиться на непродолжительное время под предлогом отдыха.

* * *

Пока готовилась явка с Мэром, в Лаборатории № 2 произошло в это время важное событие: 25 декабря 1946 года состоялся пуск первого в Европе советского атомного реактора. Он был осуществлен в обстановке полной секретности и потому не произвел особого впечатления на шефа ядерной программы Л. Берию, но тем не менее он стал с того времени более глубоко вникать во все вопросы проблемы № 1. Каждый день на его стол ложились рапортички о ходе дел на всех атомных объектах. На многих из них строительные работы стали вестись круглосуточно, и туда, где возникали сложные вопросы, он для их оперативного решения выезжал сам. Для этого у него были неограниченные права и полномочия: он мог, например, самолично изъять из состава Советской Армии военных строителей и передать их Главпромстрою НКВД, чтобы он мог в сжатые сроки варьировать не только одними стройотрядами из лагерей особого назначения, но и дешевой рабочей силой из Министерства обороны.

После невыразительного пуска уран-графитового реактора у Берии начали возникать сомнения: а не занимается ли Курчатов

надувательством? Своими подозрениями он поделился с сопровождавшими его на атомные объекты сатрапами, далекими от науки. Те в угоду шефу-тирану лживо заявляли:

— А может быть, стоит отстранить его от руководства проектом? Ведь есть же у нас команда дублеров?!

Но Берия хорошо помнил, что Сталин более-менее снисходительно относится к руководителю Лаборатории № 2, и потому отклонил скороспелые провокационные предложения своего окружения:

— Пусть команда Курчатова работает, расстрелять мы всегда успеем…

Зато сотрудников I Управления МГБ пуск советского реактора значительно обрадовал.

— Мы, разведчики-атомщики, только после этого воспряли духом и поняли, — заметил начальник НТР Леонид Квасников, — что теперь-то уж нас не расстреляют как вредителей. Теперь доказательства нашей совместной успешной работы с учеными были налицо.

О весомом вкладе разведки в решение «проблемы № 1» свидетельствовало и последнее, самое короткое заключение руководителя Лаборатории № 2, собственноручно написанное им и направленное накануне нового, 1947 года министру госбезопасности СССР:

> Совершенно секретно.
> Лично.
> Товарищу Абакумову В. С.
> Материал, с которым меня сегодня ознакомил т. Василевский, по вопросам:
> а) американской работы по сверхбомбе;
> б) некоторые особенности в работе атомных котлов в Хэнфорде, по-моему, правдоподобны и представляют большой интерес для наших отечественных работ.
>
> *Курчатов 31.12.46 г.*
>
> Экз. единственный.

Это заключение академика целиком и полностью относилось к доставленной из США информации, полученной от молодых физиков из Хэнфорда Анты и Адена (в последующем она послужит основанием для их вербовки). С начала 1947 года поступление материалов по атомной проблеме прекратилось из-за прямого указания В. Н. Меркулова о приостановлении работы с источниками в связи с неблагоприятной политической и

оперативной обстановкой, сложившейся в США и Канаде после предательства Игоря Гузенко.

И хотя исполняющий обязанности резидента Анатолий Яцков возражал против такого указания Центра, в конце концов он и сам почувствовал, что вести активную разведработу против США стало очень сложно. У генконсульства, Амторга и представительства СССР при ООН были выставлены круглосуточные посты наружного наблюдения. Изрядно устав от постоянной слежки ФБР, Яцков попросил Центр подобрать ему замену, поскольку срок его командировки давно уже закончился.

Ознакомившись с рапортом Яцкова, министр госбезопасности наложил резолюцию:

> Т. Федотову П. В.
>
> Прошу доложить личное дело на Алексея, полную характеристику на него и ваши предложения по его дальнейшему использованию. Учитывая, что Фитин находится в распоряжении Упр. кадров, посоветуйтесь с ним по этому вопросу.
>
> *Абакумов.*

Бывший начальник внешней разведки Фитин хорошо знал Яцкова и потому порекомендовал направить его в Париж для оказания помощи Семену Семенову (Твену) в организации разведывательной работы по научно-технической линии. После многократных обсуждений и согласований было принято решение командировать его во Францию, где он вместе с Твеном должен был в первую очередь разработать план предстоящей встречи в Париже с «Волонтерами».[135]

Из характеристики Алексея, доложенной В. С. Абакумову:

> …С марта 1941 года А. А. Яцков начал работать под крышей Генконсульства в качестве стажера. Одновременно изучал английский язык. К концу 1943 года, овладев знаниями языка, он включился в активную разведывательную работу. Тогда же по ходатайству Центра был переведен на должность секретаря Генконсульства. За заслуги перед нашей Родиной по добыванию особо ценной информации по делу «Энормоз» награжден орденом Знак Почета.
>
> На протяжении последних трех лет в довольно сложных условиях оперативно и грамотно решал поставленные перед ним задачи Центра. Скромен, интеллигентен и выдержан.

Работу хорошо знает и любит. Умеет вербовать и воспитывать своих помощников. Самостоятелен. Дисциплинирован. Делу Родины предан.

Учитывая, что Яцков за шесть лет работы в нью-йоркской резидентуре не был ни разу расшифрован перед спецслужбами противника, находился вне их подозрений, полагали бы возможным с учетом знаний английского и французского языков использовать его и впредь на работе в одной из загранточек.

Начальник 11 — го отдела I Управления МГБ СССР полковник Л. Василевский.

Ознакомившись с характеристикой на Алексея, Абакумов дал указание подготовить письмо на имя заместителя министра иностранных дел В. Г. Деканозова с ходатайством о переводе вице-консула А. А. Яцкова на работу в Париж. Согласие МИДа было быстро получено, и вскоре Центр известил резидента о его переводе на работу во Францию.

Перед самым отъездом из Нью-Йорка Яцков провел последнюю в США короткую встречу с Лесли, сообщив ей об условиях явки в Париже, забрал хранившиеся у нее дома агентурные материалы от Персея и благополучно доставил их в резидентуру. Через неделю он навсегда покинул Америку.

* * *

Весной 1947 года в Париже стояла прекрасная погода. Устроившись в гостинице, Коэны незадолго до встречи с представителями советской разведки вышли на балкон и присели в шезлонги. Из включенного в номере радиоприемника доносились через открытую дверь негромкие звуки ноктюрнов Клода Дебюсси. Не часто выдавались у них такие вот беззаботные, свободные минуты. Впервые за шесть лет они наконец-то могли позволить себе расслабиться, отдохнуть от тревог и волнений, которыми была насыщена в Америке их повседневная, неспокойная жизнь негласных помощников. Несмотря на то что последние семь месяцев они находились на «консервации»,[136] Луис продолжал нелегально встречаться в различных штатах Америки с членами своей агентурной группы, которой он руководил в предыдущие годы.

Но вот закончились ноктюрны Дебюсси, и диктор начал на французском языке читать сводку новостей. Луис встал, прошел в свой номер и, выключив радиоприемник, позвал жену:

— Лона! Не пора ли нам на рандеву?

Посмотрев на часы, Лесли мгновенно поднялась из шезлонга и, войдя в холл, негромко обронила:

— Да, ты прав, пора. Мы ждали этой встречи семь месяцев, и будет непростительно, если опоздаем. Но я еще должна переодеться.

— Хорошо. Я подожду тебя на балконе.

Через четверть часа из гостиной, шурша новым, золотистого цвета платьем, вышла улыбающаяся Лесли. Испытывая некоторую неловкость от шикарного наряда, она шла навстречу ему, как начинающая манекенщица, впервые выходящая на подиум демонстрационного зала. Никогда еще Луис не видел ее в таком красивом платье и потому с нескрываемым восхищением стал разглядывать ее.

— Знал бы ты, Бобзи,[137] как забавно выглядишь сейчас! — воскликнула Лесли. — Ты похож на провинциала, который впервые в своей жизни увидел голливудскую кинозвезду. Ничего не поделаешь, привыкай: Париж есть Париж! Итак, мы идем? — уже другим, деловым тоном спросила она.

Луис бросил взгляд на часы:

— Да, пошли.

Через час они были на обусловленном месте на улице Опера де Пари. Луис и Лесли не знали, кто из разведчиков может выйти на связь с ними, и потому глазам своим не поверили, когда, как в волшебном сне, перед ними появились их старые знакомые Джонни и Твен. Лесли, забыв о конспирации и предусмотренном пароле, бросилась им навстречу:

— О, Боже! Вот уж действительно — пути Господни неисповедимы! — воскликнула она, обнимая Семенова, — как-никак они не виделись целых три года.

«Ни хрена себе конспирация!» — глядя на них, подумал Яцков.

Чего только не случается в разведке! Разведчик постоянно находится в напряжении, держит себя «на взводе», а потом неожиданно дает волю обычным человеческим эмоциям.

Оставив Семенова, Лесли повисла на шее Яцкова.

Так они и стояли вчетвером, обнявшись, почти в самом центре Парижа, и никому в голову не могло прийти, что эти люди являлись членами одной из наиболее эффективных разведгрупп в Америке, когда-либо действовавших в мире шпионажа.

— Вот это сюрприз так сюрприз! — щебетала возбужденная Лесли, — Ну какие же вы моподцы, что приехали в Париж именно вы. Сказать вам за это спасибо — слишком мало…

— Не надо нас благодарить, Лона, — заметил Яцков. — Эта

встреча не составила нам особого труда. Мы же оба работаем теперь здесь. — И, повернувшись к Луису, спросил: — Ну, как настроение, Моррис?

— У меня нет слов! Прекрасно, что мы снова вместе!

— Мы еще долго будем вместе, — Яцков взял его под руку, и они последовали за уше; шими вперед Семеновым и Лесли.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мы снова будем вместе работать здесь, в Париже? — переспросил его Луис.

— Нет, конечно. Я имел в виду другое.

— А что именно?

— Что мы будем работать с вами в одной разведке.

За оживленным разговором по дороге они не заметили, как оказались на бульваре Распай, как поднялись на второй этаж небольшого уютного кафе, в зале которого никого из посетителей не было,[138] и что стол, за который они сели, был уже накрыт.

Когда бокалы с шампанским были наполнены, Луис негромким, но проникновенным голосом произнес короткий тост:

— За победу! За мир во всем мире!

Обменявшись еще несколькими традиционными тостами, Твен незаметно перевел беседу в деловое русло:

— Чтобы как-то скорректировать на будущее нашу совместную работу, давайте сначала послушаем Морриса, какую «погоду» показывает политический барометр Соединенных Штатов Америки? Джонни рассказывал мне, что когда он уезжал из Нью-Йорка, то уже тогда чувствовалось резкое «похолодание»…

Тяжело вздохнув и почесав подбородок, Луис тихим голосом заговорил:

— И вас, и нас, по-моему, ожидают тяжелые времена. Думаю, что «потепление» теперь уже не наступит…

— Почему вы так думаете? — придвинувшись к нему поближе, спросил Твен.

— Потому что это противоречило бы основному принципу, на котором строится внешняя политика Америки: разделяй и властвуй. В недрах американской политической кухни давно уже сформировалась мессианская идея диктата над всем миром. Это сейчас — главная политическая линия президента Трумэна, разработанная им в директиве о так называемой «лояльности». А если говорить откровенно, то эта его директива направлена на обработку общественного мнения в духе антисоветизма. Вот почему и пошли сейчас разного рода небылицы типа «советской военной угрозы»…

— А может быть, это и хорошо! — прервал Луиса Твен. — Пусть побаивается нас Трумэн и создает всякого рода защитные

доктрины. А что касается рядовых американцев, то они, я надеюсь, в конце концов сами разберутся и поймут что к чему. Убежден, что они знают, что советский народ всегда готов прийти на помощь.[139] В этом, кстати, все они могли убедиться во время сражения в Арденнах, когда американские войска, как вы помните, оказались в критическом положении…

— Да, Трумэн, размахивая атомной дубинкой, пытается разговаривать с Советским Союзом как с второразрядной державой. А некоторые дипломаты и журналисты даже открыто призывают к атомной войне против вас…

— Они что… считают, что такого оружия у нас никогда не будет? — вмешался в разговор Яцков. Затем он перевел взгляд на Лесли и (просил — Ты помнишь, Лона, на последней встрече в Нью-Йорке я просил выяснить, известно ли что-нибудь американской администрации о том, что в нашей стране тоже ведутся работы по атомной бомбе?..

— О, да, я помню ваше задание! — воскликнула Лесли. — Недавно в Нью-Йорк приезжал из Чикаго к своим родственникам Персей. Так вот, он рассказывал, что Трумэн якобы интересовался у Оппенгеймера, когда русские смогут создать свою атомную бомбу. Тот ответил, что он этого не знает. И тогда Трумэн твердо заявил: «А я знаю». Тут уже Оппенгеймер не выдержал и спросил: «Так когда же, если это не секрет?» — «Никогда!» — злорадно ответил Трумэн. Уже из этого, по-моему, можно сделать вывод, что ни политики, ни ученые не располагают никакими сведениями о ведущихся в СССР разработках ядерного оружия. Этот же вывод подтверждают и наши газеты. Журналисты самонадеянно утверждают, что секретом атомной бомбы в ближайшие пять — семь лет будут владеть только американцы. На этом, кстати, они и пытаются обосновать особые права США на руководство всей мировой политикой…

Эта была ценнейшая информация, о получении которой разведчик мог только мечтать. Поступившая, можно сказать, из первых рук, она будет потом непременно доложена Сталину.

— Ошибается господин Трумэн и вся эта… его камарилья, — ехидно заметил Твен. — Будет и у нас своя атомная бомба, причем очень скоро. И появится она как ответ на ваше атомное оружие, которым президент Трумэн уже давно пугает весь мир, в том числе, к великому сожалению, и своих бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Я убежден, что от советской бомбы, в отличие от американской, не погибнет ни один человек в мире. Если, конечно, нас никто не тронет! — добавил он с некоторым пафосом и, взяв со стола недопитый им фужер шампанского, воскликнул: — А сейчас давайте выпьем за тех, кто, рискуя собой,

помогал нашей стране добывать атомные секреты!

Отпив глоток шампанского, Лесли вдруг задумалась.

— Ты о чем это, Лесли? — встревожился Луис.

— Я подумала о том, почему стала такой агрессивной наша страна после войны? Боюсь, что это не доведет ее до добра.

— А в чем вот, интересно, проявляется эта ее агрессивность? — поинтересовался Твен.

— Да хотя бы по отношению к собственному народу. Ну, посудите сами: американец, заподозренный в симпатиях к Советскому Союзу или к Компартии США, подвергается общественному остракизму. Он может, например, потерять работу, оказаться в тюрьме…

Твен, посмотрев на Яцкова, медленно проговорил:

— Когда в стране складывается вот такая нездоровая политическая атмосфера, то конспирация в работе должна приобретать решающее значение. А посему основным вашим принципом работы должны стать выдержка и терпение.

— Но я не согласна, Твен! — категорически возразила Лесли.

— С чем это ты не согласна? — удивился он.

— С тем, что надо опять терпеть и ждать! Сколько можно?! Семь месяцев мы уже терпели, а теперь опять? Нет уж! Коли мы связали свою жизнь с советской разведкой, то давайте действовать, как и в прежние времена, с полной отдачей. Вы определяете нам свои задачи, а мы даем вам конкретный результат их решения. — Она вдруг нахмурилась, сделала паузу и впервые подозрительно посмотрела Яцкову в глаза. — А может быть, вы уже не доверяете нам? Если это так, то скажите прямо… В самом деле, сколько мы можем ломать голову над тем, почему с нами прекратилась связь после вашего отъезда из Нью-Йорка? Мы очень хотели бы, дорогой Джонни, чтобы вы ответили на этот вопрос до нашего отъезда из Парижа. Вы, дорогие товарищи, поймите одно: мы ведь, когда давали вам согласие на сотрудничество, не искали и сейчас не ищем для себя легкого пути. Нас удивляет: неужели там, в этом вашем Центре, не понимают, что мы и жить-то по-иному, без разведработы, уже не можем. Скажи им, Бобзи, что ты все молчишь?!

Яцков и Твен с восторгом смотрели на эту отважную женщину. Они были бы и рады им помочь, однако решение затронутого ею вопроса — поддержание постоянной связи — зависело не от них, а от строгого указания руководства МГБ. Вспомнив, что надо еще выяснить судьбу остальных «Волонтеров»,[140] с которыми Луис и Лесли поддерживали всегда связь, Яцков хотел спросить ее об этом, но она, словно угадав его мысли, опередила:

— Мне кажется вообще странным, что ваш Центр бросил на произвол судьбы не только нас, но и остальных преданных вам помощников. Вы же можете на этом многое потерять! А возможно, уже и потеряли. Вот смотрите: уволился уже со своей фирмы агент Рей. А ведь от него, как вы знаете, поступала ценнейшая для вашей страны информация по радарам и сонарам. Или возьмем того же Фрэнка: долго он ждал встречи с нами, но, так и не дождавшись, уничтожил аж девятнадцать фотопленок с наисекретнейшими материалами. И поступил он так потому, что хранить дома «горячую информацию», которая буквально жгла ему руки, было опасно. Или тот же ученый-атомщик из Лос-Аламоса… Забыла его имя… Ну с которым я дважды встречалась в Альбукерке и один раз в Чикаго…

— Персей, что ли? — подсказал Яцков.

— Да, да, Персей… Так вот он тоже оказался, можно сказать, потерянным для разведки. Ваш Персей вступил в Чикаго в какую-то прогрессивную общественную организацию, которая ведет теперь борьбу за запрещение того, что он сам создавал в Лос-Аламосе.

— Но откуда ты все это знаешь? — перебил внимательно слушавший ее Твен.

— Как откуда? Я же встречалась со всеми ними, и они сами мне рассказывали об этом. А Персей даже напомнил мне еще раз, что он подобрал взамен себя двух молодых ученых-физиков, которые готовы вместо него оказывать вам помощь. И еще он, помню, убеждал меня, что у каждого человека должен быть свой Ватерлоо…

— Что он имел в виду? — насторожился Яцков.

— Для него, как он сказал, главное жизненное кредо — это борьба за мир, во имя спасения которого он готов теперь пойти на костер, как Джордано Бруно.

Яцков тяжело вздохнул: он прекрасно понимал, что эта смелая женщина — прирожденная разведчица — соскучилась по настоящей работе. Что уже за одно это она заслуживает глубокого уважения и всяческой поддержки.

Несколько секунд прошли в задумчивом молчании, потом Яцков решил все же объяснить причину прекращения связи с ними:

— Работа с вами, дорогие друзья, и с другими «Волонтерами» была законсервирована по указанию Центра. Москва руководствовалась только одним соображением: заботой о вашей безопасности. Перерыв в наших встречах вызван осложнившейся оперативной обстановкой в США и нашим желанием найти более надежные способы работы с вами. Но раз уж вы так рветесь в бой,

то вот что я могу вам сказать. Примерно через полгода в Нью-Йорк выезжает наш новый сотрудник. Зовут его Клод.[141] Запомните это имя. Встречаться он будет только с Лоной. Моррис тем временем начнет готовиться к нелегальной работе с другим нашим сотрудником, о прибытии которого мы своевременно известим вас. Если же Центру потребуется связаться с Моррисом, то это будет сделано только через Клода.

Луис в знак полного согласия ответил кивком головы.

Яцков сделал паузу. Вспомнив о недовольстве Лесли прекращением ее агентурной связи с «Волонтерами», он решил взять ответственность на себя и без санкции Центра позволить ей продолжить встречи с ними с осени 1947 года. Он надеялся, что в Москве его поймут. А не поймут — так что же, ответственности бояться — в разведке лучше не служить. «В конце концов, любое решение всегда можно будет отменить, — подумал он. — А сейчас нам будет важнее всего сохранить хороший настрой «Волонтеров» на работу, поддержать их моральный дух…»

— Теперь что касается членов вашей агентурной группы, — начал было Яцков, но тут же умолк, мысленно взвешивая, что им сказать. — Значит, так: с осени вы можете смело приступать к регулярной работе с ними, — заключил он так, как будто уже имел на это разрешение самого Берии.

Поняв, что слишком много взял на себя, он покосился на Твена в надежде узнать его реакцию на сказанное. Яцков отдал бы многое, чтобы узнать, о чем думал в данный момент этот умный, опытный профессионал разведчик, но расшифровать ход его мыслей никому было не дано. Не глядя на присутствующих, Твен молча поднялся, подошел к окну, отодвинув штору, окинул профессиональным взглядом уличное пространство, затем снова задернул ее и вернулся к столу. Отпив из бокала шампанское и глядя на Коэнов, он медленно заговорил:

— Москва очень высоко ценит ваши заслуги перед Советским государством, и потому, знайте, она всегда помнит о вас. В какую бы беду вы ни попали, нами будет сделано все, чтобы вас выручить. Таковы законы советской разведки. Теперь я выскажу свое мнение о Персее. В условиях начавшейся «холодной войны» он, конечно, не сможет быть одновременно и борцом за мир, и нашим помощником. При нынешней политической обстановке в Америке целесообразнее всего использовать конспиративные методы борьбы, а не легальные…

— Что вы хотите этим сказать? — не поняла его Лесли.

— Я хочу сказать, что именно вы, Леонтина Коэн, должны попытаться убедить Персея отказаться от участия в прогрессивной общественной деятельности и продолжить негласное

сотрудничество с нами. Терять такой источник — непростительный грех для нас всех. Надеюсь, вы это понимаете?

— Я-то понимаю, да вот он… — неуверенно произнесла она.

Твен на секунду задумался, потом спросил:

— Скажите, Лона, когда вы теперь сможете встретиться с Персеем?

— Не знаю… Сама я поехать в Чикаго не могу. Это опасно. Мы договорились, что в ноябре или в начале декабря он пришлет мне открытку с обусловленной фразой на предмет возможной встречи[142] в Нью-Йорке.

— Это уже хорошо. Но вот вы говорили, что он якобы подготовил равноценную себе замену. Так ли это?

— Да, так.

— И кто же они?

— Я же сообщала вам, что они тоже физики-атомщики. Из Хэнфорда. Муж и жена.

Маленький и круглый, словно ртутный шарик, вырвавшийся на волю из разбитого термометра, Твен выкатился из-за стола и, радостно переглянувшись с Яцковым, торжествующим тоном воскликнул:

— Прекрасно, братцы! Считайте, что для Марка уже есть хороший вербовочный задел. — Затем он посмотрел на Лесли и, обращаясь к ней, сказал: — Попробуйте узнать у Персея, как можно связаться с ними, от чьего имени и когда? Может быть, он предложит использовать какие-то пароли или условности при телефонном разговоре. Считайте, это будет ваше главное задание, — Твен посмотрел на часы — время шло к десяти вечера. — Что ж, пора нам разбегаться, а то начнут скоро собираться ночные завсегдатаи кафе. Итак, встречаемся завтра в это же время за этим же столиком.

* * *

На повторной встрече Яцков, взявший на себя проведение инструктажа с «Волонтерами», неспешно достал из портфеля планшет, вытащил из него и развернул на столе большой лист плотной бумаги. Это была карта Нью-Йорка.

— О, здесь все как на ладони! — воскликнула Лесли. Разглядев на карте хорошо знакомый район Бронкса, она радостно добавила: — А вот и наши родные места — платформа Даун-таун, станция метро «Индепендент Лайн».

— Недалеко от этих мест, — начал объяснять ей Яцков, — на улице Фордхем Роуд, для вас будет заложен тайник под номером

один. Под номером два будет находиться на Квинс Рузвельт бульваре, между 90-й и 91-й улицами. И наконец, под номером три, — он ткнул карандашом в район Бруклина, — на Джексон-авеню. Детальное их описание с привязкой к конкретному месту мы еще обсудим перед вашим отъездом из Парижа.

— Будь добр, Джонни, повтори, пожалуйста, места их расположения, — перебила Лесли и, взяв с края стола чистый лист, приготовилась делать пометки.

— Никаких записей не производить! — категорически возразил Семенов. — У вас при себе не должно быть ничего, что может как-то скомпрометировать вас.

— Понятно, — кивнула Лесли. — Но как мы все запомним?

— Напрасно вы тревожитесь за свою память, — заметил Яцков. — Опыт работы с вами убедил меня в том, что она у вас отменная. Уверен, что вы легко все запомните. В последующие дни мы проведем несколько пробных операций на улицах Парижа по закладке и изъятию тайников, и вы тогда сами оцените все преимущества этого способа связи.

— Теперь я убеждаюсь, что мы действительно нужны разведке! — воскликнула Лесли.

— Неужели вы сомневались в этом? — улыбнулся Семенов.

— А сейчас, — продолжал Яцков, — давайте обсудим, над чем вам еще, кроме проработки вариантов связи с учеными из Хэнфорда, предстоит работать. То, о чем мы говорили вчера, — лишь часть вашего задания. Центр ставит перед вами еще одну задачу — по организации приемо-передаточного пункта разведматериалов. Неплохо было бы, например, открыть фотоателье, чтобы можно было легендированно посещать его, а также это давало бы вам предлог для поездок за фотоматериалами в другие страны.

У Луиса заблестели глаза: он вспомнил, что у одного его знакомого в районе Даунтауна была собственная фотостудия и что вполне можно было бы попробовать стать его компаньоном.

— Я полагаю, что это осуществимо, — заметил он.

— Но это еще не все, — продолжал Яцков. — Вам предстоит подобрать связника, располагающего собственным или служебным транспортом для поездок в Рочестер, Балтимор и Хартфорд. И последнее: уничтоженные Реем пленки с Гайдмиссайлами[143] представляют для нас оперативный интерес. Надо бы ему попытаться еще раз отснять эти материалы.

— Но на объекте у него сейчас нет возможности фотографировать, — снова вступила в разговор Лесли. — А вот книгу с описанием всех этих сонаров,[144] созданных в США, он обещал нам дать на сутки для перефотографирования.

— Но ответственность за качественное проведение этого мероприятия мы не можем взять на себя, — добавил Луис, — наша старая фототехника не позволяет этого делать так, как хотелось бы.

— Хорошо, я сообщу об этой проблеме в Центр. О принятом решении мы дадим вам знать через Клода. На будущее, в целях безопасности, давайте договоримся: все материалы, которые вы будете получать от членов своей группы, переснимайте на пленку у себя дома и передавайте их Клоду в непроявленном виде, чтобы в случае возникновения опасности можно было бы моментально их засветить. Фотоаппаратами и насадочными линзами к ним мы снабдим вас в самое ближайшее время.

— Что ж, это уже кое-что, что вдохновляет нас на хорошие дела и на долгие года, — философски заметил Луис супруге.

— Мы тоже очень заинтересованы в этом, — констатировал Яцков.

В первой половине 1947 года в который уже раз прошла новая реорганизация разведывательных органов. ГРУ и I Управление МГБ были объединены, и на их базе был создан Комитет информации (КИ) при Совете Министров СССР. Возглавил его В. М. Молотов, а его заместителями стали: от внешней разведки МГБ — П. В. Федотов, от ГРУ — Ф. Ф. Кузнецов и от МИДа— А. Я. Малик. Научно-техническая разведка (НТР) как целостное подразделение было разбито и «расфасовано» по различным управлениям КИ. Начальником одного из отделов, который должен был по линии НТР поддерживать связь с министерствами и ведомствами, где должна была реализовываться развединформация, давать задания и следить за ходом их выполнения другими подразделениями, сообщать об оценках экспертов, стал Л. Р. Квасников. Его отношение к перестроечной чехарде в таком тонком организме, каким является разведка, было однозначным: все, что было создано вновь, было громоздким, вызывало много противоречий и трений, особенно при определении приоритета в добывании сведений по научно-техническим и военно-техническим вопросам. И поэтому, как и предсказывал Квасников, новая разведывательная структура долго существовать не могла. Поэтому сначала была выделена из КИ военная разведка, она приняла свои старые формы и стала по-прежнему называться ГРУ.

Но это произошло позже, а до этого, пока шла реорганизация, активность разведки за рубежом, и особенно в США, заметно снизилась. Объяснялось это двумя причинами: указанием Абакумова о временном прекращении связи с агентурой и крайним обострением оперативной обстановки в США, чему в

немалой степени способствовала раздуваемая по американскому радио и в газетах шумиха вокруг «атомных» шпионов, «королевой» которых, по заявлению бульварной прессы, стала в 1947 году некая Элизабет Бентли. Она являлась агентом советской разведки Мирна, и из-за ее предательства вынуждены были бежать из США высококлассные источники особо ценной информации Филипп Старое и Джоэл Барр. Другие подвергались допросам, и хотя за неимением доказательств им не было предъявлено обвинений в шпионаже, тем не менее многим пришлось прекратить связь с советской разведкой.

Когда шумиха в прессе вокруг «атомных» шпионов немного улеглась, из Центра поступило в резидентуры указание об активизации разведывательной работы, но вызвано оно было не только ослаблением газетной шумихи, а главным образом усилением экспансионистской политики США и Англии.

В указании Центра, в частности, отмечалось: «…вести и дальше оперативную работу можно лишь при наличии опытной, проверенной и преданной нам агентуры и при условии:

— иметь на связи не более двух-трех источников информации;

— все материалы от агентов переснимать только на конспиративных квартирах;

— пленки с отснятыми материалами должны передаваться не самими источниками информации, а через специальных связников…»

Тогда же для восстановления прерванной связи с Клаусом Фуксом (Чарльз) и для организации работы по линии научно-технической разведки Центр начал оформлять в долгосрочную командировку в Англию А. С. Феклисова, работавшего ранее в Нью-Йорке под кличкой Калистрат (он же Фомин и Юджин). В характеристике на него, утвержденной начальником I Управления КИ полковником К. М. Кукиным, отмечалось: «Феклисов — способный и инициативный оперработник. Умело справлялся и руководил агентурой, хорошо изучил английский язык и страну своего дальнейшего пребывания. В Англию Феклисов рекомендуется в качестве заместителя резидента по НТР…»

Визуальный контакт Юджина с Чарльзом состоялся 27 сентября 1947 года в пивном баре на окраине Лондона. После взаимного опознания по внешним данным и обмена паролями первым покинул бар, как и было условлено, Чарльз. Через минуту то же самое сделал и Феклисов. Догнав агента, он представился ему Юджином и только после этого во время прогулки по малолюдным улицам, примыкавшим к Сент-Джеймскому парку, началась их деловая беседа:

— Товарищ Фукс! Центр выражает вам горячую признательность за вашу большую помощь в нашем общем деле. Мы очень рады восстановлению контакта с вами.

При слове «товарищ» что-то теплое подкатило к горлу доктора Клауса Фукса: так его давно уже не называли, и потому от волнующей радости он смог сказать в ответ лишь одно слово:

— Спасибо.

После этого Фукс рассказал, что в Харуэлле его приняли доброжелательно, что он теперь в курсе всех работ по созданию английского «бейби».[145]

Юджин в свою очередь проинструктировал его, как надо проверяться, чтобы выяснить, не ведется ли за ним слежка, а затем назначил ему следующую встречу. Фукс в ответ передал разведчику довольно увесистый пакет с материалами о промышленном объекте в Уиндскейле по производству плутония и о математической базе так называемого «уравнения состояния», а затем в устной форме сообщил о том, что Эдвард Теллер приступил к разработке водородной бомбы. Ценность этой информации заключалась в том, что она подтолкнула советское правительство к принятию решения о создании отечественного супероружия.

* * *

При обсуждении вопроса о конструкции отечественной ядерной бомбы Курчатов пытался убедить шефа атомной программы в том, что необходимо принять разрабатываемый академиком Харитоном проект собственной конструкции, но Берия упорно не соглашался.

— Пока Харитон будет дорабатывать свой проект, — возмутился Берия, — американцы снесут нас с лица земли. А потом зачем изобретать велосипед? Вы получили данные разведки по конструкции испытанной в Нагасаки бомбы?

— Да, получили, — коротко ответил Курчатов.

— Так в чем же дело? Есть чертеж, есть подробные описания к нему, и даже автор указан. Если не ошибаюсь, им является Персей. Проверенный, надежный источник из числа американских ученых…

— Дело в том, Лаврентий Павлович, что наша конструкция выгодно отличается от американской.

Она будет меньшей по размерам и, что очень важно, несколько большей по мощности.

— Да ради Бога, пусть Харитон готовит ее для изготовления

второй бомбы. А сейчас мы должны использовать то, что уже опробировано в Аламогордо и в Нагасаки. Я имею в виду плутониевый вариант. В Хиросиме-то, как мне объясняли, была сброшена урановая бомба. Так ведь?

— Да, так.

— Тогда давайте не будем рисковать и испытывать свою судьбу. Тем более что товарищ Сталин не раз уже подчеркивал: до конца года мы обязаны провести испытания отечественного ядерного оружия. Чем вызвана спешка, вы прекрасно знаете. Монополия Соединенных Штатов на атомную бомбу создает с каждым днем реальную угрозу новой войны. Так что давайте-ка, Игорь Васильевич, заряжайте американскую конструкцию советским плутонием. Фактор времени для нас сейчас важнее всего.

Курчатов понимал: в случае неудачного испытания первой ядерной бомбы над атомной физикой может нависнуть угроза ее полного разгрома. Такое уже было: несколько раньше некоторые ученые-невежды уже предпринимали попытки разгромить квантовую механику и теорию относительности, как якобы наиболее отравленные ядом идеализма.

— Вам, товарищ Курчатов, надо бы сделать то же самое, что сделал в биологии Лысенко со своими «вейсманистами-морганистами», — поучал его резким тоном Берия.

Курчатов, как человек, преданный науке, решил все же побороться за атомную физику. Он начал популярно объяснять наркому, что все физические процессы в атомной бомбе происходят именно по законам квантовой механики.

— И все же я прошу вас, Игорь Васильевич, разгромите и вы своих идеалистов, — настаивал Берия.

— Если я это сделаю, то мы не сможем выполнить распоряжение товарища Сталина о скорейшем завершении разработки и выпуске изделия к концу года…

При упоминании Курчатовым фамилии вождя Берия сменил свой резкий тон:

— Да вы не волнуйтесь, Игорь Васильевич. Пусть все остается так, как вы хотите…

Благодаря тогдашнему заступничеству Курчатова физика была спасена от разгрома. Понимая, что в случае затяжки времени с испытанием первой атомной бомбы Берия припомнит ему это, Курчатов пошел на американский вариант изготовления изделия. В то время не могло быть и речи о борьбе за научный приоритет, поскольку и Сталин, и Берия руководствовались только одним соображением — политическим.

* * *

Перед тем как приехать в Италию для встречи с представителем советской разведки, Мэр должен был известить об этом через сестру жены — Эстер. К явке с агентом стал готовиться вездесущий Лев Василевский, который пытался в свое время завербовать светило мировой науки Нильса Бора.

Местом встречи был избран город Милан, а безопасность ее проведения должна была обеспечивать группа разведчиков римской резидентуры во главе с Мартыном.

Встреча проходила без каких-либо эксцессов, если не считать допущенной ошибки Василевского: прослышав о том, что французы и итальянцы якобы свободно понимают друг друга, он понадеялся на хорошее знание французского языка и потому не взял с собой переводчика. А если еще учесть, что итальянский язык для Мэра был не родной, то, вполне естественно, беседы у них на сложную научно-техническую тему не получилось, и вследствие этого ее результаты оказались неэффективными. Поняв это лишь тогда, когда уже ничего нельзя было поправить, Василевский назначил Мэру последующую явку в том же Милане в конце года.

По возвращении Василевского в Москву Центр принял решение готовить встречу с Мэром заблаговременно по специально разработанному плану.

1. Для организации и проведения встречи с Мэром командировать в Италию Джерри,[146] который в составе лондонской резидентуры уже участвовал в добывании разведывательной информации по атомной проблеме, достаточно хорошо знает ее и, главное, неплохо владеет английским языком.

2. Детально проанализировать причины неудачной поездки Тарасова[147] в Милан на встречу с Мэром.

3. В целях безопасности Мэра обеспечить надежную связь с ним на территории Великобритании, для чего обучить его фотографированию секретных материалов и правилам использования маскировочных контейнеров для перевозки их из Англии в непроявленной пленке».

Соответствующие указания были направлены в Рим и Лондон. В процессе шифрованной переписки с римской резидентурой была дополнительно достигнута договоренность о проработке нескольких мест возможной встречи с Мэром в Северной Италии. В связи с этим резидент Мартын поручил своему агенту выехать в несколько провинций — Тоскану, Лигурию и Пьемонт — для подбора таких мест. По возвращении оттуда агент высказал свои соображения, и после детального их

обсуждения местом для организации встреч с Мэром была избрана курортная зона залива Тигуллио на Лигурийском побережье, куда сразу же выехал заместитель резидента Игорь. [148] Он выбрал одну из вилл в тихом переулке курортного городка Санта-Маргерита, расположенного в сорока километрах от Генуи.

Вилла и город оказались удобными со всех точек зрения: в любой сезон в Санта-Маргерита собиралось много отдыхающих и туристов, как итальянцев, так и иностранцев, среди которых можно было легко «раствориться», не привлекая к себе внимания со стороны местного населения. Повезло и с выбором виллы: ее хозяин, передав ключи Игорю, уехал с семьей на юг Италии к своим родственникам. Удачной оказалась и внутренняя планировка дома: расположение входных дверей позволяло незаметно войти и выйти из него, а также поместить агента и разведчика в отдельную изолированную комнату, где они, не привлекая внимания, могли работать неограниченное время не только днем, но и ночью, — в ней не было окон, и потому неопасно было включать свет.

Чтобы получить от Мэра максимум научно-технической информации в письменном виде, было принято решение о том, что участники встречи не будут выходить из помещения до тех пор, пока не закончится их работа. В этих целях на виллу было завезено необходимое количество продуктов и питьевой воды, организована круглосуточная охрана виллы, а в случае непредвиденных осложнений или угрозы провала стояли наготове две машины для срочной конспиративной эвакуации агента и разведчика и доставки их в советское консульство в Генуе.

По прибытии в Рим Владимир Барковский вместе с резидентом Мартыном обсудил еще раз намеченный в Центре план встречи с агентом и обратил особое внимание на более четкую организацию наблюдения за виллой и за подходами к ней.

В день приезда Мэра в Санта-Маргерита на Лигурийском побережье была холодная декабрьская погода. Встреча, проходившая в неотапливаемом помещении, являла собой необычное зрелище: холодная пища на столе, термос с горячим кофе и две небольшие, закутанные в одеяла фигурки, сидевшие с ногами на кровати, чтобы только быть подальше от студеного каменного пола. Но такая необычность обстановки не помешала непринужденной атмосфере дружелюбия и деловитости, в которой начали работать агент-ученый и сотрудник разведки Владимир Барковский.

Большая часть подготовленных за два дня сведений Мэра касалась проблем конструирования, строительства и

эксплуатации атомных реакторов смешанного типа. Но наибольший интерес для советских ученых, как выяснилось позже, представляли переданные им иллюстрации и расчеты каналов циркуляции теплоносителя, подробные данные о конструкции тепловыделяющих элементов, а также о различных нормативах и параметрах контроля испытаний и эксплуатационного режима реакторов.

На той же встрече Барковский внес полную ясность в информационные возможности Мэра и вместе с ним детально проанализировал обстановку, складывающуюся вокруг него в Харуэллском атомном центре, где, как выяснилось, агент занимал довольно прочное положение и пользовался довольно высоким авторитетом, не вызывая к себе каких-либо подозрений. Поскольку наиболее безопасной для Мэра формой передачи разведывательных сведений являлась пересылка материалов на непроявленной пленке, Барковский на той же вилле стал обучать его фотоделу.

После завершения операции по связи Центр уже знал, что встреча на Лигурийском побережье прошла удачно. В отчете за командировку, впоследствии подготовленном Барковским, отмечалось:

> «…Мэр оказался очень интересным человеком: доброжелательным, подвижным и коммуникабельным. Обмен мнениями по затрагивавшимся научно-техническим вопросам показал его хорошие разведывательные возможности в добывании информации, в частности, по замедлению нейтронов, ядерной изометрии и другим аспектам атомной физики.
>
> В процессе беседы было также установлено, что каких-либо подозрений к себе или тайных попыток применить к нему режимные ограничения он не замечал…»

Возвратившись из командировки, Барковский так и не узнал, кто же скрывается под кличкой Мэр (в центре он значился под псевдонимом Каспар). Спустя три года Мэр из-за предательства шифровальщика Гузенко попал в поле зрения канадских и английских спецслужб и по этой причине вынужден был спешно выехать из Лондона в одну из Скандинавских стран.

Клод прибыл в Нью-Йорк летом 1947 года. Не успел он познакомиться с городом и освоиться с обстановкой, как из Центра уже поступила на его имя шифротелеграмма, в которой говорилось:

Встречу с Лесли необходимо провести, как было условлено, 28 октября в 17 часов у аптеки на пересечении Метрополитен-авеню и Лефертс бульвара в районе Кью-Гарденс Квинс. Продолжительность ее не должна превышать пяти минут. Пароль для связи: «В каком отеле останавливался Джонни в Париже летом этого года?» Ответ: «Джонни останавливался в отеле «Рочестер».

Ориентировочный план вашей беседы: выяснение положения «Волонтеров» и обстановки в их окружении, что предпринимается ими для организации приемопередаточного пункта.

Сообщите Лесли, что ей разрешена встреча с Фрэнком, от которого она должна получить материалы по военной технике и переснять их у себя дома. Для этого передайте ей необходимую фотоаппаратуру. Связь с Персеем поддерживать только через Лесли. При встрече с ним необходимо выяснить следующие вопросы:

— изменилось ли его положение после возвращения из Тира;

— не нуждается ли он в материальной помощи.

Пусть она попытается убедить его в необходимости продолжения сотрудничества с нами. Для этого ему нужно обязательно отойти от общественной деятельности, о чем уже сообщалось Луису и Лесли во время их нахождения в Полинезии. Просим обратить внимание Луиса на подбор и изучение кандидатуры нового связника для «Волонтеров». Об исполнении доложить.

Арнольдов.

18 октября 1947 года.

Встреча Клода с Лесли в соответствии с указаниями Центра проходила в лесопарке на Кью-Гарденс Квинс. Они обсудили вопросы организации приемо-передаточного пункта, затем Лесли сообщила, что Луис получил согласие своего знакомого стать его компаньоном по организации совместного фотоателье и что Фрэнк передал ей много секретных сведений с описанием систем радионаведения управляемых снарядов. Клод переслал полученную от Лесли информацию в Центр, а через два дня пришел ответ с новым указанием:

Компаньоном создания ППП[149] должна стать Лесли, а не Луис…

Однако выполнить это пожелание Центра не представлялось возможным: знакомый Луиса категорически отказался взять женщину в компаньоны. В тот же день Клод уведомил об этом Москву и сообщил, что в обстановке нарастающей антисоветской истерии ему одному работать с легальных позиций становится все труднее и труднее, что из-за страха попасть «под колпак» ФБР американские граждане уже перестали посещать советское генконсульство в Нью-Йорке.

Действительно, к тому времени никого из оперативных работников, кроме Клода, в Нью-Йорке не осталось, и потому ФБР обрушило на него повышенное внимание. Учитывая это обстоятельство, из Вашингтона, куда Клод периодически выезжал в посольство на доклад резиденту Бобу, была направлена в Центр телеграмма следующего содержания:

> …Просим иметь в виду, что оставшийся в Тире представитель секции Клод не имеет еще достаточного опыта закордонной работы и потому нуждается в оперативном руководстве. Работать же ему одному с такой многочисленной группой атлетов, каковой являются «Волонтеры», очень сложно.
>
> Одновременно просим вашей санкции на погашение транспортных расходов Персея на его поездки из Заповедника в Тир и выдачу ему вознаграждения за предоставленную информацию по Энормозу.
>
> По нашей просьбе Луис обусловил Персею встречу с Лесли в Тире.
>
> *Боб.*[150]
>
> *11.03.1948 г.*

Через некоторое время в Вашингтон пришел ответ из Центра:

> С Вашими предложениями о поощрении Персея и его встрече с Лесли согласны. Луису необходимо ускорить организацию ППП.[151] Руководство секцией в Тире возлагается на Боба — по совместительству. Для оказания помощи Клоду в работе по линии XY просим откомандировать в Тир Нормана…[152]

Однако выполнить это распоряжение Центра ни Бобу, ни Норману, находившимся в то время в Вашингтоне, не представилось возможным: в сентябре 1948 года советское генконсульство по решению американских властей было закрыто,

а многие из его сотрудников объявлялись персоной нон-грата. Принятием такой акции Трумэн решил продемонстрировать республиканцам в Конгрессе, что если у президента Рузвельта было слишком много иллюзий в отношении Советского Союза, то он далеко не снисходителен к Советам.

Предпосылки же для «красного психоза» создавались годом раньше, с появлением на свет «доктрины Трумэна». Она была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать продвижению коммунизма в Штаты и внедрить в сознание людей тезис о том, что настоящая «холодная война» с Советами еще впереди. Тогда же Трумэн открыто заявил, что для борьбы с подрывными элементами внутри страны ФБР будет проводить серьезную проверку на благонадежность всех федеральных служащих. Это заявление президента США явилось ответной реакцией на посланную ему руководителем ФБР Эдгаром Гувером записку о том, что ряд лиц, работающих в правительстве, снабжают информацией людей за пределами федерального правительства, а те в свою очередь передают ее агентуре России.

Директор ФБР знал, что делал. Будучи реакционно настроенным к Советскому Союзу человеком, он давно уже стремился вывести из равновесия Трумэна и заставить его открыто и вплотную заняться антисоветской политикой, для чего должен был растормошить администрацию США и побудить ее к действию, сделав СССР врагом номер один. С этой целью ФБР снова вытолкнуло на американскую сцену небезызвестную Элизабет Бентли. В своих свидетельских показаниях на Капитолийском холме она стала теперь утверждать, что Советы внедряются в правительственные учреждения США через сочувствующих коммунистам лиц, и назвала при этом помощника министра финансов Гарри Декстера Уайта и директора отдела по особым политическим делам в госдепартаменте, президента «Фонда Карнеги» Элджера Хисса. А сам Гувер еще раз публично предупредил Трумэна об угрозе, которую могут нести в себе сто тысяч американских коммунистов, выполняющих задание Москвы.

Вдохновленные таким заявлением директора ФБР республиканцы мгновенно воспользовались подобной ситуацией для завоевания себе более широкой известности. В частности, Джозеф Маккарти начал тогда свой демагогический «крестовый поход» против коммунизма и тем самым как бы поджег пламя священной войны против «красной опасности». Она стала синонимом политической «охоты на ведьм», а развязанная республиканцами Маккарти кампания травли прогрессивных элементов и открытых репрессий против членов Компартии США

получила впоследствии название «маккартизм».

Поэтому при такой вот неблагоприятной политической обстановке ни Боб, ни Норман отправиться в Нью-Йорк, естественно, не могли, а единственно оставшийся в резидентуре Клод вынужден был перейти на работу «под крышу» ООН. Лишь через полгода смог поехать в Нью-Йорк в качестве резидента Боб, а следом за ним и нелегал Марк.[153] И только в начале 1949 года там же появился Норман.

В поступившей тогда на имя Боба директиве из Москвы указывалось:

«…В связи с развернувшейся в Америке кампанией «охоты на ведьм» Клоду нежелательно встречаться с Луисом и Лесли. Только Марк, как подпольщик,[154] может осуществлять это, и потому поставьте перед ним следующие задачи:

— взять на себя руководство «Волонтерами»;

— отработать и ввести в действие надежные тайники для связи с пловцами;[155]

— создать условия для организации собственного канала связи с Центром…»

Ответ Боба был краток:

> «…Считал бы целесообразным передать на связь Марку не всех «Волонтеров»: Луиса и приобретенные им недавно контакты оставить за нашей секцией…»

Однако Центр не согласился с мнением резидента:

> Нью-Йорк. Бобу.
> Совершенно секретно.
>
> Всех «Волонтеров» немедленно передать на связь Марку. Его встреча с Клодом должна состояться в обусловленное им время в середине мая. Приметы Марка: он среднего возраста, худощав, плечи слегка опущены, лицо овальное, узкое, нос вытянутый, с выпуклой горбинкой. Глаза темные, спокойные.
>
> Для опознания в левой руке у него будет небольшой сверток, прикрытый журналом «Беттер хоумз». Клод должен первым обратиться к Марку с паролем: «Вы не знаете, где здесь можно купить пачку трубочного табака «Клан»? Ответ: «Клан» продается в вестибюле кинотеатра «Элмвуд».
>
> *Арнольдов.*

На первую встречу с Клодом Марк шел, тщательно

проверяясь. Обменявшись при встрече паролями, они, как старые знакомые, долго прогуливались по улицам Нью-Йорка, беседуя о новостях в Советском Союзе и о политической обстановке в США. Перед тем как расстаться, Марк передал Клоду контейнеры для закладки тайников и обусловил Луису первую явку на углу 180-й улицы и Бронкс Парк-авеню.

Встретившись с Луисом, Клод объяснил ему, что он и его жена будут впредь работать с прибывшим из Москвы руководителем нелегальной разведки по имени Марк, который должен сначала встретиться с Лесли в районе Уайт-Плейнса. Луис в ответ передал Клоду информацию агента Герберта, в ней сообщалось о том, что в резиденции президента Трумэна состоялась сугубо конфиденциальная беседа госсекретаря США Дж. Маршалла, его заместителя Р. Ловетта, сенатора А. Ванденберга и будущего госсекретаря Джона Фостера Даллеса, на которой обсуждался вопрос о создании направленного против СССР военно-политического блока — впоследствии он получил название НАТО.

Тогда же Герберт передал для советской разведки совершенно секретный проект директивы Совета национальной безопасности (СНБ) о политике США в отношении стран Восточной Европы. В этой директиве, в частности, говорилось:

> «…Мы должны вести наступление не только открытыми, но и тайными операциями. Курс на подстрекательство к расколу внутри коммунистического мира следует вести сдержанно, ибо этот курс всего-навсего тактическая необходимость, и никак нельзя упустить из виду, что он не должен заслонить нашу конечную цель — создание иной системы. В то же время, не беря на себя никакой ответственности, мы, когда произойдет этот раскол, прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и прокоммунистическими режимами…»

После ознакомления с этим документом Центр сориентировал все крупные резидентуры на добывание информации о возможных приготовлениях Америки к атомной войне…

Четверг, двенадцатого декабря 1948 года. В Нью-Йорке дул настолько холодный, пронизывающий ветер, что у Марка слезились глаза. Он был в длинном черном пальто, но и оно не спасало его от зимней стужи. Наблюдательный пункт он занял на одной из скамеек в сквере на Лексингтон-авеню, чтобы спокойно следить за передвижением Лесли к месту встречи. В

обусловленное время она появилась у входа в кинотеатр «Элмвуд» на Квинс бульваре, долго якобы рассматривала афиши — на самом деле тщательно проверялась. Не обнаружив за собой ничего подозрительного, Лесли направилась к станции метро «Вудхевен бульвар». В правой руке у нее была небольшая черная сумка с золотой отделкой, служившая опознавательным знаком. В половине первого, как и предусматривалось графиком маршрута, она поднялась на платформу станции воздушной дороги «Кларемонт Парквей» на Третьей авеню. Отсюда ей предстояло через Кротона Парк доехать до зоопарка в Бронксе: у вольера с обезьянами должна была состояться их первая встреча. Главное, не привести «хвоста», и потому она на ходу пересаживалась с одного вида транспорта на другой — лишь бы никто не увязался за ней.

Не рассчитав, однако, время для поездки от одного места проверки к другому, Лесли прибыла к зоопарку на несколько минут позже, чем это предусматривалось по разработанному Марком графику маршрута.

Уставшая, запыхавшаяся, она предстала перед Марком и, не глядя на него, пристально посмотрела через его плечо на клетки с обезьянами. Он тоже повернул голову, чтобы понять, что привлекло ее внимание; притихшие гориллы и шимпанзе молча взирали на них сверху.

— Очаровательные создания, — устало произнесла Лесли. — Но лучше будет, если мы перейдем в другое место. Не люблю, когда кто-то лаблюдает, — нахмурившись добавила она.

Марк, быстро оглядевшись, заметил:

— Извините, Лона, но вы не гравы. У каждого разведчика есть свои излюбленные места встреч. В зоопарке, как видите, много детей. Это уже хорошо. Когда шумно — значит, можно, не опасаясь, о чем-то поговорить. Когда многолюдно — меньше шансов, что на тебя обратят внимание. А главное, легче заметить слежку: тот, кто наблюдает не за животными, а за человеком, легко обнаруживает себя. Ну, а теперь, хотя и понятно, кто есть кто из нас, я все же назову слова пароля. Природа нашей службы такова, что она не прощает тому, кто нарушает ее законы. Итак, пароль: «Хорошенькая женщина с сердитым лицом, очевидно, ожидает Джона?»

— Да, я жду Джона, — отрывисто ответила она.

— Так вот я его брат. Он не смог поехать сюда и потому послал меня предупредить вас об этом.

— О, проклятый Джон! Опять о л разочаровал меня, — выдохнула Лесли и протянула Марку свою черную сумку с золотой отделкой, — Подержите, пожалуйста.

— Но это условиями встречи не предусмотрено, — шутливо упрекнул он ее.

— А-а, плевать! Это все мелочи! — бросила она, доставая платок из кармана. — Вы же видите, я совсем мокрая от вашего дурацкого кросса…

— Да, сегодня очень жарко, — опять пошутил Марк, поеживаясь от сильного холода.

— М-да. Хотела бы я посмотреть на вас после такой пробежки, особенно по последнему, самому длинному этапу, который вы мне устроили.

— Ничего-ничего, зато вам эта «обезьянья встреча» надолго запомнится.

Лесли обратила внимание, что в отличие от Твена, Джонни и Клода Марк говорил с прекрасным американским акцентом. Во всем его облике не было ничего такого, что могло бы связывать его с традиционным образом рыцаря темного плаща и кинжала. На самом деле у него была типичная внешность разведчика. Типичная в том смысле, что она была неброская и ничем особенно не приметная.

* * *

Вторую совместную встречу с Лесли и Луисом Марк провел тоже в зоопарке у клеток с птицами, но уже в другом месте. Определив направление дальнейшей работы со своими помощниками, Марк попросил Луиса подобрать ему квартиру для проживания в таком районе Нью-Йорка, где бы издавна селились художники, актеры, музыканты и литераторы.

— Но почему, позвольте знать, вы хотите окунуться в богемный образ жизни? — поинтересовался Луис.

— Потому что я выбрал для себя профессию фотографа-ретушера. Ну и… соответственно должен тянуться за окружающими, ничем не выделяться среди них и вести, как они, беспорядочную жизнь. Есть и еще одна причина, которая побудила меня окунуться в эту среду обитания. Она заключается в том, что художественной интеллигенции вообще присущи самые откровенные оценки людей, событий и общественно-политических явлений. Представители богемных профессий убеждены в том, что среди чих не может быть шпионов, и потому они не так подозрительны. Да и вообще для любой интеллигенции полиция и спецслужбы были главными врагами, которым они всегда старались не давать каких-либо показаний. Где еще я могу так свободно и спокойно жить и действовать, как

не в этой среде?!

Марк сделал паузу, внимательно посмотрел на Луиса, потом перевел взгляд на Лесли.

— Вы согласны с этим?

— Да, конечно, — подтвердила она.

— Вторая моя просьба будет выражаться в том, чтобы вы оказали мне оперативное содействие в приобретении документов на имя некоего Мартина Коллинза.

— Это тоже выполнимо, — заметил Луис, — но оперативно их сделать вам мы не сможем. Чтобы их изготовить, потребуется немало времени. Теперь что касается первой просьбы: удобнее района Бруклина нам не найти.

— Меня это устраивает.

Марк остался доволен своими новыми помощниками. В отправленной им в Центр радиограмме говорилось:

> Мною установлен контакт с Лесли и Луисом. Оба произвели хорошее впечатление. Работать мне с ними будет легко.
>
> Луис достаточно опытен. Образован и умен. По характеру спокоен, уравновешен, даже несколько холоден, каким и должен быть разведчик. Обладает очень важным качеством — держать все в секрете. Излюбленной темой его бесед являлись история и политика. Луис — типичный американский интеллигент.
>
> Лесли тоже показала себя надежной сообщницей — хладнокровной, смелой и находчивой. Как и Луис, обладает многими положительными качествами. Она свободно ориентируется среди людей разного круга. Имеет удивительное свойство покорять их своей находчивостью и остроумием. К числу ее недостатков следует отнести стремление упрощать конспиративность в работе с нами. Последнее для нее характерно, потому что Лесли привыкла к обычной легальной работе.
>
> В дальнейших контактах с ними особое внимание будет обращено на строгое соблюдение правил конспирации, а также на освоение ими фотодела и подготовку к проведению тайниксвых операций.
>
> Получаемые мною материалы буду направлять в Центр через Полинезию[156].
>
> *Марк.*
>
> *26.12.48 г.*

В ответной радиограмме сообщалось:

> С оценкой «Волонтеров» и планом работы с ними согласны. Просим ускорить восстановление связи с остальными источниками.

Чтобы выполнить это указание Центра, Марк решил опять прибегнуть к помощи Лесли, назначив ей встречу в том же зоопарке, но на сей раз у вольера с белыми медведями. Прибыв туда в точно обусловленное время, Марк не сразу узнал Лесли: она стояла спиной к нему в элегантной норковой шубке и смотрела на белых увальней.

Незаметно подойдя к ней, он негромко, с искренним восхищением, произнес:

— Вы совершенно неузнаваемы и неотразимы!

Лесли повернулась и кокетливо улыбнулась:

— Согласитесь, Мильт,[157] женщина в шубке смотрится совершенно по-другому. Между прочим, я купила ее на выданные вами деньги.

— Прекрасно! Поздравляю с обновкой! Но боюсь, что ученый из Лос-Аламоса теперь не узнает вас.

Она удивленно пожала плечами:

— А при чем он здесь?

— Сейчас объясню. Дело в том, что Центр поручает вам передать ему в порядке поощрения пять тысяч долларов за ранее предоставленную информацию. Учитывая, что я с ним не знаком, вы одна поедете в Чикаго. Поинтересуйтесь, не отошел ли он от Движения сторонников мира, не поступала ли к нему новая информация из Хэнфорда от Анты и Адена. Кстати, спросите его, как лучше мне связаться с ними. После вашего возвращения я должен поехать к ним с вербовочной целью.

— Я считаю, вам туда ехать нельзя, — категорично заявила Лесли.

— Почему? — удивился Марк.

— Потому что в Хэнфорде под подозрение попадает каждый, кто появился впервые в этом городе. Вы же знаете, в нем находится плутониевый завод…

— Ну и что? Если уж мы проникли на суперсекретные объекты в Лос-Аламосе и Ок-Ридже, то тут уж нам сам Бог велит это сделать. Тем более что там есть два кандидата на вербовку — два молодых перспективных физика-атомщика. Это, считайте, вожделенный кусок для нашей разведки. Упускать такой шанс никак нельзя.

Несколько раз кивнув головой, Лесли улыбнулась:

— Вы убедили меня, Мильт. Можете дальше не продолжать.

Какие еще будут от вас поручения?

— Главная просьба — не привести к Персею «хвоста». Если же удастся вовремя его выявить, то надо постараться избавиться от него. Встречаемся мы с вами через две недели в это же время, но уже у «квартиры» не белых, а бурых медведей. Нельзя встречаться дважды в одном месте…

* * *

Поездка Лесли в Чикаго завершилась удачно: она привезла ценные для разведки материалы по оружейному плутонию. Они поступили от Анты и Адена, а передал их для Лесли Персей. Полезную для себя информацию об условиях и способах связи получил от них тогда и Марк. Встречу с ними Центр рекомендовал ему провести за городом в один из выходных дней во время лыжной прогулки. За два дня до явки Марк должен был позвонить им по домашнему телефону от имени Персея.

Незадолго до поездки Марка в Хэнфорд на связь с ним вышел кадровый сотрудник ЦРУ — агент Герберт. Из-за редких явок — а они проводились с ним один раз в три-четыре месяца — цэрэушник считал, что русские ему не доверяют.

Для опытного нелегала Марка эти нюансы имели особое значение при решении вопроса, встречаться ему самому или нет. Прекрасно понимая, что в его положении даже одна малейшая ошибка может стать последней (что впоследствии и произошло), [158] он по собственному каналу связи с Москвой сообщил в Центр о своих опасениях.

Ответ был получен во время очередного сеанса радиосвязи:

> Операцию по связи с Гербертом поручите провести Лесли. Полученную ею ранее информацию из Чикаго передайте Клоду через тайник в районе Уайт-Плейнса.

На другой день Марк связался с Лесли и сообщил ей о решении Центра. Она охотно согласилась это сделать и через неделю успешно осуществила встречу с Гербертом. От него она получила копию законопроекта Трумэна о создании СНБ и об организации при нем Центрального разведывательного управления (ЦРУ).

В положении о ЦРУ, как сообщалось в шифровке в Центр, определялись такие задачи:

— консультировать СНБ по вопросам разведывательной деятельности всех правительственных учреждений;

— представлять СНБ свои соображения по улучшению

деятельности разведывательных органов всех правительственных учреждений.

В компетенцию ЦРУ вменялись и такие функции, как:

— подрывная деятельность против правительства суверенных государств;

— поддержка диктаторских режимов;

— компрометация неугодных политических деятелей на основе фальсификации фактов;

— снабжение оружием и финансирование экстремистов;

— политические убийства.

Одновременно с этим в ведение ФБР из военной разведки передавалась охрана производства секретных вооружений — атомных бомб, реактивных самолетов, подводных лодок и т. п.

Основная цель законопроекта по реорганизации спецслужб США заключалась в усилении подрывной деятельности против СССР и проведении более активной работы по разработке советских граждан, постоянно проживающих и временно находящихся в Америке…

Из воспоминаний Морриса и Леонтины Коэн

С Марком — Рудольфом Ивановичем Абелем работать было легко. После нескольких встреч с ним мы сразу почувствовали, как постепенно становимся оперативно грамотнее и опытнее.

«Разведка, — любил повторять Абель, — это высокое искусство… Это талант, творчество, вдохновение…» Именно таким — невероятно богатым духовно человеком, с высокой культурой, знанием шести иностранных языков и был наш милый Мильт — так звали мы его за глаза. Сознательно или бессознательно, но мы полностью доверялись ему и всегда искали в нем опору. Иначе и не могло быть: как человека в высшей степени образованного, интеллигентного, с сильно развитым чувством чести и достоинства, добропорядочности и обязательности, его нельзя было не любить. Он никогда не скрывал своих высоких патриотических чувств и преданности по отношению к России. Кстати, никто даже и не подозревал, что он выходец из России: англичане всегда принимали его за англичанина, немцы — за немца, американцы — за американца, а в Бруклине, где он писал картины маслом, занимался графикой и фотоделом, все его считали бруклинцем.

Абель был великолепно подготовлен как для разведывательной, так и для любой другой работы. К счастью, он обладал удивительной способностью находить себе занятие. Он имел специальность инженера-электрика, был хорошо знаком с химией и ядерной физикой. В Нью-Йорке Марк имел в качестве «прикрытия» фирму, которая процветала на приеме заявок на изобретения. Он неплохо рисовал, и хотя его картины не выставлялись в США, но однажды его автопортрет с подписью «Эмиль Голдфус»[159] висел в Национальной академии художеств, а портрет с коротковолновым радиоприемником на заднем плане был написан его бруклинским приятелем Бертом Сильверманом. Самое интересное состояло в том, что американский художник не имел ни малейшего представления о том, что его сосед был человеком энциклопедических знаний, мастерски владеющим кистью, фотоаппаратом, игрой на фортепьяно, и в то же время был легендарным разведчиком, отменным радистом и шифровальщиком.

И если бы Мильт не совершил невероятнейшую, на наш взгляд, единственную ошибку, позволившую его помощнику Вику знать, где находится его изостудия, то все могло бы обернуться

иначе. А с другой стороны, Марка тоже можно понять: выполняя исключительно важную миссию и имея дело не с агентом-американцем, а с советским разведчиком, рекомендованным всезнающим Центром, Рудольф Иванович Абель не допускал и мысли о возможности предательства с его стороны. Не мог он даже предположить, что ему пришлют столь ненадежного, нечестного и морально распущенного человека, каковым оказался Вик — подполковник Хейханен. Известный американский юрист Джеймс Донован — адвокат Абеля в своей книге «Незнакомцы на мосту» охарактеризовал его как самого ленивого, неудачливого и неэффективного шпиона, когда-либо направлявшегося для выполнения ответственнейшего задания за границей. Что ж, ошибки возможны в любом деле: не ошибается только тот, кто ничего не делает…

* * *

К весне 1949 года плутониевой начинки для атомной бомбы было накоплено столько, сколько требовалось для изготовления первого заряда. Сделать его Курчатов поручил самому виртуозному экспериментатору-ядерщику Георгию Флерову, а нейтронный запал — Виктору Давиденко. Но «для взрыва ядерного заряда, — как писал заместитель И. В. Курчатова профессор И. Н. Головин,[160] — надо или быстро сдвинуть его подкритические половинки, или обжать симметрично со всех сторон, увеличив плотность в несколько раз. Для плутония годился только второй путь. Увеличение плотности металла в несколько раз, хотя бы на долю микросекунды, — такую задачу до создания атомной бомбы никто не решал. Потребовалось развить новый раздел науки — физику импульсных сверхвысоких давлений, создать технику для надежного вопроизведения импульсных сжатий, измерительную аппаратуру и методику наблюдения за этим процессом…»

Первое испытание отечественной бомбы решено было в отличие от американцев проводить на специально построенной на полигоне пятидесятиметровой башне, а не собирать ее, как в США, на самолете перед сбрасыванием на землю. Перед тем как выехать на полигон и получить санкцию на испытание, в Арзамасе-16 было проведено еще несколько «репетиций», и, только когда их результаты окончательно убедили Курчатова, что все системы работают надежно, что все участники предстоящего взрыва бомбы четко усвоили свои задачи, он доложил об этом председателю правительственной комиссии Л. П. Берии.

Лысый тучный «головастик», внимательно выслушав его, сверкнул стеклами пенсне, затем медленно поднялся из кресла и со словами: «А вы уверены в его успехе?» — направился к сидевшему напротив Курчатову.

— Теоретики и конструкторы, Лаврентий Павлович, сделали свое дело на совесть, — уклончиво начал Игорь Васильевич. — Теперь успех испытания будут обеспечивать экспериментаторы. Именно на них ложится основная ответственность за взрыв…

— Нет, товарищ Курчатов, не это я хотел услышать от вас, — прервал его Берия, усаживаясь за приставку к столу напротив академика. — Вам правительство оказало большое доверие — вы назначены лично ответственным за испытание, а это значит, вам будут подчиняться на полигоне все его участники: и воинские части, и все гражданские лица. Вот и ответьте, будет взрыв ожидаемой мощности или нет?

Курчатов не любил давать каких-либо обещаний, особенно в решении научных вопросов. Несколько секунд он держал на Берии твердый, немигающий взгляд, не зная, как лучше ответить. Тот тоже не сводил с него прищуренных пронзающих глаз, придававших его лицу довольно неприятное выражение.

— По законам случайностей вероятность неполноценного взрыва, конечно, возможна, — твердо ответил Курчатов. — Но эта вероятность, — поспешил он успокоить нахмурившегося председателя правительственной комиссии, — составляет всего пять-шесть процентов. А если учесть, что даже при полноценном взрыве «сгорает» всего лишь несколько процентов плутония, то и этого вполне достаточно, чтобы произвести те чудовищные разрушения, которые дает атомная бомба. Главное, чего мы больше всего боимся, — не произошло бы «хлопка»…

— А это еще что такое? — повысил голос Берия.

— Это когда обжатие плутония в ядерном заряде происходит в явном несоответствии с нашими расчетами. То есть когда критичность может наступить несколько раньше расчетной…

Очевидно, ничего не поняв из объяснений Курчатова, быстрый в движениях Берия стремительно встал, молча прошел к своему креслу и, сев за стол, торопливо сделал на листке пометку: «если на испытаниях РДС[161] произойдет «хлопок», проверить, не вредительство ли это?» Отложив бумагу на край стола, он взглянул на притихшего собеседника тяжеловесным взглядом и решительным начальственным голосом произнес:

— Надо, Игорь Васильевич, сделать все, чтобы взрыв бомбы получился ожидаемой силы. О готовности к испытаниям изделия вы должны вместе с Харитоном и Зерновым[162] доложить лично товарищу Сталину. Я со своей стороны поставлю его об этом в

известность.

В Кремль в назначенный Сталиным день поехали только двое — Курчатов и Харитон. Они доложили вождю о степени готовности к испытаниям всех своих подразделений, в том числе и на казахстанском полигоне. Что уже «взорвали» не одну «бомбу», чтобы убедиться, что все должно получиться, как при настоящем взрыве. После этого сообщения Сталин поинтересовался у Харитона:

— А нельзя ли вместо одной бомбы изготовить две, но более слабые?

Харитон посмотрел на Курчатова, тот слегка кивнул ему, давая понять, что надо говорить вождю все как есть, откровенно.

— Можно, конечно, сделать с меньшим количество плутония, — ответил Харитон, — но на это потребуется много времени. А нам же надо скорее, чтобы мир знал, что и у нас есть своя атомная бомба…

Только после этого Сталин успокоился и дал согласие на испытание.

* * *

В мае 1949 года Курчатов выехал на полигон под Семипалатинск, где уже на протяжении двух лет шла секретная подготовка к первому взрыву атомной бомбы. Ответственным за строительство полигона был назначен М. Г. Первухин — ранее он вместе с В. М. Молотовым несколько лет подряд курировал советскую атомную программу.

К первому взрыву ядерной бомбы готовились очень тщательно. Вокруг ограждений из колючей проволоки строились деревянные и кирпичные дома без отделочных работ, бетонные столбы, блиндажи с изогнутыми хоботами, железнодорожный мост и полотно с вагонами, рядом была поставлена наземная боевая техника — все это готовилось как мишени для разрушения и испытания силы атомного взрыва в зависимости от расстояния. В разных местах располагались стойла с подопытными животными, конуры с собаками, виварии с крысами и кроликами. Повсюду устанавливались приборы для измерения давления ударной волны, различных этапов взрыва и разрушений.

Для проведения взрыва на полигон были собраны научные сотрудники многих институтов, военачальники, представители министерств и ведомств. За несколько дней до испытаний под Семипалатинск прибыл со своей свитой председатель правительственной комиссии Л. Берия. Ознакомившись с

положением дел, он остался доволен увиденным и услышанным и доложил по ВЧ-связи лично Сталину о готовности изделия к первому испытанию. Вождь тоже был доволен сообщением и потому без лишних слов «благословил» всех на проведение взрыва. Только после этого Курчатов объявил коллективу, работавшему на полигоне, дату и время испытания атомной бомбы: 29 августа 1949 года, шесть часов утра.

За восемь дней до этого необычайного, исторического события в действие вступила почасовая программа завершающего, самого напряженного и самого изнурительного этапа — начала сборки бомбы. Люди спали теперь по три-четыре часа в сутки. Ошибки или оплошности были недопустимы: все проверялось и выверялось по нескольку раз. Заметно нервничал и Берия: он ежедневно приезжал на полигон и чаще всего появлялся в зале под башней, где под наблюдением Завенягина, Зернова, Курчатова и Харитона шла сборка самого изделия.

Когда до взрыва бомбы осталось четыре часа, по указанию руководителя испытаний все покинули эпицентр полигона и переехали на командный пункт. Было тогда уже за два часа ночи, но спать никто, кроме Берии, не пошел. Больше всех волновался Курчатов. В каземате, где вместе с ним находились Харитон, Первухин, Флеров, Завенягин, военачальники и охрана из госбезопасности, стояла полная тишина. Ответственный за испытание атомной бомбы И. В. Курчатов переживал больше других потому, что он прекрасно понимал: если из-за какого-нибудь шального нейтрона или чего-нибудь еще совершенно непредвиденного сорвется эксперимент, то не одному ему, а всей его команде угрожает отставка. Тревога академика усилилась еще больше, когда на командный пункт прибыл со своим сопровождением Берия. При общем молчании он вдруг неожиданно ляпнул:

— А ничего у вас, Игорь Васильевич, не получится!

Курчатов мгновенно побагровел и, сжав руками плечи, воскликнул:

— Что вы говорите, Лаврентий Павлович! Обязательно получится! Предварительные опыты нами были проведены очень тщательно, и, представьте себе, все сработало безукоризненно…

Сказав это, Курчатов тревожно переглянулся с Флеровым и Харитоном, лицо его при этом сделалось мрачно-сосредоточенным. После сказанного Курчатовым снова установилась тишина. Через некоторое время в репродукторах начался счет секунд последней минуты.

— …Десять… девять… восемь… три… две… одна! Пуск!

На башне, расположенной за 15 километров, вспыхнула точка

ярче тысячи солнц. Небо мгновенно померкло и стало черным. Потом вдруг вырос огненный шар, он начал быстро расширяться и подниматься вверх, наполняя все вокруг немыслимо фантастическим светом, медленно меняющим свою окраску. Тут же взмыли клубящиеся серые вихри, образовался гигантский бурлящий гриб, рвущийся в высоту. На глазах людей вырастало чудовищное видение, а затем до них дошла ударная волна, и тут же раздались крики «ура». Разрядившиеся после усталости участники испытания ворвались в каземат, чтобы поздравить тех, кто стоял у истоков создания атомной бомбы. Первым обнял и расцеловал Курчатова председатель правительственной комиссии Л. Берия.

— Было бы большое несчастье, если бы не получилось! — заметил он, не отпуская от себя бородатого академика.

Курчатов молчал, он хорошо знал, какое было бы это несчастье. И вдруг Берия всполошился, стал задавать всем один и тот же вопрос:

— А такой ли силы был взрыв у американцев?

Никто из присутствующих не мог или не захотел ему ответить после только что пережитых событий. Смущенный Курчатов тоже не проронил ни слова, он лишь недоуменно пожал плечами и начал нервно теребить свою «козлиную» бородку. Вспылив, Берия приказал немедленно соединить его по телефону с М. Г. Мещеряковым, который был послан для наблюдения за взрывом на противоположный контрольный пункт. Два года назад Мещеряков вместе с академиком Д. В. Скобельциным был приглашен учеными США на атолл Бикини и видел там взрыв американской атомной бомбы.

Когда на другом конце трубки Мещеряков отозвался, Берия во всеуслышание бесцеремонно бросил:

— Михаил Григорьевич! Вы видели наш атомный «гриб»?.. Он похож на американский? Курчатов случайно не втирает нам очки?.. А как по мощности? Мы тут не сплоховали?.. Нет?.. Ну хорошо… Значит, можно докладывать товарищу Сталину, что испытание прошло успешно?.. Хорошо, хорошо!

Все, кто слышал этот короткий, мучительно неприятный разговор, только тогда испытали облегчение, когда Берия возвратил трубку дежурившему у телефона испуганному генералу, которого он тотчас попросил соединить со Сталиным по ВЧ-связи.

* * *

В начале сентября 1949 года американцы получили от своей военной разведки фотоснимки верхних слоев атмосферы над территорией Советского Союза. На фотографиях отчетливо просматривался грибовидный след от атомного взрыва. На основании анализа проб воздуха в атмосфере комиссия доложила Трумэну, что в Советском Союзе произведен взрыв плутониевой бомбы. В США это вызвало состояние шока. «Невероятно, но Россия ликвидировала отставание, вызванное годами войны»; «Советская атомная бомба положила конец американской ядерной монополии»; «Рушится одна из главных подпорок «холодной войны»; «Большевики украли бомбу!» — такими заголовками запестрели западные газеты.

Американская администрация была потрясена тем, что их страна неожиданно утратила военное превосходство и потеряла монополию на атомное оружие, которая, по заверениям Трумэна, должна была продержаться 10–15 лет.

Президент США в обращении к американскому народу старался дать понять, что в России произошла авария с ядерным устройством, причем он ни разу даже не употребил слово «бомба».

А в это время в Кремле торжествовал Сталин: обрадованный успешным испытанием «изделия», он затребовал у возвратившегося с полигона Берии список ученых, особо отличившихся при создании атомной бомбы.

— Список, товарищ Сталин, давно уже готов.

— А почему давно?

— Этот список я составил заранее… так… на всякий случай…

— Это как понимать? — прервал его вождь.

— Очень просто. Если бы бомба не взорвалась, то мы строго спросили бы с каждого, кто попал в этот список. Вплоть до расстрела…

— А кто же тогда должен был делать вторую бомбу?

— Для этого была подобрана вторая, запасная команда ученых.

— Значит, получается так: или грудь в крестах, или голова в кустах…

— Да, так, товарищ Сталин. В ход вступала двойная бухгалтерия: или расстрел, или звание Героя…

— Ну, а ты, Лаврентий, в том списке тоже есть? — спросил вдруг вождь.

— Да, есть.

— Под каким номером ты там идешь?

Берия насторожился, совершенно не понимая, зачем он это спрашивает.

— Под первым, товарищ Сталин. Как положено, по алфавиту…

— А ты помнишь, что писал академик Капица? У товарища Берии, сказал он, основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. А с этим у тебя слабо, подчеркнул он… И еще он заметил, что ученые в этом деле ведущая, а не подсобная сила. Ты, Лаврентий, напрасно не поставил в тот список впереди себя таких ученых, как академики Алиханов и Арцимович… И далее по алфавиту…. Ну, хорошо, Лаврентий, мы разберемся, кого чем наградить. Подвези мне завтра этот список…

Сталин и Берия келейно решили тогда присвоить звание Героя Социалистического Труда Курчатову, Харитону, Завенягину, Зельдовичу, Ванникову, Щелкину, Флерову, Духову. Им же по указу вождя были выданы крупные суммы денег и бесплатные автомобили ЗИС-110 или «Победа», а также предоставлялось право на обучение своих детей в любом вузе страны и разрешалось для всех членов семьи пожизненно пользоваться правом бесплатного проезда по всей стране на всех видах транспорта.

О разведчиках на какое-то время забыли. Лишь через несколько дней после сказочно высокого поощрения основных разработчиков атомного проекта заместитель Председателя Совмина СССР Авраамий Завенягин пригласил в Кремль одного из руководителей научно-технической разведки Леонида Квасникова для встречи с академиком Курчатовым.

В процессе беседы Игорь Васильевич, обращаясь к Завенягину, обронил с пафосом:

— Если быть объективным, Авраамий Павлович, мы должны сказать огромное спасибо разведке. Вклад ее в создание первой советской атомной бомбы составляет шестьдесят процентов, остальные сорок — наши…

Завенягин, подмигнув Квасникову, с улыбкой на лице заметил:

— А по-моему, ты, Игорь Васильевич, преувеличиваешь ее заслуги. Слишком ты ей даешь. Пятьдесят на пятьдесят — так будет справедливее…

Курчатов пожал плечами и, посмотрев на Квасникова, негромко и уже безо всякого пафоса произнес:

— Согласен, пусть будет фифти-фифти. Но это не обидит вашу разведку, Леонид Романович?

— О чем вы говорите, Игорь Васильевич?! — воскликнул Квасников, обрадованный высокой оценкой Курчатова. — Мы считаем, что атомное оружие создано общими усилиями ученых,

специалистов, производственников и в какой-то мере нас, разведчиков. Но мы, согласитесь, не вели расчетов, не занимались экспериментами и не стояли за станками. Мы в меру своих знаний и понимания важности для Родины обладать как можно скорее ядерным оружием добивались, не жалея себя, выполнения тех заданий, которые вы определяли разведке. Мы делали свое обычное дело и очень довольны тем, что наша информация попадала на благодатную почву, всегда получала высокую оценку и почти вся шла в дело. Вот и сейчас вы еще раз подтвердили свое отношение к нашим разведывательным данным. Большое вам спасибо за это. Нам очень дорого сознание честно и бескорыстно исполненного долга перед Родиной… Скажите, Игорь Васильевич, я могу сообщить своему руководству об этом самом «фифти-фифти»?

Завенягин и Курчатов с улыбкой переглянулись.

— Да ради Бога! Так и передайте: разведка оказала нам неоценимую помощь в создании советского атомного оружия. А потом я обязательно напишу в Комитет информации письмо с выражением благодарности. Кстати, передайте также слова особой благодарности тем иностранным источникам, которые, рискуя своей жизнью и научной карьерой, передавали для нас весьма ценные сведения. Их объективная, выверенная информация помогала нам сократить сроки изготовления атомной бомбы, сэкономить сотни миллионов рублей. — И, обращаясь уже к Завенягину, Курчатов спросил: — Авраамий Павлович, а нельзя ли как-то отметить правительственными наградами сотрудников разведки?

— Ты опоздал, Игорь Васильевич, со своим предложением. Вот посмотри, что мы направляем сегодня на утверждение товарищу Сталину. — Завенягин протянул ему наградные представления, отпечатанные на мелованной бумаге с гербом СССР.

Курчатов, взяв из рук зампреда документы, начал внимательно просматривать: среди большой группы ученых и специалистов, представленных к орденам Ленина и Трудового Красного Знамени, он встретил лишь пять незнакомых фамилий и понял, что это были сотрудники внешней разведки МГБ. Фамилия Квасникова в списке не значилась. Курчатов, взглянув на Завенягина, с удивлением произнес:

— Здесь представлено к наградам пять чекистов. Но почему именно пять, а не шесть или семь? И почему в списках нет уважаемого Леонида Романовича?

— Нам пришла, как обычно, разнарядка из ЦК, которая лимитировала количество наград… В том числе и для

сотрудников МГБ… Фамилии этих пяти разведчиков нам дало само МГБ.

Курчатов недоуменно пожал плечами:

— Странно, очень странно… Возможно, тут произошла какая-то ошибка… Или же просто забыли об этом человеке… Леонид Романович, я сам тому свидетель, сделал много полезного и в добывании, и в реализации «атомной» информации. Что надо сделать, Авраамий Павлович, чтобы исправить несправедливость?

Завенягин развел руками:

— Ничего не поделаешь: лимит на награды исчерпан. Поезд уже ушел…

— Нет, не ушел! — воскликнул Курчатов. — Пока списки лиц, представленных к наградам, лежат у вас на столе, есть возможность успеть подпечатать еще одну фамилию… Вы придержите эти документы на одни сутки, не отправляйте их в канцелярию Сталина. А я сегодня же свяжусь с Абакумовым и Берией и попытаюсь убедить их в необходимости представления к награждению товарища Квасникова…

— А может, не надо, Игорь Васильевич?.. — смутился Квасников. — Тем более если придется решать этот вопрос и с Лаврентием Павловичем.

— Нет, Леонид Романович, без согласования с Берией и его визы на документе нам никак не обойтись, — вставил Завенягин.

— Тогда это пустой номер. Берия одно время грозился спустить меня в подвалы Лубянки…

— Но сейчас другое время, и он стал уже другим, — заметил Курчатов. — Как-никак, теперь он Маршал Советского Союза. Так что не все еще потеряно, я попробую его переубедить…

После успешного испытания советской атомной бомбы авторитет академика Курчатова поднялся на небывалую высоту, и поэтому ему удалось доказать Берии, что Квасников заслуживает не меньшей, а, может быть, даже и большей награды, чем те пять разведчиков, которые были внесены в длиннющий список представленных к награждению лиц. Нашлось в нем место и Леониду Романовичу: за вклад, который Квасников внес в дело создания атомной бомбы, он был удостоен ордена Ленина. Семен Семенов (Твен), Анатолий Горский (Вадим), Александр Феклисов (Калистрат), Владимир Барковский (Джерри) и Анатолий Яцков (Яковлев) были награждены орденом Трудового Красного Знамени.

* * *

Лишь 25 сентября 1949 года, спустя почти месяц после взрыва, Москва сама объявила всему миру, что Советский Союз тоже имеет свою атомную бомбу.

Создание Советским Союзом ядерного оружия настолько ошеломило правительственные круги США и Великобритании, что Трумэн и Эттли срочно созвали секретные заседания своих кабинетов, на которых предусматривалось рассмотреть военно-политические аспекты этого события. Президента США и премьер-министра Великобритании интересовали два вопроса: как могло получиться, что Советский Союз, до крайности истощенный опустошительной войной с Германией, не обладающий промышленной мощью Америки, лишенный необходимого сырья, сумел создать за столь короткий срок ядерное оружие и почему ни ЦРУ, ни МИ-6 ничего не знали об этом?

Всего год назад директор Центрального разведывательного управления адмирал Роско Хилленкоттер утверждал, что «существует чрезвычайно слабая вероятность того, что русские создадут свою первую атомную бомбу к середине 1950 года, но наиболее вероятная дата, по нашему мнению, — середина 1953 года». Не избежал ошибки и корифей американской разведки Аллен Даллес, заверявший сенат, что ЦРУ будет знать, когда в России появится своя атомная бомба. За то, что ЦРУ ничего не знало о разработке и производстве в СССР нового оружия, Хилленкоттер был смещен со своего поста. Должность директора ЦРУ занял генерал Уолтер Беделл-Смит.

Но критиков американской разведки замена руководства не удовлетворила, они требовали укрепления спецслужб, с помощью которых можно было бы противостоять чудовищным устремлениям «врага» и более эффективно получать информацию о его нежелательных действиях по отношению к США. Еще дальше пошел конгрессмен Ричард Никсон: он потребовал от президента Трумэна обнародовать факты о существовании советских шпионских групп, которые «похитили и передали СССР самые важные тайны об атомной бомбе, которыми когда-либо обладало человечество».

В ответ на такие заявления директор ФБР Эдгар Гувер приказал своим сотрудникам во что бы то ни стало найти «атомных» шпионов, которые дали возможность русским так быстро создать свою бомбу. Это указание привело к тому, что Америку снова захлестнула война шпиономании. При повторной проверке всех ученых и специалистов, работавших до 1946 года в Лос-Аламосе, подозрения пали на группу английских исследователей, но больше всего на Клауса Фукса.

ФБР давно уже было известно, что Фукс перед приездом в

США доброжелательно высказывался о Советском Союзе, что еще в студенческие годы он состоял в Компартии Германии, что в захваченных после войны архивах гестапо физик Клаус Фукс проходил по особому списку под номером 210 с пометкой: «Доставить в Германию, если будет найден в Советском Союзе». Раскручивая заново «дело Фукса», американская разведка подвергла тщательному анализу старые дела на его сестру Кристель Хейнеман и Элизабет Бентли — «королеву красных шпионов». По первому делу Фукс немного «засветился» как связь разоблаченного предателем И. Гузенко агента военной разведки Бэкона — канадского ученого Израэля Гальперина (вот когда аукнулось Чарльзу его короткое пребывание в Канаде); по второму — Бентли дала показания о том, что Гарри Голд (связник Клауса Фукса агент Раймонд) был «шпионом Москвы». Его действительно несколько раз допрашивали в 1948 году, но Голд отрицал свою принадлежность к советской разведке (речь тогда еще не шла об утечке из Лос-Аламоса атомных секретов). Теперь же, когда сотрудники ФБР получили от Кристель описание наружности приходившего к ней в 1945 году американца (это был Раймонд) и интересовавшегося адресом ее брата, они обратили внимание, что внешние черты Голда, его приметы и фотопортрет, находившиеся в деле разработки, очень схожи с описанием личности неизвестного американца. Голд снова был вызван на допрос, но он и на этот раз отрицал, что когда-либо ездил к проживавшей в Кембридже под Бостоном некоей Кристель Хейнеман, что знал ее брата и встречался с ним.

Тогда же, осенью 1949 года, криптографы ЦРУ провели расшифровку некоторых телеграмм НКВД, которыми Москва в 1944 году обменивалась со своим генконсульством в Нью-Йорке. Эта операция, получившая у американцев название «Венона», вывела их на псевдоним Клауса Фукса — Чарльз. ФБР попросило у англичан разрешения на допрос немецкого ученого в Лондоне, однако несносные британцы на это не пошли, но все равно тучи над ним стали сгущаться. И хотя конкретными данными о его шпионской деятельности ведомство Гувера не располагало, оно все же проинформировало МИ-5 о своих косвенных уликах: ФБР сообщило об обнаруженном при обыске у Голда плане города Санта-Фе с пометкой места встречи Чарльза и Раймонда, об упоминании имени Фукса в записной книжке разоблаченного в Канаде советского агента Бэкона, и высказывалась версия о возможной причастности Фукса к утечке из британской научной миссии секретных материалов по «Манхэттенскому проекту». Все это заставило английскую контрразведку ускорить «прощупывание» Фукса.

Начальник службы безопасности Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле Генри Арнольд решил действовать осторожно и методично. Он «обставил» ученого так, что каждый его шаг стал находиться под наблюдением. Но главные свои усилия Арнольд направил на то, чтобы подружиться с ним, расположить его к себе. Действовал он при этом деликатно, ненавязчиво, не лез в душу с вопросами, искал точки соприкосновения, выявляя его слабые и уязвимые места, используя которые можно было бы добиться признания или раскаяния в содеянном.

Фукс, почувствовав, что попал в поле зрения английских спецслужб, стал постоянно испытывать страх за свою судьбу. А когда он узнал, что его отец переехал на постоянное жительство в Восточную Германию, то сообщил об этом Арнольду и поинтересовался: что, может быть, ему, имеющему особый допуск к секретам, следует в этом случае уйти из Харуэлла? Фукс рассчитывал таким образом «по-тихому» уволиться со сверхсекретного объекта и переехать к отцу в Лейпциг. Но обернулось все по-другому. Арнольд пообещал помочь ему чем сможет, но тотчас сообщил в Лондон руководству МИ-5 о своем разговоре с ученым, который был тогда подавлен, растерян и чем-то сильно озабочен.

Шефы МИ-5 после такого сигнала решили форсировать разработку Фукса: началась круглосуточная слежка за ним, подслушивание его телефонов, перлюстрация корреспонденции, а для дальнейших бесед с ним и побуждения его к добровольному признанию связи с советской разведкой (прямых улик его сотрудничества у МИ-5 не было) в Харуэлл поехал опытный следователь и психолог Уильям Скардон. На первой же довольно продолжительной беседе — а по существу это был настоящий допрос с умело расставленными хитроумными ловушками — он дал понять Фуксу, что знает о нем почти все, и в конце предъявил ему обвинение в передаче секретных сведений Советскому Союзу, чем основательно смутил подозреваемого и поверг его в шоковое состояние. Убедившись, что Фукс действительно виновен и поэтому глубоко переживает внутренний кризис, Скардон в тот же вечер уехал в Лондон, решив предоставить своему подопечному необходимое время «дозреть», побыть наедине со своими тяжкими мыслями.

Через неделю следователь провел с ним вторую беседу с единственной целью — заставить его признаться. Тогда же, под новый, 1950 год, Скардон сообщил ему, что по соображениям безопасности он будет уволен с должности начальника отдела теоретической физики. Невзирая на это, Фукс продолжал все

отрицать. Не отстранялся он пока и от работы в Харуэлле, и делалось это преднамеренно, чтобы окружающие его коллеги могли давить на его психику. Этот хитрый расчет английской контрразведки оправдался. «Прощупывание» давно уже превратилось во всеобщее достояние, и поэтому ученые-атомщики по-разному стали относиться к его сложному положению: одни сочувствовали, добросердечно сообщали, что его в чем-то серьезно подозревают, но они верят в него и готовы защищать до последнего; другие, наоборот, начали вдруг избегать его, отводить глаза при встрече.

В конце концов доктор Клаус Фукс психологически не выдержал, сломался. Из него выдавили тогда признание не доказательствами, а именно психологически. 2 февраля 1950 года он был арестован, а через месяц состоявшийся в Олд Бейли суд приговорил его к четырнадцати годам тюремного заключения. Вашингтон требовал, чтобы Фукса за содеянные им преступления на американской территории передали в США, где его неминуемо посадили бы на электрический стул, однако английское правительство и на сей раз ответило американцам отказом. Только некоторое время спустя им было дозволено в Лондоне допросить находившегося в тюрьме Клауса Фукса. Приехавшие в Англию сотрудники ФБР показали заключенному список пятидесяти известных ему ученых и специалистов, участвовавших в разработке «Манхэттенского проекта», и попросили его напротив тех, кто, на его взгляд, может вызывать подозрения, сделать любую пометку. Но Фукс категорически отказался от этой унизительной для него процедуры.

В последующие пять дней агенты ФБР пытались заставить его назвать имя, фамилию и внешность человека, через которого он передавал информацию советским разведчикам. Фукс заявлял им одно и то же: он не знает ни имени, ни адреса того человека, что подлинные имена и фамилии связников ему вообще не назывались, что соответствовало действительности. На шестой день ФБР пошло ва-банк: Фуксу показали доставленный самолетом из Вашингтона сфабрикованный фильм об аресте Гарри Голда с «дословным» текстом признаний, которые он якобы давал уже в тюремной камере. Голд тогда не выдал его. А вот Фукс, вспомнив один из допросов, на котором ему был показан план города Санта-Фе с обозначенным местом их встречи, посчитал, что Раймонд предал его, и потому после нескольких минут мучительных колебаний, находясь уже несколько дней в крайне тяжелом психическом состоянии, опознал на предъявленных ему фотографиях своего американского связника.

Фукса не приговорили в Англии к смертной казни только

потому, что он сотрудничал в годы войны не с враждебным Великобритании иностранным государством, а, наоборот, с ее союзником по разгрому фашизма — общего врага СССР, Англии и США.

Через несколько дней после приговора союзническая держава, на которую работал Клаус Фукс, опубликовала заявление ТАСС. В нем содержались такие слова:

«…Выступивший на процессе в качестве обвинителя Генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, что будто бы Фукс передавал атомные секреты «агентам Советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Вот так устами ТАСС Советский Союз отказался от своего самого ценного агента, который и в Англии, и в США ради высоких целей шел на смертельный риск, стремясь оказать помощь стране Советов в обеспечении ее безопасности. А произошло так потому, что когда до Берии дошли сводки с фрагментами признания агента на суде в Лондоне, то вывод его был однозначен: Клаус Фукс — предатель. Протестовать, сомневаться в «мудрости» Берии в ту пору было бесполезно и смертельно опасно. Время было такое.[163]

Когда Клаус Фукс признался в том, что он передавал советской разведке секреты атомной бомбы, в США опять, в который уже раз, изрядно разгорелись страсти по поводу «красной опасности», поднялась новая волна шпиономании. В четвертый — в 1946, 1947, 1948 и вот теперь в 1950 году в последний раз был допрошен, а затем арестован агент Раймонд. Ранее проводившиеся вызовы в ФБР, по его словам, были простой формальностью, никаких доказательств его шпионской деятельности у ведомства Гувера не было. После ареста Фукса в его ситуации следовало бы куда-нибудь исчезнуть, как это сделали некоторые из тех советских агентов, кого оговорила предательница Элизабет Бентли. Но он остался в США по двум причинам: во-первых, был уверен, что Фукс не знал ни имени его, ни фамилии, и потому он мог чувствовать себя спокойно; во-вторых, считал, что официальные вызовы в ФБР освобождают его от каких-либо подозрений, а если даже и продолжалась слежка за ним, то в тот период он не мог уже представлять для спецслужб какого-либо интереса. И это действительно так: после отъезда А. Яцкова из Нью-Йорка с ним никто из советской разведки не встречался и практически он был брошен на произвол судьбы.

Но ошибка Голда заключалась о том, что он недооценил

возможные показания Фукса, который хотя и не знал его подлинной фамилии и имени, тем не менее достоверно обрисовал портрет, опознал его на предъявленных фотографиях и назвал настоящий псевдоним — Раймонд. После этого ведомство Гувера снова подняло старое досье на Голда, связало все факты воедино, в том числе и карту Санта-Фе с карандашной пометкой места встречи с Фуксом, и пришло к уверенному выводу: американский инженер-химик Гарри Голд — агент советской разведки Раймонд, связник «атомного» шпиона доктора Клауса Фукса.

22 мая 1950 года Гарри Голда[164] арестовали. Полагая, что ФБР уже все известно, он дал полные показания не только о встречах с Фуксом, но и с другим советским агентом Калибром — Дэвидом Гринглассом. Если бы он умолчал о Гринглассе — а о нем его никто не спрашивал, — тогда бы и не началась цепочка дальнейших провалов.

16 июня того же года на квартиру Калибра нагрянули громилы ФБР с наручниками. За два дня до этого жена агента от неосторожного обращения с газовой плитой получила сильные ожоги и слегла в постель. Муж вынужден был не ходить на работу и ухаживать за ней и за совсем еще маленьким ребенком. Поэтому, когда пришли его арестовывать, до смерти перепуганный Гринглосс, даже не потребовав присутствия адвоката, согласился ответить на все их вопросы, лишь бы оставили его с больной женой и маленьким ребенком. Он «раскололся» сразу, признался в том, что в годы войны действительно передавал советской разведке информацию по атомной бомбе. В процессе многочасовой беседы со сменявшими друг друга профессионалами ФБР, имевшими за спиной большой опыт ведения допросов и изощренные приемы игры, контрразведка стремилась добиться от Гринглосса ответа на главный вопрос: кто еще из американцев мог быть участником «шпионской атомной сети» и кто из них был его вербовщиком? Лишь в два часа ночи под угрозой ареста жены за соучастие в шпионаже, поскольку она знала о его сотрудничестве с «красной разведкой», Гринглосс, испугавшись, что маленький ребенок вообще может надолго остаться без родителей, сообщил ФБР, что он был завербован Джулиусом Розенбергом и по просьбе последнего передавал Гарри Голду известные ему по работе в Лос-Аламосе атомные секреты.

Заполучив об этом письменное заявление Гринглосса, ФБР на другой же день взяло под демонстративное наблюдение еще одного советского агента — Либерала.[165] Эту поспешность в действиях ФБР можно было понять — Эдгару Гуверу нужна была

ошеломляющая американцев серия судебных процессов над «красными шпионами». Джулиус Розенберг — коммунист, дипломированный инженер, и потому по всем параметрам больше подходил на роль организатора советского «шпионского заговора», нежели малообразованный, малоизвестный техник из Лос-Аламоса Дэвид Гринглосс. Кроме того, Розенберг, как никто другой, подходил и для осуществления более важной задачи, выдвинутой Маккарти: доказать, что «каждый коммунист Америки — это шпион».

Досье на Розенберга было заведено еще в начале 1945 года, когда он был в первый раз уволен с государственной службы в связи с обвинением в принадлежности к Компартии США. Поэтому, пригласив его на первый допрос, агенты ФБР рассчитывали, что они легко добьются от него сотрудничества, но «подходящий» по всем параметрам объект оказался «твердым орешком». Отвергнув выдвинутые против него обвинения, он потребовал очной ставки с Гринглассом, но контрразведка, не имея весомых доказательств, была вынуждена его отпустить.

Свобода Розенберга длилась недолго — ровно месяц. Именно столько времени понадобилось ФБР, чтобы согласовать детали получения свидетельских показаний и раздобыть «вещественные улики. Несмотря на то что Гарри Голд и Дэвид Гринглосс давно уже признали свою вину, им не спешили выносить приговор: постоянный страх перед угрозой возможной смертной казни должен был вынуждать их к даче все новых и новых «показаний» по подсказке агентов ФБР.

Находкой для них оказалась жена Дэвида — Руфь. Надеясь спасти мужа от ответственности, она взяла инициативу в свои руки и не только дополнила его показания, но и переставила акценты: теперь уже получалось, что это она по просьбе Розенберга склонила Дэвида к шпионажу и к последующим его встречам с Голдом. Придуманы были ею словесный и вещественные пароли: «Я от Джулиуса» и оторванные куски картона с неровными краями, которые должны совмещаться. Появились в показаниях и подаренный якобы русскими Розенбергу столик для микрофильмирования, и сфабрикованный в ФБР план побега Гринглассов в Мексику, который якобы готовил для них все тот же Розенберг. Как средство давления на него задумывался и арест Этель Розенберг, которая, по заявлению Руфи Гринглосс, будто бы знала, что Джулиус занимался шпионажем, и будто бы она дважды перепечатывала ему на машинке шпионский документ, содержащий секретные сведения о «Манхэттенском проекте».

Но не это послужило главным основанием для принятия

решения об аресте супругов Розенбергов. Директор ФБР Гувер решил отдать приказ арестовать их только потому, как свидетельствуют рассекреченные в штаб-квартире ЦРУ летом 1995 года тексты перехваченных и расшифрованных в ходе операции «Венона» телеграмм, что в одной из них упоминалась Этель Розенберг. О ней сообщалось не так уж и много информации, но содержались весьма подозрительные для контрразведчиков моменты. Прежде всего то, что она «является членом «корпорации», что из-за слабого здоровья после рождения детей и необходимости ухода за ними нигде не работает, характеризуется как преданный «Вавилону»[166] человек и самое главное — осведомлена о работе мужа на «Аттику».[167] Произведенная ФБР дополнительная проверка показала, что она в тридцатые годы поставила свою подпись под петицией о включении Компартии США в избирательные списки в штате Нью-Йорк. Вследствие этого было поднято из архива и досье на ее мужа, в котором отмечались его связи в те же тридцатые годы с радикальными студенческими организациями. Но Гувер не мог тогда пойти на открытое использование данных секретной операции «Венона» (о расшифровке американцами кодированных сообщений советских органов безопасности никто не должен был знать, иначе бы терялся смысл дальнейшего проведения «Веноны»), Поэтому основанием для продолжения их допросов послужили данные старых досье и показания старательно натасканных агентами ФБР свидетелей, в том числе и агента советской разведки Калибра. Когда он понял, чего от него хотят специалисты по психологической обработке из ФБР, то предпочел как лучшее для себя дать те показания, которые от него требовали: признать, что пять лет назад через связника Раймонда он передал Джулиусу Розенбергу схему взрывного атомного устройства и пояснительную записку на двенадцати страницах.[168]

17 июля 1950 года, чтобы нагнать страх на американцев «красной угрозой» и чтобы еще больше развернуть невиданную ранее кампанию «охоты за ведьмами», разнузданную травлю коммунистов и всех левых сил, по приказу директора ФБР Гувера был арестован сначала Джулиус Розенберг, а затем его жена Этель. Они были ложно обвинены в «атомном» шпионаже[169].

Дело Розенбергов стало одним из поводов для разгрома левых сил, создания атмосферы нетерпимости к проявлениям политического инакомыслия. На все лады пресса затрубила о виновности супругов Розенбергов в краже «атомных секретов». ФБР стремилось вбить в сознание американского обывателя гуверскую идейку, что «каждый коммунист — это шпион», не

скупилось на свои сообщения для прессы, радио и телевидения о завершившемся процессе расследования.

«Холодная война» в США набирала обороты. Агенты ФБР приносили в жертву на алтарь «маккартизма» все новые и новые имена: после допросов умер помощник министра финансов США Гарри Декстер Уайт, арестованы подозреваемые в шпионаже президент международного «Фонда Карнеги» Элджер Хисс и инженер Мортон Собелл. Не за совершение преступления, а за убеждения было брошено в тюрьму несколько человек после нашумевшего в Америке процесса по делу 12 членов Национального комитета КП США, судебному преследованию подвергся руководитель Информационного центра сторонников мира[170] доктор Уильям Дюбуа.

Агенты ФБР ревностно следили за всеми подозреваемыми в «красной крамоле» гражданами США. От профсоюзных лидеров требовалось теперь письменное подтверждение, что они не принадлежат к американской компартии и не участвуют ни в каких заговорах. В поисках сфер возможного проникновения коммунистов и раскрытия их «шпионской сети» начались расследования на промышленных объектах и в научных центрах, особенно на тех из них, где были уже разоблачены агенты советской разведки. Джо Маккарти считал: там, где был хоть один шпион, могли быть и другие. Резко изменившаяся оперативная обстановка в США требовала срочной передачи об этом информации в Центр.

Когда из Нью-Йорка в Москву пришло шифрованное сообщение, что по всей Америке начали усердно искать шпионов, особенно среди ученых, дипломированных инженеров, служащих департаментов, министерств и ведомств, а также лиц еврейской национальности и бывших участников гражданской войны в Испании, в Центре серьезно забеспокоились за судьбу агентурной группы «Волонтеры», руководимой Луисом. Но еще большее опасение вызвала информация о том, что «Волонтеры», узнав о провалах агентов советской разведки, стали вопреки конспирации кучковаться вокруг своего «патрона»— Луиса. Учитывая, что Калибр, Раймонд и Розенберга были знакомы с Коэнами, в Центре возникла тревога: если расследование пойдет по цепочке контактов арестованных лиц, то таким образом в поле зрения могут попасть не только Луис и Лесли, но и связанные с ними другие источники информации из группы «Волонтеры», а также руководитель нелегальной резидентуры Абель. Допускать этого было никак нельзя. Учитывая большую ценность для разведки Коэнов и ту огромную пользу, которую они принесли Советскому Союзу, Центр, решив их спасти от провала,[171] направил в Нью-

Йорк шифровку за № 126 639:

Совершенно секретно.

Лично Бобу.

В связи с возникшей ситуацией, в которую могут быть втянуты Луис и Лесли, необходимо принять все меры, чтобы сохранить их как источников информации. Просим через Клода:

— разъяснить им, что Центр обеспокоен начавшимися политическими репрессиями, преследованием инакомыслящих и лиц, связанных с компартией и интербригадой имени Авраама Линкольна. Убедите их, что подобное развитие событий чревато арестом, поэтому им предлагается выехать за пределы Везувия[2] (куда именно, сообщим дополнительно — возможно, они сами предложат);

— обсудите с ними пути и способы официального или нелегального выезда из Тира, для чего, может быть, стоит предусмотреть возможность использования документов, по которым они выезжали в Полинезию;[172]

— предупредите членов группы «Волонтеры», чтобы они не пользовались впредь адресами Луиса и Лесли и не посещали их квартиру;

— предостерегите Луиса и Лесли, чтобы они не вели никаких разговоров о своем предстоящем отъезде из Тира, кварплату им необходимо оплатить за три месяца вперед.

При встрече с ними просим Клода соблюдать предельную осторожность.[173]

В целях обеспечения полной конспирации по выводу Луиса и Лесли из Тира в переписке именовать их впредь Другарями.

Романов.[174]

16.VIII.1950 г.

* * *

Солнце в тот августовский вечер садилось за небоскребы Нью-Йорка как-то особенно медленно, а небо светилось неестественно багряным светом. В городе было необычайно жарко и душно. «Будет буря», — подумала Лесли, отправляясь, как обычно, на вечернюю прогулку перед сном. Более часа она

бродила по городу, а когда вернулась домой, то страшно удивилась: в прихожей стоял переобутый в домашние тапочки Клод. Его появление в доме было более чем неожиданным: представителям советской разведки категорически запрещалось не только посещать квартиру источника, но даже случайно встречаться с ним в городе.

Луис тоже выглядел встревоженным.

Клод, чтобы рассеять недоумение и хоть как-то успокоить их (если это было возможно в сложившейся ситуации!), вытащил из своего портфеля блокнот и на первом листе размашисто написал: «Беседу будем вести письменно на бумаге. Записи прошу сжигать при мне. Ваша квартира, возможно, прослушивается. Будьте предельно осторожны в общении».

На лицах Луиса и Лесли отразилось замешательство. Переглянувшись, они с недоверием посмотрели на Клода, а он тем временем продолжал писать: «К концу месяца вам следует покинуть США».

Забыв о предупреждении, Лесли с раздражением выпалила:

— Чушь собачья! Мы на это не пойдем!

Клод предупредительно прижал палец к губам и тихо спросил:

— Почему?

Она выхватила у него карандаш и блокнот и быстро написала: «Потому что у Морриса старые родители. Оставить их одних он не может. Кроме того, он — педагог и бросить вот так учеников на произвол судьбы до завершения учебного года не имеет права! Его исчезновение из школы вызовет переполох в отделе просвещения, начнут искать, спрашивать родителей, и в конце концов этим займется ФБР. Я категорически против такого непродуманного решения! И вообще, кем оно принято?»

Дальнейший письменный диалог выглядел следующим образом:

Клод. «Оно принято Центром и вызвано прежде всего заботой о вашей личной безопасности. У наших разведчиков существует золотое правило — если ему что-то грозит, если есть реальная опасность, что его раскроют, то надо срочно уезжать».

Лесли. «Тогда позвольте спросить: почему вот лично вы не позаботились сейчас о нашей безопасности? Вы же могли привести к нашему дому «хвоста».

Клод проявил огромную выдержку: «Прежде чем зайти сюда, я тщательно проверился. «Хвоста» за собой я не привел, в этом вы можете не сомневаться».

Лесли. «И все-таки, сдается мне, что делаете это вы без ведома Москвы! Мы хотели бы знать, известно ли что-либо об

этом Марку?»

Клод. «Да, ему дана команда не выходить на связь с вами».

Лесли. «Очень жаль. Так и не удалось мне вместе с ним встретиться с Персеем. Мы согласны перебраться в любой другой штат, но не покидать Америку. Если мы уедем, то может оказаться, что сюда никогда уже не сможем вернуться! Это же несправедливо! Десять лучших лет мы отдали вашей разведке, все эти годы жили в напряжении, рисковали всем, а теперь вы хотите отправить нас неизвестно куда…»

Луис, взяв из рук Лесли карандаш и блокнот, вырвал из него исписанные листки и черканул: «Ваши коллеги, которые работали с нами раньше, не раз говорили, что разведчик, осознавая возложенную на него огромную ответственность за судьбу и жизнь доверившихся ему людей, накладывает на себя обет молчания. Так поверьте же нам: в случае провала мы не побоимся допросов и преследований, мы никого не выдадим, только оставьте нас здесь».

Клод. «Что касается вашей преданности, у нас в этом нет никаких сомнений. Но поверьте и вы нам: сейчас, когда психоз «красного шпионажа» в США достиг своего апогея, оставлять вас здесь никак нельзя. Я не исключаю, что не сегодня, так завтра начнут и на вас охоту люди из ФБР. Вы же знаете, как были сфабрикованы дела на Элджера Хисса, Уильяма Дюбуа и других двенадцать лидеров Компартии США. Сейчас арестованы Розенберги. Вы были с ними тоже связаны, и, не дай Бог, в силу каких-то непредвиденных обстоятельств подозрение падет и на вас, на ваши связи. Вольно или невольно вы нанесете невосполнимый вред и другим членам группы «Волонтеры».

Пока Клод писал, Лесли тем временем начала жечь исписанные листки бумаги, она обжигала себе пальцы и громко чертыхалась.

Клод, передав блокнот Луису, взял у нее листок и показал, как надо это делать: свернул его в трубку и поставил в блюдце «на попа», затем спичкой поджег сверху. Бумага горела сверху вниз совершенно бездымно, и только пепел медленно оседал на дно блюдца.

Луис в это время писал: «Как я понял, вы категорически настаиваете на нашем выезде из США?»

Клод. «Да, получается именно так».

Луис. «Это что — приказ?»

Клод. «Да, это приказ Центра».

Лесли, закрыв руками лицо и уронив на пол коробок со спичками, почти в отчаянии вдруг закричала:

— Нет! Нет! Не хочу! Никуда не хочу уезжать отсюда! У нас

тут родные, они будут страдать. Да и мы по ним тоже…

Луис, с трудом сдерживая волнение, полушепотом произнес:

— Не надо эмоций, Лона. Прошу тебя, будь благоразумна. — Он улыбнулся ей и потом уже настойчиво потребовал: — Прошу тебя, не высказывайся так громко!

— Да, да, конечно, — зашептала она нервно. — Но как же теперь… У нас же здесь корни… Корни, которые всю жизнь держали и тебя, и меня…

Луис, пододвинув поближе к себе блокнот, написал: «Ну что поделаешь, Лона, будем вырывать эти корни. А родителям нашим сообщим так: по поручению партии мы выезжаем на два месяца в Канаду. Потом они распускают слух, будто бы мы навсегда уехали туда. Будем продолжать оказывать помощь Советскому Союзу в его великой цели. Россия задумала великое дело: создать единственное в мире государство справедливости, и поэтому надо нам помогать ей до конца жизни».

Клод, обрадованно закивав головой, написал: «А как вы намерены решить вопрос со школой?»

Луис. «Перед отъездом из Америки я направлю в отдел просвещения письмо с сообщением о том, что получил хорошую работу в одной из фирм по производству документальных фильмов в штате Монтана или Айдахо».

Клод снова утвердительно кивнул и, взяв из рук Луиса карандаш, черканул: «Скажите, под видом кого вы могли бы без подозрений уехать из США? Под видом туристов, бизнесменов или ученых?»

Луис. «Для меня было бы лучше, если бы это как-то увязывалось с историей или литературой».

Клод. «Хорошо, мы будем думать».

Луис. «У меня к вам вопрос: что вы предпримете, если нас вдруг арестуют?»

Клод. «Мы вызволим вас, Моррис, не беспокойтесь. В советской разведке есть святая заповедь: в какую бы беду ни попал разведчик или его помощник, сделать все возможное и невозможное, чтобы его выручить, вызволить из тюрьмы или плена. Наша разведка, Моррис, способна и может сделать многое. Будьте уверены в этом».

Луис. «В таком случае мы готовы последовать указанию вашего Центра».

Клод. «От вас теперь потребуется большое мужество».

Луис. «Мы будем готовить себя к этому».

Клод кивнул, а затем, сжигая исписанные листки бумаги, тихо проговорил:

— А сейчас, извините, товарищи, я должен покинуть вас. О

следующей встрече я извещу вас сам.

На улице, как и предчувствовала Лесли, началась гроза. Закрыв створки окна, она проводила Клода и, вернувшись в комнату, где стоял задумавшийся Луис, негромко спросила:

— Что же нас ждет теперь впереди?

Луис ответил не сразу. Словно прикидывая что-то в уме, он через несколько секунд как-то неопределенно ответил:

— Счастья не жди.

— Почему?

— Потому что для меня самыми счастливыми были годы жизни в Нью-Йорке, участие в митингах, демонстрациях. На одном из таких митингов я встретил тебя… Счастливыми для меня были и те минуты, когда мне удавалось привлекать «Волонтеров» к сотрудничеству с советской разведкой. Особенно мне дорог Персей. Мы очень многим обязаны ему. Кто знает, как развернулись бы события в мире, если бы советские ученые не без его помощи не создали бы вовремя ответное атомное оружие.

— Это все уже позади, Бобзи. А вот все же интересно, что нас ждет впереди?

— Скорее всего жалкая эмигрантская жизнь в Москве или в каком-нибудь неизвестном нам русском городе, где бы ФБР нас никогда не достало.

— Да, в этом радости мало, — отрешенно произнесла Лесли.

— Почему? — насторожился Луис.

— Да потому что там есть дядюшко Джо, который тридцать лет воюет со своим народом.

— Ты имеешь в виду Сталина?

— Да, его…

Наступила неловкая тишина. По оконным стеклам застучал крепкий звонкий дождь.

* * *

Подготовленная на другой день Клодом телеграмма под грифом «особой важности» «срочно» ушла в Центр:

> Сообщаем, что после длительной беседы и наших убедительных доводов «Другари» дали согласие покинуть Везувий. Они сами предложили легенду своего отъезда из Тира: родителям, а через них и окружению будет доведена информация о выезде на неопределенный срок в Канаду якобы по делам компартии.

Чтобы не вызывать подозрений по месту работы, а затем и у органов власти в связи с внезапным исчезновением из школы, Другарь намерен в письменном виде уведомить отдел просвещения о своей отставке, мотивируя это желание перейти на предложенную в штате Айдахо более высокооплачиваемую работу.

Просим вашего согласия и сориентировать нас: в какую страну намечается вывод Другарей, условия их въезда в нее и наиболее целесообразное прикрытие.

Боб.

23.VIII.1950.

Для подготовки ответа на поставленные резидентурой вопросы Центру потребовалось больше недели:

Нью-Йорк. Бобу.
Совершенно секретно.

Из Тира Другари должны выехать в Месопотамию, [175] где будет подготовлена конспиративная квартира для их временного укрытия. Выездные документы уже изготовлены и в ближайшее время будут вам доставлены курьером.

По разработанной нами легенде, Другарь — торговец книгами, а его жена — домохозяйка.

Просьба поручить им на месте обзавестись необходимыми каталогами, коммерческим регистром и проспектами, которые могут подкрепить их легенду.

Перед отъездом необходимо проинструктировать их по следующим вопросам:

— договориться с родителями, чтобы они по истечении двух-трех месяцев забрали все их вещи, а от квартиры отказались;

— не обсуждать со своим окружением возможность выезда;

— отработать условия экстренной[176] связи с «Ильей»[177] на период их нахождения на нелегальном положении в Месопотамии.

Романов.

4 сентября 1950 года.

В телеграмме не говорилось, но подразумевалось, что

выполнение этих условий потребует от Другарей смекалки, изобретательности и четкого соблюдения всего, что им предписывалось Центром. Постоянная трезвость ума, находчивость, самоконтроль и дисциплина — вот та «броня», которая должна была предохранить их от провала.

Предложенная Центром легенда для Луиса базировалась на имеющихся у него знаниях торгового дела, полученных им от отца, а также с учетом того, что он был учителем истории, знатоком мемуарной и исторической литературы.

Что касается Лесли, то ее главным козырем должно было стать уже испытанное оружие — личное обаяние, умение вызвать к себе доверие и симпатию со стороны самого недоверчивого и подозрительного чиновника.

С предложенной линией поведения Другарей Центр согласился и просил форсировать их подготовку к выезду из США. В направленной в резидентуру повторной шифротелеграмме из Москвы сообщалось:

> …Выдайте Другарям тысячу долларов. По прибытии в Месопотамию выходить им из конспиративной квартиры не рекомендуется. Ни с кем, кроме хозяина, общаться не следует.
>
> Учитывая, что Луису, как участнику войны, выплачивалось в Тире ежемесячное денежное пособие, во избежание выяснения финансовыми органами причин отсутствия получателя чеков он должен перед отъездом оставить родителям доверенность на их получение.
>
> *Романов.*
>
> *8.0950 г.*

Разведка настолько вдумчиво подходила ко всем вопросам, связанным с выводом из США своих помощников, что учитывала малейшие детали, вплоть до получения чеков.

* * *

Перед отъездом Другарей из Нью-Йорка Клод должен был передать им временные фиктивные паспорта и провести с Лесли заключительную, самую ответственную встречу. Чтобы не допустить ее провала, Клоду предстояло проделать довольно сложный и запутанный маршрут, разработанный и утвержденный Центром. Выехав на машине из представительства, он должен был

следовать по Лефертс бульвару через Хилл-Олд-авеню, на Лоримет-стрит припарковать свою машину и далее добираться автобусом по Джексон-авеню и Сентрал Стейшн до 87-й улицы, где у него была обусловлена встреча с Лесли.

Моля Бога, чтобы в пути ничего не случилось, Клод осторожно выехал на трассу, но, не успел он доехать до Парклайна, как у него стало покалывать в затылке, будто его кто-то сверлил взглядом. Посмотрел в зеркало заднего вида — за его машиной следовал джип криминальной полиции. Клод сразу встрепенулся: «Интересно. Похоже, меня преследуют». Чтобы не привлекать к себе внимания, он продолжал ехать спокойно, а потом засосало под ложечкой, он стал нервничать и непроизвольно нажал на газ. Однако и полицейский джип прибавил скорость. Оставалась единственная надежда — доехать до станции метро «Стабилтл-авеню», бросить машину и нырнуть в метро. Но для этого предстояло преодолеть самый сложный участок скоростной трассы с интенсивным движением. А чтобы успеть сесть незаметно в поезд метро, надо хотя бы на минуту оторваться от джипа.

Посмотрев опять в заднее стекло, Клод понял, что ему это вряд ли удастся. И все же решил попробовать: утопил акселератор до отказа и, минуя станцию метро, на предельной скорости рванул на Лоример-стрит, умело лавируя в большом транспортном потоке. Вырвавшись на Джексон-стрит, он снова посмотрел в зеркало заднего вида: полицейский джип стоял на перекрестке, намереваясь свернуть в другую сторону.

Клод сбавил скорость, вытер платком взмокший от нервного напряжения лоб и, проскочив красный сигнал светофора, продолжал периодически поглядывать в зеркало — не передали ли его под наблюдение другой машине? Неожиданно на его пути предстал дорожный полицейский. Он жезлом делал знак прижаться к тротуару. Клод — ни жив ни мертв — остановил машину. «Что делать с документами Другарей? Куда спрятать их?» — неслись в голове тревожные мысли.

Полицейский тем временем, распрямив могучие плечи, встал перед капотом, постучал по нему жезлом и, недовольно посмотрев на водителя через лобовое стекло, поманил его к себе. Сердце у Клода екнуло.

Зная о том, что с американскими полисменами вести себя надо как можно спокойнее, без суеты и спешки выполнять любые их указания, а документы доставать без резких движений, иначе они, почувствовав опасность, могут без предупреждения применить оружие, Клод плавно открыл дверцу и неторопливо вышел из кабины.

— Сэр, вы нарушили правила уличного движения — проехали на красный свет. Документы, пожалуйста, — произнес официальным тоном полицейский.

— Я — советский дипломат.

— Это не имеет значения.

Клод неторопливо полез в нагрудный карман сорочки, спокойно вытащил из него документы, достал также пачку сигарет и, протянув ее блюстителю порядка, вежливо предложил:

— Прошу вас, угощайтесь.

Полицейский без церемоний взял сигареты и дружелюбно улыбнулся. В этот момент в будке зазвонил телефон.

— Извините, я сейчас вернусь, — предупредил он, отходя от машины.

Разговор из открытой будки был хорошо слышен:

— Да, Вирджил, это я… Нет, сейчас не могу… Советского дипломата задержал… Да, один… На красный свет проскочил… Нет, в посольство сообщать не буду, но повестку в суд выпишу… О'кей! Потом подъеду.

«Кажется, мне повезло», — подумал Клод и облегченно вздохнул.

Полицейский, повесив трубку, возвратился к машине, записал в блокнот ее номер, затем заполнил бланк, вырвал его и, протянув Клоду, сказал:

— За нарушение правил, сэр, вам по этой повестке надо явиться в любой судебный участок и пополнить нашу казну. Теперь вы можете ехать.

Клод вежливо поблагодарил полисмена, сел в автомобиль и поехал дальше. Вспомнив о том, что ему надлежало на Лоример-стрит припарковать машину и пересесть в автобус, он сразу же тормознул и остановился у кафе на линии Сентрал Стейшн. Закрыв на ключ машину, Клод, заставляя себя идти медленно, хотя на самом деле ему хотелось бежать, неторопливо зашагал в направлении 87-й улицы.

Можно, конечно, критически отнестись к такому нервному поведению разведчика, но его состояние при проведении ответственнейшей операции по связи можно было понять. Он сильно волновался, тревожился и опасался.

И волновался не только он. Даже в далекой Москве беспокоились и ждали результата. Как бы то ни было, но Клод успешно выполнил свою задачу — он провел последнюю инструктивную встречу с Лесли и вручил ей два поддельных мексиканских паспорта.

* * *

Несмотря на строгое предупреждение Клода о том, чтобы в день отплытия из морского порта ни с кем из знакомых и родственников не встречаться, Луис побродил по изумрудным лужайкам Риверсайда, побывал у Колумбийского университета с его пестрыми толпами молодежи, взобрался на склоны парка Форт-Трайон, полюбовался оттуда величием Гудзона, а потом, словно магнитом, потянуло к родной обители в Бронксе. Старый Гарри Коэн знал, что сын в этот день должен покинуть Америку, и потому не ждал его, испытывая с утра щемящую тоску от разлуки с ним.

Радость отца при появлении сына была психологически оправданной. Обсудив все проблемы, связанные с отъездом, отец и сын перед расставанием несколько секунд стояли молча. Они напоминали в эти мучительные для обоих минуты изгнанников, встретившихся накоротке, чтобы в последний раз посмотреть друг на друга. Внезапно какой-то жуткий холод пронзил Морриса, и он не выдержал: губы его задрожали, в глазах появились слезы. Горестная улыбка мелькнула на запекшихся, потрескавшихся губах отца. Явно волнуясь, он с хрипотцой в голосе заговорил:

— Когда тебе, сын мой, станет невмоготу, вот так же тяжело, как сейчас, то ущипни себя, чтоб не заплакать в следующий раз…

Глаза Морриса убегали в сторону, чтобы не видеть грустной улыбки отца, продолжавшего ему говорить:

— Мир, сынок, велик, но границы в нем прочертили люди. И кто знает, может быть, со временем они же их и упразднят, отменят, и тогда судьба твоя окажется не столь переменчивой и злой, как можно было бы предполагать это сегодня. Я желаю тебе счастья, Моррис. А оно приходит только к тем людям, кто делает добро другим… И еще запомни: человек умирает тогда, когда он отказывается защищать то, что считал правильным и справедливым. Ты, как я понял, не отказался от борьбы, ты продолжишь ее за пределами Штатов. Я рад за тебя. Рад, что мы с тобой — одна плоть и одна кровь…

Подошло время прощаться. Самое ужасное, когда возникает неловкость, слова и движения становятся деланными и искусственными.

— Спасибо тебе, отец, за все. Я всегда буду помнить тебя.

И тут старый Гарри не выдержал — тоже заплакал.

— Я чувствую, Моррис, что приезжать домой в Бронкс, в отпуск, ты уже не сможешь. Но хоть сообщи мне когда-нибудь адрес. Или он будет так быстро меняться, что мои письма тебя не догонят?

— Да, отец, постоянного адреса у меня, наверно, не будет. Но к тебе будет приходить один человек и приносить от меня почту и

мое пособие. Ты тоже можешь это делать через него… Он же всегда может оказать тебе помощь. Прощай, папа. И прости меня, если что-то было не так.

Моррис обнял отца, поцеловал его несколько раз, стыдливо убрал горячие слезы, катившиеся по щекам, потом попросил передать прощальный привет всем родственникам, словно чувствуя, что никогда он их больше не увидит.

— Прощай, папа. Я думаю, мы еще увидимся, — произнес он дрожащим голосом, выходя из отцовской квартиры.

Он не понимал в эти минуты, что с ним происходило, но чувствовал, что больше они уже не увидятся.

С тяжелым сердцем расставался он с отцом, а вместе с ним и со всей Америкой, с лучшими годами своей жизни в Нью-Йорке.

Выйдя из дома на улицу, Моррис остановился, долго смотрел на родные окна, затем прощально помахал рукой и быстро зашагал прочь.

Он долго бродил по многолюдным улицам Нью-Йорка, размышляя по дороге обо всем том, что произошло в последние минуты, о событиях, приблизивших эти минуты, и о тех людях, которые сделали неотвратимым его отъезд из Нью-Йорка… Совершенно не думая, зачем и куда идет, он остановился лишь тогда, когда ноги его стали ватными. Спохватившись о том, что он должен в этот день отплывать из морского порта, Моррис взглянул на часы и, забыв об усталости, помчался к ближайшей станции метро.

Через полчаса он был уже на пароходе. На палубе его ждала Леонтина. Через некоторое время раздался сигнальный гудок об отплытии. Обнявшись, они стали молча смотреть на удалявшийся от них родной американский берег, который стал постепенно превращаться в едва различимую полоску. Но вскоре и она скрылась из виду, и остался перед Коэнами открытый со всех сторон горизонт, сливающийся с Атлантическим океаном. И только тогда они почувствовали себя совсем одинокими в этом тихом безбрежном океане…

Из воспоминаний Леонтины Коэн

Перед последней встречей с Клодом я встретилась с неожиданно приехавшим из Чикаго Персеем. Он передал мне в тот раз последнюю потрясающую информацию о том, что генералы Пентагона совместно с учеными наметили уже подвергнуть бомбардировке по так называемому плану «Троян» семьдесят советских городов. Но потом они составили новый, более подробный план «Дропшот» на первое января 1957 года. И предусматривались этим планом не семьдесят, а сто целей, нанесенных на карту СССР.

По поручению Абеля я сообщила Персею о высокой оценке переданной им на предыдущей встрече информации и в благодарность за нее пыталась вручить ему полученные через тайник пять тысяч долларов. Но он категорически отказался от денег и твердо заявил, что делал это не ради вознаграждения, а во имя того, чтобы не произошла мировая катастрофа, чтобы ни одна бомба не упала на планету Земля.

Я стала убеждать его, что нет ничего зазорного в том, если он примет эти доллары, что у русских существует такой обычай: премировать тех, кто особо отличился в каком-то деле. И тогда он вдруг спросил: «А могу ли я распорядиться ими так, как хочу?» — «Конечно», — ответила я. «В таком случае мы делим их с вами пополам, — заявил он. — Я знаю, вы рисковали не меньше меня, поэтому все я не возьму». — «Но я же свою долю получила», — заупрямилась я. В конце концов мы договорились, что вторая половина общей суммы будет условным вкладом в один из названных им банков в Швейцарии и что этот вклад он может получить в любое время, но без процентов. Впоследствии слова — «условный вклад без процентов» — стали для него паролем, по которому с ним связывался другой представитель советской разведки.

По прибытии в Мексику нас поселили в маленький неказистый домик на окраине столицы. Скорее всего, это была конспиративная квартира советской разведки. Требования были более чем жесткие: никуда не выходить, ни с кем, кроме хозяина квартиры, не общаться. Солнце мы могли видеть только через приоткрытую оконную занавеску. О событиях, происходящих в мире, мы узнавали со слов хозяина — содержателя квартиры. Разговаривал он с нами весьма сдержанно, в тоне его голоса всегда присутствовала явная недоброжелательность. Особенно после сообщения о том, что в Мехико нагрянули сотрудники ФБР для розыска исчезнувшего из Нью-Йорка учителя по фамилии

Коэн. Это известие буквально ошеломило Морриса. До этого он еще как-то держался, внушая себе мысль, что он теперь самый свободный человек, не обремененный никакими обязанностями, а тут вдруг резко изменился, стал сожалеть о том, что навсегда покинул свою страну и отца в преклонном возрасте.

Действительно, иногда мы думали, что не сможем выдержать неопределенный срок пребывания в чужой стране, особенно в той комнатушке-клетушке, которая стала нашим убежищем, где сами стены, казалось, надвигаются и вот-вот раздавят нас.

Чтобы как-то подавить в себе состояние безысходности, Моррис стал прикладываться к рюмке, успокаивая себя одними и теми же словами: «Немного выпью, тогда, может, эта комнатка не будет мне казаться такой тесной». Я понимала его: глотком виски он пытался заглушить тоску.

Да, это было ужасное время: недоброжелательство окружало нас не только в той клетке, где мы жили, но и, казалось, во всем Мехико, в котором нас искали сотрудники ФБР. Единственное, что удерживало нас от совершения опрометчивых, быть может даже роковых поступков, — это сознание того, что и в самой Америке, где шла тогда массированная «охота на ведьм» и бушевал «маккартизм», мы не могли надеяться на лучшее. Поэтому мы успокаивали себя тем, что в тот период, когда люди открыто и со страхом говорили, что между СССР и США вот-вот начнется атомная война, мы приняли единственно правильное решение.

Да, это был наш последний шанс. Но для того чтобы выбраться из Мексики, потребовалось много времени и терпения. Мы ждали почти еще два месяца…

* * *

Задержка с переброской Коэнов в Европу произошла по независящим от них причинам: Центр, чтобы на сто процентов обезопасить своих помощников от возможных подозрений или провалов при проверке документов в мексиканском порту Веракрус, решил командировать туда под прикрытием дипкурьера лучшего своего специалиста по подготовке документации, ученика знаменитого австрийца Георга Миллера — Павла Громушкина.[178] На одной из мексиканских вилл он вместе с другим разведчиком, Владимиром Скоковым, должен был по самым последним образцам подлинных мексиканских документов изготовить фиктивные загранпаспорта на имя Марии Терезы Санчес (под этой фамилией Леонтина Коэн должна была

покинуть Американский континент) и на имя монтеррейского бизнесмена Педро Альвареса Санчеса для Морриса Коэна.

Чтобы придать им большую надежность и солидность при передвижении уже по странам Европы — Голландии, Швейцарии, Австрии, ФРГ и Чехословакии, через которые планировалось осуществить их вывод в СССР, по решению Центра Коэнов предстояло снабдить еще одними документами на имя американских бизнесменов Бенджамина и Эмилии Бриггс, а для подкрепления их состоятельности обеспечить различными деловыми бумагами и письменными поручениями от нескольких крупных, хорошо известных в мире американских фирм. Причем сделать надо было так, чтобы комар носа не подточил. Вилла, на которой готовились эти документы, находилась под постоянной охраной сотрудников советской резидентуры. Ее руководитель Алексей Антипов предпринимал все возможное, чтобы как-то скрасить злое одиночество и тягостное состояние духа Коэнов, в котором они находились два с липшим месяца.

В конце октября 1950 года им вручили новые документы, и наконец-то они на польском пароходе «Баторий» отплыли от берегов Мексики. И хотя Коэны были снабжены более-менее надежными документами, позволявшими им, можно сказать, на законных основаниях выдавать себя за мексиканцев, они продолжали изрядно волноваться и переживать при каждом заходе парохода в порты латиноамериканских стран. Успокоились и осмелели лишь тогда, когда «Баторий» вышел в открытый океан и взял курс к берегам Европы в порт Амстердам.

В Голландию Коэны прибыли в субботу, с опозданием на сутки. В тот же день они переехали в Швейцарию, и вот тут у них начались приключения. Из Женевы Бриггсы должны были по ранее разработанному графику вылететь в пятницу в Прагу, а самолеты летали туда только раз в неделю — по пятницам. Билетов же на следующий рейс не оказалось. Ждать две недели было не в характере Леонтины Коэн. Нервы у нее от бесчисленных проверок документов в морских портах и без того уже были на пределе, а тут еще, как назло, эта длительная задержка почти на полмесяца. Другое дело, если бы ждать пришлось в Праге, а то в Швейцарии, где, как она считала, «хозяйничала» все та же американская разведка, которую они больше всего опасались.

И потому Леонтина настояла перед мужем, что надо ехать поездом через ФРГ. В Мексике же им было предписано следовать до столицы Чехословакии только самолетом, потому что американцам, направлявшимся через территорию Западной Германии в страны социалистического лагеря, требовалось

помимо загранпаспорта иметь еще специальный вкладыш-визу, которая выдавалась в госдепартаменте США или в американских консульствах за границей. Коэны, естественно, не знали об этом и выехали в Прагу без вкладыша. В три часа утра они попали на границе с ЧССР в проверку документов, и поскольку у них не оказалось специальной визы, их задержали пограничники ФРГ на территории, которая входила в оккупационную зону США. Не помогли ни ссылки на срочные дела в Праге, ни рекомендательные и деловые письма от крупных американских компаний, уполномачивав-ших Бриггсов вести переговоры с торговыми фирмами стран Западной и Восточной Европы. Пришлось Коэнам в сопровождении немецких таможенников и пограничников пройти в расположенное внутри вокзала караульное помещение. Перед тем как войти в него, Моррис успел шепнуть супруге:

— В разговор пока не вмешивайся…

— О'кей, Бобзи! Да поможет нам Бог.

Моррис в ответ ничего не сказал, в этот момент он думал уже о другом: как лучше разыграть перед немцами роль богатого американского бизнесмена. Остановился на том, что ему надо продемонстрировать главные черты предпринимателя — хитрость, напористость дельца, ни в чем не уступающего противной стороне.

Комната, в которую ввели их, напоминала коридор военной казармы — длинный и неуютный. В дальнем углу стоял массивный стол с креслом, вдоль стен — более двух десятков стульев. Таможенники и пограничники сели около стола. Старший из них — дежурный обер-лейтенант, сняв пенсне, долго протирал стекла, затем попросил у Бриггсов документы. Внимательно просмотрев их, он выписал что-то для себя и, бросив цепкий взгляд на Морриса, вежливо произнес:

— Объясните, мистер Бриггс, цель вашей поездки в Прагу.

Только теперь Моррису пришло в голову: «А вдруг этот тип — сотрудник ФБР? И следил он за нами от самого Мехико?» Но времени для разрешения этой головоломки у него уже не было, надо было быстро отвечать.

— Я же говорил вам у поезда, господин обер-лейтенант! Или вы не верите нам? — И, не скрывая своего разочарования, добавил: — Вот уж никак не думал, что немцы такие недоверчивые…

Тот ухмыльнулся, некоторое время помолчал, потом сказал тихо, но твердо:

— Таков немецкий «орднунг», мистер Бриггс: мы должны занести ваши объяснения в протокол.

— Ваш порядок — одна сторона медали. А деловые связи — совсем другая. Разве два миллиона долларов не стоят того, чтобы ради них успеть на переговоры в Прагу?

Заметив недоумение на лице обер-лейтенанта, Моррис принялся объяснять смысл своего таинственного намека:

— На такую сумму у меня на послезавтра запланирована сделка в Праге. Имейте в виду, если она не состоится из-за моей неявки, я сделаю заявление для печати и добьюсь через международный суд, чтобы ваше ведомство возместило мне убытки. А это, имейте в виду, два миллиона долларов! И еще я предъявлю счет на проезд от Чикаго до Мюнхена и обратно. Ну как? Вы этого хотите?

— Вот, значит, как рассуждают сильные мира сего! — воскликнул обер-лейтенант. — Но едва ли ваш вопрос по нашей части…

— Вы полагаете, не по вашей? А я уверен — по вашей. Ведь вы же сняли нас с поезда! — продолжал разыгрывать роль наглого, спесивого и высокомерного американца Моррис.

— Но у вас же нет визы-вкладыша, поэтому мы вас и сняли, мистер Бриггс.

Их диалог напоминал колеблющиеся чаши невидимых весов, счет шел на мгновения, и за каждым мгновением было либо спасение Коэнов, либо арест. «Это ж надо, как можно глупо попасться после стольких тысяч миль пути», — подумал Моррис.

— А зачем вам наши визы? — взорвался вдруг он. — Мы — американцы! И находимся мы в своей зоне! Вы-то здесь при чем?..

Это был хорошо рассчитанный удар.

Обер-лейтенант не смог найти нужных слов и в который раз принялся протирать стекла пенсне. В этот момент Моррис подмигнул супруге, давая ей сигнал к тому, чтобы она тоже поддержала его. Миссис Бриггс словно только и ждала этого: резко вскочив со стула и ударив кулачком по массивному столу, она подняла типично американский скандальчик:

— Да вы знаете, с кем вы разговариваете?.. Мы же — представители большого американского бизнеса! Мы уполномочены вести переговоры не только в Праге, но и со многими другими фирмами Европы. Как вы смеете, паршивые боши, задерживать нас тут! Я протестую! Я протестую! — бушевала она.

Таможенники и пограничники с опаской смотрели на это хрупкое, очаровательное создание, осмелившееся выразить столь решительный протест и бросить вызов немецкому «орднунгу».

Обер-лейтенант, еще не пришедший в себя, был окончательно сбит с толку таким заявлением великосветской дамы. Он оглядел

ее сверху вниз: в ней все свидетельствовало о достатке — и богатая одежда, и драгоценности на руках и шее, — и невольно подумал: «Да, эти люди, очевидно, и в самом деле имеют за собой могучую поддержку, иначе эта «пташка» вряд ли решилась бы так резко разговаривать со мной…»

— Кто, в конце концов, выиграл войну — Штаты или вы?.. Да это же мы помогли вам сохранить свою нацию, государственность, а вы, оказывается, такие неблагодарные! — Серо-голубые глаза миссис Бриггс холодно вцепились в немца, и казалось, она вот-вот набросится на него с кулаками.

Ей ничего не оставалось, как продолжать разыгрывать роль наглой, спесивой, богатой американки. И так было всегда: чем труднее создавалась ситуация, тем решительнее действовала она, тем громче и убедительнее становился у нее голос. Играла она свою роль блестяще. Моррис тоже внутренне ликовал: все шло так, как он хотел. А Леонтина тем временем снова разразилась потоком горячих слов, требуя немедленно отправить ее и мужа в отель или связать их с представителями американского консульства в Мюнхене. Она намеренно не скрывала своей непримиримости, ругала таможенников на чем свет стоит, и эта ее активность, Моррис чувствовал, вот-вот должна привести к положительной развязке. Поняв, что одурачила уже всех немцев, Леонтина пробормотала какие-то проклятия в адрес дежурного обер-лейтенанта и наконец присела.

— Успокойтесь, фру Бриггс, — заговорил вежливо немец. — Вот отдохните сутки на этой станции, а в понедельник мы отвезем вас в американское консульство, где вы сможете получить визу на въезд в Чехословакию. Завтра оно не работает — выходной день…

Страшная гримаса исказила лицо Эмилии Бриггс:

— Если вы не соизволите сейчас же вызвать кого-нибудь из американских служащих, знайте, я подожгу эту грязную станцию! — Она поднялась со стула и погрозила обер-лейтенанту маленьким кулачком.

Подобное заявление, а она говорила все это, как показалось обер-лейтенанту, вполне серьезно, смутило его настолько, что он не смог выговорить и слова. «Да, эта особа с весьма решительным характером», — подумал он, глядя, как она уже угрожающе приближается к его столу — голос, взгляд, вся ее поза дышали гневом.

— А ну, берите трубку и звоните кому следует! — закричала она, подойдя к нему так близко, что он почувствовал ее горячее дыхание.

Сидевшие за столом немцы, как и их начальник, все больше

убеждались: перед ними была «опасная» женщина, справиться с которой нелегко. В ней было нечто такое, отчего они ощущали себя не в своей тарелке.

— Я, конечно, понимаю вас, — мягко начал было обер-лейтенант. — Да, вы опаздываете на переговоры, но…

Охваченная гневом, Лесли не дала договорить ему:

— Ах вы, свиньи, фашистские мерзавцы! Вы еще смеете выражать мне сочувствие?! Я вам это запрещаю! Вы что… думаете, мы, как вся Америка, тоже на вашей стороне?! Даже и не думайте! Мы, бизнесмены Бриггсы, немцам не союзники! Мы совсем другие… Слышите?..

Она задыхалась и давилась от злобы, слова сами слетали с губ. Возмущение, горе, злость — все это было для нее не проблема: она прекрасно владела техникой страдания и гнева.

Моррис, опасаясь, как бы она не переиграла себя, забеспокоился и дал ей знак помолчать.

Она поняла его, но, не в силах сразу унять свой гнев, назидательным тоном выпалила:

— А теперь быстро берите трубку и звоните! А не то я в самом деле разозлюсь и пущу красного петуха на вашу убогую контору!

«Удивительная женщина, непонятная и опасная», — подумал напуганный обер-лейтенант и, пододвинув к себе телефонный аппарат, набрал нужный номер.

Ему долго не отвечали, потом наконец ответили.

— Алло-алло… Да, мое почтение, господин сержант. Весьма сожалею, что так рано беспокою вас… Прошу меня извинить за это… Но мой долг обязывает сообщить, что с вами хотят встретиться двое американских граждан. Очень богатые люди… Бизнесмены. Да, прямо сейчас… Хорошо, мы будем вас ждать. — Он перевел взгляд на Леонтину и учтиво произнес: — Я, конечно, сочувствую вам, господа, но сержант после вчерашнего уик-энда изрядно пьян. Вряд ли вы добьетесь чего-либо от него. — На сей раз обращался с ней не как с задержанной, а как со своей гостьей.

— Почему? — поинтересовалась она совершенно спокойно, подавив раздражение так же быстро, как и закипало оно в ней.

— Потому что сержант с похмелья всегда зол и не бывает расположен к светским беседам.

— Ну, это мы еще посмотрим, — улыбнулась Леонтина, довольная тем, что ее настойчивость возымела успех.

Через четверть часа подъехал на джипе заспанный сержант. Он вошел в кабинет, слегка покачиваясь. Высокий, худощавый, с широковатыми скулами и в темных очках. В руке он держал бутылку вина «Молоко любимой женщины». Окинув

присутствующих коротким взглядом, он, едва ворочая языком, обратился к даме:

— Если я не ошибаюсь, вы — американка?

— Вы не ошиблись, сержант. Мы — бизнесмены из Чикаго… — Она рассказала ему историю их задержания на станции, в самых красочных выражениях расписала произвол и грубость западногерманских пограничников и таможенников, а затем попросила отправить их следующим поездом до Праги для выполнения исключительно важной миссии в Европе.

— Прекрасно! У меня в Америке осталась красивая жена и богатая вилла. Давайте выпьем за них…

Сержант откупорил бутылку вина, отпил несколько глотков из горла и, не предложив другим, поставил ее на стол. После этого он снял темные очки, присел на придвинутый кем-то из немцев стул и попросил обер-лейтенанта показать ему документы супругов Бриггс. Бегло просмотрев их, он обругал немцев за въедливость, а затем обратился к Леонтине:

— У вас нет визы в паспортах. Их необходимо иметь для проезда в социалистическую страну. Тревожить из-за этого полковника в такое раннее утро, да еще в воскресенье, мы не будем… Поедемте в мой офис…

Моррис почесал подбородок, потом встревоженно заметил:

— Но мы же должны прибыть в Прагу на переговоры к назначенному времени! Если мы сегодня не уедем, то сорвутся все наши планы.

— Хорошо, я постараюсь решить ваш вопрос сегодня же без помощи полковника. Поедемте… — С этими словами сержант схватил со стола бутылку вина и еще раз приложился к ней, а затем небрежно сунул ее сидевшему ближе к нему немцу-пограничнику.

Обер-лейтенанту вдруг захотелось отомстить миссис Бриггс за ее настойчивость. Видя в ней теперь врага, а не союзника, он, глядя на нее в упор, обронил с ехидцей:

— Я желаю вам счастья, миссис, независимо от того, уедете вы сегодня или нет!

Моррис оторопел от таких слов. «Неужели немец что-то заподозрил? — обожгла его мысль. — А вдруг он заодно с этим сержантом и они оба устроили нам мышеловку?.. Неизвестно еще, куда и зачем повезет нас сейчас сержант…» Ощутив вдруг опасность, он успокоился лишь тогда, когда американец начал ругаться в адрес обер-лейтенанта: тут сразу стало видно, что между ними никогда не было согласия. Это подтвердил и сам сержант, когда он вышел на улицу и раздраженно пробормотал:

— Я давно терпеть не могу этого очкарика…

— Стоит ли сердиться на какого-то боша, сержант?! Скажите лучше, сможем ли мы уехать сегодня? — спросил его Моррис, когда они подошли к его машине.

— Я помогу вам обойтись без визы. Дело выеденного яйца не стоит. Пока вы будете отдыхать в отеле, я попробую уладить возникшее недоразумение через свое начальство. Дайте мне ваши паспорта, чтобы поставить в них особые отметки.

Моррис на какое-то время опешил, мгновенно вспомнив предупреждение, сделанное в Мехико советским разведчиком: не останавливаться в местах, где есть американские базы: военнослужащих могли снабдить их фотографиями для опознания и задержания. Помедлив немного, он поставил чемоданы на землю, еще раз взвесил все «за» и «против» и, интуитивно поверив в этой безвыходной ситуации своему соотечественнику, достал из кармана и передал ему документы.

— О'кей! Садитесь, пожалуйста, в мой джип, — предложил сержант.

Он действительно доставил их в свой офис, напоил кофе, а затем отвез в местный отель. После обеда снова приехал к ним и сообщил радостную весть:

— Все о'кей, господа. Через два часа вы сможете уехать в Прагу. Необходимые отметки в паспортах я сделал в немецкой комендатуре. Это стоило мне всего одной фляги джина…

Моррис поблагодарил его, вручил ему за хлопоты стодолларовую банкноту и бутылку виски, которую вез в подарок советским друзьям.

Вечером того же дня Бриггсы выехали в Чехословакию, однако в Праге их никто не встретил.

Как потом выяснилось, те, кто должен их встречать, посчитали, что Коэнов, очевидно, арестовали в Женеве и потому они не прилетели самолетом в обусловленный день и час.

Тем временем Бриггсам пришлось еще раз разыграть роль преуспевающих американских бизнесменов, чтобы поселиться в пражской гостинице «Эспланада». Теперь они надеялись, что когда-нибудь кто-нибудь из представителей чешской контрразведки обязательно выйдет на них. Через два дня от пограничников в органы госбезопасности ЧССР поступила оперативная информация о том, что американцы Бриггсы пересекли границу 7 ноября поездом Женева — Прага, и лишь на третий день с ними был снова установлен контакт представителей советской разведки.

* * *

Из Праги Моррис и Леонтина Коэн вылетели в Москву. Казалось, беспрерывные тревоги, связанные с угрозой ареста, вечные заботы о конспиративных встречах с советскими разведчиками и их агентами — все это осталось позади. Но не тут-то было. Когда самолет приземлился в международном аэропорту «Внуково» и они, не чувствуя под собой ног, впервые сошли на советскую землю, то надеялись, что их радостно встретят у трапа старые друзья из нью-йоркской резидентуры — Твен, Джонни, Антон, посадят в машину и повезут в Москву. Однако прошло три минуты… пять… семь… десять, у самолета никого уже не осталось, и тут они не на шутку забеспокоились: почему никто их не встретил? Где же Твен и Джонни? Может, их уже арестовали? В стране дядюшки Джо все может быть…

В этот момент со стороны аэровокзала к ним подошли два пограничника и предложили свои услуги. Но Бриггсы отказались, заявив, что они американские граждане и что им назначено место встречи у трапа самолета. Прошло еще несколько минут, однако со стороны аэровокзала никто не шел их встречать. Потом подъехала голубая «Победа», и вышедший из нее молодой человек на чистом английском языке предложил подвезти в американское посольство.

Моррис и Леонтина со страхом переглянулись, хотели что-то сказать, но у обоих язык словно прилип к гортани. В голове у обоих мелькнула страшная мысль: «Не провокация ли это? Только этого не хватало, чтобы быть в России и попасть через американское посольство в руки ЦРУ или ФБР».

Отказавшись и от услуг заботливого незнакомца, Коэны взяли вещи и побрели по аэродромному полю к зданию аэровокзала. Пройдя пограничный и таможенный контроль, они сразу направились к главному выходу, разглядывая витрины киосков. Увидев стоящий у входа в аэровокзал автобус «Интуриста», подошли к нему и попросили подвезти их до гостиницы «Националь». Гид, узнав, что они американцы, решила сделать им приятное:

— А не хотите ли вы, чтобы я позвонила в американское посольство? Вам помогут по моей просьбе хорошо провести время в Москве…

«Черт возьми, что за напасть?! — вконец встревожилась Лесли. — Мы бежим из Америки, а нас все время хотят снова спровадить туда. Прямо какой-то заколдованный круг, все время толкают «к своим»!

— Нет, нет, ни в коем случае! — махнула она рукой. — Мы будем самостоятельно отдыхать и смотреть Москву.

— Хорошо, мы отвезем вас в «Националь».

— О’кей! — радостно защебетала Эмилия Бриггс — она же Мария Тереза Санчес, она же Лесли и Леонтина Коэн. — Мы проехали по многим странам Европы, везде нас радостно встречали, а прилетели вот в эту непонятную Россию и… увы! Никто нас не встретил. А ведь мы заранее дали телеграмму…

Гид-переводчик доброжелательно улыбнулась:

— Вы же сами сказали, что находитесь теперь не где-нибудь, а в непонятной России. Чему же вы удивляетесь?

Гид не знала, да ей это было и не положено знать, кто они, эти странные американцы, и сколько они пережили всего, пока добирались долгим, сложным, кружным путем до столицы СССР Москвы. Конечно, можно было бы им попасть в Москву и более коротким путем — по прямой авиалинии Нью-Йорк — Москва. Но практика разведки опровергает математическую аксиому, что любая прямая является кратчайшим расстоянием между двумя точками. Что поделаешь, разведка жила и живет по другим законам — законам, близким к теории относительности. Все дело в том, что не всегда и не для всех самый короткий путь наиболее надежен. Особенно в жизни разведчиков…

Приложения

Публикуемые в этой книге копии уникальных документов, еще вчера находившиеся за семью печатями, свидетельствуют о значительной роли советской разведки в решении атомной проблемы в СССР. Написанные рукой академика И. В. Курчатова заключения и отзывы на материалы лондонской и нью-йоркской резидентур (ни секретарей, ни машинисток он к этому секретному делу не допускал) содержат подробный анализ данных разведки по урановой проблеме. Детальный обзор развединформации сопровождался всегда оценкой ее важности и серией вопросов на том или ином этапе создания отечественной атомной бомбы.

Особая ценность рукописных отзывов Курчатова, предназначенных для узкого круга лиц, состоит в том, что они, — как отмечалось в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» № 3 за 1992 год, — «представляют большой историко-научный интерес, так как дают важную, иногда ключевую, информацию о ходе работ по советскому атомному проекту, об узловых моментах в развитии всей программы…».

Разведывательные данные по урановой проблеме, как писал руководитель Лаборатории № 2 академик И. В. Курчатов, позволяли «получить весьма важные ориентиры для нашего научного исследования, миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения…».

Ниже публикуются фрагменты и некоторые исторические документы в полном объеме, — своего рода автографы отца советской атомной бомбы.

Приложение № 1

I. Разделение изотопов

Наиболее ценная часть материалов относится к задаче разделения изотопов.

1. Единственным рациональным путем ее решения принимается разделение изотопов при помощи диффузии через мембрану с мелкими отверстиями. Предпочтение метода диффузии методу центрифугирования для наших физиков и химиков явилось неожиданным. У нас была распространена точка зрения, согласно которой возможности метода центрифугирования стоят значительно выше возможностей метода диффузии, который считался практически неприменимым для разделения изотопных тяжелых элементов. В соответствии с этой точкой зрения в начале при постановке работ по проблеме урана предусматривались исследования только с центрифугой (метод Ланге) (…).

…Таким образом, данные материала позволяют, минуя первоначальную стадию, начать у нас в Союзе новое и весьма важное направление разработки проблемы разделения изотопов.

…Очень важно было бы знать:

1. Какие величины зазоров допускаются между движущимися и неподвижными частями машины в следующих ее узлах:

а) между концами лопастей ротора и боковой поверхностью статора,

б) между лопастью ротора и перегородкой, разделяющей отдельные фазы машины,

в) между валом ротора и краем перегородки.

2. Из какого материала делаются сетки на модели.

3. Какая толщина этих сеток, размер отверстий и отношение площади отверстий к площади всей сетки (…).

В материале содержится краткий анализ применимости (…) методов разделения изотопов урана:

а) метод термодиффузии считается малоэффективным из-за большой затраты энергии. Этот вывод подтверждается выполненными (…) расчетами проф. Я. Б. Зельдовича;

б) метод центрифугирования считается малопригодным для выделения больших количеств урана-235 из-за необходимости постройки машин, имеющих большие окружные скорости вращения. Это заключение можно оспаривать; окончательные выводы могут быть сделаны после исследования аппаратуры,

разрабатываемой сейчас сотрудниками лаборатории проф. Ланге;

в) масс-спектрографический метод и метод разделения изотопов испарением также считаются непригодными для урана. Справедливость этой оценки выясняется (…) проф. Арцимовичем и проф. Корнфельдом.

II. Проблема ядерного взрыва и горения

Данные этой части материала также представляют существенный интерес.

Это в первую очередь относится к содержащемуся в материале утверждению о возможности осуществления ядерного горения в смеси обычной окиси урана (или металлического урана) с тяжелой водой. Для советских физиков такое утверждение также является неожиданным и противоречащим установившейся точке зрения.

У нас считалось доказанным, что без разделения изотопов невозможно осуществить ядерное горение в смеси с тяжелой водой. Этот вывод основывался на расчетах проф. Ю. Б. Харитона и проф. Я. Б. Зельдовича (…).

Ни один из физиков Советского Союза не производил (из-за отсутствия технической базы — мощных циклотронов и больших количеств тяжелой воды) определения указанного выше поперечного сечения, и при рассмотрении и анализе всего этого вопроса мы пользовались значениями поперечных сечений, определенных американскими учеными Альварецом, Бурстом и Харкинсом в их исследованиях радиоактивного распада изотопа водорода с массой 3. (…)

Как видно из материала, на основании прямых опытов с большими количествами (180 кгр) тяжелой воды, включающими в себя весь мировой (на 1939 г.) запас этого вещества, Хальбан и Коварский пришли к противоположному выводу, имеющему, конечно, громадное принципиальное значение. Хальбан и Коварский получили, согласно данным материала, образование 1,05–1,06 вторичного нейтрона на один первичный нейтрон, т. е. осуществили условия развивающегося цепного процесса.

Мы видим, что сделанные советскими физиками выводы о свойствах системы уран — тяжелая вода находятся в резком противоречии с выводами Хальбана и Коварского, и нужно сказать, что за Хальбаном и Коварским все преимущества прямого опыта перед расчетным путем, содержащим ряд промежуточных звеньев.

Мы не в состоянии по техническим возможностям повторить

опыт Хальбана и Коварского, так как Советский Союз обладает всего лишь 2–3 килограммами тяжелой воды, и потому необходимы другие пути для того, чтобы убедиться в абсолютной достоверности сделанных за границей выводов (…).

Поэтому было бы крайне важно выяснить — выезжали ли Хальбан и (или) Коварский из Англии в Америку (в 1941–1942 гг.) и производили ли они опыты с ураном в лаборатории, где имеются большие запасы тяжелой воды. Было бы очень важно знать, если такого рода опыты действительно производились в Америке, то какие количества урана и тяжелой воды были в них использованы и чему оказалось равным отношение числа вторичных нейтронов к числу первичных (…).

…Было бы важно узнать: 1) какая форма системы уран — тяжелая вода, однородная (с дисперсным распределением урана) или неоднородная (с концентрированным в блоки распределением урана), найдена более рациональной и 2) с какой формой системы — однородной или неоднородной — проводились опыты в Америке.

В материале указано, что Хальбан и Коварский взяли 7 патентов по системе уран — тяжелая вода, и возможно, что в некоторых из них рассматриваются вопросы распределения урана. Поэтому было бы важно узнать содержание указанных патентов Хальбана и Коварского.

Наряду с этим я считаю необходимым произвести силами наших советских ученых теоретический анализ сравнительных свойств однородной и неоднородной смесей урана с тяжелой водой и думаю поручить выполнение этого анализа проф. Ю. Б. Харитону и проф. Я. Б. Зельдовичу (…).

Вероятнее всего, американские физики продолжали в последние годы работу по вопросу поглощения медленных нейтронов тяжелым водородом и кислородом, и поэтому важно было бы знать принятую сейчас в Америке величину сечения поглощения медленных топливных нейтронов тяжелым водородом и кислородом и иметь, хотя бы самые краткие, сведения о том, каким образом были произведены последние, самые точные определения этих величин.

В части материала, посвященной проблеме ядерного взрыва и горения, помимо данных о разработанной системе уран — тяжелая вода содержатся очень важные замечания об использовании в качестве материала для бомбы элемента с массовым числом 239, который должен получаться в «урановом котле» в результате поглощения нейтронов ураном-238. Подробный анализ этого вопроса был сделан мною ранее и изложен в специальном письме на Ваше имя.

Большое внимание уделено в материале физическим процессам, которые должны происходить в урановой бомбе. Изложенные в материале выводы находятся в общем в хорошем согласии с расчетами, которые делались по этому вопросу нашими учеными (…).

Заключение

Получение материала, как видно из изложенного, заставляет нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской физики направления в работе:

1. Выделение изотопа урана-235 диффузией.

2. Осуществление ядерного горения в смеси уран — тяжелая вода.

3. Изучение свойств элемента эка — осмия-94.

В заключение необходимо отметить, что вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые с ходом работ по этой проблеме за границей.

Естественно возникает вопрос о том, отражают ли полученные материалы действительный ход научно-исследовательской работы в Англии, а не являются вымыслом, задачей которого явилась бы дезориентация нашей науки. Этот вопрос для нас имеет особенно большое значение потому, что по многим важным разделам работы (из-за отсутствия технической базы) мы пока не в состоянии произвести проверку данных, изложенных в материале.

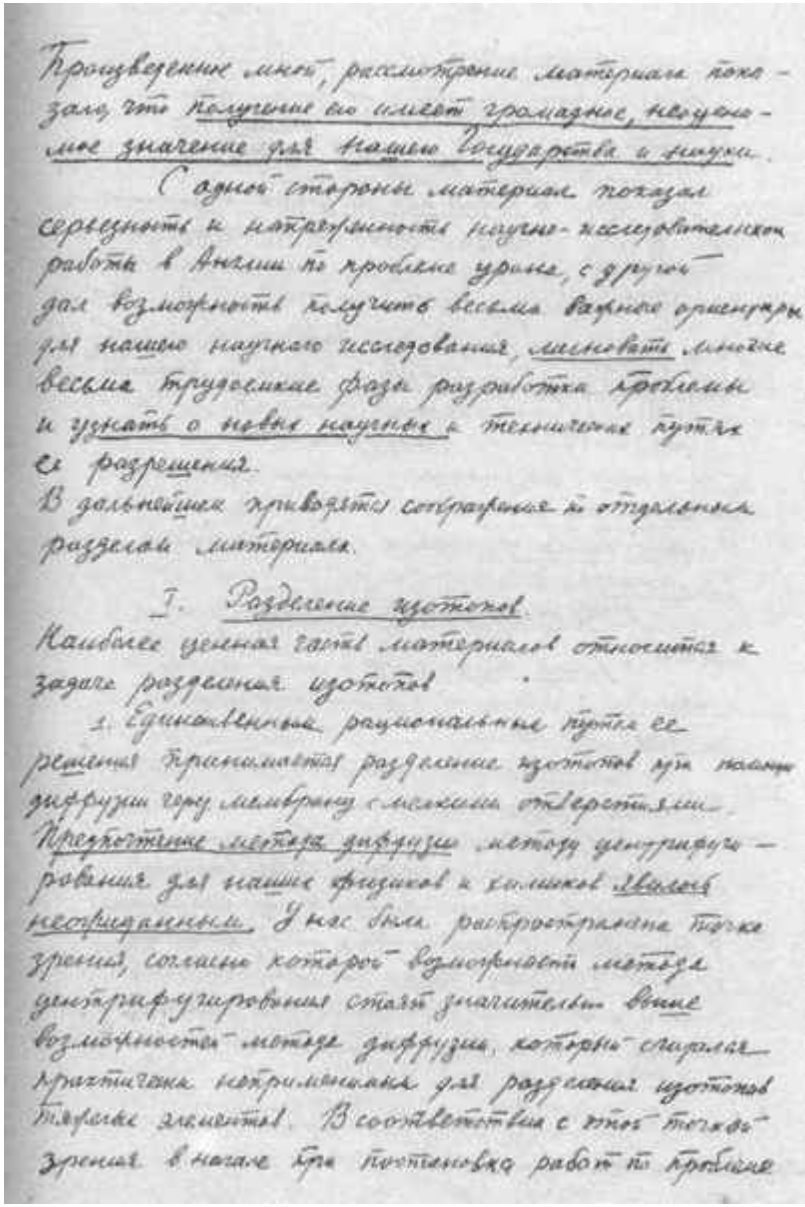
На основании внимательного ознакомления с материалом у меня осталось впечатление, что он отражает истинное положение вещей (…).

Содержание письма никому не может быть пока известно.

Профессор Курчатов.

Документ состоит из 14 рукописных страниц, написанных лично И. В. Курчатовым. К документу приложена машинописная сопроводительная записка заместителю Председателя Совнаркома СССР М. Г. Первухину, которому был адресован отзыв на добытые советской разведкой материалы по британскому урановому проекту «Тьюб Эллойз». Этот проект свидетельствовал о наличии у английских ученых четкого плана по созданию атомной бомбы на основе урана-235.

Горизонтальные подчеркивания, которые сохранены в данной публикации, сделаны самим Курчатовым.



Произведенные мной рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки.

С одной стороны материал показал серьезность и напряженность научно-исследовательской работы в Англии по проблеме урана, с другой дал возможность получить весьма ценные ориентиры для нашего научного исследования, миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения.

В дальнейшем приводятся собранные и отдельные разделы материала.

I. Разделение изотопов

Наиболее ценная часть материалов относится к задаче разделения изотопов.

1. Единственно рациональным путем ее решения признается разделение изотопов при помощи диффузии через мембрану с мелкими отверстиями. Предпочтение методу диффузии методу центрифугирования для наших физиков и химиков является неоспоримым. У нас была распространена точка зрения, согласно которой возможности метода центрифугирования стали значительно выше возможности метода диффузии, которые считались практически неприменимыми для разделения изотопов тяжелых элементов. В соответствии с этой точкой зрения в начале при постановке работ по проблеме

В этой части данные менее систематизированы и было бы желательно получить дополнительные сведения.

Очень важно было бы знать:

рис. 1

1. Какие величины зазоров допускаются между движущимися и неподвижными частями машины в следующих ее узлах:

рис. 2

а) между концами лопастей ротора и боковой поверхностью статора (a_1 на рис. 1).

б) между лопастями ротора и перегородкой, разделяющей отдельные фазы машины (a_2 на рис. 2).

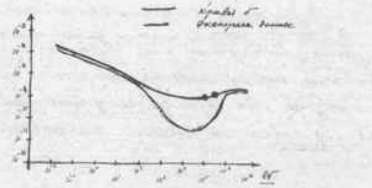
в) между валом ротора и краем перегородки (a_3 на рис. 2).

2. Из какого материала делаются сетки на машине?

3. Какая площадь этих сеток, размер отверстий и отношение площади отверстий к площади всей сетки.

4. Найдено ли устойчивое кратное действие UF_6 с смазочным веществом и какое оно.

5. Найдено ли какое-либо более удачное разрешение проблемы смазки или вывод вала ротора либрированной сальники к подшипнику, находящемуся в атмосфере свободной от UF_6 с продувкой через сальник в машину инертным газом. Если этого решения нет, было бы важно иметь более подробные данные по конструкции либрированных сальников.



В материале содержатся указания, что были проверены измерения δ_T в интервале энергий от 200 до 800 кев, при чем они были получены значения $(2-3 \cdot 10^{-24}\ см^2)$, лежащие на краю ветви рис. 3 (кружки не этой ситуации).

Как видно из рисунка такие образом определить одна из двух теоретических возможностей, которая ближе к истине. Было бы крайне важно получить более подробные сведения о постановке опытов по определению σ_T для урана-235.

Как указано в материале, измерения, в которых были получены вышеупомянутые результаты, проводились с обычным ураном, но тем же сообщалось о намерении повторить их на препарате выделенном урана 235, который должен был быть приготовлен проф. Нильсом в Аргонне. Есть ли основания думать, что опыты на препарате чистого урана 235 дали бы значения и кривая вообще могли получены при этих значениях поперечных сечений деления σ_f для всего энергетического интервала.

В виду того что в этих тонких исследованиях могут допускаться ошибки в вычислении экспериментальных данных, было бы важно иметь более подробные данные по конструкции либрированных сальников.

Заключение

Полученные материалы, как видно из изложенного, заставляют нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить правила для советских физиков экспериментаторов в работе.

1. Выделение изотопа урана 235 заграницей
2. Осуществление аргонных горелок в смеси уран-тяжелая вода
3. Изучение свойств элемента $\frac{\text{Нептуний}}{\text{Eka Re}}$ 93

В заключение необходимо отметить, что всей совокупности сведений материалов указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые с ходом работ по этой проблеме за границей.

Естественно возникает вопрос о том — оправдают ли полученные материалы достаточно-исследовательские работы в Англии, а не являются ли они смыслом, задачей которых явилось дезориентировать наших ученых.

Этот вопрос для нас имеет особенно большое значение потому что по многим вопросам разрешая работы (из-за отсутствия технической базы) мы пока не в состоянии произвести проверку данных, изложенных в материале.

На основании внимательного ознакомления с материалом у меня осталось впечатление, что он оправдает истинные капитальные вложения.

Некоторые вопросы, даже по всем вопросам разрешая работы, мне кажутся сомнительными, некоторые из них мало обоснованными, но ответственность за это является английские ученые, а не достоверность информации.

Это письмо будет передано Вам Вашим Полномочным т. А. П. Вознесенским, у которого находятся, подлежащие уничтожению, черновые записи к письму.

Содержание этого письма, кроме него, не может быть никто известно.

г. Москва
7.03.43.
Зам. отдельных 14 стр.
Чертовые записи
37. Вашим

Зав. лабор.
Профессор И. Курчатов

Л.н. 856, 262 с оборотом
Специальное разрешение
1 экз. 02 - получил 13.30
[illegible] 02 [illegible] стр. 6-58

Приложение № 2

Урановый котел и роль трансурановых элементов

Урановый котел представляет собой систему из обычного урана, смешанного с каким-либо веществом, замедляющим нейтроны (простой водой, тяжелой водой или графитом). Вопрос о том, можно ли создать на этой основе (т. е. без выделения изотопов урана) «урановый котел», сейчас еще остается открытым.

Кажется почти несомненным, что, применяя простую воду в качестве замедлителя, не удастся решить задачу, но есть указания, что использование тяжелой воды приведет к положительному результату (…).

…Считалось, что в «урановом котле» удастся использовать лишь $^{1}/_{140}$ часть всего заложенного в него урана.

Это заключение, однако, может оказаться совершенно неверным, если детальней проследить за теми изменениями, которые в «урановом котле» будут происходить с ураном-238.

Хотя попадание замедленного нейтрона в уран-238 и не дает большого выделения энергии и испускания вторичных нейтронов, атомное ядро урана-238 в результате попадания в него нейтрона испытывает некоторые изменения и превращается в уран-239. Этот элемент неустойчив и через 20 минут (в среднем) сам собой превращается в 93-й элемент (не существующий на Земле) — элемент, которому присвоено название эка-рений.[179] Оказывается, что, хотя эка-рений несколько и более устойчив, чем уран-239, но также имеет малую длительность существования (в среднем около двух дней) и сам собой превращается в 94-й элемент — элемент, которому присвоено название эка-осмий.[180]

Дальнейшие превращения эка-осмия пока не установлены, так что он в течение довольно длительного промежутка времени будет сохраняться и накапливаться в «урановом котле» (…).

Трансураны и урановая бомба

Если в действительности эка-осмий обладает такими же свойствами, как и уран-235, его можно будет выделить из «уранового котла» и употребить в качестве материала для «эка-осмиевой» бомбы. Бомба будет сделана, следовательно, из «неземного» материала, исчезнувшего на нашей планете.

Как видно, при таком решении всей проблемы отпадает необходимость разделения изотопов урана, который используется и как топливо, и как взрывчатое вещество.

Заключение

Разобранные необычайные возможности, конечно, во многом еще необоснованны. Их реализация мыслима лишь в том случае, если эка-осмий-239 действительно аналогичен урану-235 и если, кроме того, так или иначе может быть пущен в ход «урановый котел».

Кроме того, развитая схема нуждается в проведении количественного учета всех деталей процесса. Эта последняя работа в ближайшее время будет мной поручена проф. Я. Б. Зельдовичу.

До сих пор в нашей стране работы по эка-рению-239 и эка-осмию-239 не проводились. Все, что известно в этом направлении, было выполнено проф. Мак-Милланом, располагавшим наиболее мощным циклотроном в мире в лаборатории проф. Лауренса (Калифорния, Беркли) (…).

Мы в Союзе не сможем полноценно изучить свойства этого элемента ранее середины 1944 года после восстановления и пуска наших циклотронов. (Вопрос о возможности проведения некоторых предварительных исследований еще в 1943 году будет обсужден мной с акад. Хлопиным и т. Флеровым). Таким образом, является весьма важным узнать объем и содержание сведений в Америке о 93-м (эка-рении) и 94-м (эка-осмии) элементах.

Можно с несомненностью утверждать, что соответствующий материал имеется у проф. Мак-Милпана и, вероятно, в ряде других лабораторий, располагающих работающими циклотронными установками.

В связи с этим обращаюсь к Вам с просьбой дать указания Разведывательным Органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке. Возможными точками работы могут явиться следующие:

Подлежат выяснению следующие вопросы:

а) происходит ли деление атомного ядра 94-го элемента (эка-осмия-239) под действием быстрых или медленных нейтронов;

б) если происходит, то каково сечение деления (отдельно для быстрых и медленных нейтронов);

в) происходит ли спонтанное (самопроизвольное) деление атомных ядер 94-го элемента (эка-осмия-239) и каков период полураспада по отношению к этому процессу;

г) какие превращения испытывает во времени 94-й элемент (эка-осмий-239).

Помимо этого, важно было бы знать, каково содержание проводящихся сейчас с циклотронными установками работ.

О написании Вам этого письма не говорил никому. Соображения, изложенные в § 1, § 2, § 3, известны проф. Кикоину и проф. Алиханову.

проф. Курчатов.

22.03.43 г.

Экземпляр единственный.

К приложению № 2

Документ представляет собой записку И. В. Курчатова на восьми рукописных страницах, предназначенных для очень узкого круга лиц (в целях конспирации Курчатов не должен был даже ближайшим своим коллегам рассказывать об информации, полученной по каналам разведки). Записка фиксирует поворотный момент в советской атомной программе. Руководитель Лаборатории № 2, судя по всему, склоняется к плутониевому варианту как первоочередному, в соответствии с которым основной упор делается на создание уранового котла, могущего работать на природном уране (об этом свидетельствует и список вопросов, связанных с плутонием).

§2

Трансурановая и урановая бомба

Если в действительности эка-осмий обладает такими же свойствами, как и уран-235, его можно будет получить из урановых котлов и употребить в качестве материала для эка-осмиевой бомбы. Такая бомба будет сделана, следовательно, из „недостающего" материала, имеющегося на нашей планете.

Как видно при таком решении всей проблемы отпадает необходимость разделения изотопов урана, которое используется и как тяжелая и как взрывчатая вещество.

§3.

Заключение

Разобранные необычайные возможности, какими, в мирное еще время обладает эка-осмий-239 действительно аналогичен урану-235 и, если кроме того так или иначе между ними лежит в ряду „урановых котлов".

Кроме того развитая схема нуждается в проверке количественного учета всех деталей процесса. Эта последняя работа в ближайшее время будет взята на себя проф. Я. Б. Зельдовичем.

До сих пор в нашем сборнике работа по эка-цезию 289 и эка-осмию 289 не проводилась. Все, что известно в этом направлении, было выполнено проф. Мак-Миланом, располагавшим наиболее мощными ускорителями в мире, в лаборатории проф. Лауренса (Калифорния, Беркли).

Последняя работа Мак-Миллана была напечатана в номере Physical Review от 15 июня 1940 г. Из данных этой статьи видно, что Мак-Миллан получил уже довольно большое количество эка-осмия 289 и в состоянии изучить его свойства.

Более поздних публикаций нет. Мы в Союзе не смогли получить изучить свойства этого элемента, ранее середины 1944 года после восстановления в стране нашими ускорителями (Вопрос о возможности проведения некоторых предварительных исследований еще в 1943 году будет обсужден мною с акад. Хлопиным и Г. Флеровым).

Такая отсрочка заставит нашу страну узнать позже и сосредоточить сведения о Америке об 93^{Em} (эка-рений) и 94^{Em} (эка-осмий) элементах.

Можно с несомненностью утверждать, что соответствующий материал имеется у проф. Мак-Миллана и, вероятно, в ряде других лабораторий, располагающих работающими ускорительными установками.

В связи с этими образцами к Вам с просьбой дать указания Разведывательного Органа выяснить, что сделано в рассматриваемых направлениях в Америке. Возможными точками работ могут явиться следующие:

1. Radiation Laboratory, Department of physics, University of California, Berkely, California (здесь работает проф. Мак-Миллан).
2. Sloane physic Laboratory, Yale University, New Haven, Connecticut
3. University of Michigan, Ann Arbor, Michigan
4. Pupin physic Laboratory, Columbia University New-York, New York (здесь работают знаменитый итальянец Ферми, вывезший 93^{Em} и 94^{Em} элементы)
5. University of Rochester, Rochester, New York
6. работы physical Laboratory Princeton, New Jersey
7. Bartol Research Foundation, the Franklin Institute Swarthmore, Pennsylvania

Подлежит выяснению следующие вопросы:

а) Происходит ли деление (fission) атомных ядер 94^{Em} элемента (эка-осмия 289) под действием быстрых или медленных нейтронов.

б) если происходит, то какова сечение деления (отдельно для быстрых и медленных нейтронов)

в) происходит ли спонтанное (самопроизвольное) деление атомных ядер 94^{Em} элемента (эка-осмия 289), каков период полураспада по отношению к этому процессу

г) какие превращения испытывает во времени 94^{Em} элемент (эка-осмий 289)

Полный этих вопросов дало бы знать, какова сегодняшняя, проводящаяся сейчас с ускорителями установками, работ.

О написании Вам этого письма не говорил никому. Соображения, изложенные в §§ 1, 2 и 3 известны проф. Кикоину и проф. Алиханову.

Проф. И. Курчатов

22.03.43

Экземпляр единственный

Приложение № 3

Заместителю председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР т. Первухину М. Г.

Мною рассмотрен прилагаемый к сему большой перечень американских работ по проблеме урана.

Направляю Вам результаты этого рассмотрения и прошу дать указание ознакомить с ними т. Кафтанова С. В. и т. Овакимяна Г.Б.

Сведения, которые было бы желательно получить из-за границы, подчеркнуты синим карандашом.

проф. Курчатов.

В рассмотренном перечне американских работ содержится 286 названий: 39 из них (…) являются отчетами, содержание которых неизвестно; содержание 10 работ остается для меня мало ясным. Анализ остальных 237 работ дается ниже (…).

29 работ по уран-графитовому котлу (…)

Необходимо отметить, что в Америке по этому разделу работ обсуждаются детали таких вопросов (температура стенок охлаждающих трубок, диффузия продуктов деления в уране при температуре 600–1000° и т. д.), которые характерны для технического проекта, а не отвлеченной физической схемы.

Это лишний раз убеждает в серьезности попыток американских ученых осуществить в ближайшее время уран-графитовый котел.

Естественно, что получение подробного технического материала по этой системе из Америки является крайне необходимым.

14 работ по 93-му и 94-му элементам

В полученных из Америки данных содержатся довольно подробные сведения о физических свойствах 93-го и 94-го элементов; указаны характер распада, энергии вылетающих частиц, период полураспада, сечение деления медленными нейтронами и ряд других данных (…).

Особенно интересна в этом смысле работа Сиборга[181] и

Сегре[182] (…), посвященная изучению деления эка-осмия быстрыми нейтронами (…).

Получение сведений о результатах этой работы Сиборга и Сегре представляется поэтому для нас особенно важным.

Интересны попытки американских физиков обнаружить 94-й элемент в природе в урановых рудах. По всей вероятности, эти работы (…) привели к отрицательным результатам, но убедиться в этом было бы необходимо. В том случае, если бы на самом деле на Земле сохранился 94-й элемент, можно было бы рассчитывать выделить его из руд и осуществить «эка-осмиевую» бомбу (…).

Проведение аналогичных работ по определению эка-осмия в рудах у нас в СССР пока невозможно, так как работы по химии 93-го и 94-го элементов у нас до сих пор не производились.

29 работ по разделению изотопов урана диффузией

Содержание и объем этих работ в СССР не известен. Можно, однако, догадываться, что американцы добились в этом направлении результатов (…). Получение подробных технических данных о работе в Америке по разделению изотопов диффузией было бы для нас очень важным. Часть этих работ (…) производится в Колумбийском университете при участии Даннинга и Гроссе (…).

10 работ по осуществлению урановой бомбы из урана-235

Почти каждая из этих работ представляет для нас громадный интерес. Соответствующие исследования проводятся сейчас и у нас и сопоставление с американскими работами очень важно потому, что полученные нами данные резко расходятся с данными, которые нам известны (…).

30 работ по общим вопросам нейтронной физики и физике деления ядра

Представляют для нас огромный интерес, но большинство научных направлений этого раздела получило у нас достаточное развитие за последнее полугодие. Это прежде всего относится к замедлению нейтронов (…).

55 работ по химии урана

Значительная часть их посвящена исследованию способа получения чистого металлического урана и его окиси, а также методам анализа степени чистоты указанных препаратов. Специальное внимание при этом уделяется выделению бора из окиси урана и редкоземельных элементов. Повышенный интерес именно к этим примесям вполне понятен, т. к. они обладают громадными сечениями поглощения медленных нейтронов и уже в ничтожных концентрациях опасны для развития цепного процесса в уран-графитовом котле. В полученных ранее из США материалах есть некоторые указания на наиболее рациональные, по мнению американцев, приемы очистки, но эти работы, по-видимому, не представляют для наших химиков особого интереса (…).

Вторая большая группа вопросов посвящена способу получения шестифтористого урана и исследованию его свойств (…). Проведение этих исследований было намечено и у нас (они были включены в план РИАНа и группы проф. Спицина в МГУ, но работы задерживаются в связи с рядом технических трудностей). (…)

Три работы по физиологическому действию урана и радиоактивным веществам

Эти работы поставлены, по-видимому, по двум соображениям:

а) чтобы выяснить вредное действие урана и излучений радиоактивных веществ на персонал, занимающийся разработкой проблемы урана;

б) чтобы уточнить возможность применения радиоактивных продуктов, образующихся в котле, в качестве боевого средства. В СССР эти работы не поставлены (…).

При создавшемся положении крайне существенно знать содержание:

а) замечании Брейта по работе Бригса и Гейденбурга о делении урана-235 нейтронами промежуточных энергий;

б) исследования Маршалла и Сциларда о захвате ураном фотонейтронов;

в) исследования Сциларда и Зинна о неупругом рассеянии нейтронов тяжелыми элементами (…).

Наряду с этим было бы очень важно также знать результаты работ:

1. Беннета и Ричардса о спектре вторичных нейтронов

(…).

2. Маршалла и Сциларда о делении, производимом вторичными нейтронами (…).

В последнее время американцы очень неохотно сообщают в Англию свои данные, объем работ у них несравненно выше, чем в Англии, поэтому обмен данными мало дает Америке технически, но приводит к разглашению тайны.

Так как в Англии по проблеме урана работает много иностранцев, американцы считают такое разглашение особо неприятным, так как опасаются, что после войны результаты работы будут сообщены этими иностранными учеными своим правительствам.

Из изложенного выше видно, что у нас в Союзе работы по проблеме урана (конечно, пока еще в совершенно недостаточном объеме) проводятся по большинству направлений, по которым она развивается и в Америке. Но по двум из направлений — котел уран — тяжелая вода и разделение изотопов урана электролизом — работа у нас в Союзе не начата.

Я думаю, что следовало бы начать работу по обоим этим направлениям, причем первое из них требует, на мой взгляд, серьезного внимания.

Осуществление котла уран — тяжелая вода несколько сложнее осуществления котла из смеси урана с углеродом, так как требует организации нового для нас производства тяжелой воды в очень больших количествах (несколько тонн) (…).

Второе из указанных выше направлений, по-видимому, не связано с широкими перспективами, но, по моему мнению, исследования по разделению изотопов урана электролизом у нас следовало бы все же начать силами ученых, которые не могут быть использованы на других участках работы по проблеме урана.

проф. Курчатов.

К приложению № 3

Фрагмент документа представляет собой анализ «Перечня американских работ по проблеме урана», написанный рукой И. В. Курчатова.

Сов. секретно

Заместителю Председателя Совета
Народных Комиссаров Союза ССР
т. М. Г. Первухину

Мной рассмотрен, приложенный к сему, перечень американских работ по проблеме урана.

Направляю Вам результаты этого рассмотрения и прошу Вас дать указание ознакомить с этими результатами
т. Кафтанова С. В. и т. Ованесяна Г. Б.

Сведения, которые было бы желательно получить из-за границы подчеркнуты синим карандашом.

2 экз.
1 экз.

Москва 3.07.43

Проф. И. Курчатов

10 работ по осуществлению уранової бомби из урана 235

(9, 46, 75, 117, 153, 340, 341, 346, 349, 387)

Почти каждая из этих работ представляет для нас громадный интерес. Соответствующие исследования проводятся сейчас у нас в сопоставлении с американскими работами очень важно потому, что имеющиеся данные редко расходятся с данными, которые нам известны из английского материала.

Эти в первую очередь относятся к исследованию явления деления урана 235 нейтронами средних энергий. По имеющимся данным сечение деления урана 235 равно $2-3.10^{-24}$ см^2 для нейтронов с энергией в несколько сотен тысяч электрон-вольт. По данным же Флерова и Петржака 1941 года сечение деления урана 235 нейтронами в этой же области энергий не превышает 10^{-25} см^2. Эти результаты

По своей характеристике по отношению к действию нейтронов этот элемент подобен урану 235, для которого деление под действием быстрых нейтронов пока еще не изучено. Данные Сиборга для элемента 94-239 продолжают служить образцом интереса и для проблемы осуществления бомбы из урана 235.

Получение сведений о результатах этой работы Сиборга и Сегре представляется поэтому для нас очень важным

Интересна попытка американских физиков обнаружить 94te элемент в урановых рудах. По всей вероятности эти работы (146 Seaborg Kennedy Wahl, 773 Seaborg Kennedy Wahl Peaslee 1941. 773 Seaborg Kennedy Wahl Peaslee 1941. Discovery of 94-239 in Canadian Pitchblende. Journ. Amer. Chem. Soc. 63, 3404 (1941)) привели к отрицательным результатам, но убедиться в этом было бы необходимо. В том случае, если бы на самом деле на земле сохранился 94te элемент, могло бы представлять интерес его из

Приложение № 4

…Представляется исключительно важным выяснить, изучалась ли указанная система расчетным или опытным путем? Если бы оказалось правильным второе предположение, это означало бы, что уже осуществлена атомная бомба и уран-235 выделен в больших количествах. В материале есть замечание, которое как будто говорит в пользу этого. При изложении метода «взрыва вовнутрь» указывается, что еще не проводилось опытов с активным материалом, но что в ближайшие месяцы намечено выполнить такие опыты.

В свете изложенного представляется первоочередной задачей исключительной важности получение нескольких десятков граммов урана, сильно обогащенного ураном-235 (…).

Во второй части этого же документа сообщалось о совпадении американского и советского выбора в отношении «вещества изоляции для атомной бомбы» — бериллия и говорилось о методе «взрыва вовнутрь», который, по утверждению Курчатова, можно вполне предпочесть методу «выстрела», но только после серьезного теоретического и опытного анализа.

Принципиально важное значение для НКГБ имел отзыв Курчатова на разведданные Персея и Чарльза от 25 декабря 1944 года:

«Совершенно секретно

Заключение по материалам к препроводительной № 1/3/22500

Очень богатый и в разных отношениях поучительный материал. Он содержит теоретически важные указания, описания технологических процессов и методов анализа, дает представление о темпах работы отдельных лабораторий и возможных сроках введения в действие атомных агрегатов.

На основе предварительного ознакомления ниже дается краткое изложение содержания материала и его анализ по разделам:

1. Технологические и химические вопросы.

2. «Уран-графитовый котел».

3. Котел «уран — тяжелая вода».

4. Работы одной из лабораторий за период с марта 1943 по июнь 1944 года.

5. Разные работы.

I. Материал по первому разделу представляет

большую ценность в двух отношениях: по способу очистки исходных соединений урана от разных примесей и способу синтеза фторуглеродов (…). Вопросы очистки урана являются очень актуальными. Мы знали и раньше, что за границей для целей очистки применяется хорошо известный водно-эфирный процесс Малинкродта, но у наших химиков этот метод не пользуется популярностью (…).

II. Уран-графитовый котел с водяным охлаждением является наиболее простой технической формой осуществления котла. У нас эта система пока не разрабатывается, т. к. мы не уверены, что из-за поглощения в воде фактор мультипликации в системе будет больше единицы (…). Из представленных материалов видно, что было принято решение оставить этот проект без дальнейшей разработки и прекратить работы над уран-графитовым котлом с водяным охлаждением. Но это решение было вынесено в августе 1942 года, и с тех пор точка зрения на эту систему могла измениться. Было бы важно узнать, как сейчас обстоит дело по этому вопросу.

Система с гелиевым охлаждением. По этой системе нет принципиально новых указаний, т. к. нами ранее уже были получены отчеты тех же зарубежных лабораторий, но отдельные работы все же крайне интересны (…). Как нам известно, еще в конце 1942 года проводилась большая работы по строительству котла с гелиевым охлаждением (…), причем было предложение ввести его в эксплуатацию в 1943 году, хотя и были сомнения в реальности этого срока. Прошло уже 1,5 года против намечаемого срока, и этот котел должен уже работать. Было бы важно получить сведения об этом.

III. Котел «уран — тяжелая вода». Указывается, что минимальное количество тяжелой воды для котла равно 3–4 тоннам. В случае применения простой воды для охлаждения необходимое количество воды должно быть увеличено и достигать 6–8 тонн при 5 % простой воды в системе охлаждения.

IV. Группа отчетов освещает применяемые сейчас за границей методы исследования физических сторон проблемы урана и постановку некоторых работ, относительно которых мы раньше сведений не имели. Из материалов видно, что для изучения спектров нейтронов находит применение метод фотографических пластин с

толстым эмульсионным слоем (направление, которое мы начали с основания нашей Лаборатории № 2). Из других методов (…) следует отметить метод модулированного пучка частиц в циклотроне (…).

В первый раз мы узнаем, что за границей применяют (исследование происходящих под действием быстрых нейтронов в массе металлического урана) те же методы, которыми я пользовался еще в 1940 году и что есть все основания ожидать развития цепи в шаровой массе металла радиусом 60–70 см. Мы пришли к такому же заключению в прошлом году на основании расчетов, проведенных по моему предложению. В целях сравнения было бы важно получить работы Сциларда и Фельда, производивших расчет размножения нейтронов в массе чистого металлического урана.

V…Описаны опыты по определению сечения деления плутония медленными нейтронами. Раньше мы знали только результаты этих опытов, а здесь дано их подробное описание. Это представляет большую ценность, т. к. дает возможность судить о достоверности результата. Описаны опыты, в которых определялось наличие плутония и нептуния в урановых рудах (…), а также опыты по нейтронам, возникающим при спонтанном делении. Показано, что число нейтронов на одно деление равно 2,6 ±0,5. Работа эта выполнена хорошо, результаты согласуются с данными, которые недавно получены у нас другим методом.

И. Курчатов

11.04.45 г.

Экз. единств.».

К приложению № 4

В этом отзыве на данные разведки И. В. Курчатов старался подчеркивать и достижения советских ученых-ядерщиков. В документе анализируются различные материалы, в том числе работы по уран-графитному и уран-тяжеловодному реакторам.

Заключение по материалам к Кретпроводительному № 1/3/22500 от 28 декабря 1944 года

Очень богаты и в разных отношениях поучительны материал. Он содержит теоретические верные указания, описания технологических процессов и методов анализа, дает представление о типах работы отдельных лабораторий и возможных сроках введения в действие отдельных агрегатов.

На основе предварительного ознакомления имеющихся краткое изложение содержания материала и его анализ по разделам:

1. Технологические и химические вопросы;
2. „Уран–графитовые котлы";
3. „котлы уран–тяжелая вода";
4. работа одной из лабораторий за период с марта 1943 по июнь 1944 года;
5. разные работы.

I. Технологические и химические вопросы

Материал по этому разделу представляет большую ценность в двух отношениях, во способу очистки исходных соединений урана от разных примесей и способу синтеза фторокислородов.

Очистка соединений урана от примесей

В котлах может найти себе применение только предельно-чистый уран. Содержание в нем некоторых примесей (бора, редко-земельных элементов) не может быть больше тысячных и даже десятитысячных долей процента. Поэтому вопрос очистки урана является очень актуальным. Мы знали и раньше, что за границей для целей очистки применяется Кортэ удвоенный вакуумно-эфирный процесс Мак-Кроуфорд, но у наших химиков этот метод не пользуется популярностью. В рассматриваемых материалах дано хорошее описание промышленного применения вакуумно-эфирного метода и в связи с этим сейчас удается лучше оценить его достоинства и недостатки.

По способу получения металлического урана из четырехфтористого урана и кальция в открытой бомбе без предварительного подогрева, по переплаве металлического урана в вакуумных индукционных печах, по фторовой пленке, по изготовлению форм для отливки из урана к технологическим вопросам получения фтора и его соединений с ураном.

II. Уран–графитовые котлы

Рассматриваются системы с водяным охлаждением и с охлаждением газом.

Системы с водяным охлаждением

Уран–графитовый котел с водяным охлаждением является наиболее простой технической формой осуществления котла. У нас эта система пока не разрабатывается, так как мы не уверены, что из-за поглощения в воде фактор мультипликации в системе будет больше единицы.

г) Описание опыта по определению сечения деления плутония медленными нейтронами. Раньше мы знали только результаты этих опытов, а здесь дано их подробное описание. Это представляет большую ценность, т.к. дает возможность судить о достоверности результата.

д) описание опыта, в которых определяется наличие плутония и нептуния в урановых рудах Кохаровы, что содержание нептуния и плутония не превышает 10^{-6}–10^{-7} доли процента.

е) Описание опыта по нейтронам, возникающим при спонтанном делении. Кохаровы, что число нейтронов на одно деление равно 2,6 ± 0,5. Работа вполне хорошо, результаты согласуются с данными, которые недавно получены у нас другим методом.

И. Курчатов

11.04.45 г.
Зав. сектор

Приложение № 5

I. Атомные характеристики ядерного взрывчатого вещества

Исключительно важны в этом разделе данные по спонтанному делению тяжелых ядер, содержащие подтверждение ранее полученного сообщения о меньшей вероятности спонтанного деления урана-235 по сравнению с ураном-238 (…).

В § 6 этого раздела дана имеющая огромную важность таблица значений сечений деления урана-235 и плутония-239 быстрыми нейтронами разных энергий. Эта таблица точных значений сечения позволяет надежно определить критические размеры атомной бомбы. Только благодаря этому возможно признать, что формула для критического радиуса (стр. 4) действительно может быть правильна с точностью до 2 %, как это указано в тексте.

Для меня остается неясным, каким путем была достигнута столь высокая степень точности в определении сечения деления как урана, так и плутония (…).

II. Детали взрывного метода приведения бомбы в действие

В этом, наибольшем по объему, разделе материалов изложен метод приведения бомбы в действие «взрывом вовнутрь», о котором мы узнали совсем недавно и работу над которым только еще начинаем (…).

В полученных материалах даны: 1) схема, по которой следует рассматривать распространение детонационной волны во взрывчатом веществе и процесс деформации материала изоляции; 2) описание процессов сжатия тела взрывом и самого взрыва.

Все это очень ценный материал, но особенно существенны указания на условия, при которых возможно получить симметричность эффекта взрыва, совершенно необходимую по самому существу метода.

Описаны интересные явления неравномерного действия взрывной волны. Очень ценны указания на то, что эта неравномерность действия может быть устранена соответствующим расположением детонаторов и применением прослоек взрывчатого вещества различного действия (…).

Ввиду того что исследования по этому методу у нас еще совсем не продвинулись вперед, сейчас невозможно

сформулировать в этой области вопросов, требующих дополнительного освещения. Это можно сделать позднее, после серьезного анализа рассматриваемого материала.

Я бы считал необходимым показать соответствующий текст (от стр. 6 до конца, за исключением стр. 22) проф. Ю. Б. Харитону.

III. Электромагнитный метод разделения изотопов урана

Текст по этому разделу содержит одну страницу, но все же он представляет большой интерес.

Существенно, что для опытов используется четыреххлористый уран, что первоначально ускоренные большим напряжением частицы затем несколько замедляются и что используется неоднородное магнитное поле.

Описанный метод несколько похож на разработанную у нас схему разделения, опыгы по которой сейчас начинаются (…).

И. Курчатов

Экз. единств.

К приложению № 5

Фрагмент документа с рукописным курчатовским заключением подчеркивает точность данных разведки по сечениям деления урана-235 и плутония-239, которые впоследствии позволят надежно рассчитать критические размеры урановой и плутониевой бомб.

Сов. секретно

Предварительное заключение по материалу к протоколу № 1/3/1134 т от апреля 1941 года

Материал "Бомба" уникален. Он содержит данные: 1/ по атомным характеристикам ядерного взрывчатого вещества, 2/ по деталям взрывного метода приведения атомной бомбы в действие, 3/ по электромагнитному методу разделения изотопов урана.

1. Атомные характеристики ядерного взрывчатого вещества

Исполнитель бомбы в этом разделе данные по спонтанному делению тяжелых ядер содержащие подтверждение ранее полученного Соединенными и Англией вероятности спонтанного деления урана 235 по сравнению с ураном 238. Поразительна высокая вероятность этого процесса в плутонии 240.

В таблице, данные значения числа

· Вторичная нейтронов на одно деление (neutron of fission neutrons per fission) не ужас и для расщепления каких нейтронами (быстрых или медленных) больше $r = 2{,}47$ для урана 235 и нет кроме того величина r для деления урана 238 быстрыми нейтронами.

Только вновь полученные дополнительные сведения по этим вопросам

В § 6 этого раздела дана и иллюстрация формулы таблица значений сечений деления урана 235 и плутония 239 быстрыми нейтронами разных энергий. Эта таблица точных значений сечений позволяет широко определить критические размеры атомной бомбы.

Только бомбардируя этому возможно приписать, что формулы 2ар критических радиусов (стр 4) действительно могут быть проведены с точностью до 2%, как это указано в тексте.

Для меня остается неясным, какие пути были достигнуты столь высокой степени точности в определении сечения деления как урана, так и плутония.

Из текста видно, что некоторые величины определены в дифференциальной форме, а некоторые в интегральной, в которой пренебрегается мультиплицированием нейтронов от обычного поглощения, например урана 235 или плутония. Такие опыты возможно поставить только с большими количествами этих веществ, а ни в некоторых вновь получить, где в самые общие сведения об опыте и результатах нейтронов, которое производится с большими количествами урана 235 или плутония.

В связи с рассмотрением вопросов, затронутых в этом разделе, можно указать, что применяя к тем же целям эффективное время, как указано в материалах о взрыве заряда, пропорциональное определенной кубу превышения ее массы над критической массой.

II

Методы взрывного метода приведения бомбы в действие.

В этом, наиболее по объему, разделе материалов изложен метод приведения бомбы в действие взрывом во внутрь (Implosion Method), о которой мы уже имели право и работу над которой только еще начинали.

Однако, уже сейчас нам стало ясно все ее преимущества перед методом встречных выстрелов.

В полученных материалах даны условия и которые следует рассматривать распространение детонационной волны в взрывчатом веществе и процесс деформации материала изделия, 2) описание процессов обратных тем взрывам и самих взрывов.

Все эти очень ценные материалы, но в основном существенных указаний на условия, при которых вообще можно получить симметричный взрыв, совершенно необходимую по самому существу метода.

Описаны интересные явления неравномерного действия взрывной волны. Очень ценные указания на то, что эти неравномерности действия могут быть устранены соответствующим расположением детонаторов и применением взрывчатых веществ различной действия.

В этом же разделе материалы разобраны важные вопросы техники экспериментов с взрывчатыми веществами и опыты взрывных явлений.

В виду того, что возвращение к этому методу у нас еще совсем не предвидится вперед, сейчас невозможно сформулировать в этом отношении вопросов, требующих дополнительного освещения. Это можно сделать позднее, после серьезного анализа рассматриваемых материалов.

Я бы очень желал, чтобы Вы сопроводили текст (см стр. 8 в конце, за исключением стр 7е) проф. Ю. Б. Харитону.

III

Электромагнитный метод разделения изотопов урана.

Текст по этому разделу содержит ~~очень~~ ~~интересные~~ ~~мне~~ ~~не~~ ~~не~~ ~~привлекательные~~ Вопросы интересные.

Существенно, что для опыта используется
газ с прилипанием – кислород, что первоначально
ускоренные электроны испытывают сильное
число столкновений с молекулами и что используется
неоднородное магнитное поле.

Описанный метод нельзя назвать
разработанным в том смысле разделения, опыт
в котором сейчас начинается.

Было бы важно выяснить: 1) на каких ионах
диссоциирует HCl_4 при ионизации его электронами,
2) какова геометрическая характеристика,
используемая для разделения, прибора (форма,
размеры – высота, длина), 3) не вызывает ли
в основном прибор какой-либо лёгкий газ, 4)
каковы перемещения частиц в приборе.

Вопрос о газе связан с тем, что в электронном
методе разделения основная трудность связана с
объемным электрическим разрядом. Для борьбы с
ним, по прежним сведениям, предполагалось использовать
электроотрицательный заряд, возникающий на
пути ионов при их ионизации атомов лёгкого газа,
который специально вводится для этого в
разделительную установку.

7 апреля 1946 года

Инж. Елизаров

Принято к обработке
Поступило в архив 02 февраля 1970 г.
Описано Н.Н. Николаев

Приложение № 6

Совершенно секретно

Общее описание атомной бомбы

По наружному виду атомная бомба представляет собой снаряд грушевидной формы с максимальным диаметром 127 см и длиной вместе со стабилизатором 325 см. Общий вес около 4500 кг. Бомба состоит из следующих составных частей:

а) инициатора,
б) активного материала,
в) темпера,
г) слоя алюминия,
д) взрывчатого вещества,
е) 32 линз взрывчатого вещества,
ж) детонаторного устройства,
з) дюралюминиевой оболочки,
и) оболочки из бронированной стали,
к) карбюратора.

Все вышеперечисленные части бомбы, за исключением стабилизатора, детонаторного устройства и наружной стальной оболочки, представляют собой полые шары, вставляющиеся друг в друга (…). Шар темпера помещен во внутрь другого полого шара, изготовленного из алюминия, который, в свою очередь, окружен сферическим слоем взрывчатого вещества.

За слоем ВВ, в котором помещаются и линзы, имеется дюралюминиевая оболочка, к которой крепится детонаторное устройство и поверх которой находится наружная оболочка бомбы, изготовленная из бронированной стали.

Описание отдельных частей бомбы

1. Инициатор

В бомбе применяется инициатор типа «Урчин». Он состоит из полого бериллиевого шарика, на внутренней поверхности которого имеются клинообразные выемки. Плоскости всех выемок параллельны одна другой. Поверхность выемок покрыта слоем золота толщиной 0,1 мм и слоем полония. Внутри этого шарика помещен сплошной бериллиевый шарик, поверхность которого

также покрыта слоем золота и полония (…).

2. Активный материал

Активным материалом атомной бомбы является элемент плутоний фазы дельта с удельным весом 15,8. Он изготовлен в виде полого шара, состоящего из двух половинок, которые, как и внешний шарик инициатора, спрессовываются в атмосфере Никель-Карбонил. Внешний диаметр шара 80–90 мм. Вес активного материала вместе с инициатором 7,3–10,0 кг. Между полушариями имеется прокладка из рифленого золота толщиной 0,1 мм, которая предохраняет от проникновения к инициатору высокоскоростных струй, движущихся вдоль плоскости соединения полушарий активного материала. Эти струи могут преждевременно привести инициатор в действие.

В одном из полушарий имеется отверстие диаметром 25 мм, служащее для ввода инициатора в центр активного материала, где он укрепляется на специальном кронштейне. После ввода инициатора отверстие закрывается пробкой, также изготовленной из плутония.

3. Темпер (замедлитель)

Темпер представляет собой полый шар с внешним диаметром 230 мм, изготовленный из металлического урана. В шаре имеется отверстие, служащее для ввода активного материала вовнутрь. Отверстие закрывается пробкой, также изготовленной из металлического урана.

Назначение темпера (замедлителя) заключается в том, что он уменьшает количество активного материала, необходимого для изготовления атомной бомбы (…).

4. Слой алюминия

Алюминиевый слой, окружающий наружную поверхность темпера, представляет собой полый шар с наружным диаметром 460 мм, изготовленный их двух половинок, для соединения которых предусмотрены пазы и выступы. В одном из полушарий имеется отверстие для ввода активного материала вовнутрь бомбы. Отверстие закрывается пробкой, изготовленной из алюминия.

Назначение алюминиевого слоя — равномерная передача по направлению к центру бомбы удара, полученного в результате взрыва наружного слоя взрывчатого вещества.

5. Слон взрывчатого вещества и линзы

За слоем алюминия располагается слой взрывчатого вещества, который образуется из 32 брусков специальной формы. Внутренняя, обращенная к центру поверхность брусков сферическая с диаметром, равным наружному диаметру слоя алюминия. В наружной поверхности брусков ВВ имеются специальные выемки, форма которых предусматривает помещение в них 20 линз гексагональной и 12 линз пентагональной формы. Между перпендикулярными коси шара поверхностями ВВ и линз кладется прокладка из фетра толщиной ^{1} /16 дюйма, а пустоты между радиальными поверхностями соприкосновения заполняются промокательной бумагой. Воздушные промежутки между слоем ВВ и линзами не должны превышать ^{1}/32 дюйма, так как большие воздушные промежутки могут способствовать замедлению или же, наоборот, ускорению детонации в зависимости от направления этих промежутков. Линзы отливаются в специальных формах, изготовленных из ацетата целлюлозы. Каждая линза состоит из двух типов ВВ, одного — быстровзрывающегося и другого — медленноезрывающегося. При установке линз на место быстровзрывающаяся часть ее соприкасается со слоем ВВ. Общий вес взрывчатого вещества около 2 тонн.

К каждой линзе подведен один детонатор, который для большей гарантии одновременного взрыва имеет два электрозапала (…).

6. Дюралюминиевая оболочка

Слой взрывчатого вещества и линзы покрыты дюралюминиевой оболочкой, к которой крепится подрывное устройство весом 180 кг. Внутренний диаметр оболочки примерно 1400 мм, вес вместе с подрывным устройством около 700 кг.

7. Наружная оболочка из бронированной стали.
8. Стабилизатор

Сборка бомбы

Шар металлического урана помещается вовнутрь алюминиевого шара таким образом, чтобы имеющееся в нем отверстие приходилось против отверстия в алюминии. На наружную поверхность алюминия укладываются бруски ВВ с линзами, за исключением одного бруска, расположенного над отверстием в алюминии. Линзы укрепляются на дюралюминиевой оболочке, к которой также крепится подрывное устройство. В таком виде бомба готова для транспортировки к месту употребления. Дальнейшая сборка проводится следующим образом. Инициатор вкладывается вовнутрь шара активного материала — плутония, который вкладывается вовнутрь темпера. Пробки ставятся на место, после чего накладывается последний брусок ВВ и закрываются отверстия в дюралюминиевой и стальной оболочках.

Вследствие того что плутоний и радиоактивные вещества инициатора самонагреваются до температуры, на 90 градусов Цельсия превышающей температуру окружающей среды, к месту окончательной сборки бомбы перевозят в специальных контейнерах, снабженных системой охлаждения.

18 октября 1945 года.

Верно: Полковник — Василевский.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

"__" марта 1942 г.
№ _____
г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
СОЮЗА С.С.Р.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

В ряде капиталистических стран в связи с проводимыми работами по расщеплению атомного ядра, с целью получения нового источника энергии, было начато изучение вопроса использования атомной энергии урана для военных целей.

В 1939 году во Франции, Англии, США и Германии развернулась интенсивная научно-исследовательская работа по разработке метода применения урана для новых взрывчатых веществ. Эти работы ведутся в условиях большой секретности.

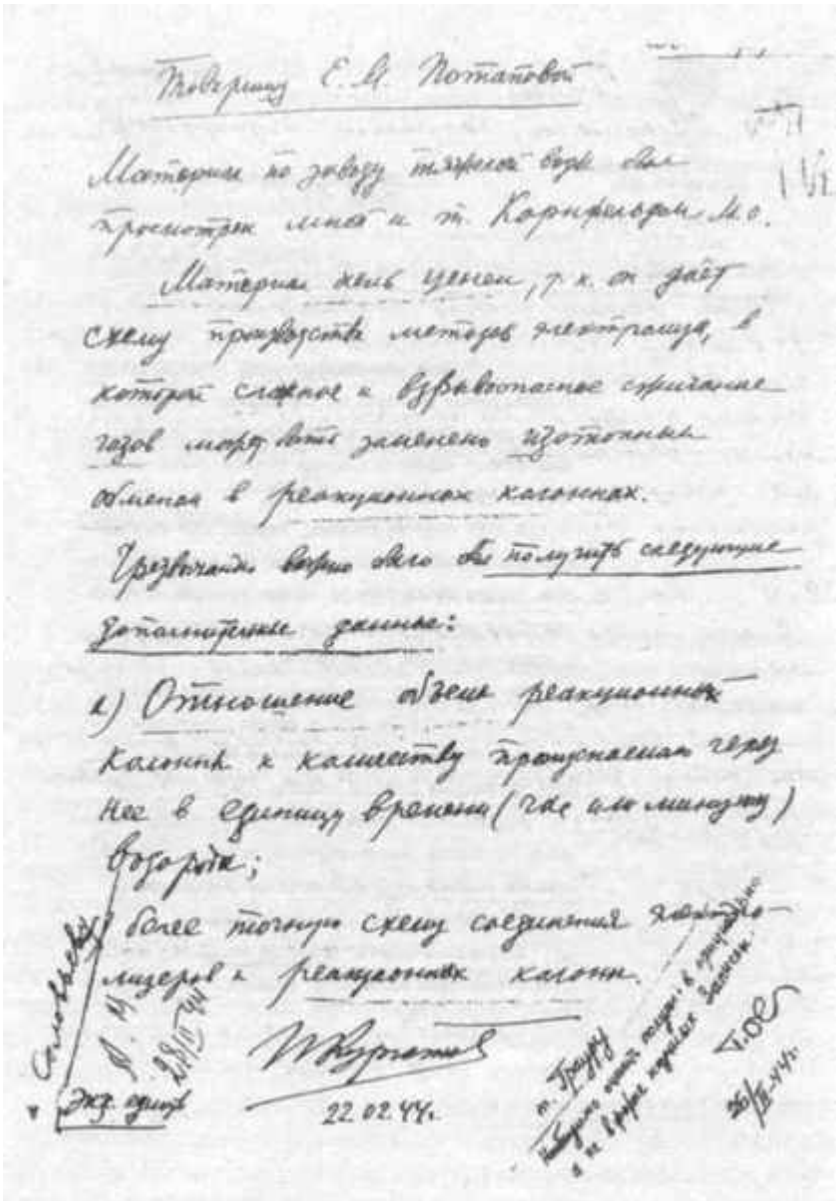
Из прилагаемых совершенно секретных материалов, полученных НКВД СССР в Англии агентурным путем, характеризующих деятельность Уранового Комитета по вопросу атомной энергии урана видно, что:

а) Английский Военный Кабинет, учитывая возможность успешного разрешения этой задачи Германией, уделяет большое внимание проблеме использования атомной энергии урана для военных целей.

б) Урановый Комитет Военного кабинета, возглавляемый известным английским физиком Г.П. ТОМСОНОМ,

"Лист", н. указ. в конце 1941 году

Документ состоит из пяти машинописных страниц, составлен по информации агента Листа (речь идет о Дональде Маклине). Этот документ был первым, который докладывался лично Сталину в марте 1942 года



Товарищу Е.М. Потаповой

Материал по заводу тяжелой воды фирмы Хемиш энд и т. Корнфельдт Мо.

Материал весьма ценен, т.к. он дает схему производства материала электролиза, в которой сложное и взрывоопасное сжигание газов могут быть заменено изотопным обменом в реакционных колонках.

Желательно было бы получить следующие дополнительные данные:

а) Отношение объема реакционных колонн к количеству пропускаемой через них в единицу времени (час или минуту) воды;

б) более точную схему соединения электролизеров и реакционных колонн.

22.02.44.

Экз. один

Слободкин

Курчатов

Передано т. Гроссу

Е. Потапова

V.08

36/II-44г.

Отзыв

Инж. Стахеевой

о материалах, полученных 25 декабря 1944.

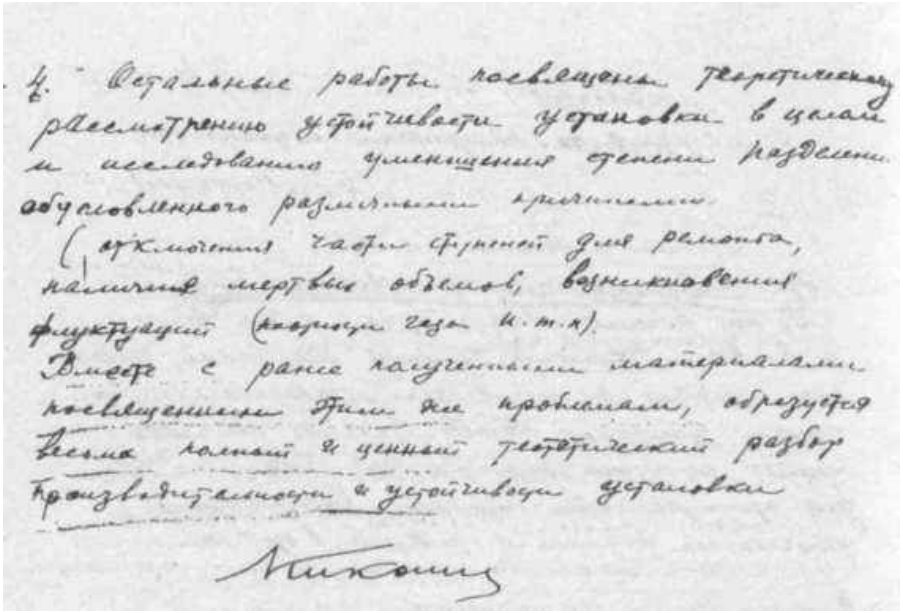
1. Степень разрешения мембран.

Эта работа имеет существенный интерес. В ней рассматривается практический вопрос о влиянии конечной толщины мембраны, когда ее отверстия не могут рассматриваться как бесконечно короткие. Это обстоятельство несколько меняет расчетные формулы для обогащения и для пропускаемости мембран. Соответствующие уточненные формулы и приведены в этой работе.

2. „Испытание мембран"

В этой работе трактуется о методах испытания мембран на обогащение и пропускаемость. В этой работе вкратце излагаются разные методы, применяемые для этих испытаний. Существенное значение этой работы заключается в том, что она позволяет сравнить методы испытания газов в пористых мембранах с другими методами.

3. В работе „Расположение заводов" излагаются общие соображения о расположении отдельных зданий и сооружений завода. К сожалению, из текста не удалось понять, идет ли речь о расположении зданий на чертеже (на проекте) или же о зданиях, имеющихся в натуре. Вопросы этого порядка сами собой разумеются.



4. Остальные работы посвящены теоретическому рассмотрению устойчивости установки в целом и исследованию уменьшения степени разделения, обусловленного различными причинами (отключения части турбин для ремонта, наличия мертвых объемов, возникновения флуктуаций (колебаний газа и т. п.).

Вместе с ранее полученными материалами, посвященными этим же проблемам, образуется весьма полный и ценный теоретический разбор производительности и устойчивости установки

Кикоин

В архивах внешней разведки кроме отзывов И. В. Курчатова сохранились еще три небольших оценочных заключения на агентурные материалы из США по вопросам разделения изотопов урана, собственноручно подготовленных академиком И. К. Кикоиным — два из них приводятся впервые на страницах этой книги

Наркомату Комиссару
химической промышленности
тов. Первухину М.Г.

Отзыв о материалах полученных
от отд. нач. и от зав. отд. [illegible] г.

Материалы от 27/VII в большей своей
части посвящены вопросам устойчивости
развертывающей установки и являются
дополнением к обширному экспериментальному
материалу полученному ранее.
Эти материалы будут иметь большое
значение при разработке способов
регулирования процесса разделения.
Несколько страниц посвящено анализу
весьма важного вопроса о влиянии
толщины серак на процесс разделения.
Анализ произведен совершенно правильно.
(Мы сами занимались этим вопросом и
пришли к аналогичным выводам).

На одной странице приведены наглядные
показатели касающиеся установки с
производительностью 100 кг винтера в сутки.

Материалы об ЗИЛе весьма интересны и важны поскольку они показывают, что, по крайней мере, наши заводы умеют работать и эвакуироваться.

В тексте этих материалов (на 32 страницах) дается описание небольшого десятка различных зданий завода. Этот десяток выбран не случайно, которые тоже представлены, согласно схеме расположения зданий завода.

В описании указано, что небольшой десяток выбранных самых зданий, не нарушается на большой территории. Указано, что здания эти выбираются произвольно и далее дано описание того что видно со стороны.

По этому краткому описанию можно приблизительно догадаться о чем идет речь. Материал текстовой и графический (чертежи с особенностями) крайне важен для некоторых представителей о масштабе сооружений. Всякое уничтожение этого материала – дело не необычайно важное и окажет большую помощь.

Инженер

Журналист

Сов. секретно
Экз. единственный

Товарищу Г. Б. Овакимяну

При гидродинамических опытах в апреле 1945 года направлен исключительно важный материал по „имплозия"-методу.

В виду того, что этот материал специфичен и прошу Вашего разрешения допустить к работе по его переводу проф. Ю. Б. Харитона (с 2-ой половины стр. 2 до конца, за исключением стр. 22).

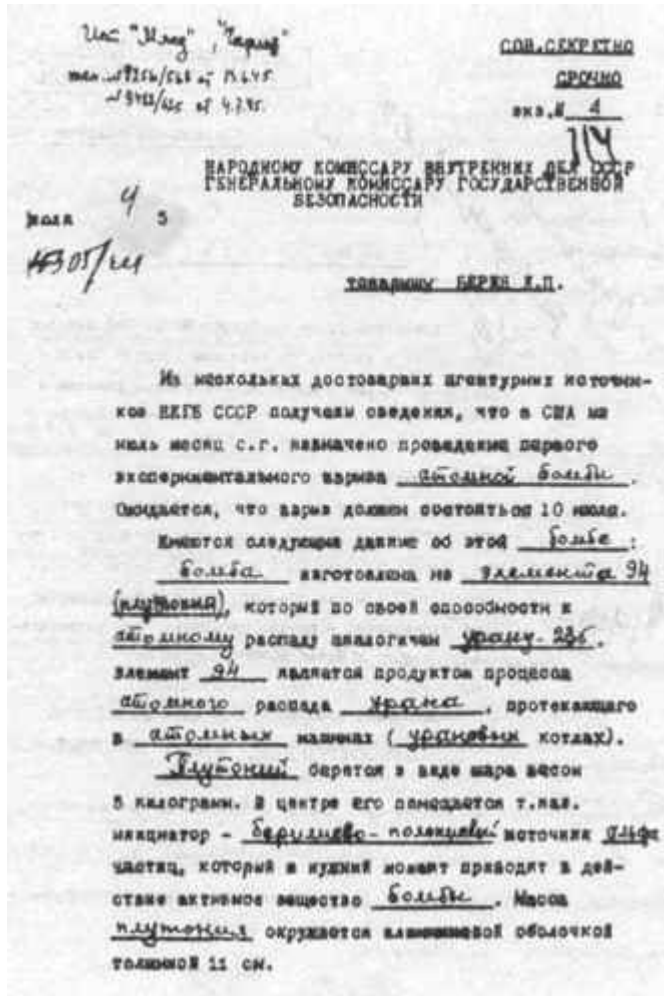
Проф. Ю. Б. Харитон занимается в лаборатории конструкции урановой бомбы и является одним из крупнейших ученых нашей страны по взрывчатым явлениям.

До настоящего времени он не был ознакомлен с материалами фауке в русском тексте и только я устно сообщил ему о возможности самопроизвольного деления урана 235 и урана 238 и об общих основаниях „имплозия"-метода.

И. Курчатов

30 апреля 1945 г.

Подготовленный И. В. Курчатовым и написанный его рукой запрос на имя заместителя начальника внешней разведки Г. Б. Овакимяна (в документе его инициалы указаны ошибочно). В запросе высказывается просьба о разрешении допустить профессора Ю. Б. Харитона к ознакомлению с исключительно важным материалом разведки по имплозион-методу за исключением страницы № 22



Ист. "Жлод", "Чарлз"
тел. №7256/ГБ от 11.6.45
№9413/ГБ от 4.7.45

СОВ.СЕКРЕТНО
СРОЧНО
экз. № 4

14

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

тов. БЕРИЯ Л.П.

Из нескольких достоверных агентурных источников НКГБ СССР получены сведения, что в США на июль месяц с.г. назначено проведение первого экспериментального взрыва атомной бомбы. Ожидается, что взрыв должен состояться 10 июля.

Имеются следующие данные об этой бомбе:

Бомба изготовлена на плутонии 94 (плутония), который по своей способности к атомному распаду аналогичен урану-235. Элемент 94 является продуктом процесса атомного распада урана, протекающего в атомных котлах (урановых котлах).

Плутоний берется в виде шара весом 5 килограмм. В центре его помещается т.наз. инициатор - бериллиево-полониевый источник нейтронов, который в нужный момент приводит в действие активное вещество бомбы. Масса плутония окружается вольфрамовой оболочкой толщиной 11 см.

Этот документ был подготовлен на основе данных двух агентов — Чарльза и Персея — и доложен летом 1945 года лично Берии

ОСОБАЯ ПАПКА
№ 1 стр. 671

78
Копия
Экз. № ___

вх.3

Совершенно секретно.

8 ноября 45г.
№ 1374/б.
Из Переписки В.М.
Л. Берия

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.

8/XII

Известный физик профессор **Нильс БОР**, имевший отношение к работам по созданию атомной бомбы – вернулся из **США** в Данию и приступил к работам в своем институте Теоретической физики в Копенгагене.

Нильс БОР известен, как прогрессивно настроенный ученый и убежденный сторонник международного обмена научными достижениями. Исходя из этого, нами была послана в **Данию**, под видом розыска увезенного немцами оборудования советских научных учреждений, – группа работников для установления контакта с **Нильс БОРОМ** и получения от него информации по проблеме атомной бомбы.

10/XII

Посланные товарищи: полковник **ВАСИЛЕВСКИЙ**, кандидат физико-математических наук **ТЕРЛЕЦКОЙ** и переводчик инженер **АРУТЮНОВ**, найдя соответствующие подходы, связались с **БОРОМ** и организовали с ним две встречи.

Встреча состоялись 14 и 16 ноября с.г. под предлогом посещения советским ученым т.**ТЕРЛЕЦКИМ** – Института Теоретической физики.

Тов. ТЕРЛЕЦКИЙ сказал БОРУ, что находясь проездом в Копенгагене, счел своим долгом нанести визит известному ученому и что о лекциях БОРА до сих пор тепло вспоминают в Московском Университете.

В процессе бесед БОРУ был задан ряд вопросов, заранее подготовленных в Москве академиком КУРЧАТОВЫМ и другими научными работниками, занимающимися атомной проблемой.

Перечень вопросов, ответы на них БОРА, а также оценка этих ответов, данная академиком КУРЧАТОВЫМ - прилагаются.

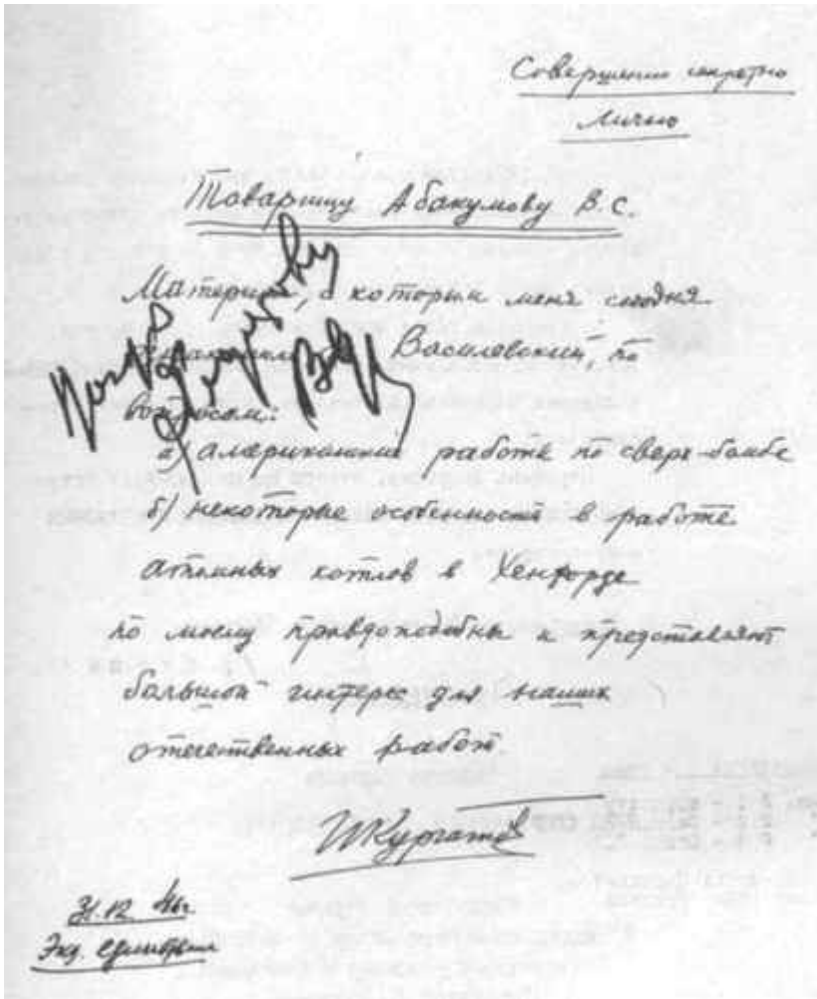
/ Л. БЕРИЯ /

Отпечатано в 3 экз.

Экз. № 1 - адресату
" № 2 - Секр. НКВД СССР
" № 3 - Отдел "С"

Исполнитель Судоплатов
Машинистка Крылова.

После встречи профессора Терлецкого с Нильсом Бором была подготовлена записка на имя Сталина о результатах поездки советского ученого в Данию вместе с сотрудником внешней разведки полковником Л. П. Василевским



Совершенно секретно
Лично

Товарищу Абакумову В.С.

Материал, о котором мне сегодня
[illegible] Васильевич, по
вопросам:
а) американской работе по сверх-бомбе
б) некоторые особенности в работе
атомных котлов в Кембридже
по моему правдоподобны и представляют
большой интерес для наших
оборонительных работ.

И.Курчатов

11.12.46г.
Экз. единств.

Последняя рукописная записка И. В. Курчатова, направленная им в конце 1946 года новому министру госбезопасности В. С. Абакумову, в которой впервые упоминается сверхбомба, то есть водородная (или термоядерная) бомба

notes

Примечания

1

Главное разведывательное управление.

2

Научно-техническая разведка.

3

Спустя много лет, уже после расстрела Л. П. Берии, Л. Р. Квасников узнал, что Перадзе был агентом наркома НКВД, что агент потерял с ним связь и потому пытался ее как-то наладить через него.

4

Псевдоним руководителя советской резидентуры в Лондоне Анатолия Вениаминовича Горского. В 1939–1940 годы после массовых санкционированных Берией репрессий в отношении разведчиков, находившихся за границей, Вадим работал в Англии и за шофера, и за бухгалтера, и за шифровальщика, и за переводчика.

5

Дональд Маклин, занимавший в те годы ответственную должность в Министерстве иностранных дел Великобритании. Маклин входил в знаменитую «Кембриджскую пятерку» — агентурную группу, созданную в 30-е годы, а после войны работал в Вашингтоне первым секретарем английского посольства. Впоследствии он был переведен в Лондон на более высокий пост — заведующим американским отделом МИДа Англии. Когда в связи с утечкой информации началось расследование, Маклин попал под подозрение. Ким Филби, работавший в тот же период в США координатором работы СИС с ФБР и ЦРУ, известил об этом Маклина, и тот вместе со своим другом, тоже советским агентом, англичанином Гаем Бержессом совершил в мае 1951 года побег в Москву. Длительное время работал в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, умер в 1983 ГОДУ-

6

Имелся в виду урановый комитет военного кабинета Великобритании, который возглавлял известный английский физик — Дж П. Томпсон. Он же координировал работы по английскому атомному проекту под названием «Тьюб Эллойз».

7

Лорд Хенки — руководитель Британского комитета по науке.

8

Крупнейшая британская корпорация, ставшая главным промышленным подрядчиком атомного проекта.

9

Сотрудница I Управления НКВД СССР Елена Михайловна Потапова. Впоследствии она не раз помогала И. В. Курчатову переводить на русский язык агентурные материалы по урановой проблеме.

10

По бытовавшей в те времена терминологии, «шарашка» — это научно-исследовательские институты, опытно-конструкторские бюро и т. п., созданные в системе НКВД, в которых содержались и работали репрессированные ученые и инженеры, занимавшиеся разработкой и созданием новых образцов военной техники.

11

Милитэри Аппликейшн оф Ураниум Детонейшен — Комитет по военному применению уранового взрыва. Советская разведка получила доклад «Мауд Коммитти» на несколько часов раньше, прежде чем его успел прочитать премьер-министр Великобритании. И главная заслуга в этом принадлежала агенту Листу.

12

Полковник Владимир Борисович Барковский, 1913 года рождения, с 1941 по 1946 год — сотрудник резидентуры в Лондоне, в 1949–1950 годах — помощник резидента в Вашингтоне, впоследствии заместитель начальника Управления научно-технической разведки ПГУ КГБ СССР, кандидат исторических наук, профессор.

13

Франц Симон — выдающийся ученый физик, в годы первой мировой войны был награжден боевым Железным крестом. После прихода Гитлера к власти со всей семьей уехал в Англию и длительное время работал в Оксфорде.

Великобритания.

15

Соединенные Штаты Америки.

16

Атомная бомба.

17

Лондон.

18

Тринитротолуол (тротил).

19

П. Л. Капица был неудачно назван Квасниковым, потому что он не был специалистом в области физики атомного ядра: его главные интересы в 30–40-е годы относились к физике сильных магнитных полей и физике низких температур.

А. А. Слуцкин — то же самое: он занимался радиотехникой, в частности вопросами генерации высокочастотных колебаний.

21

Твен — Семен Маркович Семенов. После окончания Массачусетского технологического института работал в Нью-Йорке, а затем — в Париже.

22

После ареста Г. Б. Овакимяна и его выдворения из США обязанности резидента стал исполнять Лука — Павел Пантелеймонович Пастельняк. С 1938 года он был руководителем группы по обеспечению безопасности на Всемирной выставке в Нью-Йорке.

23

Кирилл Прокофьевич Орловский — руководитель разведывательно-диверсионной группы и одновременно преподаватель Барселонской разведшколы. В годы войны командовал партизанским отрядом в Белоруссии, Герой Советского Союза, после войны возглавил там же колхоз «Рассвет», стал Героем Социалистического Труда.

24

Нарком внутренних дел СССР с 1936 года по ноябрь 1938 года.

25

Оперативный псевдоним Орлова.

26

Выдержки из письма приводятся с сокращениями.

27

Станислав Алексеевич Ваупшасов — главный советник испанского партизанского корпуса, также преподавал в Барселонской разведшколе. В годы Великой Отечественной войны командир партизанского отряда в Белоруссии, Герой Советского Союза.

28

Псевдоним неизвестного лица.

29

Г. Г. Ягода возглавлял ОГПУ — НКВД СССР с 1934 по 1936 год. Впоследствии расстрелян.

30

Я. С. Агранов — заместитель наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова. Впоследствии расстрелян.

31

Советская резидентура в Нью-Йорке. 53

32

Разведка.

33

Семейное ласкательное слово наподобие «мой милый».

34

По законам советской разведки подлинное имя и фамилия агента без его согласия никогда не раскрываются.

35

Тактический прием, который заключается в использовании какого-либо лица в своих интересах без раскрытия перед ним подлинных целей.

Впоследствии он был завербован Луисом под псевдонимом

Впоследствии, когда США по ленд-лизу стали поставлять в 1ЛХР боевые самолеты, оснащенные новым пулеметом, проведенная операция безусловно утратила свой смысл, однако это нисколько не умаляло труда и риска разведчиков-интернационалистов, участвовавших в ее проведении.

38

Псевдоним наркома НКВД СССР Л. П. Берия.

39

Американское название гидролокаторов, устанавливаемых на подводных лодках.

40

Псевдоним резидента В. М. Зарубина, приступившего к работе в Нью-Йорке.

Управления НКВД СССР, а с 1943 года он стал первым заместителем П. М. Фитина.

42

Разведчик, работающий под прикрытием за границей.

43

Леонид Романович Квасников родился в 1905 году на станции Узловая Тульской губернии. С начала 1940 по 1963 год возглавлял научно-техническую разведку. Умер в 1993 году.

44

Урсула Кучинская, она же Руфь Кучинская, Рут Бертон, Рут Вернер — легендарная советская разведчица Соня, завербованная в Китае и работавшая затем в Польше, Маньчжурии, Швейцарии и Великобритании. В начале 30-х годов сотрудничала с резидентурой Рихарда Зорге в Шанхае. В Швейцарии оказывала большую помощь в создании «Красной капеллы».

45

Иван Скляров — военный атташе в Лондоне, резидент Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии.

Французские партизаны, участники Сопротивления.

47

По соображениям безопасности фамилия американского ученого-атомщика, проживающего по сей день в США, изменена. Советская разведка не раскрывает имена сотрудничавших с ней людей без их согласия.

Советская разведка.

Советский Союз.

ФБР.

51

Металлургическая лаборатория Чикагского университета.

Настоящая фамилия агента без его ведома или без согласия его близких родственников по законам советской разведки никогда не раскрывается.

53

Американский гражданин Гарри Голд — сын эмигранта из России Ефима Голодницкого. Инженер-химик. Завербован в 1935 году. Настоящая его кличка — Арно. Впоследствии он стал одним из наиболее активных агентов-групповодов. Награжден орденом Красной Звезды.

Нью-Йорк.

П. М. Фитин.

Леонид Романович Квасников.

57

За успешную работу в нью-йоркской резидентуре Твен — Семенов Семен Маркович был награжден орденом Красной Звезды.

58

В переводе на русский язык «Проект по разработке заменяющих материалов».

Металлургическая лаборатория Чикагского университета, где велись фундаментальные исследования по цепной реакции взрыва, теоретической разработке самой бомбы, получению чистого металлического урана и по выделению плутония химическим путем.

60

Александр Семенович Феклисов, он же Фомин, работавший в Нью-Йорке в 1941–1946 годах, в Англии — в 1947–1949 годах. В 1950–1953 годах — заместитель начальника английского отдела, а затем — американского отдела внешней разведки. В 1960–1964 годах являлся резидентом в Вашингтоне, участвовал в ликвидации Карибского кризиса 1962 года С 1964 по 1974 год работал заместителем начальника разведывательной школы. В настоящее время — на пенсии. Автор документальной книги «За океаном и на острове».

61

Анатолий Антонович Яцков с 1941 по 1946ˆгод являлся сотрудником и руководителем резидентуры в Нью-Йорке, затем работал в Париже и аппарате Уполномоченного МГБ СССР в Германии. Впоследствии длительное время возглавлял спецфакультет в Краснознаменном институте разведки. Умер в 1993 году.

62

Семен Маркович Семенов.

63

Так называлась научно-техническая разведка в оперативных документах I Управления НКВД — НКГБ СССР.

64

Мортон Собелл, 1915 года рождения. Крупный специалист по радарам и приборам управления. Находился на связи с «делом Розенбергов» в 1950 году и осужден на 30 лет. Виновным себя не признал и никого из своих связей не выдал.

65

Джоэл Барр, 1916 года рождения, уроженец Нью-Йорка. Специалист по радиолокаторам и измерительным приборам. Находился на связи у А. С. Феклисова. Из-за предательства Элизабет Бентли (агент Мирна) и в связи с «делом Розенбергов» вынужден был выехать сначала в Чехословакию, а затем в СССР, где он стал впоследствии доктором технических наук и лауреатом Госпремии СССР.

Москва.

67

Военная контрразведка США.

Директор Управления стратегических служб (УСС), впоследствии преобразованного в ЦРУ.

Лос-Аламос.

США.

71

Атомная бомба.

CCCP.

«Манхэттенский проект».

ФБР.

Санта-Фе.

Подходы, наводка, изучение и вербовка.

Энрико Ферми.

Роберт Оппенгеймер.

79

Сотрудники спецслужб противника, осуществляющие наружное наблюдение.

80

Резидентура.

81

Агенты-курьеры и агенты-связники.

82

Сотрудники резидентуры внешней разведки.

83

Агент.

Условное название Лос-Аламосской зоны.

85

Анатолий Антонович Яцков — он же Алексей и Джонни.

Это был А. А. Яцков.

87

Курьер.

88

Условное название советского генконсульства в Нью-Йорке.

89

Сотрудники военной разведки.

90

Андрей Григорьевич Граур — начальник 3-го отдела I Управления НКГБ, в 1938–1939 годах работал в одной из резидентур в США, затем до 1943 года — в Англии.

91

Профессор математики Королевского университета и одновременно майор артиллерийской службы армии Канады. Выходец из России. Знал Клауса Фукса и даже пытался ему помочь в 1940 году, когда тот в числе интернированных немецких эмигрантов оказался в Шербрукском лагере в пригороде Квебека.

92

В сентябре 1945 года после предательства Игоря Гузенко он убыл в Англию, а в марте 1946 года был арестован и приговорен к 10 годам каторжных работ.

93

Джозеф Ротблат — впоследствии президент Пагуошского движения.

Излишняя активность резидента В. М. Зарубина, его частые поездки для встреч с агентами за пределы Нью-Йорка вызвали подозрение со стороны ФБР, за ним была установлена усиленная слежка, и осенью 1944 года он вынужден был покинуть Америку. Резидентом после его стал Л. Р. Квасников.

95

Павел Михайлович Фитин.

Центр.

Резидентура.

И. В. Курчатов.

99

Специально подготовленные вымышленные сведения, предназначенные для введения спецслужб противника в заблуждение и сокрытия при этом истинного характера встречи с агентом.

Имелся в виду Раймонд.

101

Агент Чарльз.

В действительности никаких подвалов в здании на Лубянке не было, а была шестиэтажная внутренняя тюрьма, и слово «подвал» употреблялось скорее по печальной традиции, чем по существу дела.

103

Место взрыва атомной бомбы.

Разведывательное Управление Красной Армии, впоследствии ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР.

105

Речь шла не о разведке, а о так называемом I Главном Управлении при СНК, впоследствии преобразованном в Минсредмаш СССР.

106

Атомная проблема.

107

Научно-техническая разведка.

108

Игорь Гузенко.

109

Советский Союз.

110

Ким Филби, Антони Блант, Гай Берджес, Дональд Маклин и Джон Кернкросс.

111

В помещении генконсульства Яцков называл Гарри Голда (Раймонда) другим псевдонимом — Арно.

Л. П. Берия.

113

Атомная бомба.

114

В связи с резким увеличением объема секретных работ по атомному проекту и числа работающих многие объекты, институты и производства стали зашифровываться. Атомная бомба стала называться изделием. Сам же И. В. Курчатов фигурировал в переписке только под фамилией Бородин, потому и получил среди коллег прозвище Борода.

115

Курьер, который периодически прибывал в Нью-Йорк на пароходе.

116

Явка, встреча с агентом.

117

Канада.

118

Контрразведывательные органы противника.

119

Агентами.

США.

121

В. Н. Меркулов.

Л. П. Берия.

123

В июне 1946 года строптивый генерал П. М. Фитин по личному указанию Берии был освобожден от должности начальника внешней разведки и направлен заместителем уполномоченного МГБ СССР в Германии. В 1947 году он в очередной раз был понижен в должности и назначен заместителем начальника областного Управления в Свердловске, а затем был переведен в Алма-Ату. Впоследствии не без ведома того же Берии был уволен из органов госбезопасности без пенсии, так как не имел к тому времени соответствующей выслуги лет. После суда над Берией ему удалось устроиться директором фотокомбината в Москве, где он проработал до последнего дня своей жизни, умер он в конце декабря 1971 года.

124

Агент советской разведки.

125

Сотрудник нью-йоркской резидентуры Александр Андреевич Раев.

По делу № 13 676 они проходят как Анта и Аден.

127

Явка, встреча.

128

Франция.

129

Бывший начальник Ленинградского НКВД — НКГБ. В июле 1950 года за то, что не раскрыл так называемое «Ленинградское дело», он был расстрелян.

130

США

131

CCCP.

132

ФБР.

133

Петр Васильевич Федотов.

134

Николай Михайлович Горшков — резидент МГБ СССР в Италии (1944–1950) и в Швейцарии (1953). Умер в январе 1995 года

Имелись в виду Луис и Лесли.

136

Таким термином обозначается в разведке временное прекращение связи с агентом, вызванное непредвиденными обстоятельствами.

137

Так Лесли звала в домашней обстановке мужа.

138

Хозяин кафе на бульваре Распай был «своим человеком», и Семенов заблаговременно договорился с ним, что кафе будет закрыто до десяти часов вечера.

139

Мы оставляем этот пассаж таким, каким он зафиксирован в документах 45-летней давности, отлично понимая, что многие воззрения тех лет, в том числе и о том, что американцы нуждаются в нашей помощи, с позиций современного политического мышления выглядят по меньшей мере наивно, если не сказать больше.

140

Группа агентов советской разведки, которой руководил Луис.

141

Соколов Юрий Сергеевич, 1919 года рождения, выпускник Московского авиационного института В феврале 1945 года вместе с другими чекистами он обеспечивал безопасность проведения Крымской конференции глав правительств трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. В 1947–1950 годах — сотрудник нью-йоркской резидентуры, в 1950–1953-м— помощник резидента по линии НТР, в 1955–1958 годах работал в лондонской резидентуре под фамилией Глебов, а в 1960–1964-м — в Международном агентстве по атомной энергии. В настоящее время на пенсии.

142

Лесли еще дважды выходила на явку с Персеем, однако ей не удалось переубедить его отказаться от участия в Движении сторонников мира. В последний раз она и Луис встретились с ним в начале 1949 года, после этого дальнейшая связь с ним прекратилась.

143

Управляемые снаряды.

144

Подводные снаряды.

145

Атомная бомба.

Барковский Владимир Борисович.

147

Василевский Лев Петрович. Под псевдонимом Тарасов он работал в Мексике в качестве резидента советской разведки.

148

Цымбал Михаил Степанович. Генерал-майор. Впоследствии — заместитель начальника внешней разведки.

149

Приемопередаточный пункт.

150

Крешин Борис Михайлович в годы войны работал в лондонской резидентуре и получил от Дональда Маклина первую информацию о том, что англичане намереваются создать атомную бомбу. С 1947 года он возглавлял резидентуру в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке.

151

Приемопередаточный пункт готовился для использования в нелегальной работе известного советского разведчика Вильяма Генриховича Фишера, он же Р. И. Абель, Марк, Эмиль Гольдфус, Мартин Коллинз. Умер в 1971 году.

152

Барковский Владимир Борисович, он же Джерри. В 1956 году возглавлял резидентуру в Нью-Йорке, в последующие годы был начальником отдела и заместителем начальника Управления научно-технической разведки. Кандидат наук. Профессор.

153

Вильгельм Рудольфович Фишер. После ареста в 1957 году он назвался именем своего покойного друга — Рудольфом Ивановичем Абелем. В разведцентре хорошо знали об их дружбе, и поэтому, как только появилось в американской печати сообщение об аресте Абеля, коллеги поняли, что это бьи Марк.

154

Нелегал.

155

Агенты.

Франция.

Так по-домашнему Луис и Лесли звали Р. И. Абеля.

158

Р. И. Абель был арестован в 1957 году из-за предательства своего помощника — радиста нелегальной резидентуры Рейно Хейханена. Руководитель ФБР Гувер впоследствии говорил: «… Хейханен дал нам ключ к тайне. В одном лишь случае Марк поступил неосторожно и позволил раскрыть себя. Хейханену не хватило фотоматериалов, а они требовались срочно, и Марк привел его в Бруклин, где хранил эти материалы. Хейханен не мог вспомнить адреса кладовой, но он знал, что это здание расположено где-то рядом с Фултон и Кларк-стрит. ФБР наводнило этот район сотрудниками, и вскоре их поиски привели к дому № 252 по Фултон-стрит, в котором на 5-м этаже располагалась студия Эмиля Р. Голдфуса». От жильцов ФБР узнало, что Голдфус исчез с конца апреля, примерно в тот же день, когда Хейханен отправился во Францию, где он добровольно явился в американское посольство и попросил политического убежища. За домом № 252 было установлено постоянное наблюдение. Длительное безуспешное наблюдение за домом, очевидно, притупило бдительность сотрудников ФБР, и они не заметили, как Марк зашел в свою фотостудию, где ему нельзя было появляться. Когда в его комнате загорелся свет, то со стационарного поста на 12-м этаже отеля «Турэйн» (напротив дома № 252) наружным постам последовала команда вести более тщательно слежку за находившимся в ателье человеком. Соблюдая меры предосторожности, наружное наблюдение довело Марка до отеля, где его секретно сфотографировали, а затем арестовали…

159

Под этой фамилией Р. И. Абель проживал в различных гостиницах США

Головин И. Н. Кульминация. Препринт ИАЭ—4932/3. М., 1989.

161

Ракетный двигатель Сталина— так одни называли тогда атомную бомбу, другие расшифровывали это как «Россия делает сама».

162

Зернов Павел Михайлович родился в 1905 году во Владимирской области. В 1933 году с отличием закончил МВТУ имени Баумана, защитил кандидатскую диссертацию. С 1939 года и до окончания войны — заместитель наркома танковой промышленности, с 1946-го — директор КБ-11 (Арзамас-16), с 1950 года-заместитель министра Минсредмаша СССР. Генерал-лейтенант. Умер в 1964 году,

163

Через девять с половиной лет за примерное поведение в тюрьме Фукс был досрочно освобожден. Ему предложили тогда поселиться в Советском Союзе, сказали, что Берия уже расстрелян, но он все равно отказался и вылетел на жительство в Восточный Берлин, решив в свои сорок восемь лет начать жизнь с чистого листа. Женился, стал членом Академии наук ГДР и заместителем директора Института ядерной физики, членом ЦК СЕПГ и лауреатом Государственной премии. В 1968 году в составе научной делегации он посетил СССР. Тогда же с ним встретился Л. Р. Квасников. Он пригласил его с женой приехать в следующий раз на отдых, но в связи с уходом советского разведчика на пенсию про приглашение и вообще о Фуксе забыли. В феврале 1988 года Клаус Фукс умер. И лишь после смерти он был награжден единственным советским орденом Дружбы народов.

Гарри Голд был осужден на 30 лет тюремного заключения. В 1966 году был досрочно освобожден, жил в Филадельфии. В 1972 году скончался от сердечного приступа.

165

Джулиус Розенберг.

Москва.

167

CCCP.

Когда состряпанные в ФБР от имени Дэвида Грингласса материалу были представлены в суд, то выяснилось, что их содержание даже при очень большой натяжке нельзя отнести к категории информации, составляющей государственную тайну, что их автор не имел доступа к сведениям, связанным с так называемыми атомными секретами, что профессиональными познаниями в области ядерной физики он вообще не обладал. Видный американский ученый русского происхождения Джордж Кистяковски (Георгий Богданович Кистяковский), возглавлявший отдел Лос-Аламосского исследовательского центра, в мастерской которого работал Дэвид Грингласс, сказал тогда так: «Ценность для СССР сделанных Гринглассом набросков бомбы равна нулю…» Его мнение подтвердил другой участник создания американского атомного оружия, известный физик Виктор Вайскопф. Он назвал набросок Грингласса «ничего не стоящим детским рисунком…».

169

Розенберги не имели никакого отношения к секретам американского ядерного оружия. В процессе следствия и суда не было доказано ни одного факта сбора или хранения ими секретной информации по атомной бомбе, не было представлено на суде ни одного материального носителя подобной информации — документов или их копий, негативов или фотографий. Да, Джулиус Розенберг был завербован советской разведкой, но его жена Этель — домашняя хозяйка и мать двоих маленьких детей не могла представлять оперативного интереса, хотя она действительно знала, что ее муж работает на Советский Союз. Точно так же не имела она ничего общего и с «подрывной антиамериканской деятельностью». Просто-напросто ФБР нужны были козлы отпущения, на которых можно было бы свалить вину контрразведки, не сумевшей в свое время выявить шпионскую сеть по «Манхэттенскому проекту», и, как сказал потом известный американский юрист Р. А. Киной, «суд над Розенбергами был краеугольным камнем плана, одним из основных авторов которого был сенатор Джо Маккарти, направленного на нагнетание в стране обстановки истерии (…). Призрак «атомных «шпионов» (…) должен был стать сигналом к «охоте на красных» (…). Радикалы, выступавшие против «холодной войны», были представлены шпионами либо русскими агентами (…). Людям внушалось, будто выживание Америки требовало чрезвычайных мер…». Розенберги на суде держались мужественно и стойко, даже объявленная в 1951 году смертная казнь не сломила их воли. Два последующих года ФБР пыталось добиться их признания и выдачи сообщников, но вынудить их к этому не удалось. За две недели до казни в заявлении Розенбергов говорилось: «Мы торжественно раз и навсегда заявляем, что даже под угрозой смерти нас не удастся заставить пойти на лжесвидетельство. Истина, совесть и человеческое достоинство не продаются…» Два года шли протесты и апелляции со всего мира, только президенту Эйзенхауэру поступило свыше 200 000 писем и телеграмм с просьбой «предотвратить непоправимое», но и он не внял голосу разума. И все потому, что власти США очень уж хотели запугать казнью Розенбергов тех, кто продолжал работать на советскую разведку. За час до казни Этель нацарапала на клочке бумаги свои последние слова: «Я оплакиваю себя, мертвую, но ведом ли им тот пламень, что спалит мой мозг и грудь?» 19 июня 1953 года супруги Розенберги, трогательно любившие друг друга и двоих своих крошечных мальчишек,

обреченных на сиротство, были посажены на электрический стул. В том, что смертный приговор не соответствовал вине Розенбергов, особенно Этель, свидетельствовала публичная казнь в нью-йоркской тюрьме Синг-Синг. Видимо, эта казнь была противна самому Богу, иначе чем объяснить, что после разряда в две тысячи вольт Этель была еще жива? Потребовались второй разряд и третий, когда в 20 часов 16 минут, на десять минут позже мужа, она была объявлена мертвой…

170

Эта организация возглавила в США сбор подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомной бомбы, в котором прямо говорилось: «Эта бомба — не оружие войны, а средство массового истребления. Применить ее — значит попрать все нормы морали…»

Как впоследствии оказалось, ФБР не сумело установить причастность Луиса и Лесли к шпионажу в пользу СССР, но законы разведки таковы, что при возникновении даже малейшей опасности разоблачения советский разведчик или агент должны выводиться из-под удара, чтобы обезопасить не только себя, но и Других, возможно связанных с ними ценных источников информации.

Франция.

Эти меры безопасности, направленные на сохранение Луиса и Лесли для советской разведки, с одной стороны, оказались излишними: даже будучи арестованными в Англии, они не назвали ни одной фамилии и ни одного факта по «атомному шпионажу», о чем будет сказано в последующих главах повести. С другой стороны, эта акция по их выводу помогла Р. И. Абелю продлить работу в США еще на семь лет и полностью обезопасить советскую нелегальную разведсеть в Америке.

174

Генерал-лейтенант Савченко Сергей Романович — заместитель председателя Комитета информации при МИД СССР, начальник I Главного Управления МГБ СССР (так называлась в 1947–1952 годы внешняя разведка). Умер в 1966 году.

175

В целях обеспечения полной конспирации разрабатывавшейся в Москве операции по выводу Луиса и Лесли из США псевдонимы их были изменены.

Встреча проводится по вызову одной из сторон заранее обусловленным сигналом для решения внезапно возникших неотложных вопросов.

177

Антипов Алексей Прохорович — резидент советской разведки в Мексике. Родился в 1907 году в Твери.

178

Громушкин Павел Георгиевич. В годы Великой Отечественной войны он изготовил документы для легендарного советского разведчика Николая Кузнецова на имя старшего лейтенанта Пауля Зиберта.

179

Нептуний.

180

Плутоний. Это название пришло к советским ученым-физикам лишь в 1944 году.

181

Гленн Теодор Сиборг— американский химик и физик, возглавлявший плутониевую часть «Манхэттенского проекта». За открытие плутония-239 удостоен Нобелевской премии.

182

Эмилио Сегре — итальянский физик-экспериментатор. В 1942–1947 годах работал в Лос-Аламосской лаборатории. Нобелевский лауреат.